ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

В.М. ШАТИЛОВ

А ДО БЕРЛИНА БЫЛО ТАК ДАЛЕКО...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая часть книги — ранее изданные воспоминания «На земле Украины», посвященные событиям первых четырех месяцев Великой Отечественной войны на Южном, а затем на Юго-Западном фронте, где автор был начальником штаба 196-й стрелковой дивизии. Во второй части — «А до Берлина было так далеко…» — автор рассказывает о славных боевых делах, высоком воинском мастерстве, мужестве и отваге воинов 182-й стрелковой Дновской дивизии в боях на Северо-Западном фронте с августа 1942 года по апрель 1944 года. Герой Советского Союза генерал-полковник В. М. Шатилов — автор широко известных мемуаров «Знамя над рейхстагом».

- В. М. Шатилов
  - Часть первая. На земле Украины
    - От мира к войне
    - Первый бой
    - С марша в наступление
    - Новые испытания
    - Вновь наступаем
    - «Запомнят фашисты село Межиречи»
    - На Черкасском плацдарме
    - На острове Королевиц
    - Во вражеском кольце
    - Кольцо окружения прорвано!
    - По тылам врага
    - Объятия друзей
  - Часть вторая. А до Берлина было так далеко…
    - Принимаю дивизию
    - Рамушевский коридор
    - В пургу
    - На главном направлении
    - Под Старой Руссой
    - Не пустили фашистов на шоссе
    - Стоим в обороне
    - Преследование
    - Салют Родины
    - К реке Великая
    - Атаки яростные те…
- notes
  - 1

В. М. Шатилов
А ДО БЕРЛИНА БЫЛО ТАК ДАЛЕКО…

Литературная запись Юрия Матюхина

Часть первая. На земле Украины

От мира к войне

Удивительны и трудно объяснимы свойства человеческой памяти. Она доносит до нас через толщу лет такие мельчайшие детали давно минувшего, что диву даешься. А иногда крупные события, которые, казалось, не могут быть забыты, фиксирует смутно или вообще не восстанавливает. Я прошел всю Великую Отечественную войну, участвовал во многих боях. Мне думалось: все, что видел и пережил за четыре года на пути к фашистской столице, затмит события первых дней войны.

Но вот сел я за эту книгу, и в памяти во всех подробностях встало воскресенье 22 июня 1941 года, день, который будто огненной чертой прошел через жизнь людей моего поколения. Я как бы вновь увидел лица моих товарищей, услышал их голоса, прочел в их глазах те же чувства и мысли, которые тогда захватили все мое существо: гнев и решимость, уверенность, что враг жестоко и скоро поплатится за свое вероломство.

Начало войны меня застало на Украине, в Днепропетровске, где я возглавлял штаб 196-й стрелковой дивизии. До мая 1941 года я служил в Риге начальником штаба 27-й отдельной легкой танковой бригады. Это соединение тогда переформировывалось в 28-ю танковую дивизию, и ее новый командир-полковник Иван Данилович Черняховский не хотел отпускать меня. Да и сам я, что называется, скрепя сердце оставил любимое дело: по специальности я танкист, в 1938 году окончил факультет моторизации и механизации Военной академии имени М. В. Фрунзе. К тому же теперь, когда бригада переформирована в дивизию и на вооружение стали поступать новые машины, работать было еще интереснее. Конечно, очень не хотелось расставаться и с Иваном Даниловичем, с которым успел подружиться. Черняховский до назначения на должность командира танковой дивизии возглавлял отдел боевой подготовки штаба Прибалтийского Особого военного округа. «Хозяйство» у него было большое, и он редко находился в штабе. Особенно часто бывал Иван Данилович у танкистов. Визиты Черняховского к «кожаным шлемам» объяснялись тем, что уже в то время он много размышлял о роли, которую предстоит сыграть танкам в будущей войне, и на учениях, к разработке замыслов которых частенько привлекал и меня, в беседах с танкистами проверял правильность своих выводов.

Бывало, на полигоне, когда мы оставались вдвоем, Черняховский неизменно возвращался к однажды начатому разговору.

— Ты понимаешь, Василий Митрофанович, — говорил он увлеченно, — какие колоссальные потенции заложены в крупных танковых соединениях! Я уверен: у нас будут и танковые корпуса, и танковые армии, и они станут решать не только тактические, но и оперативные, даже стратегические задачи. Как считаешь?

Он спрашивал и, каждый раз не дожидаясь ответа, продолжал развивать свою мысль:

— Надо лишь смелее предоставлять танкам самостоятельность, а не твердить упрямо, что без пехоты танкам каюк. Да ничего подобного! Пусть танки идут вперед не оглядываясь, выходят на оперативный простор, нарушают коммуникации противника, окружают его. Я уверен, что любой противник, даже самый опытный и искушенный, не очень-то уютно будет себя чувствовать, когда по его тылам будут гулять наши танковые соединения. Как считаешь?

Иван Данилович обычно во время такого разговора брал карандаш, чистый лист бумаги, и на нем появлялись стрелы воображаемых танковых рейдов. Черняховский был превосходным чертежником, и нельзя было не любоваться, как легко рождалась на глазах красивая и четкая схема операции.

Я наблюдал за своим собеседником и думал, откуда у деревенского парня, сына неграмотного крестьянина-батрака (Черняховский родился и вырос в селе под Киевом), такая смелость мысли, такой широкий кругозор? Только в нашей Советской стране умеют открывать истинные таланты и давать им дорогу.

Черняховский был человеком высокоэрудированным не только в военном деле. Он был начитан, любил поэзию, наизусть знал много стихов Пушкина, Гейне, Маяковского, следил за творчеством поэтической молодежи. О Викторе Гусеве говорил: «Свободно владеет стихом, И мелодичен. Главное, не в лоб пишет. Не люблю лобовую поэзию. Собственно, это и не поэзия». Восхищался Шолоховым: «Это непостижимо! Молодым, почти юношей, написать „Тихий Дон“! Какая глубина, какое знание народной жизни! Классик. То, что он пишет, надолго. На века».

Забегая вперед, скажу, что, когда Черняховский стал командующим 60-й армией, а затем возглавил 3-й Белорусский фронт, я ловил каждое сообщение о его боевых делах. Руководимые Иваном Даниловичем войска изгнали фашистов из Воронежа, отличились при форсировании Днепра и освобождении Киева, во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом вызволили из фашистской неволи Минск. Что говорить, дела, достойные истинного полководца!

Однако вернемся к моему рассказу. Как ни жаль было

расставаться и с танкистами, и с их новым командиром и моим другом полковником И. Д. Черняховским, пришлось уезжать. Причина на то была уважительная. Врачи категорически потребовали, чтобы жена моя, Варвара Ефимовна, сменила климат. Сырая прибалтийская погода вызвала серьезное заболевание легких. А я не мог не считаться со здоровьем жены и матери моих троих детей. Украина с ее мягким и относительно сухим климатом была как раз тем местом, где силы жены могли быстро восстановиться. Командование вошло в мое положение, тем более что во вновь сформированную в Днепропетровске 196-ю стрелковую дивизию требовался начальник штаба.

Теперь, когда от войны нас отделяют многие годы, вспоминая минувшее, особенно явственно видишь: партия и правительство были уверены в неизбежности военного столкновения с фашизмом и готовили страну к этому. У западных границ, вблизи будущего театра военных действий, развертывались новые соединения Красной Армии. Одним из них и была 196-я Днепропетровская стрелковая дивизия.

В весеннем, утопающем в садах и парках Днепропетровске совсем не чувствовалось приближения войны. Люди были заняты сугубо мирными делами: варили сталь, строили дома, нянчили детей, собирались в летние отпуска — кто на море, кто в деревню или на дачу, и на мое бронзовое от загара лицо глядели не без зависти. Дело в том, что в апреле, когда вопрос о переводе на Украину был решен, в медотделе округа мне вручили путевку в санаторий имени К. Е. Ворошилова, и почти месяц я «коптился» под сочинении солнцем.

Газеты — и центральные, и местные — писали о том, чем жила страна. Они сообщали о рекордах стахановцев, о подготовке к уборочной кампании, о предстоящих школьных каникулах. Я читал газеты, вслушивался в разговоры днепропетровцев и ловил себя на мысли: «А может, и в самом деле слухи о войне, которыми была полна приграничная Рига, — выдумка?» В Прибалтике настораживала определенность и конкретность этих слухов. В них назывались даже даты германского вторжения. Дело доходило до того, что в почтовые ящики агенты фашистской «пятой колонны» подбрасывали записки такого содержания: «Скоро придут немцы, и вы будете болтаться вместо фонарей на столбах».

Впрочем, слухи слухами, но и факты, от которых отмахнуться было невозможно, свидетельствовали, что события развиваются отнюдь не в сторону мира. Незадолго до отъезда на Украину я был в Каунасе. Там мы проводили командно-штабные учения. Дорога, по которой на автомобиле возвращался в Ригу, местами проходила рядом с границей. Помню, какой тревогой меня

обожгла догадка, когда я увидел на той стороне черные зигзаги на земле, слегка прикрытые ветками хвои.

— Окопы! — вслух подумал я. В бинокль хорошо просматривались артиллерийские позиции, наблюдательные пункты.

К чему бы все это? Проводить учения возле самой границы — глупо. Значит, готовятся к войне. Но как же договор о ненападении? Последнее не очень успокаивало: мы уже видели, как в Берлине умеют рвать международные соглашения.

С твердой уверенностью, что время не ждет, что надо спешить, что дорог каждый месяц и каждый день, я и приступил к исполнению обязанностей начальника штаба. Дивизия была полностью укомплектована людьми, однако процесс ее вооружения и экипировки еще не завершен: не хватало грузовых машин, артиллерии, станковых пулеметов и другой боевой техники и снаряжения. Но главная задача заключалась в том, чтобы в сжатые сроки научить людей успешно действовать в современном бою, сколотить подразделения, наладить их взаимодействие, превратить штаб в орган квалифицированного и оперативного руководства частями и подразделениями.

Разумеется, эту главную задачу понимал и ею жил не только я один, но и весь командный и политический состав дивизии. В первый же свой приезд в летние лагеря, куда к этому времени перебралась дивизия, почувствовал, что окунулся в обстановку, в которой люди дорожат каждой минутой. В частях шла четко организованная боевая учеба: проводились тактические занятия, стрельбы, по ночам звучали сигналы тревоги, совершались длительные переходы. Парад, который командование корпуса 15 мая провело в дивизии в связи с началом летнего периода обучения, показал, что выучка подразделений растет день ото дня. Но он показал также, как еще много надо работать, чтобы люди, которые совсем недавно надели красноармейские шинели, стали настоящими солдатами.

Меня сразу же окружили бесчисленные и разнообразные дела и заботы, которые бурным потоком хлынули в штаб. Я объезжал части, знакомился с командирами, с ходом боевой учебы. Сопровождал меня в этих поездках майор Михаил Иванович Карташов, начальник оперативного отделения и по штатному расписанию мой заместитель. Михаил Иванович, кадровый офицер, в дивизии с первого дня ее формирования, знал все и вся. Память у него была превосходная, характеризовал он штабных работников и командный состав частей немногословно, по всегда подмечал самое главное. Например, о начальнике артиллерии дивизии полковнике Иосифе Иосифовиче Самсоненко, который

вскоре стал моим другом, он сказал: «Специалист высшего класса. Работящий. Артиллеристы в нем души не чают. Понуканий не требует. Скажешь — сделает. Можешь не проверять. Красную Звезду в мирное время не всякому дают. Самсоненко в прошлом году награжден этим орденом».

Совершенно иной была характеристика на командира 884-го стрелкового полка майора И. Г. Третьяка: «Деятелен. Но есть в его активности что-то показное, рассчитанное на эффект, на желание пустить начальству пыль в глаза. Хотя дела у него идут неплохо и он на хорошем счету, но я ему не особенно верю. Присмотритесь к нему повнимательнее. Быть может, я пристрастен и ошибаюсь». Должен сказать, что впоследствии жизнь показала, что Карташов был прав. В трудную минуту, когда на полк Третьяка под Медвином навалились танки и пехота противника, он проявил малодушие и бросил своих бойцов на произвол судьбы, покинув поле боя. Да, то, что заложено в характере человека, рано или поздно выплеснется наружу.

Других командиров частей Карташов характеризовал только с хорошей стороны, подмечая, разумеется, особенности характера каждого. О командире 893-го стрелкового полка майоре Н. К. Кузнецове он сказал: «Этот мало говорит, зато много делает». Впоследствии я убедился: сказано точно. Кузнецов производил впечатление человека, который сначала подумает, затем скажет. Он редко высказывал категорические суждения, но если однажды высказывал, то уж от них не отступал.

Личное, хотя и не продолжительное знакомство с майором М. И. Головиным, командиром 863-го стрелкового полка, командирами 25-го пушечного артполка майором С. С. Керженевским и 739-го гаубичного майором А. Д. Георгибиани убедило, что народ и вправду подобрался отличный. Подумалось, что с такими командирами можно хорошо сработаться.

По правде сказать, насторожила встреча с комдивом генерал-майором Константином Ефимовичем Куликовым. Его немного шокировало то обстоятельство, что начальником штаба полнокровной дивизии назначили всего-навсего майора, к тому же не имеющего боевого опыта. То, что я в сентябре 1939 года участвовал в освободительном походе в Западную Украину, в счет, разумеется, не шло. Этот поход прошел без сражений и боев. Куликов, не скрывая своего удивления, даже разочарования, спросил:

— Странно, не правда ли, майора назначать начштадивом? Ведь вам придется командовать и полковниками. Не растеряетесь?

Я был озадачен подобным вопросом и только ответил, что начальству вышестоящему виднее и что постараюсь наладить деловые отношения с командирами штаба и частей независимо от их званий. И думается, что мне это удалось. Во всяком случае, за все время службы в 196-й дивизии из-за моего воинского звания не было ни одного случая осложнений или обид. Когда к людям предъявляются справедливые уставные требования, когда интересы службыставятся на первый план, конфликты исключены. А именно так я и старался поступать.

…Ранним утром 22-го меня разбудил настойчивый стук в дверь маленького лагерного домика.

— Товарищ майор, вас срочно вызывает в штаб командир дивизии, — услышал я голос запыхавшегося от бега связного.

Через несколько минут я узнал о начале войны. Не ошибка ли это? Но ошибки не было. Это война, приход которой все ждали и которая все же подкралась неожиданно.

Прошли считанные секунды, и над спящим еще мгновение назад белопалаточным городком поплыли тревожные звуки трубы. Вначале люди приняли тревогу за учебную, и в шуме, который был вызван подъемом и сбором, звучали веселые нотки. Но как только в лагере узнали о нападении фашистов, все изменилось. Вмиг посуровевшие красноармейцы и командиры занимали места в строю…

В полдень мы слушали выступление по радио Народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, который по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства сообщил о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. В частях после этого прошли митинги. Выступавшие бойцы и командиры говорили о том, что не пожалеют жизни за свою Родину, отдадут все силы на разгром врага. И все выступавшие просили командование как можно скорее направить дивизию на фронт.

И словно угадав паше настроение, через несколько часов командование Одесского военного округа распорядилось: части дивизии сосредоточить в Днепропетровске, приготовиться к погрузке в железнодорожные эшелоны.

Лагерь был свернут в считанные часы. По дороге, ведущей к городу, на несколько километров вытянулась колонна: люди, автомашины, тягачи, артиллерия, хозяйственные повозки. Внезапно испортилась погода, подул ветер, полил дождь. Стокилометровый переход до Днепропетровска занял чуть больше суток, люди устали, но шли мы почти без привалов, торопились скорее на помощь тем, кто уже вступил в бой с ненавистным врагом.

Город, вчера еще шумный, оживленный, принимал военный облик. Кресты из белой бумаги на оконных стеклах, посуровевшие лица прохожих. По ночам улицы погружались в темноту, строжайше соблюдалась светомаскировка. Когда мы приехали на железнодорожную станцию, там царило оживление. Почти непрерывно шли на запад эшелоны с войсками и боевой техникой, из открытых вагонных окон, из распахнутых дверей теплушек вырывались и летели вокруг любимые в те годы песни: «Дан приказ ему на запад», «Краснознаменная Дальневосточная, даешь отпор», «Выходила на берег Катюша», «По военной дороге шел в борьбе и тревоге»…

Песни, как и солдаты, шли на войну…

Началась горячая пора подготовки частей дивизии к отправке на фронт. Мы потеряли счет времени, дни и ночи слились воедино, спали урывками, забывали порой поесть.

Не простое и хлопотное это дело — сборы в дальнюю дорогу. Кажется, какое у солдата имущество: винтовка да вещевой мешок. А когда этих винтовок да мешков 17 тысяч, тогда как? И потом, солдату на войне никак не обойтись только тем, что находится в его походном ранце. Ведь надо его трижды в день накормить, обеспечить боеприпасами для боя, оказать медицинскую помощь, если он будет ранен или заболеет! Для этого же необходимо поднять с обжитого места и развернуть в полевых условиях склады, мастерские, пищеблок, медицинские учреждения и другие тыловые службы. Хотя на сей счет были рекомендации в уставах, но уставы не могли дать совет на все случаи жизни, а она, жизнь, оказалась гораздо сложнее, чем думалось. Здесь нужен большой опыт, а у нас его еще не было. Вот и приходилось действовать, как говорят, по интуиции, на ощупь.

Но, так или иначе, трудности были преодолены, дивизия со всем ее хозяйством погрузилась в эшелоны. До свидания, город на Днепре!

Нам предстояло выдвинуться в район западнее Рахны и поступить в распоряжение командующего 18-й армией генерал-лейтенанта Смирнова.

Управление дивизии отправлялось одним из первых эшелонов — для обеспечения перевозки на фронт оставшихся подразделений была создана из офицеров штаба небольшая оперативная группа. День выдался теплый и ясный, и не верилось, что где-то идет война, льется кровь и дым застилает залитую летним солнцем землю.

Подали эшелоны, и тотчас же возле вагонов образовались людские островки. Это матери, жены, дети, невесты пришли проводить своих мужей, сыновей, родителей, женихов. Последние

слова, последние напутствия перед дорогой. Мы с женой Варей стояли в тени деревьев пристанционного скверика и говорили о чем-то несущественном. Я чувствовал, что жена готова разрыдаться, но всеми силами сдерживалась. «Я положила в чемодан еду, ты не забудь поесть, говорила она, и голос ее дрожал. — Ну и еще: черкни с дороги, что жив и здоров». Я обещал все это непременно сделать, понимая, что она думала о моей фронтовой судьбе. Я же мысленно представлял, как трудно будет жене с тремя маленькими детьми: Светлане — десять, Володе — семь, Саше — два года…

Но вот пронеслась команда: «По вагонам!», загудел паровозный гудок, и эшелон тронулся. Люди пошли, затем побежали вслед, плакали, что-то кричали, махали платками. Я вскочил на ступеньки вагона и неотрывно смотрел на Варю.

Впереди были четыре года разлуки…

Замелькали за вагонным окном белые хаты и свечи тополей, раскинувшиеся до горизонта поля набиравших силу хлебов, высоковольтные мачты электропередачи, шагавшие через степь. Я смотрел на знакомый мирный пейзаж и думал: «Неужели эту землю опалит война?»

Попутчиком по купе был полковник Иосиф Иосифович Самсоненко. Обычно общительный и веселый, он был сейчас сосредоточен, угрюм и молчалив. Очевидно, сильно переживал разлуку с семьей. Я понимал его состояние и не приставал с лишними разговорами.

Ночью ехали с погашенными огнями. На железную дорогу налетали фашистские самолеты. Мы об этом были предупреждены и каждое мгновение ожидали бомбежку. Но лишь через несколько часов пути на станции Пятихатки впервые узнали, что это такое.

Немецкие самолеты — их было до десятка — появились над Пятихатками внезапно, и началась бомбежка. Несколько бомб упало в районе станции. Наши люди впервые оказались под огнем и вначале растерялись. Но вскоре пришли в себя, высыпали из вагонов и залегли вокруг. Сделали они это вовремя, ибо, сбросив бомбы, воздушные пираты на бреющем полете поливали пулеметным огнем вагоны. Среди бойцов дивизии раненых было мало, но пострадали беженцы, которые оказались в это время на вокзале. Я впервые увидел убитых детей и матерей, потерявших их. Какое это невыносимое зрелище!

И теперь перед глазами девочка лет семи с маленьким братиком на руках. Бойцы вынесли их из-под вагона, где они укрывались от фашистских самолетов.

— Где твоя мама? — спросил я.

— Мама ушла за водой еще до налета, а мы спрятались, — ответила девочка.

Ребенок, прижавшись к сестре, молчал, а девочка плакала и испуганно смотрела на нас. Я попросил начальника станции забрать детей, помочь им разыскать мать, а нам надо было ехать дальше.

После Пятихаток до самой Рахны — места назначения — эшелон шел без остановки и не попадал под бомбежки. Правда, сигнал воздушной тревоги звучал неоднократно, но фашистские самолеты пролетали мимо, вероятно, возвращались с задания, израсходовав бомбовый запас.

Первая встреча с воздушным противником выявила пробелы в подготовке личного состава дивизии. То, что во время бомбежки бойцы суетились, не зная, что делать, объяснялось их необстрелянностью. Беда эта неизбежная и временная. Попадут бойцы еще раз-другой под бомбежку — и перестанут шарахаться от свистящей сверху бомбы. Но когда крупнокалиберные зенитные пулеметы бьют по низко летящим самолетам противника — «в белый свет, как в копеечку», — это не может не настораживать и не тревожить. На совещании штабных работников я обратил внимание на это обстоятельство и приказал майору Карташову связаться с командирами частей и проинформировать их о совещании.

Очень важно было дать понять полкам, что штаб не теряет нитей управления, внимательно следит за развитием событий. А поведение бойцов во время первой бомбежки и было поводом, чтобы напомнить об этом.

* * *

В ночь на 3 июля дивизия под покровом темноты высадилась из эшелонов и сосредоточилась западнее Рахны. Вековой лес укрыл дивизию от глаз фашистских летчиков, старательно разведывавших места расположения советских войск. Тотчас же я связался с начальником штаба 18-й армии генерал-майором В. Я. Колпакчи и получил приказ утром прибыть к нему с докладом.

Командный пункт 18-й армии располагался в небольшой деревушке, километрах в десяти от штаба нашей дивизии. Владимира Яковлевича Колпакчи я видел впервые, однако был немало наслышан о нем. Знал, что он начал службу в старой армии, в составе красногвардейского отряда штурмовал Зимний дворец, активно участвовал в гражданской войне, в подавлении

контрреволюционного мятежа в Кронштадте, отличился в боях с басмачами в Средней Азии. В 1936–1938 годах сражался в рядах бойцов республиканской Испании против фашистов под Мадридом и в Валенсии. Вот как много довелось пережить Владимиру Яковлевичу в свои неполные сорок два года.

Меня поразила внешность Колпакчи: черные как смоль волосы и светло-серые глаза, плотно сжатые волевые губы и тихий, приятный голос. Генерал был спокоен, не было заметно, что он подавлен или раздражен, хотя, как я узнал вскоре, в тех условиях оставаться таким было не очень-то просто.

Б начале июля обстановка на Южном фронте сложилась довольно тревожная. Наши войска вели тяжелые оборонительные бои, ценой невероятных усилий сдерживали наступление превосходящих сил противника. Фашистское командование вводило в сражения все новые и новые механизированные соединения. На участке 18-й армии противник создал двойное превосходство в пехоте и тройное в танках. Колпакчи особенно тревожился за правый (фланг армии.

Кратко обрисовав обстановку, сложившуюся на фронте и в полосе армии, Владимир Яковлевич передал приказ командарма генерал-лейтенанта А. К. Смирнова: дивизии занять оборону на рубеже Татарский, Попелюхи, Лучинки, совхоз Хреновок с задачей остановить здесь наступление противника. Вероятно, читателю мало что скажут названия этих населенных пунктов. И Татарский, и Попелюхи, и Лучинки, и Хреновок — обыкновенные украинские села. Большинство воинов дивизии до июля 41-го даже не подозревали об их существовании. Теперь же они навсегда входили в их жизнь: ведь здесь предстояло принять первый бой. От Татарского до Хреновка — пятнадцать километров. Эти пятнадцать километров мы и были обязаны превратить в непреодолимый рубеж, а для этого вгрызться в землю, создать прочную оборону на глубину до двенадцати километров. И сделать это надо было быстро: противник мог появиться в любую минуту.

Я поспешил от генерала Колпакчи в штаб дивизии. Когда вернулся туда, увидел командиров частей: они сидели у «зеленого кабинета», как мы в шутку назвали шалаш, в спешном порядке сооруженный для комдива.

Генерал-майор К. Е. Куликов ждал моего возвращения, чтобы принять окончательное решение на предстоящий бой. Собственно говоря, решение в общем-то у него созрело, оставалось лишь уточнить детали: из штаба армии я позвонил ему и доложил о полученном приказе. Голова у комдива ясная, дело он свое знал. За плечами был опыт двух войн: первой мировой и гражданской.

До революции К. Е. Куликов служил в Павловском гвардейском полку, а когда победила Советская власть, сразу же встал на ее сторону, в 1918 году вступил в Коммунистическую партию в Красную Армию. Куликов отважно сражался с беляками, отличился в боях и был за это награжден орденом Красного Знамени.

Константин Ефимович был человеком, действовавшим только строго по уставу. Наверное, сказывалась служба в гвардейском полку. Обычно на служебных совещаниях он держал в руке то Устав внутренней службы, то Боевой устав пехоты, в зависимости от содержания рассматриваемого вопроса, и подкреплял свои указания ссылками на соответствующие параграфы. Вспомнив об этом обычае генерала, я подумал: «Неужели и теперь он станет заглядывать в устав? Ведь на войне неизбежно многое изменится!» Но Константин Ефимович, когда в «зеленом кабинете» собрались командиры полков, в устав не заглянул. Надо отдать ему должное: он умел мыслить творчески, принимать решение, исходя из обстановки. И это подтвердил его первый боевой приказ, отданный 4 июля 1941 года.

Первый бой

Личный состав дивизии в те суровые июльские дни жил под впечатлением выступления по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Когда 3 июля после ночного марша подразделения дивизии располагались в лесу западнее городка Рахны и радисты развернули штабную радиостанцию, И. В. Сталин уже произнес свою речь. Но московское радио в течение дня несколько раз передавало текст выступления, и мы прослушали и записали основные тезисы речи.

Шел тринадцатый день войны, о ней мы непрестанно думали, жили ею, ежедневно утром и вечером читали в газетах или слушали по радио сводки положения на фронтах. Тем не менее никто из нас не представлял ни масштабов происходящего, ни всей глубины опасности, которая нависла над страной. По поручению Политбюро ЦК партии Сталин сказал правду, суровую и горькую. Еще до 3 июля мы в глубине души таили надежду, что вот-вот в действие вступят главные силы Красной Армии и все переменится. Враг будет остановлен, затем обращен в бегство и разбит. Но, прослушав речь, мы поняли, что война будет длительной, потребует предельного напряжения всех сил и средств, больших жертв.

Мы искали и находили в обращении партии ответ на вопрос: что делать? Отстаивать каждую пядь советской земли, биться до последней возможности, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу, — вот что требовалось от нас, командиров и красноармейцев.

Политработники и коммунисты немедленно пересказали в подразделениях содержание речи Сталина, разъяснили, какие надежды возлагает партия и народ на Красную Армию. В ротах и батальонах прошли митинги и собрания.

Все эти мероприятия подняли настроение бойцов. Люди рвались в бой, хотели побыстрее встретиться с ненавистным врагом. А эта встреча была не за горами…

По указанию генерала Куликова я собрал командиров полков, и мы провели рекогносцировку. Дивизия занимала оборону, как уже говорилось, на фронте 15 километров и в глубину почти на 12 километров. В полосе обороны примерно 70 процентов местности занимал лес. Это давало нам, обороняющимся, заметные преимущества, ибо лес лишал фашистские танки и мотопехоту свободы маневра. Они вынуждены были действовать на сравнительно узком участке. Мы же имели возможность заблаговременно организовать противотанковую оборону на

опушке леса, вблизи дорог, причем орудия поставить для стрельбы прямой наводкой. В лесу мы могли расположить в относительной безопасности тылы, скрытно сосредоточить резервы. Боевые порядки дивизии по решению комдива строились в два эшелона, причем особое внимание мы обращали на обеспечение флангов.

Ночью полки вышли на отведенные им участки обороны и с рассвета приступили к инженерным работам: отрывали окопы, оборудовали огневые позиции и наблюдательные пункты. День был погожий, ярко светило солнце, над землей плыл густой аромат поспевавших хлебов, а из леса тянуло прохладой и доносилось разноголосье птиц. Меня не покидало странное чувство: казалось, что я нахожусь не на войне, а на маневрах и организую не настоящий, а учебный бой, каких за свою службу организовывал множество. Все в это июльское утро я старался делать так, как когда-то учили меня преподаватели в академии: обстоятельно, последовательно, методично, благо противник пока не появлялся.

Дивизионная разведка в течение ночи непрерывно прочесывала прилегавшую к полосе обороны местность. Разведчики докладывали, что впереди все пока спокойно. Правда, в одной из частей распространился слух о появлении в нашем тылу танков противника, но командиры и политработники решительно пресекли их. Должен заметить, что делать это было совершенно необходимо. В первые дни войны, когда обстановка не всегда была ясной, муссировалось много ложных слухов о «танковых клиньях» немцев, о появлении в тылу их крупных механизированных соединений и т. п. Такие слухи подрывали боеспособность и порой вызывали панику. В нашей дивизии с первых же фронтовых дней мы не только решительно пресекали подобные слухи и привлекали к ответственности тех, кто их распространял, но и сурово взыскивали с того, кто легко принимал их на веру. Помню, во время одного из боев состоялся у меня довольно крутой разговор с командиром стрелкового полка.

Встретил он меня взволнованный, даже растерянный:

— Товарищ майор, южнее села Попелюхи фашисты прорвали нашу оборону и обходят левый фланг дивизии…

У меня были точные сведения, что противник в этом районе не появлялся, и поэтому, выслушав доклад командира, я «уносил его, проверил ли он то, о чем говорит. Оказалось, что не проверил. Я тотчас в присутствии этого командира вызвал начальника дивизионной разведки капитана Никифора Зиновьевича Трунова и приказал выслать в район села Попелюхи группу разведчиков. Вскоре они вернулись и подтвердили, что

слухи были ложными. Командир полка, по его же признанию, получил наглядный урок на всю жизнь.

Однако вернемся к событиям первых дней июля. Руководящий состав штаба и политотдела дивизии дневал и ночевал в частях. Вместе с дивизионным инженером Иваном Михайловичем Стыковым я много времени провел в 884-м стрелковом полку, соседом которого был 863-й полк. Свою задачу мы видели прежде всего в том, чтобы помочь командирам полков надежно прикрыть стыки. С этого, собственно, и начали. С командирами полков на местности отработали вопросы взаимодействия, проверили, как для усиления стыка от каждой части установлены на прямую наводку по батарее полковых пушек, как организовано инженерное обеспечение. Когда положение на стыке уже не вызывало беспокойства, мы обошли оборону полка, посмотрели, как бойцы готовятся к предстоящему, бою. Командиры и красноармейцы знали, что бой не за горами, и старались вовсю.

Однако одно обстоятельство меня насторожило и встревожило. Стрелки рыли окопы на значительном расстоянии друг от друга. Конечно, это безопаснее. Если снаряд попадет в расположение взвода, даже отделения, большого вреда это не принесет, люди останутся целы. Но как взводный или отделенный будут управлять действиями своих подчиненных, руководить боем? Решил провести такой эксперимент.

— Подайте команду: „Все ко мне!“ — приказал я совсем юному, должно быть, только что прибывшему из училища лейтенанту.

— Взвод, слушай мою команду! — У лейтенанта неожиданно оказался густой и зычный бас. — Бегом ко мне!

Тотчас же к окопу взводного поспешили несколько бойцов, расположившихся по соседству с ним. На других команда не произвела ни малейшего впечатления. Они просто ее не услышали и продолжали заниматься своим делом. Напрасно лейтенант повторял ее, сопровождая энергичной жестикуляцией.

— Успокойтесь, лейтенант, — сказал я, — соберите бойцов через посыльного. А пока они соберутся, порассуждаем, подумаем. В бою и вы будете стрелять, и противник. Станет бить артиллерия, минометы, пулеметы, пойдут танки, в небе загудят самолеты. Словом, слышимость уменьшится в несколько раз. Как же вы будете командовать красноармейцами, если теперь, когда никто не стреляет и стоит относительная тишина, они не услышали вас? Наверное, надо бойцов расположить иначе, собрать взвод в кулак и отрыть одну взводную траншею. Риск от этого, конечно, возрастет, но на войне без риска нельзя. Вы

согласны, товарищ лейтенант?

Лейтенант, видимо ожидавший разноса от начальства, весело доложил:

— Есть, товарищ майор, отрыть одну общую траншею. Разрешите выполнять?

У пулеметчиков мы обнаружили другую ошибку. Командир роты расположил все три пулеметных взвода на одной высотке. Достаточно было нескольких снарядов и от роты осталось бы одно воспоминание. Пришлось и здесь внести коррективы.

Зато обрадовали артиллеристы 725-го пушечного полка, к которым мы с дивизионным инженером добрались уже под вечер. Командир полка майор Степан Семенович Керженевский, высокий, подтянутый, с орденом Красного Знамени на гимнастерке (он отличился в войне с белофиннами), и внешне уже вызывал к себе симпатии. Но главное, он превосходно знал свое дело, отлично организовал оборону. Обходя огневые позиции, мы увидели, что здесь все было готово к встрече противника.

Местность, лежащая перед артиллеристами, была ровной: ни оврагов, ни высоток, ни речек. Было весьма вероятно, что именно здесь и пойдут фашистские танки. Керженевский так расположил орудия, что немецкие танки, если они сунутся сюда, неминуемо попадут под перекрестный артиллерийский огонь. Все данные для стрельбы на батареях были подготовлены и выверены: установлены расстояния, определены прицелы. Ни одной минуты времени артиллеристы даром не теряли: еще и еще раз отрабатывали взаимодействие, тренировались быстро переносить огонь, переходить на запасные позиции, оборудование которых также было завершено.

Простившись с майором Керженевским и его артиллеристами, мы отправились в боевое охранение. Я всегда помнил мысль, которую настойчиво внушали нам, слушателям академии имени М. В. Фрунзе, ее профессора: половина успеха в оборонительном бою — это хорошо поставленная служба боевого охранения. Его назначение — лишить противника фактора внезапности, заставить врага развернуть раньше времени боевые порядки, позволив тем самым своим главным силам изготовиться к бою, во всеоружии встретить наступающие вражеские подразделения.

В боевое охранение была выделена рота батальона капитана Ивана Макаровича Шадского. Я хорошо знал этого исполнительного и инициативного командира, его прекрасные организаторские качества и был уверен, что он подготовит подчиненных к бою наилучшим образом. И не ошибся. Капитан,

находившийся с ротой, расположил ее на высотке. Отсюда открывался хороший обзор местности. Люди успели зарыться в землю. Минеры хлопотали на дорогах перед передним краем, устанавливали противотанковые и противопехотные мины. Работали они, по словим Шадского, чисто, „косметику“ наводили идеальную: определить, где поставлены мины, было трудно.

Во время обхода частей мы видели, как напряженно трудятся политработники дивизии во главе с военкомом старшим батальонным комиссаром Д. С. Чечельницким. В ротах и батальонах проводились беседы об особенностях оборонительного боя, способах борьбы с танками и самоходными орудиями противника.

В дивизионной и армейской газетах — доставку их наладил политотдел печаталось много сообщений о подвигах и высоком боевом мастерстве красноармейцев и командиров: пехотинцев, летчиков, танкистов, пограничников, моряков, артиллеристов. Помню, как всех нас взволновало сообщение о незабываемом подвиге летчика капитана Николая Гастелло, направившего свой горящий самолет на вражескую колонну танков и цистерн. Информация о беспримерной храбрости и мужестве советских воинов доводилась до каждого красноармейца и командира дивизии.

Между тем шли дни, а противник перед фронтом обороны дивизии не появлялся. Выдавшееся затишье мы энергично использовали для совершенствования обороны. Но вот на седьмой день пребывания дивизии под Рахнами появились первые признаки того, что наступающие немецкие войска приближаются и вот-вот нам придется вступить в бой. Ранним утром 9 июля в штаб дивизии прибежал взволнованный колхозник из села Лучинки и сообщил, что на рассвете гитлеровские самолеты сбросили группу парашютистов, которые укрылись в пшенице.

Я тотчас же приказал капитану Н. З. Трунову выслать в село Лучинки своих разведчиков, прочесать пшеничное поле и захватить парашютистов. Поскольку штабу, как говорится, до зарезу был нужен „язык“, а его нашим разведчикам пока взять не удавалось, я тоже отправился с Труновым в Лучинки, надеясь на месте допросить парашютистов, в случае если их удастся взять. На окраине села мы увидели большую группу вооруженных людей. В руках у одних ружья, у других топоры или колья. Люди были взволнованы и что-то громко обсуждали.

— Что здесь происходит? — спросил я, подъехав.

Люди замолчали, расступились, а бородатый старик молча показал на лежавшие на земле трупы двух фашистских парашютистов. Старик виновато посмотрел на меня и сказал:

— Плохо вышло, товарищ начальник. Конечно, надо было бы живьем. Сам в солдатах служил, понимаю. Они, может, что-то важное сказали бы. Но не сдавались, гадюки!

В тот же день над передним краем обороны дивизии появился немецкий самолет-разведчик. Он долго барражировал над нашими позициями, очевидно фотографируя их. И увлекся. Зенитчики артиллерийского дивизиона взяли пирата в огненное кольцо, постепенно сужая его. Я в тот момент возвращался из штаба армии, куда ездил с докладом о готовности дивизии к бою, и стал очевидцем этого эпизода. Серые облака разрывов вспыхивали и таяли возле самолета. Но вот его подбросило кверху, затем он накренился и, оставляя за собой черный шлейф дыма, стал стремительно падать и через несколько секунд врезался в землю.

Мгновенно из укрытий выбежали бойцы, и окрестности огласились криками „ура“. Это был первый, пусть маленький успех дивизии, но он воодушевлял, он убеждал, что фашистов можно и должно бить. Такая победа особенно важна была перед первым боем.

Вместе с генералом Куликовым мы подъехали к месту падения самолета. Зенитчики уже извлекли из обломков тяжело раненного немецкого летчика. Он был без сознания, доживал последние минуты, и допросить его не удалось. Мы лишь изъяли кассеты с заснятой кинопленкой и планшет, в котором находилась карта местности. На нее летчик довольно точно нанес расположение наших подразделений. Это свидетельствовало о том, что мы мало позаботились о воздушной маскировке. Командование дивизии сделало необходимые выводы из этого эпизода, потребовав от подчиненных принять немедленные меры к тому, чтобы оборона не просматривалась с воздуха.

И, наконец, еще одно обстоятельство свидетельствовало о том, что скоро грянет буря. Во второй половине дня 9 июля капитан Трунов доложил, что перед передним краем на левом фланге дивизии появлялась группа фашистских офицеров. По-видимому, производили рекогносцировку.

— Не спугнули их? — спросил генерал Куликов.

— Ни в коем разе. Все разыграно, как задумано.

План наш состоял в том, чтобы возможно дольше не обнаруживать себя, не дать противнику возможности более или менее точно установить передний край и систему обороны дивизии, ее глубину, расположение огневых средств.

Не обнаружили мы себя и 12 июля, когда вражеская артиллерия открыла огонь по переднему краю дивизии, надеясь подавить наши огневые средства и проложить путь своей пехоте и

танкам. Противник не имел точных данных о системе нашей обороны и потому бил наугад. С начала артподготовки мы отвели подразделения на запасные позиции и тем самым свела на нет возможные потери.

Впоследствии, по моим наблюдениям, гитлеровские генералы редко начинали бой, не разведав силы советских войск, места их расположения. Тогда же, в июле 1941 года, вероятно, сказывалась уверенность фашистов в том, что Красная Армия деморализована, следовательно, можно пренебречь законами тактики, отступить от них. Самонадеянность фашистов в этот период многократно была наказана.

Однако расскажу по порядку, как развивались события. После того как артиллерия врага перенесла огонь в глубину обороны, появились танки. Они шли по пшеничному полю, держа дистанцию. На ходу танки вели огонь, но не прицельный, а больше для воздействия на психику обороняющихся.

За танками шла пехота. С наблюдательного пункта, откуда я следил за ходом боя, хорошо были видны цепи солдат в мышиного цвета мундирах. Они шли во весь рост, стреляя из автоматов.

Надо отдать должное выдержке наших бойцов. Кто был хоть однажды в бою, тот знает, как трудно сдерживать себя, когда видишь атакующего противника. Пальцы так и тянутся к спусковому крючку, но стрелять без команды нельзя, надо выждать когда враг подойдет ближе.

С каждой минутой фашисты приближались, но передний край молчал. Нервы напряглись до предела. Но вот по телефону была передана команда комдива: „Огонь!“ Генерал Куликов находился на КП и тоже, вероятно, испытывал те же чувства, что и каждый красноармеец и командир.

Мгновенно ожил и ощетинился огнем наш передний край. Находившийся рядом со мной полковник И. И. Самсоненко кричал в телефонную трубку: „Бронебойными, огонь!“, „Керженевский, бей их прямой наводкой!“, „Георгибиани, дорогой, прибавь огоньку!“. Но и без этих команд артиллеристы Керженевского и Георгибиани работали на совесть. Они расстреливали танки прямой наводкой с близкого расстояния. Вот вспыхнул один танк, словно волчок, завертелся на гусенице другой, покрылся густым дымом третий. И тем не менее часть танков прорвалась и уже подходила к нашим позициям. В эти боевые машины полетели связки гранат, бутылки с горючей смесью. И фашистские танкисты, не выдержав, повернули назад.

Как только танки скрылись, снова открыла огонь артиллерия врага. После пятнадцатиминутной обработки наших боевых

порядков снова в атаку устремились танки, а за ними — пехота. Только теперь гитлеровцы шли не в полный рост, как полчаса назад, а короткими перебежками: наши бойцы заставили их применяться к местности.

Вновь заговорила наша артиллерия. И на этот раз артиллеристы показали себя молодцами, били по танкам точно, как и в первой атаке, уничтожили пять боевых машин, которые неподвижными громадами зачернели среди пшеничного поля.

Без танков немецкая пехота не очень-то любит атаковать. Однако до роты гитлеровцев ворвалось в наши траншеи.

— За Родину! Бей фашистских гадов! — услышал я в этот момент голос генерала Куликова в телефонной трубке.

В годы гражданской войны он служил в 1-й Конной армии, и теперь, видимо, взыграла в нем лихая кровь буденновца. Если бы не чувство ответственности за управление боем, уверен, что комдив, не задумываясь, схватил бы автомат в сам увлек за собой бойцов. Но, как человек дисциплинированный, он лишь приказал контратаковать. Командир батальона капитан Шадский, на участке которого прорвалась вражеская пехота, поднял своих людей в контратаку в отбросил врага.

В бою с наибольшей яркостью проявляются лучшие качества солдата. И этот первый бой показал, что среди моих товарищей по службе множество настоящих героев.

В разгар боя осколком снаряда повредило телефонный провод, и связь между НП и КП дивизии и КП полков нарушилась. Напрасно рядом со мной телефонист кричал в трубку: „Москва“, „Москва“. Я — „Одесса“. Отвечайте!» Я приказал находившемуся на НП командиру взвода связи лейтенанту Василию Буклею немедленно устранить повреждение. Но все телефонисты были на линии, и Буклей отправился восстанавливать связь сам. Фашисты заметили лейтенанта и открыли по нему огонь. Находившийся поблизости немецкий танк повернул в его сторону, но Буклей успел нырнуть в окоп, и танк прополз над его головой. Из окопа под гусеницу полетела связка гранат. Танк закружился на месте. Через несколько минут Буклей обнаружил обрыв и восстановил связь. Когда Василий возвратился на НП, я, наблюдавший его бой с танком, спросил: «Не страшно было, когда танк попер на тебя?» Лейтенант Буклей искренне ответил: «Страшновато, конечно, товарищ майор. Но ведь я же на службе. А когда дело делаешь, забываешь о страхе».

В этой простой истине за время войны я убеждался неоднократно. Сколько раз было так: над головой свистят пули, рядом рвутся мины и снаряды, с неба падают бомбы, кажется, каждый сантиметр воздуха наполнен металлом, а люди спокойны,

потому что заняты, потому что полают солдатское дело. Их может охватить страх, когда обстоятельства вынудят бездействовать. Тогда все существо человека поглощает инстинкт самосохранения. Когда же солдат занят делом, тогда все его мысли направлены на то, как лучше и скорее выполнить свою ратную работу.

Но это между прочим. Коль речь зашла о мужестве бойцов и командиров в первом бою, то должен заметить: когда фашисты отошли на исходные позиции и прекратилась стрельба, в штаб стали поступать доклады из частей об итогах боя. В каждом из этих докладов приводились фамилии особо отличившихся бойцов, кратко, по-военному говорилось о содержании подвига. Помню, командир 884-го стрелкового полка просил отметить наградой командира батареи Евгения Кузнецова. На участке обороны полка до батальона пехоты противника при поддержке пяти танков просочились в наш тыл. Кузнецов своевременно заметил маневр гитлеровцев, развернул орудия и открыл по танкам и пехоте огонь. Атака врага захлебнулась.

Уже к вечеру, когда все успокоилось, мы с полковником Самсоненко и капитаном Труновым отправились на командный пункт дивизии с докладом. Впереди нас шла небольшая группа раненых красноармейцев: у кого перевязана голова, у кого рука, кто опирался на костыли. Поравнявшись, мы услышали взрыв веселого смеха. Молодой боец по фамилии Кузьмин, как мы потом узнали, прихрамывая на левую ногу, рассказывал товарищам о том, как он пленил двух фашистов.

— Они, понимаешь, влезли в нашу траншею и поливают из автоматов, Я притворился мертвым, потом, улучив момент, когда они отвернулись, вскочил, одного огрел прикладом, а другого ранил в ногу. Тот сразу бросил автомат и закричал: «Иван, мой капут! Мой капут!» Обоих голубчиков привел к взводному, а тот выделил конвоиров и отправил их в штаб полка. Уже после чувствую, нога болит. Ранил все же меня, подлец. Тот, которому я в ногу пулю всадил. Ну ничего, рана пустячная. Сам фельдшер сказал: промоют ее в санбате, перевяжут, поваляешься недельку и в строй. Так что я не очень-то расстраиваюсь.

— Медаль тебе за фрицев полагается. Поди, первые пленные во всей дивизии, — заметил кто-то.

— Если полагается медаль, не откажусь. А что? — засмеялся боец.

Когда мы пришли па КП, генерал Куликов был один. Оторвавшись от карты, устало сказал:

— Кажется, получилось неплохо. Лиха беда начало.

Конечно, неплохо. О чем говорить? И главное состояло не

только в том, что противник, понеся в ходе боя значительные потери, не сумел прорвать нашей обороны и выйти на оперативный простор. Важно было и то, что люди поверили в свои силы, поверили в то, что можно и должно успешно бороться с танками, уничтожать их не только орудийным огнем, но и гранатами и бутылками с горючей смесью. Нет лучшей школы для солдата, чем школа боя.

Все это я не сказал генералу. Только подумал. Он это сам видел и понимал.

Старый и опытный солдат, Константин Ефимович Куликов в то же время понимал, сколь опасна и недопустима самоуспокоенность, которую может породить первым успех. Помолчав немного, он сказал мне:

— Вот что, Василий Митрофанович. Пошли-ка ты своих помощников в полки, пусть проведут разбор минувшего боя и посоветуют красноармейцам и командирам не зазнаваться. Война только началась, и надо настраиваться на более трудные дела. Уловил мысль? Об этом же я скажу и нашим политотдельцам.

Я пунктуально выполнил указание генерала. Большинство штабных командиров провели ночь в частях, беседовали с бойцами, критически анализировали прошедший бой. Разумеется, вновь и вновь отмечали и его героев. Я же, захлестнутый неотложной штабной работой, провел ночь на КП дивизии: выяснял потери, организовывал пополнение боеприпасами, проверял, как выполняется приказ комдива о совершенствовании обороны.

С марша в наступление

После удачно сложившегося для нашей дивизии боя противник оставил нас в покое и, как стало позднее известно, стал искать слабые места на стыках других советских соединений, чтобы пробить там брешь и устремиться вперед.

Весь день на нашем участке фронта стояла тишина. Лишь изредка вспыхивала оружейная перестрелка, да из невесть откуда набежавшей тучки сверкнули молнии и послышались удары грома. Я ловил себя на мысли, что вчерашний бой — это лишь кошмарный сон, что войны нет и не было. Но она была реальностью, суровой и неумолимой явью. Об этом мне напомнила шифровка, которую принес на исходе дня старший лейтенант Косолапов, высокий, неулыбчивый и молчаливый шифровальщик.

Командующий 18-й армией генерал-лейтенант А. К. Смирнов и начальник штаба генерал-майор В. Я. Колпакчи приказывали сегодняшней ночью вывести дивизию с занимаемого рубежа и следовать форсированным маршем в сторону Одессы.

Теперь известно, что переброска дивизии под Одессу ослабила оборону на киевском направлении. Фланг Юго-Западного фронта остался открытым, и этим обстоятельством мог легко воспользоваться противник, двинуть здесь вперед свои танки. Но командование пошло на такую акцию, потому что под Одессой создалось критическое положение. Немецко-румынские войска, прорвав фронт обороны 9-й армии севернее Тирасполя, создали угрозу окружения наших частей, находившихся в районе Одессы. Защитникам черноморского города требовалась незамедлительная помощь. И командование остановило свой выбор на нашей дивизии. 196-я стрелковая была пока почти в полном штате, в бою 12 июля она понесла минимальные потери. Ее подразделения были в состоянии выдержать четырехсуточный форсированный марш от станции Рахны до Черного моря. Другие же дивизии, державшие оборону по соседству, были измотаны непрерывными боями и обескровлены.

Снялись мы довольно быстро и незаметно для противника. К полуночи части были уже в пути. За темное время, а летние ночи предательски коротки, требовалось оторваться от противника, уйти подальше от мест, где активничает его авиация. Мы понимали, что колонна войск, насчитывающая тысячи человек, в степной местности не может остаться незамеченной противником, самолеты которого совершали частые полеты не только над передним краем, но и над всей прифронтовой

полосой. Поэтому мы ставили перед собой задачу возможно дальше оторваться от противника.

Июль стоял сухим и знойным. Днем солнце, казалось, недвижно висело над степью и палило нещадно. Мучила жажда. Над дорогами, где двигалась колонна, стояли облака пыли. Идти под тяжестью оружия и другого солдатского снаряжения было трудно. Но наши люди знали, что их ждут боевые товарищи там, где разгорелось сражение за Одессу.

Движение колонны задерживали толпы беженцев. По дороге, уходящей на восток, текла бесконечная живая река: женщины, дети, повозки, гурты скота. Все это двигалось от самой границы, обрастая и увеличиваясь в пути, словно снежный ком. Я, как и другие, выбился из сил, ибо большей частью шел пешком, редко садился в седло. Гимнастерка побелела от пота, а ноги сопрели, на них появились гнойные волдыри. Но приходилось бодриться, не подавать и виду, что силы мои на пределе. Иначе было нельзя: долг начальника подавать пример стойкости.

Чем тяжелее путь, тем слаще привал. После почти суточного перехода колонна остановилась на короткий отдых в лесу на берегу ручья. За всю свою жизнь не испытывал я большего наслаждения от лесной прохлады, не пил более вкусной воды из ручья, чем на этом привале.

Немного отдохнув, мы продолжали путь, только маршрут пришлось изменить. За те двое суток, что мы были в дороге, положение под Киевом резко ухудшилось: танковые армады Клейста прорвали оборону и потеснили наши войска на рубеж Белая Церковь, Богуслав. Создалась непосредственная угроза столице Советской Украины. Командование Юго-Западного фронта приказало дивизии прекратить март на Одессу и повернуть в сторону Киева, где в районе Корсуни поступить в распоряжение командующего 26-й армией генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко. Об этом мы узнали из шифровки, полученной на привале.

Приказ есть приказ. Его не следует обсуждать, а полагается выполнять, что мы немедля и сделали. Только на этот раз часть дивизии была погружена в эшелоны. Надо сказать, что продвижение от этого не ускорилось. Немецкие самолеты в буквальном смысле висели над железной дорогой, подвергали поезда, станции, мосты непрерывным бомбежкам. Железнодорожные станции были забиты составами, застрявшими из-за неисправности пути. Приходилось часто останавливаться и восстанавливать поврежденные рельсы, расчищать путь от разбитых вагонов. Наше положение осложнялось тем, что железная и шоссейная дороги, по которым мы следовали,

проходили вблизи линии фронта. 17-й немецкой армии удалось вклиниться в стык между нашими 12-й и 6-й армиями и развернуть наступление на Умань. Войска противника с каждым днем приближались, и мы уже отчетливо слышали артиллерийскую канонаду.

В одном месте дорога, по которой следовала пешая колонна дивизии, совсем вплотную приблизилась к линии фронта. Как на грех, набежавшая внезапно тучка обрушила на землю настоящий ливень. Дождь как из ведра хлестал чуть ли не час, и проселок мгновенно стал непроходимым: для местного чернозема воды требуется немного, чтобы дорога превратилась в сплошное месиво. Застряли повозки, забуксовали машины: ни туда ни сюда! Напрасно люди толкали их из последних сил. Грузовик проедет, натужно ревя мотором, пять — десять метров и опять стоп. Не помогали ни русская «Дубинушка», ни нелестные замечания комдива в адрес командиров полков. Раздражение генерала передалось и мне. Я понимал, что появись немецкие самолеты — и полдивизии стало бы легкой добычей врага. Раскисшая степь крепко держала нас за ноги. Словом, оснований для того, чтобы потерять самообладание и дать волю нервам, было более чем достаточно. Но, честно говоря, этого делать ни в коем случае не следовало. К нашему счастью, фашистские летчики в течение двух часов вынужденной задержки в степи не появились. Тучка так же скоро скрылась, как и появилась. Проглянуло жаркое летнее солнце, быстро просушило дорогу, опять поползла вперед извилистая лента колонны.

Мы держали путь на Корсунь.

Первым туда прибыл штаб. Части, следовавшие как по железной дороге, так и в пешем строю, задержались. Корсунь выглядел осажденным городом. Его улицы были перегорожены баррикадами, противотанковыми ежами. Жителей почти не осталось: все подались на восток, подальше от приближавшегося фронта. Многие здания были разрушены, глядели уныло пустыми глазницами окон. Фермы моста через Рось беспомощно окунулись в воду реки: фашистские летчики оказались на этот раз меткими. А вокруг искореженного моста лежали мертвые женщины, дети. Фашистские стервятники бомбили и толпу, которая образовалась у разрушенного моста. Какое это страшное зрелище — обгоревшие, растерзанные трупы женщин и детей! Нельзя, невозможно к этому привыкнуть! Командиры и красноармейцы, сжав кулаки, стиснув зубы, смотрели на эту страшную картину…

По распоряжению комдива штаб расположился в лесу юго-западнее города. Времени на раскачку не было, и мы тотчас же, как только «бросили якорь», приступили к первоочередным,

неотложным работам. Надо было оборудовать КП, провести линии связи к местам, где обосноуются штабы частей, установить, где находятся наши полки.

Вместе с полковником Самсоненко и лейтенантом Сорокой я выехал навстречу подразделениям, которые следовали в Корсунь по железной дороге. Шофер Иван Свистунов, богатырского сложения человек, невозмутимый и спокойный, уверенно вел свою эмку по забитой войсками и беженцами дороге.

На станции Звенигородка остановились, решив справиться у железнодорожной администрации о местонахождении эшелонов дивизии. Начальник станции, когда мы вошли в его кабинет, спал, сидя за столом. Было жалко будить этого безумно уставшего человека, который, по-видимому, не шал как следует ни одной ночи с начала войны. Но ничего не поделаешь, пришлось растолкать станционного начальника. Он поднял на нас непонимающие глаза, но прошло мгновение — и мы увидели деятельного, энергичного человека, весьма крепко державшего в этой обстановке неразберихи и хаоса в своих руках все нити управления железнодорожным движением. Минут через пять мы уже точно знали, где находятся эшелоны с подразделениями дивизии и когда их следует ожидать в Корсуни, если все пойдет нормально и не помешают фашистские летчики. После беседы с начальником станции как-то спокойнее стало на сердце. С такими людьми, как этот железнодорожник, который не согнулся, не растерялся в сложнейшей военной обстановке, нельзя, невозможно не победить, подумал я.

В этой же мысли еще больше утвердился я после беседы с красноармейцами и командирами, заполнившими пассажирский станционный зал. Большинство из них день-два назад вышли с боями из окружения и теперь ждали решения своей судьбы. Увидев нас, они обступили плотной стеной и попросили походатайствовать перед военным комендантом, чтобы тот немедленно отправил их на передовую. В любое подразделение, лишь бы не сидеть сложа руки, лишь бы бить фашистов, закрыть им дорогу к Киеву, к Днепру.

Особенно приглянулся мне лейтенант-пограничник, прибывший через фронт с группой своих товарищей с заставы из-под Львова. Почти месяц пограничники шли к своим по вражеским тылам, причем они не прятались от врага, а искали и находили его. По ночам на безлюдных дорогах внезапно нападали пограничники на мелкие группы фашистов и умело расправлялись с ними. Глаза лейтенанта смотрели сурово, в них светились такая воля, такая решимость, что не осталось места для сомнений — этот молодой советский командир готов драться до

последнего с фашистскими захватчиками.

В штабе, когда мы туда возвратились из Звенигородки, нас ждали неотложные дела.

Как стало известно впоследствии, командование Юго-Западного фронта решило нанести контрудар по наступающей на Киев 1-й танковой группе врага с севера силами 27-го стрелкового корпуса 5-й армии и с юга — двумя корпусами 26-й армии.

Предусматривалось уничтожить противника на подступах к Киеву и обеспечить отвод основных сил 6-й и 12-й армий с рубежа Бердичев, Остроголь, Летичев на рубеж Белая Церковь, Гайсин. Начало наступления планировалось на 19 июля. Нашей дивизии была поставлена задача в этот день выступить из района сосредоточения, совершить в течение ночи 35-километровый марш и захватить выгодный рубеж, проходящий по высотам восточнее сел Медвин и Баранье Поле. С этого рубежа начать наступление в направлении Медвин, Косяковка. Дивизия действовала на левом фланге армии. Командира дивизии и штаб беспокоило одно обстоятельство: очень уж мало времени отводилось на марш и на захват указанного рубежа. Ведь практически части только подходили в район сосредоточения.

Несмотря на сложность и суровость сложившейся обстановки, готовили мы контрудар с огромным подъемом. Генерал Куликов радовался не только тому, что дивизия участвует в одном из первых больших наступлений советских войск на Украине, но и тому, что проводит операцию под руководством генерал-лейтенанта Федора Яковлевича Костенко, с которым вместе воевал на фронтах гражданской войны. Лично я никогда раньше не встречался с Федором Яковлевичем, но многое слышал о нем от Константина Ефимовича Куликова. Комдив рассказал, что Костенко — герой гражданской войны. В.мирное время командовал эскадроном, возглавлял полковую школу, затем принял полк, командовал дивизией, корпусом, армейской кавалерийской группой округа. Много учился. В июне 1941 года принял 26-ю армию. Когда мне довелось побывать в армейском штабе, мои коллеги рассказали, что, несмотря на сложность и быстротечность обстановки, командарм оставался спокойным и уверенным в своих силах и это передавалось подчиненным. Забегая вперед, скажу, что из собственного опыта знаю: на войне самый ожесточенный бой не страшен, когда ты уверен в командире, когда знаешь, что он все продумал и наилучшим образом обеспечит боевые действия подчиненных.

В Корсуни штаб дивизии получил директиву Генштаба за подписью генерала армии Георгия Константиновича Жукова. В

ней содержались весьма ценные советы относительно борьбы с вражескими танками. На основе боевого опыта, приобретенного в первые недели войны, в директиве отмечалось, что гитлеровцы не умеют отражать внезапные ночные атаки на танки, бронемашины и мототранспорт, останавливающиеся на ночь в деревнях и на дорогах, что враг боится вступать в рукопашный бой. Как правило, при внезапном ночном нападении фашисты бросают технику, оружие и разбегаются. Директива требовала широко развернуть эффективные внезапные ночные действия в целях уничтожения танков я моточастей противника, наносить эти удары дерзко и решительно и заканчивать бои до рассвета. Для обеспечения высокой мобильности и гибкого маневра рекомендовалось ночные рейды совершать силами не больше батальона.

Это было весьма своевременное и важное указание, вооружающее нас новой, проверенной в боях тактикой. Штаб довел директиву до всего командного состава дивизии.

По плану операции, разработанному штабом армии во главе сего начальником полковником Иваном Семеновичем Варенниковым, как я уже рассказывал, дивизия должна была к утру 20 июля, совершив 30-километровый марш из Корсуни к линии фронта, сосредоточиться на рубеже восточнее сел Медвин и Баранье Поле. Отсюда нам предстояло нанести контрудар по врагу.

Кому хоть однажды довелось организовывать марш и встречный бой, тот отлично знает, какое это трудное и хлопотное дело. Надо решить обширнейший комплекс проблем. Отдать приказ на марш, довести его до частей и подразделений, определить наикратчайший маршрут движения, обеспечить его надлежащие темпы и максимальную скрытность, организовать разведку и войсковое охранение, в указанный срок выйти на заданный рубеж в готовности с ходу вступить в бой и, навязав противнику свою волю, поставить его в невыгодное положение. Надо пополнить боеприпасы, позаботиться о надежной связи, организовать взаимодействие частей и подразделений. Люди во встречном бою идут в атаку на противника, у которого далеко еще не исчерпаны силы и средства к наступлению. И надо, чтобы личный состав понимал и знал, во имя чего ведется этот сложнейший вид боя. Отсюда огромная важность политической, моральной стороны подготовки боя.

И надо сказать, что, как только был получен приказ о предстоящем марше, военный комиссар дивизии старший батальонный комиссар Д. С. Чечельницкий, политотдел и его начальник старший политрук Федор Яковлевич Сурмилов за

короткое время сумели провести ряд мероприятий по политическому обеспечению марша и предстоящего боя. В подразделениях состоялись накоротке партийные и комсомольские собрания, прошли митинги. Агитаторы и пропагандисты ознакомили личный состав с положением наших войск под Киевом, разъяснили, что от успешных действий дивизии в какой-то мере зависит судьба этого города. На собраниях и митингах, во время бесед речь шла о важности маскировки, об особенностях встречного боя, много говорилось о тактике борьбы против вражеских танков. Многие бойцы просили зачислить их в формируемые команды истребителей танков. Вскоре с личным составом команд были проведены практические занятия.

Мне довелось присутствовать на беседе, которую проводил инструктор политотдела дивизии старший политрук Качанов в артиллерийском дивизионе. Умели наши пропагандисты находить нужные, идущие из глубины души слова. Такие слова не оставляли слушателей равнодушными, брали за сердце, вызывали нужную ответную реакцию. На лесной поляне, где вокруг политрука сидели человек сорок артиллеристов, стояла напряженная тишина, даже ветер стих, словно опасаясь помешать беседе. Старший политрук полностью завладел вниманием слушателей. Качанов рассказывал о Киеве, его месте в истории Русского и Советского государства. Нет, это не был школьный урок истории и географии. Инструктор политотдела просто рассказал, что всего дважды, во время отпуска, летом, вот в такую же пору, как сейчас, он приезжал в Киев, ходил по его музеям, проспектам и бульварам, побывал на заводе «Арсенал», плавал на прогулочном катере по Днепру.

— Много я поездил по нашей стране, — говорил Качанов, — был в центре России, в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке. Огромная и красивая у нас страна, что говорить! Но верьте мне, товарищи, красивее города, чем Киев, я не видел. И вот когда думаю, что такую нашу красоту может захватить фашист, я говорю: нет, тысячу раз нет! Легче сложить голову, чем позволить гитлеровцам надругаться над городом, который многие века строили и укрепляли наши люди…

Меня самого взволновали слова Качанова. «Почему? — мысленно спросил я себя. — Да потому, что они искренни, и потому, что Качанов нашел дорожку к сердцу слушателей…»

Между тем штаб работал с предельной нагрузкой. Не было ни минуты, чтобы передохнуть. Однако к указанному сроку все было готово, можно отправляться в путь. В ночь на 20 июля части дивизии оставили место сосредоточения в лесу под Корсунью и

начали марш на восток. Ночь выдалась темная, и это облегчало нашу задачу — противнику трудно было обнаружить передвижение дивизии.

Боевой порядок на марше мы построили с таким расчетом, чтобы в любой момент части могли развернуться и вступить в бой. Впереди колонн, которые следовали параллельно по двум дорогам, шли разведчики, за ними — походное боевое охранение. Артиллерию поставили впереди главных сил на случай внезапного нападения вражеских танков.

Нашим соседом справа была 227-я стрелковая дивизия полковника Е. Ф. Макарчука, которая двигалась в направлении Богуслава. Левее шла 212-я стрелковая дивизия полковника В. В. Бардина, но с ней мы не имели локтевой связи, и здесь фланг наш был, по существу, оголен. Это заставило обратить особое внимание на прикрытие этого фланга. По приказанию командира дивизии туда на машинах была выслана разведывательная группа с задачей вести активную разведку. В случае появления противника 884-й стрелковый полк имел задачу обеспечить левый фланг.

Есть что-то таинственное, волнующее в ночном движении больших людских масс. Я вглядывался в едва заметную в темноте нескончаемую ленту колонны и думал, как велики те идеи, то дело, которые объединили людей, повели их в непроглядную ночь по безбрежной степи, навстречу смертельной опасности…

В течение всей ночи строго соблюдалась дисциплина марша: над колоннами ни разу не вспыхнул огонек папиросы, не слышно было разговоров — только тихие команды, которые столь же тихо передавались по колонне, да изредка скрип колес повозок.

Разведчики время от времени подъезжали к штабной колонне и докладывали обстановку. Собственно, содержание всех докладов сводилось к одному: путь свободен, противника впереди нет. Неприятное сообщение разведчика принесли лишь на рассвете, когда главная колонна, в которой следовал штаб, достигла намеченного командованием рубежа. Поднявшись на возвышенность в тот ранний утренний час, мы увидели пшеничное поле, краями уходившее за горизонт. По дороге, рассекавшей поле, на большой скорости мчалась эмка. Подъехав к колонне, она резко затормозила, из нее выскочил капитан Тараканов, командир разведывательного батальона нашей дивизии. Подбежав к генералу Куликову, он доложил:

— Танки противника, товарищ генерал. Вот здесь. — Он вытащил из планшета карту, развернул ее и ткнул пальцем в опушку леса, что западнее села Медвин. Машин сорок. Движутся на Медвин. По всей видимости, это головной походный отряд

танковой дивизии фашистов.

— Слов «по всей видимости» в лексиконе разведчика быть не должно, сердито заметил генерал. — Данные должны быть не приблизительными, а точными. Не удалось установить, что это за дивизия?

— Никак нет, товарищ генерал. Но мы принимаем все меры к захвату «языка». Тогда и установим…

— Хорошо, идите. Василий Митрофанович, что думаешь? — спросил меня Куликов.

— Капитан прав. Это безусловно передовой отряд фашистов, а их главные силы на подходе. Так что надо спешно развертываться и готовиться к бою.

— Согласен. — Куликов минуту молчал, разглядывая карту. — Вот здесь и расположимся. На этих высотках, что восточнее Медвина и Бараньего Поля. Распоряжайся, Василий Митрофанович. Время не ждет, фашисты с минуты на минуту могут быть здесь.

Рекогносцировку проводить было некогда, и пришлось отдать боевой приказ по полкам по рации. Он был предельно краток: в десяти километрах западнее Медвина обнаружена танковая колонна фашистов. Немедленно развернуться, занять высоты западнее Медвина и Бараньего Поля и приготовиться к бою.

Отдав приказ, я вместе с полковником Самсоненко и капитаном Труновым поспешил к месту, где саперы оборудовали НП, куда связисты уже прокладывали телефонную связь. С высотки открывалась широкая панорама и было хорошо видно, как разворачиваются полки. Все делалось в максимально высоком темпе. На левом фланге я увидел мчащегося галопом по полю всадника и сразу узнал командира пушечного полка Степана Семеновича Керженевского.

За ним следом, также галопом, летела шестерка лошадей. Батареи занимали позиции для стрельбы прямой наводкой. Стремительно проходило развертывание и других частей. Гитлеровцы были уже рядом. Фашистские танки давили гусеницами пшеницу на противоположном конце поля, первые, пока еще редкие разрывы снарядов заплясали перед высотками, на которых располагались паши подразделения. Вот уже можно было рассмотреть цепи фашистских пехотинцев, которые шли за танками.

В бинокль из своего наскоро вырытого укрытия мы с Самсоненко наблюдали, как работали наши артиллеристы. Одним из дивизионов командовал майор Василий Васильевич Кириллов. На огневые позиции его батарей наползало до десяти боевых машин с черными крестами на бортах. Фашисты давили

на психику наших артиллеристов, пытаясь заставить их с дальних дистанций открыть огонь и тем самым обнаружить себя. Тогда им легче будет подавить орудия огнем и гусеницами. Однако нервы у Кириллова оказались крепкими. Этого человека не так-то просто было вывести из равновесия. Его орудия молчали, пока танки не подошли на 150–200 метров. Только тогда пушки ударили разом. То ли Кириллов был удачлив, то ли пушкари, подавив волнение, стреляли, как на учебных стрельбах, экономно и метко: черный дым заклубился над пятью танками, беспомощно застывшими на месте. Другие повернули назад. Первая атака не удалась, но вскоре последовала вторая. На этот раз гитлеровцы были предусмотрительнее. Вначале они открыли массированный огонь по нашим батареям, пытаясь подавить их. Огненный шквал бушевал над позициями артиллеристов Кириллова минут десять. Казалось, фашисты достигли цели: земля в районе огневой позиции была вся изрыта воронками. Но как только танки ринулись в новую атаку, орудия ожили.

— Молодчага этот Кириллов, ну какой орел! — кричал мне в ухо Самсоненко. Посмотри, как он дает прикурить этим гадам!

Когда вторая атака гитлеровцев была отбита, Самсоненко вызвал по телефону Кириллова и от души поздравил его с успехом.

— Сколько подбил машин? — спросил он майора. — Десять? Здорово. Передай огромнейшую благодарность своим орлам от командования дивизии и от меня лично. Скоро буду у вас, всех расцелую и обниму. Хорошо дрались.

Атаки врага были отбиты не только батареями Кириллова, но и другими подразделениями. Наступило затишье.

Перед нами лежало обезображенное поле, по которому низко стелился дым от горевшей пшеницы.

— Предупреди, Василий Митрофанович, командиров полков, чтобы были готовы к отражению новой атаки. Противника мы только пощипали, — приказал генерал Куликов.

Не успел я переговорить с комдивом, как снова зазуммерил телефон:

— Слушает Второй, — ответил я.

— Говорит Варенников. Доложите, как дела.

Полковника И. С. Варенникова я знал заочно, по рассказам товарищей. Говорили, что это знающий дело, интеллигентный человек, обладающий аналитическим умом, понимающий все тонкости современного боя.

— Рубеж, занятый восточнее сел Баранье Поле и Медвин, удерживаем, товарищ полковник. Противник дважды атаковал, но атаки отбиты с большими для него потерями. Думаем, что вскоре

последует новая, и фашисты вот-вот введут в дело авиацию.

И как бы в подтверждение этих слов раздалась команда:

— Воздух!

Гул моторов, долетавший с высоты, нарастал. В чистом летнем небе сверкнули крылья «юнкерсов». Я стал про себя считать фашистские самолеты. Пять… десять… пятнадцать… Как только стервятники достигли нашего переднего края, тотчас же ведущий «юнкере» с воем пошел в пике. Следом устремились ведомые. Это в общем-то была неприятная картина. Мало приятного, когда на тебя падает фашистский стервятник, из чрева которого, как горох, сыплются бомбы.

Но, несмотря на понятное и естественное чувство страха, со всех сторон наши бойцы и командиры стреляли по самолетам из винтовок, пулеметов, автоматов и даже из пистолетов. Эта пальба в то время, по сути, была совершенно бесполезной, даже вредной, ибо опасности для «юнкерсов» не представляла, а требовала большого расхода боеприпасов. Но мы тогда еще не имели опыта борьбы с воздушными целями. Опыт пришел позднее, когда люди научились стрелять по самолетам противника, научились правильно вести себя во время воздушной бомбежки. Правда, была в этой повальной стрельбе по фашистским стервятникам положительная сторона — люди преодолевали страх, учились, владеть собой в минуты опасности.

Обработав наш передний край, самолеты скрылись. И сразу же появились фашистские танки. В те дни мы, только вступившие в войну, мало знали тактику гитлеровской армии. Но уже тогда бросалась в глаза ее шаблонность. Раз за разом шли они в атаку лишь после артиллерийского или бомбового удара по переднему краю нашей обороны.

И снова, лишь с небольшими вариациями, повторялась та же картина. Наши артиллеристы подпускали фашистские танки на 150–200 метров, открывали по ним прицельный огонь. К подбитым два часа назад немецким машинам прибавлялись новые. С каждой атакой черных закопченных остовов бронированных чудовищ на необозримом хлебном поле становилось все больше. Но, несмотря на потери, фашисты лезли вперед. Четыре танка, прорвавшись через передний край, устремились на огневые позиции батареи старшего лейтенанта Алексея Гусева.

Я, грешным делом, наблюдая эту картину, подумал, что только чудо может спасти артиллеристов. Но спасло их не чудо, а мужество, боевое мастерство. Прямой наводкой, почти в упор артиллеристы расстреляли два прорвавшихся танка, а с двумя другими помогли расправиться соседи. Когда бой закончился, я

побывал на огневых позициях батареи. Казалось, что здесь пролетел губительный смерч. Вырванные с корнями деревья, на каждом шагу глубокие воронки от разорвавшихся снарядов и бомб, искореженные орудия. Крепко досталось и нашим бойцам. Порванные, обгоревшие гимнастерки, черные от гари и земли, измученные лица все это свидетельствовало, какое нечеловеческое напряжение пришлось выдержать артиллеристам батареи старшего лейтенанта Гусева. Пожимая руки артиллеристам, благодаря их за службу, я с гордостью думал о том, что наша русская, советская земля богата такими героями.

На левом фланге дивизии яростные атаки противника отбивал 893-й стрелковый полк майора Н. К. Кузнецова. Этот полк прикрывал и фланг 26-й армии. Естественно, что к этому участку обороны было приковано самое пристальное внимание как штаба дивизии, так и штаба армии. Противник нащупал фланг и наносил свой главный удар именно здесь. Он рассчитывал танковыми атаками смять наши подразделения и выйти в тыл армии. Повторяю, мы очень опасались прорыва обороны на этом фланге. Правда, во втором эшелоне там стоял 884-й стрелковый полк, но он не был усилен артиллерией, и мы понимали, что в случае массированной атаки танков он не сможет ее отбить.

Однако ваши опасения были напрасны. Подразделения Кузнецова стояли, как говорится, насмерть. Справедливости ради надо сказать, что этому во многом способствовали артиллеристы 739-го гаубичного полка майора А. Д. Георгибиани. Огонь гаубиц четырежды срывал танковые атаки врага, заставлял фашистов поворачивать назад. На этом и других многочисленных примерах мы еще и еще раз убеждались, какую роль играет четко налаженное, хорошо продуманное взаимодействие в бою.

В этот день накал боя, нарастал с каждой минутой. Судя по всему, немецкое командование решило любой ценой взломать нашу оборону и как можно скорее выйти непосредственно на ближние подступы к Киеву. Топтаться перед украинскими селами Баранье Поле и Медвин не входило в его расчеты.

Однако 20 июля не принесло фашистам лавров на нашем участке фронта. Здесь их надежно выверенная и отработанная машина наступления явно забуксовала. Не скажу, что успех этого боя можно отнести в большой мере за счет мастерства наших командиров, умелого руководства боем со стороны всех отделений штаба. Нет, командиры и штабы только учились воевать, наверняка в их действиях были существенные промахи, далеко еще не все отказались от линейной тактики, хотя война моторов властно требовала применения тактики, основанной на

маневре. И если мы все же сумели преградить путь превосходящим силам противника, нанести ему значительные потери, то это произошло прежде всего благодаря мужеству и героизму наших воинов. Уже ночью на мой стол, освещенный малюсенькой лампочкой от аккумуляторной батареи, легли листки донесений из полков об итогах отгремевшего боя. Военным, лишенным эмоций и излишних подробностей языком в них приводились примеры высокой доблести красноармейцев и командиров. В одном из донесений сообщалось о бое, который вел артиллерийский дивизион капитана Ивана Григорьевича Козлова. О доблести пушкарей этого подразделения говорилось скупо и сдержанно, и если бы я не был очевидцем боя, то, прочитав донесение, посчитал бы то, что они сделали, обычным, не заслуживающим внимания эпизодом. Но Козлов и его подчиненные дрались геройски.

События в дивизионе развивались в таком порядке. Подразделение одним из первых заняло высоту восточнее села Баранье Поле. По приказу майора Георгибиани капитан Козлов развернул батареи фронтом на запад, туда, откуда шли фашистские танки. Буквально через полчаса дивизион был уже в бою, отбивал первую атаку фашистов.

— Что ж вы огонь не сразу открыли? Ведь танки могли вас задавить. чуть замешкайся, — спросил я после боя Козлова.

— А я, товарищ майор, «чуть» не признаю, действую только наверняка. Хотя, откровенно говоря, в какой-то момент усомнился: не упустил ли время? Но оказалось — в самый аккурат.

И действительно, когда до танков оставалось уже не более 100 метров, орудия, установленные в окопе и замаскированные (не зря Козлов еще до войны, во время лагерного сбора, что называется, гонял своих пушкарей: поднимал по тревоге, учил в считанные минуты оборудовать огневые позиции, зарываться в землю, умело маскироваться, чтоб, как сам он говорил, «комар носа не подточил и все было в наилучшем виде»), открыли дружный прицельный огонь. Во время атаки фашисты потеряли четыре танка и, поняв, что им здесь не прорваться, повернули назад. Спустя полчаса над высотой появилась девятка «юнкерсов». Они буквально перепахали огневые позиции дивизиона. Глядя на все это, я подумал тогда, что конец артиллеристам, наверняка ни одного орудия не осталось в целости. Когда же бомбежка прекратилась и снова появились танки, все орудия встретили атакующего противника огнем.

Весь день артиллеристы дивизиона капитана Козлова вели единоборство с фашистскими танками. Было мало снарядов, и

начали их экономить, бить только наверняка, только с близких дистанций. Стоял июльский зной, а поблизости ни колодцев, ни речки. Пришлось в перерывах между атаками направлять бойцов в лес, что в пяти-шести километрах восточнее высоты, чтобы принести на передовую хоть немного воды и восстановить силы людей, измученных боем и нестерпимой жаждой.

* * *

Все в жизни имеет свое начало и свой конец. День 21 июля, как мне показалось, был необычайно длинным, но и он кончился. Наступила ночь. Уставшие бойцы отдыхали, зная, что завтра будет не легче. Для штаба же наступила пора самой напряженной работы.

Как только на землю легли сумерки и на переднем крае наступило затишье, я поспешил в блиндаж к командиру дивизии. Неприхотлив был походный быт даже такого начальника, как командир соединения. Охапка соломы на земляном полу, тусклая лампочка от аккумулятора, наспех сколоченный стол и скамья из неструганных досок — вот и все убранство походного генеральского «кабинета». Константин Ефимович был в общем-то доволен итогами прошедшего дня. Атаки врага успешно отбиты. Танкобоязнь, которая в первое время, словно болезнь, поражала некоторых молодых бойцов и командиров, обошла нас стороной, не задела личный состав дивизии. Это произошло прежде всего потому, что наше соединение располагало довольно мощной артиллерией, хорошо обученными артиллеристами, потому, что мы смело применяли артиллерию всех калибров против танков врага, постоянно использовали гаубицы и другие орудия в ближнем бою для стрельбы прямой наводкой. Важную роль в борьбе с танками сыграли созданные в подразделениях истребительные команды. Связками гранат и бутылками с горючей смесью они подбили за день пять вражеских машин, и хотя несколько смельчаков погибли в бою — война, как известно, без жертв не обходится, — комдив приказал мне довести до командиров частей приказ о необходимости форсировать формирование новых истребительных команд.

— Пока мы не получим более надежные и эффективные истребительные средства, нам придется прибегать к этому. Конечно, очень жаль посылать молодых парней на поединок с танком, по ничего не поделаешь. Надо! К тому же первый опыт учит: смелый да умелый сумеет расправиться и с танком, — говорил генерал Куликов. Только вот что я попрошу, Василий

Митрофанович: пусть те, кто готовит истребителей, самым подробнейшим образом расскажут им о наиболее уязвимых местах вражеских машин, о том, с какой стороны сподручнее к танку подползти и ударить наверняка. И пусть те, кто отличился сегодня в бою с танками, поджег их бутылками или подорвал гранатами, расскажут всем остальным истребителям о том, как это им удалось.

Обсудили мы с комдивом и тактику действий истребительных команд. Решили их ставить на наиболее танкоопасных направлениях, в промежутках между батареями. Таким образом, не останется ни одной бреши, в которую мог бы проникнуть противник.

Штабные командиры, присутствовавшие при нашей беседе с генералом, отправились тотчас же в части, чтобы довести до командиров указания комдива о формировании истребительных команд. Выйдя вместе с ними из блиндажа, я занялся другими неотложными делами. Следовало проверить, сумеют ли саперы за ночь минировать все ближайшие подступы к переднему краю, организовать разведку противника, выслав в его расположение несколько разведгрупп. Кстати говоря, поиски разведчиков были весьма результативными: капитану Тараканову удалось точно установить, что против нашего соединения действует 11-я танковая дивизия 1-й танковой группы врага. Да, противник был силен, имел много боевых машин и конечно же готовился назавтра к новым атакам. И к этому надо было всесторонне подготовиться. Всю ночь штаб дивизии не сомкнул глаз, решая сотни вопросов, вплоть до того, будет ли вовремя готов завтрак и каково меню: ведь дело это далеко не последнее. Бой — это труд, тяжелейший и напряженнейший, и солдат к этому труду должен быть готов не только морально, но и физически.

В трудах и заботах ночь пролетела быстро, лишь на рассвете я немного прикорнул: надо было встретить день со свежей головой. Только встало солнце, а все уже на ногах. Неутомимый лейтенант Сорока подготовил походный завтрак: термос с горячим чаем, котелки с кашей, краюху хлеба и галеты. Вместе со мной позавтракали полковник Самсоненко и капитан Трунов. Ели молча, каждый думал о предстоящем бое.

Ровно в семь ноль-ноль в утреннем небе появился одинокий «мессершмитт». Он покрутился над нашим передним краем и улетел восвояси. Через несколько минут на значительной высоте пролетела стая «юнкерсов» — они, очевидно, шли бомбить Киев и переправы через Днепр, нас пока оставили в покое. Вскоре над расположением дивизии повисла «рама» — самолет-корректировщик. Это был верный признак того, что вот-вот

начнется бомбежка наших позиций с воздуха и артподготовка атаки.

И точно. Через несколько минут страшный грохот потряс еще не проснувшуюся землю, снаряды падали всюду, поднимая фонтаны земли. Бойцы уже начали привыкать к артобстрелу и не бежали в укрытие, услышав вой летящего в нашу сторону снаряда. Теперь по этому звуку они довольно точно определяли, куда угодит снаряд: сзади, спереди или же в то место, где они находятся. Вот уж действительно: ко всему человек приспосабливается и привыкает.

— Спектакль идет в прежнем порядке, — заметил полковник Самсоненко, наблюдая с НП за действиями противника. — Сейчас снова полезут танки.

И они полезли. Правда, вражеских машин на этот раз было гораздо больше, чем в первый день. Значит, фашисты подтянули резервы. Стало ясно, что противник настроен решительно и что выдержать его натиск сегодня будет еще труднее.

Разом заговорили наши орудия. Не простое это дело: попасть снарядом в идущую на полном ходу машину. Здесь помимо точного расчета необходима железная выдержка, хладнокровие, ведь положение такое, что или ты уничтожишь танк, или он тебя. Иного быть не может. Но я уже говорил, что наши артиллеристы подготовлены отлично. Вот и сейчас задымил первый, второй, третий, четвертый танк. Но танки горели не только от снарядов, метко направленных нашими артиллеристами. Хорошо поработали и истребители.

В бинокль с НП мне посчастливилось наблюдать за поединком нашего истребителя с вражеской машиной. Подождав, когда танк подойдет на 10–15 метров, то есть на такое расстояние, где боец окажется вне зоны действия огня танковых пулеметов, воин стремительно выскочил из окопа и укрылся за бугорок. Когда же танк поравнялся с бугорком, то есть подставил бойцу борт, тот бросил на башню бутылку с горючей смесью, а затем под гусеницу полетела связка гранат. Все было сделано четко, и пылающий танк остановился. Из башни, объятой пламенем, стали выскакивать гитлеровские танкисты, но их настигали пули отважного бойца. Я приказал лейтенанту Сороке узнать фамилию этого смельчака и попросил командование части представить его к награде. Как выяснилось, это был сержант Сергей Прохоров, бывший харьковский рабочий. Наградной лист в тот же день был оформлен, но, к великому сожалению, награду отважный сержант, видимо, не получил. В трудные первые месяцы в условиях вынужденного отступления наградные документы, видимо, затерялись. Но, независимо от того, получил

Прохоров полагающийся ему орден Красной Звезды или нет, он не перестал быть героем. Могу смело утверждать, что в сиянии Золотой Звезды Героя, которой в послевоенное время удостоен Киев за свой ратный подвиг, сверкает маленький лучик и сержанта Сергея Прохорова, вставшего на пути вражеского танка, рвавшегося к столице Украины.

Тем временем бой разгорелся с новой силой. Серьезные потери не только не образумили фашистов, но, напротив, привели их в ярость. Гитлеровцы лезли напролом, бросая в атаки все новые и новые силы. Особо яростно они штурмовали позиции полка майора Кузнецова. Как уже говорилось, этот полк прикрывал фланг дивизии и фланг армии. Это обстоятельство, наверное, стало известно фашистскому командованию, и потому оно сосредоточило здесь свои основные усилия.

Должен сказать, что одно время чаша весов стала склоняться в сторону противника.

— Немцы прорвали оборону на участке левофлангового батальона, перерезали шоссе, идущее через Медвин, захватили высоту, что в двух километрах восточнее Медвина. Прошу помочь батальону артиллерийским огнем. Иначе он не выстоит, доложил мне Кузнецов.

Не успел я переговорить с ним, как позвонил майор Головин. Его доклад был еще более тревожным.

— Танки фашистов, прорвав нашу оборону, движутся в направлении Дмитренок. Прошу помочь артиллерией!

— Поможем, Дмитренки не оставлять, ждите Кондитерова!

Кондитеров — это командир артиллерийского противотанкового дивизиона, который находился в резерве комдива. Опытный артиллерист, участник боев на Карельском перешейке, Алексей Георгиевич, получив приказ, немедленно выдвинул свои орудия навстречу вражеским танкам. Он расположил их на опушке леса, хорошо замаскировал. И как только машины с черными крестами показались вблизи Дмитренок, ударил по ним. Не прошло и десяти минут, как на поле запылало шесть танков. Остальные, отойдя в укрытия, завязали перестрелку с нашей артиллерией.

Вскоре в телефонной трубке клокотал радостный бас Головина: майор благодарил артиллеристов за помощь. Критическая ситуация на позиции полка была ликвидирована. Зато кризис назревал у Кузнецова.

— Немедленно отправляйтесь в 893-й. Непорядок там. Надо восстановить положение, — приказал мне генерал Куликов. Тревожные интонации выдавали обеспокоенность комдива. — Как прибудете в расположение полка, тотчас же свяжитесь со мной.

В сопровождении лейтенанта Сороки и пятерых бойцов из разведбатальона я побежал туда, где оборонялись батальоны 893-го стрелкового полка. Вначале бежали оврагом, а затем по открытому месту. Здесь свистели пули, осколки мин и снарядов, гарь и дым от горевшей пшеницы застилали глаза, затрудняли дыхание. Пришлось продвигаться короткими перебежками: поднимешься, рванешь вперед метров на 10–15 и камнем падаешь на землю.

Взрывной волной разорвавшегося рядом снаряда меня бросило на землю. Пришел в себя, ощупал тело. Но, к счастью, голова, руки и ноги целы. Осторожно приподнялся и осмотрелся: откуда, думаю, прилетел гостинец? И вот глазам предстала такая картина. Метрах в 500–600 по отлогому склону ползли фашистские танки, за ними цепью шла пехота, а впереди боевых машин в беспорядке бежали наши бойцы.

У страха, как говорится, глаза велики. Он рождает панику, парализует волю даже людей смелых и отважных, если вовремя его не пресечь.

Прямо на нас мчалась пара лошадей, запряженных в двуколку, на которой подпрыгивал станковый пулемет.

Разведчики с карабинами встали поперек дороги.

— Стой! — закричал что есть мочи лейтенант Сорока.

Его решительный вид и внушительная внешность заставили возницу осадить лошадей. Повозка остановилась, с нее соскочили четверо бойцов во главе с сержантом — расчет пулемета.

— Снимай пулемет! — приказал я сержанту. — Ставь его вот на этот бугорок. И чтоб ни шагу назад! Будете отсекать пехоту от танков. Если танки прорвутся, не обращать внимания. Ваша задача уничтожить пехоту. А с танками разделаются артиллеристы. Ясно?

— Так точно, товарищ майор! — ответил сержант. — Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Свою вину искупайте в бою!

Пулеметный расчет вскоре открыл огонь и сделал это как раз вовремя. Фашистская пехота, не встречая сопротивления, продвигалась до этого довольно быстро, теперь же, когда заработал пулемет, залегла и отстала от атакующих танков.

Мы поднялись на косогор. Здесь ко мне подбежал комбат и пытался что-то доложить, но я перебил его и приказал готовить батальон к контратаке.

— Огнем поможем, — пообещал я и тут же связался по рации с полковником Самсоненко.

Он без промедления выполнил мою просьбу, и перед танками забушевало море огня. Обстрел продолжался минут десять. Когда

наши орудия смолкли, батальон контратаковал противника.

Однако в контратаку поднялись не все. Часть бойцов батальона продолжала пятиться в тыл. Лейтенант Сорока подвел ко мне запыхавшегося, насмерть перепуганного бойца.

— Куда бежишь как ошалелый?

— Да ведь все бегут…

— Как все? Я вот не бегу, не бегут и те, что наступают на немца. А ты говоришь: все бегут.

— Испугался я, товарищ майор, — признался боец. — Больше такого не повторится. Разрешите идти в роту…

— А где твоя рота? Найдешь?

— Обязательно!

— Тогда иди.

Боец побежал к дороге. Его примеру доследовали еще несколько человек, которые стали догонять товарищей, поднявшихся в атаку на противника.

Видя это, из пшеницы один за другим стали выходить красноармейцы.

— Где ваш командир? — спросил я.

— Не знаем.

Можно было бы, конечно, отпустить всех этих людей, пусть каждый ищет свое подразделение, но я решил объединить их на время контратаки в подразделение и высматривал сержанта, который смог бы ими командовать. Мое затруднение разрешил лейтенант Сорока.

— Товарищ майор, разрешите мне повести людей в бой, — попросил он.

В глазах лейтенанта была такая мольба, в голосе такая решимость, что я не мог отказать.

— Разрешаю, Петр Сергеевич. Желаю успеха. И вот мы услышали голос лейтенанта:

— Рота, слушай мою команду. Вперед, за мной: Бойцы подразделения лейтенанта Сороки дружно пошли в контратаку, гитлеровцы не выдержали и побежали. Глядя на наших людей, только что парализованных страхом, а теперь без колебания, смело идущих навстречу опасности, я подумал: какое великое дело — воля и пример командира! В этой мысли я еще более утвердился, когда, после того как высота была отбита у противника, возвратился на КП. Командир дивизии, багровый от гнева, отчитывал стоявшего перед ним навытяжку лейтенанта:

— Вы трус, а не командир. Бросили роту на произвол судьбы и побежали. Пойдете под трибунал…

Как я понял из услышанного, это был командир той роты: бойцов которой мы собрали и которых в атаку повел лейтенант

Сорока. Мне стало жаль лейтенанта, тем более был он совсем молод, наверное, только прибыл из училища, и этот бой, очевидно, — первый в его жизни. Вот побудет под огнем, пообстреляется и сам станет потом стыдиться своей минутной слабости. Я решил обратиться к генералу Куликову:

— Отошлите его на передовую, товарищ генерал. Пусть искупит вину в бою. Он постарается. Я уверен. Ведь так, лейтенант?

Молодое осунувшееся лицо командира роты пошло красными пятнами. Отчаяние сменилось решимостью.

— Я клянусь, товарищ генерал, такого больше не случится.

Константин Ефимович был человеком вспыльчивым, но весьма отходчивым.

— Ладно, — отрезал он, не глядя на лейтенанта. — Благодари начальника штаба, а то бы пришлось отстранить от должности и отдать под суд. Ступай.

Лейтенант ничего не сказал, повернулся по-уставному и выбежал из блиндажа. Впоследствии этот молодой лейтенант показал себя храбрым и распорядительным командиром, был представлен к ордену Красной Звезды.

Просмотрев и подписав несколько документов, я получил приказ комдива срочно выехать в 725-й пушечный артполк:

— Разберись, Василий Митрофанович, как же они умудрились склад боеприпасов немцам отдать. Виновных надо строго наказать, а командира полка, видимо, придется отстранить от должности.

Вот уж поистине, где тонко, там и рвется. Снарядов и так в обрез, живем на полуголодном пайке, а тут потерять склад!

Я немедленно отправился к артиллеристам. На месте картина прояснилась сразу. Артиллерийский полк майора Керженевского во взаимодействии со стрелковым полком майора Кузнецова, как уже знает читатель, стойко удерживал занимаемые позиции на фланге дивизии и армии. Но именно на этом участке немцы были наиболее активны, сосредоточивали здесь свои основные усилия. Во время одной из атак шестерка вражеских танков прорвалась через передний край и завязала бой в глубине нашей обороны. Вслед за танками в прорыв хлынула гитлеровская пехота. Стрелки и артиллеристы провели решительную контратаку, отсекли от танков прорвавшихся в наше расположение гитлеровских солдат, подбили две боевые машины. Затем майор Кузнецов бросил в бой резерв, гитлеровцы стали поспешно отходить. В это время снаряд вражеского танка случайно угодил в склад боеприпасов, и он взлетел на воздух. Вины майора Кузнецова в этом печальном эпизоде вообще не было. Майор Керженевский виноват был лишь

в том, что не успел перебазировать склад в безопасное место. Поистине война полна неожиданностей, от них не застрахован ни один самый распорядительный командир. Этот бой развернулся в невыгодных для артиллеристов условиях, когда они не успели подготовить огневых позиций. Пришлось отбивать вражеские атаки, что называется, с колес. Так я и доложил комдиву, вернувшись на КП.

За день всякого рода неприятностей было немало, но в общем-то дивизия и 21 июля сдержала натиск врага, вместе с другими соединениями 26-й армии преградила ему путь к Днепру. А это главное. Немецкая наступательная мощь на нашем участке фронта ослабла, противник вынужден был перейти к обороне. Уже после войны в мои руки попала книга бывшего начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта Гальдера. Фашистский генерал, как известно, вел дневник. Вот какие записи сделал он 21 и 22 июля 1941 года.

«21 июля… Главные силы 1-й танковой группы все еще скованы контратаками 26-й армии противника, чего, впрочем, и следовало ожидать…

22 июля… В районе Умани 16-я и 11-я танковые дивизии ведут упорные бои с крупными силами танков противника… Это, конечно, может поставить наши танковые соединения, действующие в районе Умани, в тяжелое положение, тем более что характер боев с 26-й русской армией не дает оснований надеяться на быстрое достижение успеха…»[1]

Что ж, мне было приятно прочитать вынужденное признание гитлеровского военачальника. Уже тогда, в пору, когда в Берлине били в литавры по поводу «триумфальных успехов доблестных войск фюрера», стойкость Красной Армии заставляла даже таких фанатично преданных Гитлеру и чванливых генералов, как Гальдер, переоценивать ценности, сеяла у них сомнения в том, что война кончится молниеносной победой фашистской Германии…

* * *

Командиру и штабу, организующим контрнаступление, очень важно определить момент, когда противник исчерпал свои силы, ослаб, чтобы, не дав ему прийти в себя, нанести по нему сокрушительный удар. Командование дивизии считало, что такой момент настал. К такому же выводу пришли командарм генерал-лейтенант Костенко и начальник штаба армии полковник Варенников. Они потребовали от нас форсировать подготовку

контрудара, чем мы с большим энтузиазмом и занялись, хотя за прошедшие дни выдержали, прямо скажу, огромное напряжение.

Получив соответствующие указания от генерала Куликова, штаб дивизии в течение ночи подготовил приказ на наступление и довел его до командиров частей. Ближайшая задача соединения заключалась в том, чтобы уничтожить противостоящего противника и освободить села Баранье Поле и Медвин. В дальнейшем, развивая успех, дивизии предстояло наступать в направлении сел Тыновка и Косяковка, что в 25 километрах юго-западнее Бараньего Поля.

В ту ночь бодрствовали не только в штабе дивизии, но и в частях. Не так-то просто и легко после двухдневных напряженнейших боев, когда люди буквально валились с ног от усталости, когда подразделения понесли серьезные потери, когда почти израсходованы боеприпасы, сразу же перейти в наступление. Но все понимали, что промедлить — значит дать противнику возможность собраться с силами, подтянуть резервы, то есть повредить себе же. Надо было бить ослабленного врага. А для этого предстояло в течение одной ночи подготовиться к наступлению: дать бойцам отдохнуть, затем вывести их на рубеж атаки, подвезти боеприпасы, проделать проходы в минных полях. Словом, забот хоть отбавляй.

Однако все было сделано к сроку. На рассвете командиры частей доложили о готовности к атаке. До начала артподготовки оставалось полчаса, и я решил выйти из блиндажа на свежий воздух. Может, пройдет мучившая всю ночь головная боль. С востока медленно плыл рассвет, блекли высокие летние звезды. Изредка вспыхивала ружейная перестрелка, С ничейной земли доносился гул тягачей: немцы выволакивали из пшеницы свои подбитые танки.

Подошел капитан Трунов.

— Ну что, фашисты за ночь не покинули позиции? — спросили его.

— На месте. Никакой перегруппировки не зафиксировано. Сидят и, судя по всему, нашего наступления не ожидают. Об этом доложили обе группы моих ребят, проведших ночь в расположении противника. Кстати, докладывают, что никакого шума и с нашей стороны не услышали.

— Это хорошо, что не услышали.

Из своей землянки вышел генерал Куликов, подошел полковник Самсоненко, доложил:

— Артиллерия в готовности номер один, товарищ генерал.

Все, не сговариваясь, взглянули на часы. До начала артподготовки осталось десять минут.

— Василий Митрофанович, еще раз созвонитесь с полками. Все ли там готово?

Я спустился в блиндаж и приказал дежурному телефонисту соединить меня с частями. Командиры полков подтвердили готовность к атаке. Со спокойной душой вернулся и доложил комдиву, что атаку можно начинать.

— Ну что ж, командуйте, полковник Самсоненко, — приказал генерал Куликов.

В утреннее небо одна за другой взвились три зеленые ракеты: сигнал к открытию артогня. Не успели они погаснуть, как тревожную тишину разорвал артиллерийский залп. Готовя бой, мы прекрасно понимали, что подавить артиллерию и минометы врага нам не под силу. Дивизия не имела превосходства в количестве стволов, да и с боеприпасами было не густо. Расчет мы делали на внезапность атаки, на страстное стремление наших людей разбить ненавистного врага.

Война шла уже второй месяц, и все это время инициативу удерживал в своих руках противник. Мы понимали и видели, что наши войска отходят то на одном, то па другом участке фронта. В сводках появилось смоленское направление, стало быть, фашисты оккупировали Белоруссию. Промелькнуло сообщение, что немецкие войска заняли город Остров, а затем Псков. Следовательно, нависла непосредственная угроза над Ленинградом: кто бы мог подумать, что гитлеровской армии удастся так далеко вторгнуться в пашу страну?! Да и здесь, на Украине, враг приближался к Киеву. Было горько и больно сознавать это и хотелось сделать все, что в твоих силах, чтобы остановить врага и затем погнать его вон с советской земли. Вот почему все мы, от генерала до красноармейца, были рады приказу на наступление, хотя командование дивизии и понимало, что для его полного успеха у нас не было необходимых сил и средств.

Как уже отмечалось, и стволов артиллерийских маловато, и снарядов было в обрез. Поэтому артподготовка получилась не такой мощной, как хотелось бы. Однако во многом помогло мастерство артиллеристов. Благодаря ему значительная часть огневых точек противника была подавлена.

— Можно переносить огонь в глубину? — спросил Самсоненко.

— Действуйте, — приказал генерал Куликов.

Мгновение спустя снаряды стали рваться в глубине обороны противника. Это означало, что настало время поднимать людей в атаку.

— За Родину! Вперед! Ура! — Эти возгласы, сначала одинокие, через какую-то минуту переросли в многоголосое

«ура», которое понеслось по необозримому пшеничному полю, эхом отозвалось в рощах и перелесках, подняв из окопов бойцов и увлекая их вперед, навстречу пока еще ошеломленному противнику.

Я наблюдал в бинокль, как из окопов 2-го батальона 893-го полка первым выскочил комбат капитан Кобжев.

— Ура!.. — закричал он, бросил винтовку на руку, не оглядываясь, побежал вперед.

В атаке самое трудное — быть первым. Первым выскочить из траншеи, первым шагнуть навстречу вражескому огню. Дальше уже не так страшно. Капитан Кобжев выскочил первым, не согнулся перед свистящими вокруг пулями, и бойцы батальона, развернувшись в цепь, бросились за своим командиром.

Огонь противника усилился. Ударили пулеметы, открыла стрельбу артиллерия, минометы. Но батальон Кобжева к тому времени был почти рядом с траншеями противника. Еще бросок — и началась рукопашная. Фашисты по выдержали и побежали. Успех наметился и на других участках. Там фашисты тоже дрогнули и стали отходить.

За годы войны я множество раз убеждался в том, что личный пример командира — сильнейшее средство воздействия на подчиненных. Когда боец видит, что его командир, его товарищ, такой же смертный, обыкновенный человек, как и он, поднимается с земли и первым бежит навстречу опасности, а может быть, и смерти, он думает: «И я такое могу! И я не хуже!» И он выскакивает из окопа и устремляется за командиром вслед.

Между тем наступление наше развивалось успешно. Части дивизии вышибли фашистов из сильно укрепленных населенных пунктов Медвин, Баранье Поле, Крутые Горбы. Противник несколько раз контратаковал, пытаясь отбросить полки на исходные позиции. У гитлеровцев было то преимущество, что они располагали танками, которых у нас не было. На танки они и возлагали свои надежды.

В районе села Крутые Горбы фашисты бросили в контратаку десять танков. Однако, поставив орудия на прямую наводку, артиллеристы подожгли четыре танка. Остальные поспешили ретироваться с поля боя. Гитлеровцы были очень самонадеянны и нахальны лишь до тех пор, пока не встречали отпора.

За тем, как развивается наступление частей дивизий, внимательно следили в штабе армии. Несколько раз на НП звонил полковник Иван Семенович Варенников, заслушивал доклады и информировал о делах соседей.

От него мы узнали, что 26-я армия главными силами успешно продвигается в направлении Брусилова. В наступление перешли

кроме нашего соединения 3-я кавалерийская и 199-я стрелковая дивизии. Так что правый фланг 196-й обеспечен надежно. От нас командование армии требовало не давать передышки противостоящей 11-й немецкой танковой дивизии, лишить ее возможности перебросить часть сил в направлении Ставище.

Мы тогда еще не полностью понимали причины беспокойства армейского командования относительно 11-й фашистской танковой дивизии. А дело заключалось в том, что 1-я немецкая танковая группа, наступавшая в направлении станции Христиновка, пыталась отрезать пути отхода на восток войскам 6-й и 12-й армий и, соединившись с наседающей на Умань 17-й фашистской армией, окружить два советских объединения. Для того чтобы сорвать этот замысел врага, и наступали три дивизии 26-й армии.

Мы заверили командование армии, что не дадим 11-й танковой дивизии противника возможности перебросить танки под Умань или Христиновку. Да, собственно, и перебрасывать командованию немецкой дивизии было нечего: половину танков фашисты потеряли в предыдущих двухдневных боях.

Вскоре с разрешения штаба армии мы перенесли НП штаба дивизии в район села Баранье Поле. Части нашего соединения продвинулись па 10–15 километров и управлять ими на таком удалении стало трудно.

Когда комендант штаба доложил, что наблюдательный пункт оборудован и установлена устойчивая связь со всеми частями, я в сопровождении капитана Трунова и лейтенанта Сороки, который вновь вернулся к своим обязанностям помощника начальника оперативного отделения штаба, поспешил в Баранье Поле. К этому времени село было полностью очищено от противника, хотя время от времени то тут, то там рвались снаряды и мины.

Несмотря на опасность, возле одной из хат собралась большая толпа. «Что бы там могло быть?» — подумал я и приказал шоферу остановиться. Когда мы подошли к хате, глазам открылась такая картина.

На земле, в центре круга, образованного толпой жителей, лицом вверх лежала мертвая женщина лет тридцати. На груди ее расплылись два красных пятна. Вокруг убитой ползали четверо ребятишек, один меньше другого. Они не плакали. Лишь девочка лет пяти все твердила с мольбой: «Мамочка, мамочка, проснись, пожалуйста. Мамочка, мамуля… пойдем в хату». Голосила над убитой старуха, должно быть ее мать.

Оказывается, женщину расстреляли фашистское солдаты за то, что она не отдавала им теленка, которого, отступая из села, они забирали. Немцы накануне отняли у нее корову, а теперь

лишали детей последнего, что у них было. Женщина пыталась помешать грабителям и за это поплатилась жизнью. Фашистов не остановило, что у нее четверо малолетних детей. Безгранична была жестокость гитлеровцев к советским людям.

К хате подошло подразделение красноармейцев. Командир дал команду «Разойдись!». Бойцы тихо встали рядом. Они молчали. Но их молчание было красноречивым. Они, как и я, как и мои товарищи, наверняка думали о своем солдатском долге, о том, что нельзя более позволять фашистам терзать родную землю.

Прозвучала команда «Становись!» — и подразделение ушло туда, откуда доносился шум боя.

Баранье Поле было первым селом, которое освободила ваша дивизия от фашистов, и на каждом шагу мы видели следы их хозяйничанья. Стены дома, где располагалась сельская управа, были заклеены приказами немецкого Командования. Один из них гласил: «Все жители села обязаны выходить на работы по уборке урожая. Собранный хлеб сдать оккупационным властям. За непослушание германским властям, за срыв сельскохозяйственных работ — расстрел». Другой приказ обязывал жителей немедленно сообщать германским властям о месте нахождения «большевистских комиссаров», о тех, кто связан с «лесными бандитами», то есть с партизанами. Он предписывал сдавать представителям вермахта огнестрельное оружие…

Приказы, написанные на ломаном русском языке, с массой грамматических ошибок, заставили нас особенно остро почувствовать и понять, что несет на своих штыках фашистская армия.

Прибыв на НП, расположенный южнее Бараньего Поля, сразу же доложил об этом комдиву, а затем связался по телефону с командирами частей я уточнил на карте их местонахождение. А картина складывалась такая: 869-й стрелковый полк при поддержке 739-го гаубичного полка вел бой западнее Бараньего Поля.

884-й стрелковый полк отбивал вражеские контратаки в районе села Крутые Горбы. 893-й стрелковый при поддержке 725-го пушечного полка, овладев селом Медвин, дрался за село Побережки.

Только я переговорил с частями, как позвонил командарм генерал-лейтенант Костенко. Он спросил генерала Куликова, но, поскольку тот был на переднем крае, трубку взял я.

— Говорит Первый. Доложите обстановку, — сказал он. Стараясь быть предельно лаконичным, я доложил об успехах дивизии.

— Хорошо. Очень хорошо, — услышал в ответ. — Военный совет армии рад за вашу дивизию.

У генерала Костенко, как я почувствовал, было приподнятое настроение. И это понятно. Ударом во фланг фашистского танкового клина, нацеленного на Днепр, армия, в том числе наша дивизия, вынудила 1-ю танковую группу перейти к обороне на рубеже Фастов, Белая Церковь, Тараща.

Но радость наша была недолгой. Обстановка на Юго-Западном фронте вскоре резко ухудшилась. Фашистское командование, стремясь скорее захватить Киев, бросало в сражение все новые и новые силы. Как стало известно позднее, только против правого фланга 26-й армии немцы сосредоточили пять дивизий. Они навалились на 26-ю армию потому, что она мешала фашистам выйти на оперативный простор, обойти Киев и форсировать Днепр. У фашистов был зуб на нашу армию и потому, что она крепко им па-солила в предыдущих боях. В районе Фастов, Белая Церковь, Тараща, Тыновка мы обескровили три танковые и одну моторизованную немецкие дивизии. Гитлеровцам удалось вскоре создать значительный перевес в силах за счет подтягивания резервов и переброски свежих частей с других участков фронта. Короче говоря, обстановка на нашем участке фронта была чревата новыми серьезными осложнениями для наших войск, и командование приняло решение — единственно правильное в сложившихся условиях — приостановить наступление, отойти на новый оборонительный рубеж, ближе к Днепру, чтобы не допустить окружения войск, обороняющих Киев, и не дать танковым и моторизованным соединениям врага создать плацдарм на левом берегу, с которого можно было бы начать наступление в глубь Левобережной Украины.

Командование дивизии, разумеется, не знало истинного положения дел, и потому приказ командарма об отходе на новый рубеж нас удивил и обескуражил. Мы терялись в догадках, строили предположения. В разговоре по телефону я высказал неудовольствие тем, что наступление дивизии приостановлено, начальнику штаба армии полковнику Варенникову. Тот дал понять, что приказ следует выполнять, а не обсуждать. На это я ответил, что приказ выполняется и будет безусловно выполнен, но ведь отходить легче, чем идти вперед.

— Я понимаю вас. Всем надоело показывать немцам спину. Но ничего не поделаешь: враг еще сильнее нас. С этим приходится считаться. На войне частный успех может обернуться стратегическим поражением. Здесь именно тот случай. Так что выбросьте из головы все сомнения.

— Но как объяснить все это личному составу?

— Так и объясните. Людям надо говорить правду, а они все поймут. Договорились? Ну и ладно. А при встрече я постараюсь объяснить причину отхода более подробно.

На фронте все требовалось делать быстро и четко. Но не так-то просто вывести части из соприкосновения с противником, повернуть их на 180 градусов, а затем, совершив марш протяженностью 50 километров, в ближайшие часы врыться в землю и перейти к жесткой обороне. Снова штаб заработал с предельной нагрузкой. У нас уже был опыт организации маневра, и теперь работа шла четче, слаженнее, без дерганья и суеты. В предельно сжатые сроки были определены маршруты, порядок вывода полков с занимаемых позиций, меры маскировки, отданы необходимые распоряжения частям.

Приказ командарма об отходе на новый оборонительный рубеж был получен в первой половине дня 27 июля, и, как только стемнело, подразделения оставили свои позиции и начали марш на восток. Делалось это с предельной предосторожностью. Все внешне выглядело так, как будто ничего не происходит и части остаются на своих местах. Время от времени то тут, то там пускались в небо ракеты, густую темноту разрезали трассирующие пули… Это делали бойцы подразделений прикрытия, переходя с места на место. И надо сказать, что у противника не возникли подозрения, ничто не насторожило его.

Ночь стояла теплая и темная: чувствовалось, что лето уже перевалило свой зенит и дело идет к осени. Чтобы колонны не потеряли ориентиров и не сбились с пути, на перекрестках дорог, на мостах, в населенных пунктах была организована служба регулирования движения. И она помогла провести марш организованно. Ночи в конце июля уже довольно длинные, рассвет наступает поздно, и в нашем распоряжении было до восьми часов темного времени. За эти часы подразделения форсированным маршем прошли до 40 километров и фактически достигли намеченного рубежа.

Хотя переход вымотал людей, они, отдохнув часа два и позавтракав, приступили к оборудованию оборонительных позиций. Бойцы понимали, что все это нужно им как воздух, и их не надо было подгонять. Я со своими помощниками объехал новый оборонительный рубеж. Он протянулся до 20 километров по фронту и до 10 километров в глубину. Мы уточнили с командирами полков участки обороны.

На правом фланге был поставлен 893-й стрелковый полк. При поддержке 739-го артиллерийского ему предстояло оборонять участок от села Маскалики до села Маринцы протяженностью по

фронту до пяти километров. Не повезло на этот раз майору Кузнецову. Его полку достался весьма опасный и уязвимый в противотанковом отношении участок: широкое равнинное поле, ни пригорка, ни кустика, ни ручейка, которые могли бы затормозить продвижение вражеских танков. Пришлось придать полку еще я противотанковый дивизион. Это в известной степени компенсировало оборонительные недостатки местности. Широкая огневая «спина» противотанкового дивизиона прикрывала и штаб дивизии — он расположился неподалеку.

884-й вместе с 725-м артиллерийским стояли в центре с задачей оборонять рубеж село Нехворощ, хутор Ситницкий. Здесь находился довольно большой лесной массив, и это давало обороняющимся много выгод.

Но самый удобный с точки зрения противотанковой обороны участок. достался 863-му стрелковому полку. Междуречье, разделяющее реки Рось и Выграй, изобиловало оврагами, перелесками и представляло собой естественный противотанковый рубеж. Да и сами реки служили хорошей преградой для танков гитлеровцев.

Итак, границы участка обороны были определены. Теперь предстояло в короткий срок, максимум за двое суток, превратить его в неприступный для врага рубеж: отрыть окопы, траншеи, подготовить огневые позиции — основные и запасные, оборудовать командные и наблюдательные пункты, создать систему огня ротных и батальонных опорных пунктов, установить противопехотные и противотанковые минные поля. Необходимо было оборону сделать глубокой. В случае просачивания вражеских танков через первую линию траншей на них обрушивали огонь подразделения, находящиеся па второй линии. Защищать подступы к Киеву мы готовились до последней капли крови. С этими мыслями красноармейцы и командиры дивизии и приступили к подготовке позиций.

Новые испытания

Время, когда на передовой тихо, пули не свистят над головой, не рвутся рядом снаряды и можно ходить по земле не пригибаясь, в полный рост, было не самым легким. Оно до краев наполнялось тяжким солдатским трудом, и что самое горькое и обидное, трудом, который по стечению обстоятельств порой затрачивался впустую. Сколько раз приходилось слышать, как бойцы с горечью говорили: «Роешь, роешь, как крот, эту проклятую землю, сто потов прольешь, все руки в мозолях, а отроешь окоп, надо снова отходить. И когда ж это кончится?»

Всякий раз, когда командование дивизии в те дни встречалось с бойцами, они задавали нам один и тот же вопрос: скоро ли кончим отступать?

Что мы могли ответить на эти вопросы? Говорили бойцам, что думали. Я, например, был глубоко убежден, что дальше Днепра мы немца не пустим. Во-первых, рассуждал я, широкая и полноводная река является естественным препятствием на пути вражеского наступления, ее не так-то легко и просто форсировать. Во-вторых, мне казалось, что прошло достаточно времени, чтобы подготовить и перебросить на линию Днепра свежие войска, которые и нанесут по врагу сокрушительный удар.

Забегая вперед, скажу, что стратегом я оказался плохим. Потребовалось еще полтора года тяжкой борьбы и огромных жертв, прежде чем наступил коренной перелом в войне, и рубежом, от которого фашистская армия покатилась назад, стал не Днепр, а другая великая река — Волга. Думается, однако, что наш оптимизм, хотя и основывался он не на знании стратегического соотношения сил сражавшихся армий, а на интуиции, на наших желаниях, был необходим. Без твердой веры в скорый разгром врага трудно было выстоять, а затем и победить.

Но вернемся к обороне, которую мы готовили в новом районе. Как я уже говорил, она строилась прежде всего кап противотанковая. Командиры и красноармейцы дивизии знали, что танки — главный козырь немецко-фашистских войск. Однако мы не переставали изумляться тому, откуда у гитлеровцев столько танков. В каждом бою огнем нашей артиллерии выбивали десятки машин. Немало танков превратили в пылающие факелы и наши смельчаки истребители. Казалось, что после таких потерь фашисты не скоро смогут оправиться. Однако на другой день в атаку шло не меньше, а больше танков и бронетранспортеров, чем вчера. Ответ на этот вопрос мы нашли, осматривая подбитые

вражеские боевые машины у села Медвин. На нескольких танках мы нашли марки заводов «Рено» и «Шкода». Заявление наших руководителей, нашей прессы о том, что фашистская Германия поставила на службу своей агрессии весь промышленный потенциал Европы, приобрело для нас вполне конкретное и убедительное содержание.

Итак, штаб дивизии, зная наверное, что в бою, который может разгореться сегодня, в крайнем случае, завтра, опять придется отражать танковый удар противника, придирчиво следил за тем, чтобы выполнялись все требования устава об организации противотанкового оборонительного боя.

Инженерные работы велись допоздна. С рассветом они были продолжены. Артиллеристы 1-го дивизиона, приданного 893-му стрелковому полку, куда я направился ранним утром, подготавливали сектора обстрела и обзора, строили укрытия для орудий. Впереди колыхалось широкое пшеничное поле. Высокая пшеница закрывала для стрелков и артиллеристов горизонт, не давала возможности вести прицельный огонь. Можно было бы поджечь пшеницу и решить проблему. Но ведь хлебное поле не только мешало, но и помогало обороняющимся: оно укрывало от противника, особенно от его авиации, наши позиции, мешало гитлеровцам вскрыть систему обороны. И было принято единственно верное в данных условиях решение: проложить в пшенице сектора для огня. Бойцы принялись вытаптывать хлеба ногами, засверкали невесть откуда взявшиеся косы и серпы, засновали взад-вперед повозки…

Мне, человеку, родившемуся и выросшему в деревне, сыну потомственного крестьянина, было до слез больно видеть эту картину. Я знал цену хлеба, знал, каким трудом и потом он достается. Запомнилось, как в двадцатом году на воронежские поля обрушился суховей и выжег на корню все посевы. Нашей большой семье — у меня было пять братьев и шесть сестер — хлеба хватило едва до зимы. Начался голод. Мы ели картофельную кожуру, жмых, мякину, лузгу, варили кору деревьев, вырывали из-под снега съедобную траву-«самсончики». Все время мы мучились от голода, и единственным желанием было вдоволь, досыта поесть хлеба. Вскоре в нашем селе прошел слух, что хлеб можно выменять на соль. Соль же можно легко добыть на Волге. И вот с двоюродным братом Дмитрием мы отправились в далекий Царицын за солью. Долго мы странствовали, в пути попадали во всякие переделки. Соль мы все же добыли и привезли в родное село. Это спасло всю семью, кроме брата Николая, который умер от голода, так и не дождавшись хлеба, выменянного на царицынскую соль.

Вспомнилось, как года через два после голодовки хлеб уничтожил огромный, с куриное яйцо величиной, град, и семья еле дотянула до нового урожая.

И вот теперь, видя, как советские люди уничтожают свое богатство, я буквально страдал от горя и ненависти…

От артиллеристов мы пошли в штаб 893-го стрелкового полка. Дежурный по штабу доложил, что командир полка беседует с истребителями танков, и проводил на ближайшую поляну, где мы невольно оказались очевидцами такой сцены. Майор Кузнецов стоял в окружении красноармейцев. Беседовали о предстоящем бое.

— Снова танки на нас попрут, товарищ майор? — спросил командира полка красноармеец лет двадцати с веснушчатым лицом.

— Снова попрут, — вздохнул майор. — Уж очень фашисты долго топчутся на нашем направлении! А это, по всему видно, не входит в их расчет.

— И откуда у них столько этих самых коробок на гусеницах?

— Наклепали они действительно много. Но ведь с каждой подожженной нами машиной их у гитлеровцев становится все меньше. Значит, надо их выжигать!

— Да долго ли продержишься с бутылкой против танка? Бой-то не на равных.

— И какой же выход? Пропустить немецкие танки к Днепру, а самим в окопы спрятаться? — спросил Кузнецов красноармейца.

А тот обиженно ответил:

— А я ничего подобного, товарищ майор, и не предлагаю. Конечно, встретим фашиста как положено. Только обидно: он на тебя броней и гусеницами, а ты с гранатой да с бутылочкой.

— Почему с гранатой да с бутылочкой? Нашему полку придан противотанковый артиллерийский дивизион. Двенадцать стволов. Если каждое орудие подобьет хотя бы один танк, и то двенадцать машин. А артиллеристы стрелять умеют. Так что лазаря петь заранее не рекомендую. На победу надо настраиваться.

— Это верно, товарищ майор. Мои товарищи Володя Токарев и Сережа Петушков точно так же считали. Но оба погибли под гусеницами фашистских танков. А какие были ребята! Золото. Мстить за них я буду проклятым фашистам! В истребители добровольно записался. Но хорошо, чтоб и артиллерия по ним била, и наши танки чтоб давили немчуру.

Мы чувствовали, что и майор Кузнецов, и красноармейцы настраивались в душе на худшее. Они понимали, что ни им, ни их товарищам назад пути нет, понимали, что, вполне возможно,

придется навсегда остаться на этом поле, как полегли уже Володя Токарев, Сережа Петушков и многие, многие другие сыны великой России. Конечно, и командир полка, и его собеседник надеялись, что и на этот раз вражеская пуля пролетит мимо, но война есть война.

Да что и говорить, не знали они еще, как, впрочем, и мы в штабе дивизии, что 196-я стрелковая, а еще точнее, 893-й полк оказались на самом острие главного удара вермахта здесь, на Юго-Западном направлении советско-германского фронта.

Если мы возьмем схему Киевской оборонительной операции, то увидим, что стрелы немецкого наступления с конца июля — начала августа резко повернули на юг. Встретив упорное сопротивление защитников украинской столицы, убедившись, что взять с ходу Киев им не под силу, гитлеровское командование повернуло танковую группу Клейста в направлении Умань, Подвысокое с задачей отрезать отход на восток войскам 6-й и 12-й армий, ведущим тяжелые оборонительные бои. Наша дивизия и оказалась стечением обстоятельств на пути танков и мотопехоты Клейста.

Утро 29 июля 1941 года навсегда осталось в моей памяти. Было оно тихим, ясным. Даже не слышно было крика петухов и лая собак в соседних селах Нехворощ и Пешки. Их жители с домашним скарбом и гуртами скота ушли подальше от войны.

Утреннюю тишину нарушил рев фашистского «мессера». На небольшой высоте он начал кружиться над позициями полка Кузнецова, а затем улетел. Минут через двадцать в небе показалась группа «юнкерсов». Они начали обрабатывать наши позиции методично и последовательно. Пропахав бомбами один квадрат, они принимались за другой. На смену первой группе бомбардировщиков шла вторая. И так продолжалось весь день. Казалось, не осталось в поле, где заняли оборону наши люди, ни одного живого человека. И мы с тревогой ждали доклада майора Кузнецова о потерях полка и не сразу поверили, когда услышали по телефону, что убито 15, а ранено 34 человека. Мы ожидали гораздо худшего, предполагали, что от такой никогда не испытанной дивизией бомбежки погибло, по крайней мере, вдвое-втрое больше.

— Уши заложило, ничего не слышу, — пожаловался Кузнецов.

О том, что командир полка действительно оглох, я понял по тому, что он в трубку телефона не говорил, а кричал.

— Держись, Николай Ксенофонтович. Это увертюра, главная музыка впереди, сказал я Кузнецову. — Завтра с утра полезут, а на ночь передышку дадут. Так что пока залечивайте раны.

— Понимаю. Это уж как полагается.

Читатель знает, что в ту пору фашисты воевали по твердо заведенному порядку: днем — бой, ночью — сон.

Как мы и ожидали, немецкая атака последовала на рассвете 30 июля. Вместе с генералом Куликовым мы находились на НП дивизии. Генерал долго молча рассматривал в бинокль окрестности, затем также молча передал мне его и жестом показал — дескать, смотри. Я поднес к глазам бинокль и увидел сквозь облака пыли на дороге, идущей от села Пешки к Нехворощу, нескончаемую колонну вражеских танков.

Генерал Куликов не потерял самообладания, остался, как обычно, невозмутимым и спокойным.

— Противника не считают. Его бьют. Так, кажется, говорил Суворов. Будем драться. Предупредите, Василий Митрофанович, Кузнецова и Кондитерова. Пусть встречают фашистов.

Тотчас же соединился с тем и другим. Они уже заметали фашистские танки и были готовы, как сказал Кондитеров, по-русски угостить гитлеровцев.

Я передал трубку генералу Куликову.

— Вы видите, сколько танков! Всех не подожжете. Об этом и думать нечего. Не подобьете — пропускайте. Далеко не уйдут. Ваша задача: отсечь пехоту от танков. Чтоб ни один фашист не проник через передний край. Ни один! Это прошу усвоить. Приказываю усвоить! И передать всем командирам и красноармейцам.

В минуты, когда враг атакует тебя и ты видишь, что у него больше сил, много значит выдержка, способность подавить смятение и страх перед надвигающейся опасностью и заставить себя действовать рассудительно и спокойно. Люди по-разному ведут себя в бою. Одних опасность подавляет, и они безвольно идут навстречу уготованной судьбе, становятся ее рабами. Другие стараются казаться активными, но активность у них чисто внешняя, она идет от внутренней подавленности и неспособности руководить своими поступками. Подобное состояние у человека бывает, как правило, не от природной трусости, хотя случается и такое. В основном это результат неопытности, необстрелянности. Наша дивизия сравнительно мало участвовала в боях, и вполне объяснимо, что некоторые красноармейцы и даже командиры, как говорится, кланялись каждой просвистевшей пуле. Нужно было время, чтобы личный состав научился правильно вести себя под неприятельским огнем. Бывалый солдат по звуку точно определит место, куда приземлятся снаряд или мина, ближе или дальше, и мгновенно найдет укрытие, если снаряд летит «в самую точку».

Забегая вперед, скажу, что за войну я мало встречал людей,

которые бы с первого боя вели себя под огнем как уже обстрелянные солдаты. Но именно к таким людям относился командир противотанкового дивизиона А. Г. Кондитеров. Не думаю, что ему был неведом страх. Людей, не дорожащих жизнью, наверное, на свете не существует. Но Алексей Георгиевич Кондитеров умел управлять своими чувствами и поступками. В час опасности мысль его работала четко, действовал он хладнокровно.

По своей должности я не обязан был находиться во время боя в подразделениях, да и считал, и считаю, что присутствие старшего начальника не всегда помогает командиру, а чаще сковывает его действия, вольно или невольно заставляет действовать с оглядкой. Но сейчас был исключительный случай. Успех боя зависел от артиллеристов противотанкового дивизиона. И я попросил у комдива разрешения отправиться к Кондитерову. Получив «добро», прошел на КП дивизиона, благо он располагался рядом.

Увидев меня, капитан Кондитеров начал было докладывать, но я попросил его заниматься своим делом. Капитан в правой руке держал бинокль, продолжая напряженно следить за продвижением танковой колонны, а левая была поднята над головой. Взмах ее означал сигнал к открытию огня. Телефонист, находившийся рядом, не спускал глаз с поднятой руки капитана.

Вражеская колонна тем временем подходила все ближе и ближе. Вот до нее осталось 500, 400, 300 метров… Вот уже простым глазом можно было рассмотреть жерла орудий, черные кресты на бортах машин. Грохот и скрежет нарастали. По всем правилам нужно было открывать огонь. Но рука командира дивизиона все еще была поднята над головой, и орудия молчали. Меня охватило беспокойство, не упускает ли командир дивизиона нужный момент. Но капитан отлично знал свое дело, выждал, когда до головного танка осталось не более сотни метров, и энергично взмахнул рукой.

— Огонь!

Дружно ударили орудия, и через мгновение бушующий огонь охватил головную машину. Запылал и четвертый в колонне танк. Для начала неплохо. Даже очень неплохо! Благодаря этому успеху на дороге образовалась пробка, и вражеским танкам потребовалось какое-то время для того, чтобы преодолеть замешательство и развернуться для боя. Умный тактик, капитан Кондитеров навязал противнику свою волю, создал благоприятную для дивизиона ситуацию. Воспользовавшись замешательством фашистов, артиллеристы подбили еще три боевые машины. Но большего пока сделать не успели. Надо

отдать немецким танкистам должное: они довольно быстро рассредоточились и, ведя огонь на ходу, пошли па штурм высоты. Я попробовал подсчитать количество атаковавших машин, но быстро сбился со счета: во всяком случае их было не менее 50, по всей вероятности, мы столкнулись с походной колонной, которая не ожидала встретить здесь сопротивления. Фашисты решили, что вчерашняя бомбежка сделала свое дело и обеспечила безопасность марша. Но просчитались…

Артиллеристы работали на пределе. Рука Кондитерова энергично рубила воздух, но, чем ближе танки подходили к переднему краю, тем реже снаряды ложились в цель: не так-то просто подбить идущую на скорости боевую машину.

Подводило и волнение: когда в 50 метрах от тебя танк, нервы не выдерживают, появляются ошибки в прицеле, и снаряд чаще летит мимо. Бой разгорался, все меньше я меньше у капитана Кондитерова оставалось людей и орудий.

Огневые позиции артиллеристов напоминали островок, взрывающийся фонтанами пылающей, кипящей земли; фашистские танкисты определили, где находится основное препятствие, и сосредоточили по нему огонь своих пушек. Вскоре из двадцати орудий в строю осталось девять, затем восемь, семь. Почти все артиллеристы были ранены, многие убиты, кончались и снаряды.

А танки между тем уже утюжили окопы полка майора Кузнецова. Но как раз здесь их и ждал сюрприз. Семь машин одна за другой загорелись, как факелы. Это было делом рук наших истребителей танков. Фашистские танкисты пытались сбить пламя, резко бросали машины то влево, то вправо, то вперед, но огонь не сдавался, и стальные чудовища беспомощно останавливались. Экипажи пытались спастись бегством, но их настигали меткие пули красноармейцев. Это привело фашистов в смятение. Танки попятились, укрылись в овражках, кустарнике, пшенице и оттуда вновь открыли огонь по высоте.

В мокрых от пота гимнастерках, с черными от копоти и грязи лицами артиллеристы капитана Кондитерова укрылись в окопах, до тех пор пока не прекратился обстрел. Но как только танки врага пошли в новую атаку, они опять заняли свои места, и опять рука командира дивизиона рубила воздух, и опять осипшим голосом, тонущим в грохоте выстрелов, отдавал он одну и ту же команду:

— Огонь! Огонь!

И вновь фашисты недосчитались многих боевых машин. Четыре подожгли истребители танков, шесть подбили артиллеристы, а три подорвались на минных полях. Чертова

дюжина! Остальные танки обошли высоту и устремились по направлению к Корсуни.

С идущей за танками гитлеровской пехотой завязали бой подразделения полка майора Кузнецова. С НП было хорошо видно, как цепи фашистов приближались к нашим окопам, как, встреченные ружейно-пулеметным огнем, они на глазах редели и откатывались назад, как затем шестиствольные минометы врага обрабатывали наш передний край, а затем все повторялось сначала в той же последовательности.

Штабу дивизии было небезопасно оставаться дольше в районе села Нехворощ, и полковник Варенников, внимательно следивший за ходом боя, приказал перевести его в село Киченцы, что раскинулось в пяти километрах восточнее Нехвороща.

Отдавая от имени комдива указания частям, я задержался на НП и уходил последним.

— Товарищ майор, — услышал я негромкий голос связиста, совсем молодого паренька. — Можно свертываться?.. Вопрос связиста вернул меня к действительности.

— Действуйте, товарищ красноармеец!

Связист проворно отключил телефон, закинул сумку па плечо и, волоча за собой провод, выскочил наружу. Я же, складывая в планшет бумаги, замешкался, и это мне чуть-чуть не стоило жизни.

— Хенде хох! — услышал я оклик, не пройдя и десятка шагов от НП.

Первой мыслью было, что кто-то глупо шутит. Повернул голову и обомлел. Рядом стояли три немецких солдата со вскинутыми для стрельбы автоматами. Что делать? Положение — хуже не придумаешь. Попытаться достать из кобуры пистолет и отстреливаться? Это исключено. Это верная смерть. Фашисты сделают из тебя решето. Но не сдаваться же в плен? Кошу глазами и, к счастью, вижу, что стою возле блиндажа. Прыгаю в него и на лету сбрасываю накинутую па плечи шинель. Тут же слышу треск автоматов. По траншее, идущей от блиндажа, что есть духу выбегаю в лощину, которая петляет за высотой. Это уже спасение. Немного отдышавшись и придя в себя, осматриваюсь, нет ли поблизости гитлеровцев. Больше вроде не видно. Как же эти трое оказались в тылу полка майора Кузнецова? Значит, где-то просочились, значит, надо быть готовым ко всяким неожиданностям и усилить охрану штаба дивизии. А что предпримут эти трое фашистов? Из-за укрытия наблюдаю за ними.

Постояв немного и о чем-то поговорив, они направились к месту, где валялась моя шинель. Вероятно, гитлеровцы

посчитали, что я убит, и не особенно спешили. Но вот они подняли простреленную шинель и убедились в своей оплошности. Меня уже спрятали от вражеских глаз лощина в высокая пшеница. Метрах в 200 от НП, в условленном месте, должен был находиться мой верховой конь. Но его не было. Как потом выяснилось, при отходе товарищи из штаба подумали, что я уже в Киченцах, отправили коновода и лошадей к месту нового КП.

В это время я заметил, что по соседней лощине, которая не простреливалась противником, мчится эмка. Это была машина заместителя начальника политотдела дивизии старшего батальонного комиссара Федора Яковлевича Сурмилова. Он находился в полку майора Керженевского и, пробираясь на КП дивизии, едва не оказался в расположении противника. Его спасло хладнокровие шофера, в прошлом московского таксиста. Этот отчаянный и смелый парень умел выходить целым и невредимым из любой передряги.

— Начштадив, это вы?! — обрадовался Сурмилов. — Садитесь быстрее, а то можем угодить к немцам!

Выбравшись из лощины, машина покатила по проселку. Вскоре мы были на новом КП. Здесь также грохотали разрывы снарядов и мин, посвистывали пули.

Место для КП было выбрано не совсем удачно. Рядом подняла к небу крылья ветряная мельница. Прекрасный ориентир для фашистских артиллеристов! Отругав своих помощников, я приказал перенести КП метров на восемьсот в сторону от мельницы. Связисты через каких-нибудь полчаса установили связь, и штаб опять держал в своих руках нити управления боем.

С переднего края поступали тревожные вести. Погиб противотанковый дивизион капитана Кондитерова. Были выведены из строя все орудия. Большинство артиллеристов погибли, оставшиеся получили ранения. Тяжело ранило самого Кондитерова. Двое бойцов положили потерявшего сознание командира на плащ-палатку и под огнем вынесли в медсанбат. С того дня я потерял из виду этого замечательного командира. Только после войны узнал, что он жив, установил с ним связь, переписывался. Оказывается, Алексей Георгиевич Кондитеров после этого боя долго пролежал в госпитале, затем снова попал на фронт, снова отличился. К концу войны он командовал артиллерией 91-й гвардейской стрелковой дивизии.

Однако возвращаюсь к событиям 29 июля 1941 года.

В полку Кузнецова осталось не более половины личного состава. Противник же, хотя и понес в течение дня немалые потери, сохранил значительное превосходство в силах. Гитлеровское командование перебросило на наш участок свежую

57-ю пехотную дивизию. Его авиация почти беспрерывно обрабатывала наши позиции. В этих условиях пытаться удерживать занятый рубеж было бессмысленно. Это привело бы к дальнейшим большим потерям в живой силе и технике. Посоветовавшись со своими ближайшими помощниками, командир дивизии принял решение отвести части километров на двадцать юго-восточнее, на новый рубеж Мельники, Киченцы, Браваки. Получив указание генерала, я тотчас же связался с полковником Варенниковым.

— Своей властью я этого решить не могу. Доложу командарму, — ответил начальник армейского штаба и попросил не отходить от телефона.

Через минуту я вновь услышал в трубке его басок: «Отводите. Командарм санкционировал».

И опять — в который раз! — мы оставляли окопы и огневые позиции, отстаивая которые так много пролили солдатской крови. Оставляли под прикрытием уже по августовски темной ночи. Главным силам дивизии удалось незаметно оторваться от противника. Гитлеровцы готовились к новому штурму весьма тщательно, усиленно бомбили и обстреливали наш участок обороны в течение всего дня, но атак не предпринимали. И это было нам весьма на руку.

Через сутки мы заняли новый рубеж обороны. Люди выбились из сил, буквально валились с ног от изнурительных боев и переходов. Надо было дать им отдохнуть, выспаться. Необходимо было срочно пополнить подразделения людьми, подвезти боеприпасы. Но на все это времени не было. Враг напирал, и надо было зарываться в землю.

В те трудные дни коммунисты, от парторга роты до комиссара дивизии, были всегда вместе с бойцами, делили с ними все горести и радости. Я тогда почти не видел на командном пункте старшего батальонного комиссара Дмитрия Степановича Чечельницкого. Комиссар дивизии безошибочно определял, какой части или подразделению приходится наиболее туго, и отправлялся туда. Его появление среди бойцов производило всегда благоприятное действие: приободряло, вселяло веру в свои силы. Чечельницкий хорошо знал пути к солдатскому сердцу, был прекрасным оратором. Я не раз был свидетелем, как он беседовал с солдатами. Комиссар умел раскрыть смысл событий, происходящих на фронте.

Он был истинным эрудитом. На память цитировал Маркса и Ленина, Плеханова и Руссо, речь его всегда к месту была расцвечена литературными образами. Он хорошо знал Толстого и Чехова, Шекспира и Гомера, Горького и Маяковского. «Мне бы на

кафедре студентам лекции читать, а я всю жизнь солдатскую лямку тяну. Нет, что ни говори, судьба — несправедливая, своевольная дамочка», — говаривал Дмитрий Степанович.

Но что-то не было заметно, чтобы он обижался на свою жизнь: всегда бодр, в хорошем расположении духа. Неудачи, которые обрушились на Красную Армию, он рассматривал как временные, преходящие. «В гражданскую положеньице наше, скажу вам, было куда хуже. Ведь за горло нас держали антанты и колчаки всякие. Ни хлеба, ни сапог, ни патронов. И ничего, выжили. Мы живучие, большевики. И не только выжили, но и всех врагов побили-поколотили. Так будет и в этой войне. Обидно, конечно, что отдали фашистам столько земли. Вернем. И в Берлине будем. Помяните мое слово!» Забегая вперед, честно скажу, в апреле — мае сорок пятого, когда 150-я стрелковая дивизия, которой я в ту пору командовал, штурмовала рейхстаг, вспоминал не раз слова нашего комиссара. «Помяните мое слово!» — звучал у меня в ушах его голос, голос патриота-коммуниста.

Внимательно следил за тем, чтобы политработники были ближе к красноармейцам и командирам, постоянно оказывали на них партийное влияние, поддерживали высокий моральный дух, и бригадный комиссар Дмитрий Емельянович Колесников, член Военного совета нашей армии. Сколько прошло с той поры лет, а я и теперь хорошо помню этого необыкновенного человека! Чем необыкновенного? Прежде всего, железной волей. Бригадный комиссар Колесников никогда не колебался. Если уж что-нибудь решал, то отстаивал свое решение перед любым начальством. Это был человек дела. Когда что-нибудь обещал, то непременно выполнял. Никогда ни перед кем не заискивал. По моим наблюдениям, его побаивался даже сам генерал-лейтенант Костенко, хотя они были давними друзьями, вместе воевали в 1-й Конной армии Буденного.

— Где комдив? — спросил меня Колесников, неожиданно нагрянувший на КП дивизии, едва мы успели перебраться от ветряной мельницы на новое, более безопасное место.

Генерал-майор Куликов полчаса назад пожаловался на боли в сердце и уехал показаться врачам в медсанбат, оставив меня за себя. Об этом я и доложил члену Военного совета.

Колесников, человек проницательный, очевидно, понял, что дело тут не только и не столько в давнем недомогании комдива. Тяжелые потери, которые понесла дивизия в бою у Пешек и Нехвороща, продолжающееся отступление сильно подействовали на комдива. Он страшно переживал, считал, что в этом есть и его вина. И, тонкий психолог, Колесников правильно решил, что

необходимо его вмешательство, необходимо ободрить комдива, подчеркнуть, что никакой вины за Куликовым командование армии не видит, что он может работать спокойно.

Мы нашли вскоре медсанбат, и Колесников, очевидно, сказал моему командиру все это. Я заметил, как Куликов повеселел.

— Ваша дивизия сражалась превосходно. Она на несколько дней задержала продвижение фашистской танковой группы к Днепру. Военный совет благодарит весь личный состав дивизии за мужество, стойкость. Передайте это красноармейцам и командирам. Передайте также, чтобы готовились к наступлению. Шабаш. Довольно отходить, освобождать свою землю будем…

Сказав это и пожав нам руки, бригадный комиссар Колесников сел в машину, и она запылила по проселку.

Вновь наступаем

Подпрыгивая на колдобинах и пыля, штабная эмка мчалась по проселку. Несусветная тряска не портила моего настроения: оно было под стать ясному августовскому дню, залитому солнцем, пропитанному теплом. Только что в штабе 6-го стрелкового корпуса, в который входила наша дивизия, я получил приказ на наступление. Приказ получил из рук начальника оперативного отдела полковника Катаева, ибо начальник штаба полковник Еремин, к моему огорчению, находился в отъезде. С Николаем Владимировичем Ереминым меня сдружила совместная учеба в академии имени Фрунзе. Еремин был старше всех пас и по возрасту, и по званию, носил в петлицах ромб. Поскольку по каким-то неизвестным нам причинам ему долгое время не присваивали нового звания, то мы в обиходе по-дружески называли его бригадным. К этому мы, да и сам Еремин, так привыкли, что когда он получил полковника, все равно иначе как «бригадный» его никто не называл. И вот когда 196-ю стрелковую дивизию влили в 6-й стрелковый корпус, Еремин, узнав, что ее начальником штаба является какой-то майор Шатилов, позвонил ко мне и сказал:

— Говорит бригадный. Случаем, не ты ли, Вася, есть тот самый Шатилов?

Я сразу узнал знакомый, с хрипотцой голос Еремина.

— Конечно, я, дорогой ты мой товарищ бригадный. Какими судьбами ты объявился? Рассказывай.

— Я некоторым образом есть твое начальство. Трепещи и бойся. Вот приедешь в мое хозяйство, тогда и потолкуем, вспомним свое московское житье-бытье.

Заместитель Еремина, начальник оперотдела Катаев, вручая мне приказ, не скрывал своего хорошего настроения.

— Наступать будем, товарищ майор. Хватит отходить на «заранее подготовленные позиции». Пора и честь знать! В пакете приказ командующего армией. Там все сказано- что и как. Между прочим, идея наступления принадлежит Семену Михайловичу Буденному. Это понимать надо…

Полковник при этих словах поднял вверх указательный палец и тихонько пропел: «Мы красная кавалерия, и про нас былинники речистые ведут рассказ».

— Не получится, как в прошлый раз: начнем и тут же на попятную? скептически спросил я.

— Ни в коем случае! Наступать будет вся армия. Ставка перебрасывает к нам большие резервы. А потом, кто поведет

войско в наступление? «Буденный, наш братишка, с нами весь народ», — опять пропел полковник и уже другим тоном добавил: — Так что голов не вешать и смотреть вперед!

Хорошее настроение начальника оперотдела корпуса передалось и мне. От него я выскочил, даже забыв попрощаться: так неожиданна была новость, неожиданна, несмотря на то что член Военного совета армии Дмитрий Емельянович Колесников сказал мне об этом еще несколько дней назад. В глубине души я надеялся, что главные силы Красной Армии еще не развернуты, находятся на пути к фронту и настает уже время, когда они вступят в сражение и мы погоним проклятого врага с родной земли. От одной этой мысли радостно становилось на сердце.

Большак, на который выскочила наша машина, был забит войсками. Шли стрелковые подразделения, громыхали военные повозки, натужно урчали тягачи, таща за собой орудия. Завидев легковушку, нам по возможности освобождали путь.

Командира дивизии я нашел в оперативном отделении. Генерал Куликов тоже был в приподнятом настроении; ему, как и всем нам, а может, и больше, надоело отступать. Его душа конармейца гражданской войны жаждала активных действий, рукопашных схваток, стремительных и дерзких атак. И конечно, теперь, в канун большого наступления, он был буквально на седьмом небе и мысленно торопил развитие событий.

— Нуте-с, какие новости привез наш уважаемый начштадив? — спросил весело генерал Куликов, раскрывая привезенный мною пакет.

Потом он молча пробежал глазами извлеченный из пакета приказ и передал его мне, чтоб я ознакомился с его содержанием, а затем довел приказ до офицеров оперотделения.

Основное содержание приказа сводилось к следующему. 6-йстрелковый корпус во взаимодействии с 5-м кавалерийским корпусом атакует и уничтожает противостоящего противника, захватывает плацдарм на южном берегу реки Рось, затем овладевает городом и железнодорожным узлом Корсунь. Наша 196-я стрелковая дивизия, наступая на главном направлении, должна была выбить противника из Корсуни и, развивая успех, захватить плацдарм на южном берегу Роси в районе населенных пунктов Листвино, Черепины. Дивизии придавалась танковая рота. Этого было мало, очень мало, но в те времена танкового голода мы безмерно радовались тому, что и у нас появилась танковая броня, пусть и тоненькая, но броня!

— Через час соберите командиров частей. Ознакомим их с нашим решением и боевым приказом по дивизии. Эти документы подготовьте и доложите мне, распорядился генерал.

Мы немедленно приступили к делу. Через час, когда командиры полков и начальники служб были собраны, генерал Куликов поздравил их с началом большого наступления, познакомил с задачей дивизии, поставил задачи каждой части.

В первом эшелоне действовали 893-й и 863-й стрелковые полки. Их поддерживали 725-й пушечный и 739-й гаубичный артиллерийские. Они составляли ударный кулак, который должен был сокрушить вражескую оборону. 884-й стрелковый полк наступал во втором эшелоне и составлял наш резерв.

Война, хотя мы сражались всего лишь второй месяц, уже многому нас научила. И прежде всего научила осмотрительности, научила думать. Очертя голову, без подготовки бросаться на противника — самому остаться без головы. Это мы поняли и усвоили. И вот теперь, перед наступлением, Генерал Куликов вновь и вновь предупреждал офицеров частей, чтобы они тщательнейшим образом следили за маскировкой. «Обнаружат фашисты, что мы готовимся наступать, тогда считай все насмарку. Сосредоточиваться на исходный рубеж для атаки только ночью. Чтоб ни одного огонька от папирос. Чтоб ложки и котелки не гремели, а автомобильные фары были потушены. Сам буду проверять, в случае демаскировки виновные будут строго наказаны», — говорил генерал Куликов, а он, это хорошо знали командиры полков, не бросал слов на ветер.

Совещание было предельно кратким: война и этому нас научила. Она как ножом отрезала ненужные, пустопорожние разговоры. Как много драгоценнейшего времени в мирные дни, думал я, мы тратили попусту, на выяснение ясных вопросов, доказывали с полнейшей серьезностью, что дважды два четыре, а вовсе не пять. Теперь, в пору военной страды, было ясно, что время, затраченное на эти совещания, потеряно для боевой подготовки.

К вечеру 6 августа части дивизии заняли исходный рубеж для атаки. Меры предосторожности дали возможность сосредоточиться незаметно для противника, что во многом предопределило внезапность и успех первого удара.

Накануне мы получили телеграмму от Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Семен Михайлович поздравил бойцов с началом наступления, пожелал нам боевых успехов. Напутствие маршала подняло настроение красноармейцев и командиров. Я в который раз убедился в том, что значит доброе слово, сказанное перед боем.

С вечера оперативная группа собралась на НП, который находился на опушке леса южнее села Паташино. Отсюда в бинокль просматривалась вся полоса наступления дивизии, и это

облегчало задачу управления боем.

Атака была назначена на 5 часов 40 минут утра 7 августа 1941 года. С 5 часов утра в течение сорока минут проводилась артподготовка.

Я неожиданно заметил, что перед боем всегда бывает как-то не по себе, нервничаешь, думаешь, что чего-то не учел, что-то упустил. Но вот артиллеристы начинают свою «увертюру» — и все сомнения и тревоги уступают место спокойной уверенности. Так было и на этот раз. Хотя пушечный арсенал дивизии заметно поредел и нам пришлось собрать орудия в кулак, поставить их на основных направлениях, все же артиллерийская подготовка получилась довольно мощной. Подчиненные полковника Самсоненко сделали свое дело. Слово теперь было за пехотой.

В утреннем небе загорелись три зеленые ракеты — сигнал к атаке, и сразу поле огласилось криками «Ура!», «За Родину!». После грохота артиллерии эти возгласы казались слабыми, но с каждой минутой их мощь усиливалась в вскоре заглушила трескотню пулеметов и автоматов.

Гитлеровцы, не ожидавшие пашей атаки, опомнились лишь тогда, когда до их траншей оставалось не более 50 метров. Довольно нестройно заговорили автоматы и пулеметы. Наши артиллеристы, по-видимому, подавили значительную часть огневых точек фашистов.

В атаку устремились боевые машины 12-й танковой дивизии, с которой мы взаимодействовали. Они уничтожали противника огнем, давили его гусеницами. Слева из леса появилась конница. Поле сразу почернело от казачьих бурок. Засверкала, загорелась в лучах солнца сталь клинков. Фашисты в ужасе бежали от казаков, но пики и шашки настигали врага. Многие гитлеровцы поднимали вверх руки.

Почти без потерь наши пехотинцы ворвались в расположение противника и вступили с ним в рукопашную схватку. Я многократно убеждался в том, что фашистский солдат чувствует себя довольно уверенно, когда находится, так сказать, под прикрытием плотного артиллерийско-минометного огня, когда впереди идут танки, а он сам беспрерывно поливает из автомата, когда явственно ощущает огневую поддержку соседей. Но как только он оказывается лицом К лицу с нашими бойцами, от его воинственности не остается и следа. Гитлеровца охватывает панический страх, и он пытается спастись бегством, его не останавливает даже пуля своего офицера. Видимо, страх перед советским солдатом был сильнее страха перед своим командиром..

Уже после войны мне на глаза попалась журнальная

фотография с подписью: «Комбат». Офицер с перебинтованной головой и с пистолетом в руке поднимает своих солдат в атаку. Когда я смотрел на этот фотоснимок, вспомнил командира батальона старшего лейтенанта Ивана Шадского в бою 7 августа 1941 года у украинского села Поташино. Он шел впереди цепи своих бойцов. Свистели пули, рядом рвались мины, а Шадский шел и шел вперед, и рука с пистолетом была поднята высоко над головой. Он не стрелял, очевидно понимая, что никакого смысла в этом нет. Я тогда подивился и позавидовал беззаветной храбрости этого человека.

Прошло время. Умудренные боевым опытом, мы не стали одобрять подобное поведение офицеров. Командир — не рядовой боец. У него свое место в бою, как и у красноармейца. Командир призван управлять боем подразделения, а не идти во главе своих подчиненных в атаку. Именно таким неоправданным поведением многих наших командиров и пользовались в первое время войны гитлеровцы, выводя из строя прежде всего офицерский состав, нарушая тем самым управление подразделениями.

Я сказал «неоправданное поведение» и тут же подумал: а так ли это? По-видимому, нельзя ничего упрощать. В первые месяцы борьбы с фашистскими захватчиками наши красноармейцы, во всяком случае значительная их часть, были необстреляны, преувеличивали опасность. В этих условиях важен был наглядный личный пример, образец бесстрашия. Это хорошо понимали такие люди, как старший лейтенант Иван Шадский, и шли на риск ради того, чтобы воодушевить бойцов, научить их не бояться противника, не робеть перед опасностью. Так разве можно их судить за это?

Между тем наше наступление развивалось успешно. За день части дивизии продвинулись вперед на 10–15 километров. Наибольшим успехом было, конечно, освобождение города Корсунь, который гитлеровцы превратили в мощный узел обороны. И заслуга в этом принадлежала прежде всего бойцам стрелкового полка майора Михаила Ивановича Головина. В то время мы зачастую становились приверженцами линейной тактики, плохо и мало маневрировали, предпочитали атаковать противника в лоб, и это нам дорого обходилось. Майор Головин был одним из тех думающих и талантливых командиров, которые стали смело отказываться от устаревшей тактики, обходить противника с тыла, флангов. Именно такую прогрессивную тактику и применил майор Головин в бою 7 августа. Его подразделения с ходу форсировали реку Рось, причем в том месте, где противник нашего появления не ждал: Головин устроил демонстрацию форсирования в другом месте и тем

самым ввел гитлеровцев в заблуждение. Высадившись на противоположный берег, подразделения полка не стали закрепляться на захваченном плацдарме. Не теряя времени, они завязали бой за Корсунь. Как оказалось, немцы здесь располагали малыми силами, а внезапность наступления не дала им возможности подтянуть резервы. Рота гитлеровцев, поддержанная четырьмя орудиями, не смогла оказать полку майора Головина серьезного сопротивления и поспешно оставила спой участок обороны города.

Однако основные бои за Корсунь были впереди. Опомнившись, фашисты срочно перебросили сюда резервы и навалились на полк Головина и другие части дивизии. В течение 8, 9, 10, 11 августа гитлеровцы, не считаясь с потерями, пытались выбить нас из города, сбросить войска в Рось. Но все контратаки были отбиты.

В штаб дивизии поступало множество донесений о героических делах наших людей. Помню, с каким восторгом докладывал мне майор Головин о смелых, инициативных действиях стрелкового взвода лейтенанта Александра Попова.

— Василий Митрофанович, к ордену хочу представить этого командира: истинный герой! Своих людей он вывел к железной дороге и перерезал ее: фашистам ни сюда ни туда. Немцы бросили в контратаку до роты, чтобы выбить оттуда взвод Попова. Не тут-то было! Он продержался до подхода основных сил батальона.

Контрудар 26-й армии имел большое значение в защите Киева. Освободив на второй день наступления город Богуслав, вновь форсировав Днепр отошедшими ранее дивизиями и создав плацдарм у Триполья, армия генерал-лейтенанта Костенко заставила гитлеровских стратегов пересмотреть свои планы, бросить часть сил на наш участок, что, собственно, и требовалось советскому командованию. Успех 26-й армии и удачные действия 5-й армии Юго-Западного фронта северо-западнее Киева, а также огромные потери гитлеровцев заставили их 10 августа принять решение о прекращении штурма Киева, временном переходе на участке Триполье, Киев, Коростень к обороне и подготовке наступления в районе западнее Днепра.

«Запомнят фашисты село Межиречи»

Итак, задача, поставленная командованием фронта, была выполнена. Но, отказавшись от штурма Киева, фашисты в спешном порядке перебросили значительные силы, особенно авиации, для ликвидации последствий контрудара 26-й армии и 5-го кавкорпуса, действовавшего в их тылах. Мы это сразу почувствовали на себе. На второй день наступления небо буквально почернело от немецких самолетов; они летали над Корсунью и прилегающей к ней местностью буквально волнами, устраивали настоящую охоту за нашими конниками. У нас в то время не было авиации. Фактически не было и зенитной артиллерии, и фашисты безраздельно господствовали в воздухе. Для пехоты немецкие самолеты не так-то страшны, а вот конникам они доставили много неприятностей. В черных бурках, на вороных и гнедых конях, казаки были хорошо видны с воздуха и представляли отличную цель для гитлеровских летчиков. Конников плохо укрывала и высокая кукуруза, и переспелая, полегшая от налитого зерна пшеница. Кавкорпус понес значительные потери.

Вскоре наша дивизия получила приказ командира 6-го стрелкового корпуса генерал-майора И. И. Алексеева, который вручил мне полковник Еремин. Но нам опять не довелось хоть немного побеседовать. Генерал Алексеев дал указание прекратить наступательные действия, незаметно оторваться от противника и выйти на рубеж населенных пунктов Межиречи, Воробьевка, Сахновка, расположенных на реке Рось в 20–25 километрах юго-восточнее Корсуни. Рось в этих местах делает довольно большой крюк, размашисто пишет букву «П». И вот нам предстояло за ночь снова выйти на левый берег Роси: река словно не хотела расставаться со своими защитниками, помогала им уже потемневшими холодными августовскими водами не пускать чужеземных солдат к Днепру, в который впадала.

Вместе с генералом Куликовым, старшим батальонным комиссаром Чечельницким, полковником Самсоненко я ехал впереди колонны, изредка возвращался назад, чтобы проверить дисциплину марша. Шел дождь. И круп коня, на котором ехал, и шинель, и сапоги — все было мокрым, забрызгано грязью. Хотелось в тепло, хотелось скинуть промокшую до нитки одежду и растянуться в сухой постели. Какой недоступной мечтой казалось это в сущности простое и естественное желание!

Дорога раскисла, и люди выбивались из сил. Вязли повозки, буксовали машины, застревали орудия. Возле остановившегося

транспорта сразу же собирались бойцы. Они дружно наваливались на машины и повозки плечами, подкладывали под колеса камни и доски и быстро вытягивали буксовавший транспорт. И так раз за разом.

Колонна втянулась в лес. Он встретил теплом и прелью. Лес находился на полпути к Межиречам, тянулся километров на пять вдоль дороги и километров на десять в сторону от нее. Генерал Куликов приказал сделать короткий привал и накормить людей.

И тотчас же в ночи зажглись угольки папирос. Люди, пользуясь кровом, который им предоставил ночной лес, жадно курили, как будто старались наверстать упущенное в дороге: там строжайше соблюдались правила светомаскировки и курильщикам приходилось терпеть. Потянуло запахами походных кухонь: кашевары хлопотали над неприхотливым солдатским меню.

Но вот с ужином покончено. Наскоро перекусили вместе со всеми и штабные командиры: полмиски пшенной каши с мясными консервами, железная кружка крепкого, пахнущего кухонным котлом и веником чая и ломоть хлеба. Командование дивизии, как и бойцы, довольствовалось малым, лишь бы таскать ноги. Измотанные беспрерывными боями, постоянно недосыпавшие и недоедавшие, все мы здорово исхудали. Я, например, был широк в плечах, но очень худ, а талия была, как у лермонтовского Печорина.

Коль скоро зашла речь о нашем походном быте, то скажу: со всеми превратностями и неудобствами лично я смирился, не роптал на них, да и смешно было бы это делать. Лишь одно выводило из себя. От природы досталась мне пышная шевелюра. Черные волосы были очень густы. Расчесать их стоило немалого труда.

В мирные дни я уделял много внимания уходу за волосами и держал их в порядке. Признаюсь, что гордился ими и самонадеянно думал, что они производят определенное впечатление па лиц прекрасного пола. Но когда началась война, волосы свалялись, я страдал, пытаясь их расчесать. Наконец решился и остриг их «под нулевку». Сделал это и почувствовал себя человеком, хотя Самсоненко, зная мою слабость7 изводил колкими шутками, вроде того, что Варя, моя жена, такое «колено» и на порог не пустит…

Но вот снова перекатами по лесу полетела приглушенная команда:

— Становись!

Красноармейцы тушили костры, гасили цигарки, взваливали на плечи пулеметы и винтовки, расталкивали спящих,

ослабевших в походе товарищей и молча занимали свои места в колонне.

— Вперед, за мной! — звучала другая команда, и темная людская река вытекала на опушку и устремлялась туда, где, окутанные непроглядной августовской ночью, лежали незнакомые украинские села, возле которых должен пройти новый оборонительный рубеж.

К солдатским колоннам присоединялись повозки и грузовики, которые оставались на опушке: в лес они не заходили.

Шли всю ночь. К утру дождь прекратился. Стало теплев и уютнее. Вот и намеченный рубеж обороны. Я осмотрел его и проникся еще большим чувством уважения к генералу Алексееву и его штабу: удачнее места для обороны и придумать нельзя. Село Межиречи — центр оборонительной полосы — протянулось километра на три по берегу Роси. Справа — река, слева — заросшие мелким кустарником холмы. Если поставить с двух сторон орудия, дать фашистам войти в село, а затем ударить по их флангам, веселое может быть дельце. Свои соображения я доложил генералу Куликову. Ему они пришлись по душе:

— Мешок огневой, говорите, можно гитлеровцам устроить? Так сказать, темную. Неплохо. Всецело одобряю. А вы, Василий Митрофанович, хитрецом становитесь. Так и надо. Начальник штаба хитрым и должен быть. Позаботьтесь только, чтобы преждевременно фашисты не обнаружили нас. В этом залог успеха.

Осмотрев места, где мы должны обороняться, я понял и другую причину, почему генерал Алексеев выбрал для обороны именно здешние места. Через этот коридор, хотя он и опасен для наступающих, лежал кратчайший путь на Канев. Выход фашистов к Днепру фактически отрезал нашей дивизии путь на Черкассы, где действовали переправы на левый берег реки. Гитлеровские генералы из группы армий «Юг», очевидно, имели зуб на 196-ю стрелковую дивизию, которая доставляла им столько хлопот. Почему бы не попытаться загнать эту весьма неудобную дивизию русских в небольшой котел?

Так я рассуждал, поставив мысленно себя на место генерала Алексеева и на место операторов из штаба группы армий «Юг». «Умница этот Алексеев», подумалось мне тогда.

Весь следующий день мы снова готовили позицию: рыли окопы, устанавливали орудия для стрельбы прямой наводкой, отрабатывали взаимодействие. Во всех ротах и батареях прошли беседы. Командиры и политработники рассказали бойцам об обстановке на советско-германском фронте, в частности под Киевом.

Проводил беседу и я. Комиссар дивизии Дмитрий Степанович Чечельницкий попросил меня выступить перед разведчиками. Я было, сославшись на занятость, попытался отказаться, но комиссар сразил меня неопровержимым доводом:

— Ленин в первые годы революции не так был занят, не вам чета, и все же находил время выступать перед рабочими и красноармейцами.

Разведчики всегда в деле, собрать их сразу всех невозможно. К тому же за время боев ряды этих неустрашимых людей заметно поредели. И что тут удивительного: разведчики живут рядом с опасностью. Даже когда не гремит бой и не свистят пули, они, растворившись в ночной темени или слившись с красками позднего лета, идут навстречу врагу. Глаза и уши армии! Как точно их назвали!

Собралось человек двадцать, не больше. Беседа приняла неожиданный для меня оборот, вышла за рамки обстановки на нашем участке фронта. Мои слушатели интересовались боями под Смоленском и Ленинградом, расспрашивали о недавней миссии в Москву личного представителя президента США Г. Гопкинса, о том, объявит ли Америка войну Гитлеру. На многие вопросы я не смог ответить, ибо знал не больше слушателей. Когда зашла речь о США, и сказал, что, возможно, американское правительство и выступит против Германии на стороне Советского Союза, но полагаться мы сейчас должны не на американского дядюшку, а на самих себя. Надо во что бы то ни стало выстоять, остановить фашистов, показать свою силу. Ни американцы, ни англичане, несмотря на заверения Рузвельта и Черчилля, слабым помогать не станут.

— Получается, как в пословице: на бога надейся, а сам не плошай?

— А как вы думали? Точно!

— Хорошо б, товарищ майор, янки с англичанами в Европе ударили, чтоб Гитлера и в хвост и в гриву бить. Германцы всегда боялись воевать на два фронта…

— Хорошо, конечно, но ведь управляют в Америке и в Англии капиталисты, а не коммунисты. Если б вы были английским премьером, тогда б другой разговор.

— Уж я бы не торговался, не пускал словесную пыль в глаза…

В таком духе проходила беседа. Я слушал и думал, как зрело рассуждают наши люди, как широко смотрят на мир, на войну, которая бушует на их родной земле…

Я отметил, что главные направления немецкого наступления явственно обозначились: фашисты стремились захватить важнейшие политические и промышленные центры — Ленинград,

Москву, Киев, причем основной удар, судя по всему, они направили на Москву, понимая, что для нашего народа Москва не просто город — это сердце и мозг страны.

— Надо, чтобы отсюда, с Украины, они не смогли перебросить на Западный фронт ни одного взвода, ни одного танка или самолета. И это зависит от нас, от того, как мы будем здесь биться с врагом.

Эти мои слова получили единодушное одобрение.

— Вот ведь как получается: защищая Киев, мм защищаем Москву!

— Одно от другого не отделишь.

— Что касается разведчиков, то они не подкачают, не ударят лицом в грязь. Это вы, товарищ майор, можете смело передать командованию.

От разведчиков я уходил с хорошим настроением. Нет, наверное, в трудные дни лучшего лекарства, чем общение, откровенная беседа с людьми, которые ни при каких обстоятельствах не теряют оптимизма.

Для того чтобы развязать руки для маневра, мы переправили все тылы за Днепр, выдали личному составу суточный сухой паек, до нормы пополнили боекомплект.

Как мы и предполагали, немцы появились ранним утром. Вначале в Межиречи въехали четыре танка. Они остановились на околице. В бинокль я видел, как открылся люк в первой машине, затем в остальных. Танкисты сначала робко, затем посмелее стали вылезать из машин, осматривались. Наши бойцы притаились и не выдавали своего присутствия: был дан строжайший приказ разведке или головному отряду противника не раскрывать себя и огня ни в коем случае не открывать.

Постояв минут пятнадцать, выкурив по сигарете, танкисты скрылись в люках, развернули машины и на большой скорости уехали обратно.

— Скоро пожалуют, — сказал генерал Куликов. — Устроим им сладкую жизнь.

Командир дивизии был в добром расположении духа: события развивались так, как мы их запрограммировали.

Стрелки часов, казалось, застыли на месте. Когда чего-то с нетерпением ждешь, каждая минута кажется вечностью. Над селом клубился туман: под утренним, довольно теплым солнцем просыхала земля от ночного дождя. Наступавшее утро совсем не было похоже на обычное деревенское.

В селе не кричали петухи, не мычали коровы, колхозники со скотом и птицей, со всем домашним скарбом, который можно увезти, ушли — кто за Днепр, кто в ближайшие леса. Село

опустело, и это облегчало нашу задачу. Если бы в Межиречи оставались люди, мы никогда, ни при каких обстоятельствах не посмели бы превратить село в поле боя.

Примерно через полчаса сельская улица огласилась ревом танков. За танками шли бронетранспортеры с пехотой. Недавно выкрашенные машины, одетые с иголочки солдаты — все говорило о том, что перед нами свежая часть, не побывавшая в боях. Когда голова колонны достигла середины села, генерал Куликов коротко сказал: «Пора». Рядом стоявший полковник Самсоненко отдал в телефонную трубку команду «Огонь!».

И началось. Должен сказать, что командиры и красноармейцы дивизии воздали сполна фашистам за гибель боевых друзей под Медвином, Бараньим Полем, Корсунью, за казаков, павших от огня воздушных пиратов. Артиллеристы с первых же выстрелов подожгли переднюю и заднюю машины и тем самым заперли всю колонну в селе: ни вперед ни назад! Фашисты пытались развернуться, но улица была довольно узкой и ничего из этого у них не вышло. А наши тем временем били попавших в западню гитлеровцев, били яростно, наверняка, до конца. Такого результативного огня я не видел за всю войну: каждая пуля, каждый снаряд находили свою цель. Фашисты пытались укрыться в хатах, но хаты загорались, как факелы, и немецкая солдатня попадала, что называется, из огня да в полымя.

Командир дивизии, наблюдая за боем, ликовал.

— Начальник штаба, кто это там на высоте? — спросил он меня, показывая на артиллерийского командира, руководившего огнем на соседней с нами высотке. Оттуда наши артиллеристы вели особенно результативный огонь. — Да это, кажется, Керженевский. Герой! К ордену его надо представить. Обязательно? Не забудьте, Василий Митрофанович…

Я хотел было напомнить генералу о его решении отдать Керженевского под трибунал за потерю злополучного склада с боеприпасами в бою под Медвином, но удержался. Мне подумалось, что Куликов и сам вспомнил теперь о своем опрометчивом решении: да, никогда не надо поспешно судить о людях, даже допустивших серьезные ошибки.

Мы разгромили головной отряд танковой группы генерала Клейста, однако понимали, что задерживаться у Межиречей нам не резон. Основные силы противника были на подходе, и они могли, не ввязываясь в бой, обойти Межи-речи, окружить дивизию, отрезать нам путь на Черкассы. Штаб корпуса ориентировал пас в обстановке. Собственно, кроме 196-й стрелковой дивизии, на нашем участке на правой стороне Днепра к этому времени не осталось ни одного соединения. Правда,

слева и справа небольшими группами выходили к реке остатки разбитых в боях 227-й и 264-й стрелковых дивизий. Да и паша дивизия была сильно потрепана. С начала войны мы не получали пополнения. В стрелковых полках осталось по две-три стрелковые роты, по одной-две пулеметные, по три-четыре полковых орудия.

Поредели и артиллерийские части: в них насчитывалось по шесть-семь орудий, на исходе были и снаряды. Короче говоря, следовало поторапливаться к Днепру.

Во второй половине дня 12 августа мы получили шифровку из штаба 26-й армии. Генерал Костенко и полковник Варенников сообщали, что армия отошла за Днепр, что мост через реку в Каневе взорван. Поскольку дивизия выполнила главную задачу — обеспечила отход 26-й армии за Днепр, нам было приказано самостоятельно выходить в район Черкасс и поступить в распоряжение командования 38-й армии.

От Межиречей до Черкасс 60 километров па юго-восток: два перехода. Путь наш лежал через Софиевку, Будище, Дахновку. Я взглянул на карту, и тревога обожгла сердце. Немцы без особых усилий могли опередить нас, перерезать дорогу. По данным разведки, было известно, что 57-я пехотная дивизия, наступавшая из района Корсуни, нацелена на село Мошны, стоящее на реке Ольшанка. Стоило бы фашистам занять это село, захватить мост через реку — и мы бы оказались в западне. Тем более что здесь держал оборону лишь разведбатальон, две сотни солдат, вооруженных легким стрелковым оружием. Фашисты могли бы его легко смять. Хорошо, что у гитлеровцев сплоховала разведка, а их авиация, несмотря на отчаянные попытки разбомбить мост через Ольшанку, не смогла сделать этого.

Командир разведбатальона капитан Тараканов постоянно поддерживал связь со штабом дивизии, через каждые час-два летела от него шифрованная радиотелеграмма, и все они были одного содержания: противник не обнаружен, путь свободен.

Генерал Куликов решил начать отход с наступлением вечерних сумерек. Следовать двумя дорогами. Главные силы — по основной, с покрытием, дороге: Межиречи — Софиевка — Мошны — Будище. 884-й стрелковый полк следовал по проселкам через села Драбовка, Белозерье также на Будище. Он прикрывал правый фланг дивизии.

Часовая стрелка остановилась на цифре «4». Было достаточно времени, чтобы провести рекогносцировку, разведать дорогу. Отдав необходимые распоряжения частям о подготовке к маршу, сориентировав своих ближайших помощников о предстоящем переходе, с разрешения генерала Куликова я вместе с начоперотделения майором Карташовым, начальником разведки

капитаном Труновым и лейтенантом Сорокой на полуторке доехал до ближайшего села Софиевка, мимо которого проходил наш маршрут. Село было пустынно, мы не встретили на его улицах ей души. Лишь в сельсовете увидели девушку лет восемнадцати. Из ее сбивчивого, торопливого рассказа я понял, что все крестьяне ушли в сторону Черкасс, а ее оставили дежурить у телефона и наказали, чтобы она уходила вместе с последней частью Красной Армии.

— Телефон-то молчит. Зачем же возле него сидеть? — спросил я девочку.

— Звонит еще.

— Кто звонит?

— Все. Одни спрашивают, ушли ли красноармейцы, другие — пришли ли немцы…

— И что ты отвечаешь?

— О войске я молчу, говорю, что сижу в хате и не знаю, что происходит на улице.

— Молодец, так и надо. А то невольно поможешь немцам, скажешь, что наши ушли к Днепру, а им это и нужно.

Резко затрезвонил, вернее, застучал звонок. Я взял трубку. На другом конце провода глуховатый голос с явным акцентом спрашивал по-русски:

— Кте говорить? Хто ти есть?

Перемешав русские и украинские слова, я ответил, что у телефона сторож сельсовета.

Было ясно, что говорил немец, должно быть разведчик.

— Сторощь? Ми думал, Советь ушел за Днепр.

— Совет на месте и уходить не собирается.

— Золдаты в деревень ест?

— Солдаты? Видимо-невидимо…

— Куда идет золдат? К Днепр или Хорсунь? — Обнаглевший фашистский разведчик пытался получить точную информацию от «простофили-сторожа».

Я же, войдя в роль, старался, чтобы все выглядело достоверно, вел разговор по-стариковски бестолково, переспрашивал, долго кашлял в трубку, создавая у фашиста впечатление, что он имеет дело с дремучим стариком.

— Войско куда идет? К Хорсуню идет. Тиллерия — пушки, значит. Танки.

— Таньки? Много-много таньков?

— Считать не считал. Брехать не буду, грех на душу не приму. А машин этих ползучих видимо-невидимо.

В трубке — молчание, должно быть, немец думал, правду говорит русский мужик в Софиевке или наводит тень на плетень.

— Спасибо тебе, товарищь, — наконец ответил мой собеседник.

«Тамбовский волк тебе товарищ», — подумал я и положил на рычаг трубку.

— Вот что, голубушка, — сказал я дежурной, — собирай-ка ты свои манатки. Даю тебе пять минут. Поедешь с нами. Доставим тебя через Днепр, а то пропадешь здесь не за понюх табаку.

Девчонка замахала руками и стала тараторить, что она никуда не поедет, что она сама знает, как поступать, что ее укроют надежные люди, которые ушли в лес. А дорогу она к ним найдет.

Я строго пожурил будущую подпольщицу за то, что разоткровенничалась с первым встречным.

— А вдруг на моем месте оказался бы переодетый фашист? Тогда как? Ты бы и сама лишилась головы и других в петлю загнала. Не надо быть такой доверчивой.

— Но ведь я вижу, товарищ командир, кто вы есть. Меня не обманешь.

На этом мы и расстались. Пожал на прощание маленькую, почти детскую руку девушки, которая один на один оставалась с приближавшейся к этому опустевшему украинскому селу войной. У маленького человека было большое и храброе сердце.

Из сельсовета мы проехали к мосту через Ольшанку. Эта поездка позволила оценить местность с точки зрения противотанковой обороны. Надо было заранее определить промежуточный рубеж, где в случае появления противника дать бой, остановить фашистские танки. Я и мои спутники утвердились в мысли, что местность здесь весьма выигрышная для борьбы с танками: река сравнительно глубокая и широкая, танки ее не форсируют. Мост же можно заминировать и при необходимости взорвать. Берег, где, по нашему убеждению, можно занять оборону, господствует над противоположным, откуда должны появиться немецкие тапки.

— Быть посему, — резюмировал я короткий обмен мнениями.

— Быть, — согласился Карташов.

Еще засветло мы возвратились в Межиречи. Генерал Куликов и несколько командиров сидели в ожидании нас на лужайке под высоким деревом. В середине круга чернел большой чугун, из которого клубился пар. Вкусно пахло вареной картошкой. Рядом стояла большая миска малосольных огурцов. При виде еды у меня потекли слюнки.

Куликов беседовал с молодой женщиной, державшей за руку маленькую, лет семи, девочку по имени Люба. Варвара Даниловна

— так звали женщину — кончиком головного платка смахивала бегущие по лицу слезы и с горечью говорила о том, что ее и ее семью ждет, когда придет фашист.

— Вы уж побыстрее, паши дорогие красноармейцы и командиры, возвращайтесь. Помните, что мы вас будем ждать каждый день, ждать, словно большого праздника.

— Мы обязательно вернемся. Сами запомните и передайте всем, кто ушел из села в лес: в беде вас Красная Армия, наша партия, наша Советская власть не оставят. Уж так случилось: Гитлер хорошо подготовился к своему разбойничьему нападению, собрал огромное войско. Но его сила на глазах тает, и он скоро выдохнется. И тогда враг проклянет тот час и день, когда пошел на пас войной. За все мы воздадим фашистам сполна — и за ваши слезы, Варвара Даниловна, и за омраченное детство вашей дочери. Поверьте мне!

Куликов говорил медленно и тихо, словно из стали отливал слова. Он не прикоснулся к еде, она не лезла в горло. Генерал, как и все присутствующие командиры, чувствовал свою вину, вину бойцов дивизии за то, что мы вынуждены отходить и оставлять в неволе плачущую женщину и ее дочь, их древнего бородатого деда-пасечника, который сторожкими шагами неслышно подошел и, встав в сторонке, вслушивался в слова генерала. В руках дед держал полную молодого меда рамку из улья. Когда генерал Куликов замолчал, он подошел к кругу и сказал:

— Попробуйте, сынки, моего меду. Мед дает человеку силу, а силы вам надо много. Ведь вам побеждать надобно, а как же без силы победишь.

Мы отказывались, но старик — Варвара Даниловна называла его дедом Кириллом — настоял, и нам пришлось отведать меду. Мед и вправду был отменный, отдавал запахами цветущей липы и разнотравья.

Константин Ефимович поднялся, обнял старика и, не обращаясь ни к кому, сказал:

— Выживем! Народ нельзя победить. Можно разбить дивизию, корпус, армию. Окружить их, заставить уйти за Днепр. Но нельзя, черт побери, победить народ!

Под покровом наступивших сумерек батальоны выстраивались в колонны. В прикрытии оставили по роте или взводу от каждой части. Они изредка стреляли из пулеметов и винтовок, пускали вверх ракеты, создавая у врага иллюзию, что обороняющиеся па месте.

В селе все еще догорали хаты, чадили подбитые танки.

Туман полз по берегам украинской реки Рось, покрывая,

словно саваном, нашедших здесь свою гибель фашистов.

Ночь выдалась темная, непроглядная, но люди шли уверенно: в таких примерно условиях каждый прошагал не одну сотню верст, и все это было нам не в новинку. Многие даже ухитрялись дремать на ходу: ноги идут, а голова в тумане, отключилась от реального мира. Если на пути ямка или бугорок, боец спотыкается, очумело вздрагивает, просыпается и тут же снова погружается в полусон. А вообще-то спать на ходу могут лишь люди с железными нервами или же смертельно уставшие. У меня этого не получалось, может быть, потому, что не мог отключаться от забот, которых всегда было полно.

Через каждые шесть-семь километров объявлялся короткий привал, и люди падали от усталости, как подпиленные деревья. Минут двадцать восстанавливали силы, и опять колонна влезала в черную, беззвездную ночь.

Начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар П. А. Даровский разослал всех политработников в роты и батареи. Цель — ободрить людей, побеседовать по душам. Один политработник сокрушался:

— Какие беседы на привале? Бойцы от еды отказываются. Силы на пределе. А я тут со своей беседой. Всему свое место и время. Как вы считаете, товарищ майор?

— Как считаю? На ночном привале самая важная обязанность агитатора поддержать людей, если нужно, а когда этого не требуется — не мешать бойцам спать.

На рассвете части вышли к реке Ольшанка — новому промежуточному рубежу. Здесь снова предстоял бой, здесь снова мы должны отразить танковые атаки противника, не пустить фашистов к Днепру, к Черкассам.

Здесь, на реке Ольшанка, нам требовалось стоять насмерть. Надеяться не на кого. Если фашисты сомнут дивизию, они ворвутся в Черкассы, взорвут переправы, перекроют последний путь на левый берег. Этого допустить нельзя.

Задача предельно ясна, и командиры, политработники, коммунисты довели ее до каждого красноармейца. И опять я убедился в могучем влиянии партийного слова. Оно вдохнуло в людей силы, которых, казалось, уже и нет. И опять, как и прежде, после четырех-пяти часов работы, работы со сжатыми зубами, берег реки перерезали окопы в полный профиль, опять орудия надели зеленый маскарадный костюм и глядели своими жерлами туда, откуда следовало ожидать фашистов.

Я осмотрел позиции Двух полков и не сделал замечаний: все было сделано так, как подсказывал нам опыт войны. Да, война научила нас вгрызаться в землю, прикрываться ее надежной

грудью.

Хорошо поработали саперы. Так или иначе, дороги, ведущие на Черкассы, начинались у моста через Ольшанку, и это облегчало задачу, подсказывало, где установить минные поля. Особенно плотно саперы начинили минами дорогу из села Драбовка в направлении села Мошны, по которой, как предполагалось, пойдет противник. Эта дорога была покрыта гравием и почти не раскисла после дождя.

Бой в тот день начался необычно. В высоком полуденном небе появилась группа «юнкерсов» — до десятка машин в сопровождении звена «мессершмиттов». Не долетая до Ольшанки, они рванулись вниз и пошли бреющим полетом. Тотчас же последовало несколько взрывов, слившихся в один продолжительный грохот. Летчики бомбили мост через реку. Фашисты рассчитывали запереть нашу дивизию на левом берегу Ольшанки и здесь разгромить ее силами 57-й дивизии вермахта. Но гитлеровцы и на этот раз просчитались. Во-первых, к тому времени части дивизии уже переправились через реку, а во-вторых, несмотря на все старания, мост фашистам разрушить не удалось. Три раза они делали заходы на него, сбросили, по всей видимости, не менее полсотни бомб, а мост стоял точно заколдованный.

Красноармейцы посмеивались над незадачливыми фашистскими пилотами:

— А еще асы!

— В белый свет как в копеечку.

— За такую бомбежку кормить не стоит. Дармоеды!

Только окончилась бомбежка, как прискакал посыльный от капитана Тараканова. Он сообщил, что до трех рот немцев на мотоциклах прорвались через боевые порядки разведбатальона и направились в сторону села Мошны. Действительно, примерно через полчаса показалась колонна мотоциклистов. Фашисты ехали осторожно. Остановятся, постоят минуту-другую, осмотрят местность, затем делают бросок на километр-полтора и снова все повторяют в той же последовательности.

«Посбивали мы с вас спесь, сволочи. Поняли теперь, что это не Бельгия или Люксембург. Здесь и пулю можно получить», — подумалось мне, когда я глядел на осторожничавших мотоциклистов. Не доезжая до реки, мотоциклисты повернули обратно и скрылись в лесу. На смену им из леса показалась колонна танков. За ними наступала пехота.

Мы с Куликовым и Самсоненко были на КП. Генерал, разглядывая в бинокль вражескую колонну, спросил полковника Самсоненко:

— Иосиф Иосифович, как пушкари, выстоят? Не сомнут их немцы?

— Там, товарищ генерал, тринадцать орудий. Все поставлены на прямую наводку. Отобьются.

И как бы в подтверждение оптимистичных прогнозов начальника артиллерии пушкари дали залп, причем довольно меткий. Снаряды угодили в первые четыре машины и вывели их из строя. Это тем не менее не обескуражило фашистов. Они развернулись и продолжили атаку.

Бой сложился для дивизии довольно тяжело и драматично. Силы наши были на исходе, приходилось экономить снаряды и стрелять лишь наверняка, ибо на каждое орудие оставалось не более чем по пять — десять снарядов. Спасла нас нерешительность противника. После того как загорелись от артогня еще пять машин, фашисты увели танки в лес. Если бы они этого не сделали, то их оставшиеся боевые машины наверняка ворвались бы па мост и захватили его: снаряды у нас к тому времени уже кончились. Когда же гитлеровцы, подтянув резервы, снова нас атаковали, по приказу полковника Самсоненко на батареи уже доставили НЗ. Он расходовал свой последний запас, но другого выхода не было. И это нас спасло, позволило отбить и третью атаку танков. В тот день были минуты, когда думалось, что наступает катастрофа, что все летит в тартарары, что река Ольшанка станет бессловесным свидетелем гибели 196-й стрелковой дивизии. Но героизм и мужество наших людей выручили и сейчас. Низкий, земной им поклон за это!

А случилось вот что. До роты немецкой пехоты прорвались к мосту и захватили его. Наше подразделение вынуждено было отойти. В этот критический момент командир полка Кобжев поднял один из своих батальонов в контратаку. Удар пришелся во фланг фашистскому подразделению. Контратаковали наши бойцы отчаянно, вид их был страшен, и это парализовало волю противника. Гитлеровцы побежали, а ведь взятие моста обошлось им очень дорого. Правильно говорится, что смелость города берет. И не только. Она подавляет психику противника, обезоруживает его, делает слабым.

Фашисты после этой неудачи отошли и больше в тот день атак не предпринимали. А нам как раз это и требовалось.

В те дни в дивизионной многотиражке были напечатаны стихи поэта-красноармейца. В них были такие строки:

Запомнят фашисты село Межиречи,
Где Рось укрывает ветла.
Немецкие танки горели, как свечи,

Сжигала их ярость дотла.

Но не только село на тихой Роси немцы будут вспоминать со страхом и проклятием. Так же они будут вспоминать и село Мошны на берегу другой украинской реки — Ольшанки. Здесь они тоже получили хороший урок.

Когда мы подвели итоги боя, то от души порадовались успеху. Части дивизии уничтожили 23 танка, несколько бронетранспортеров и мотоциклов, больше 200 солдат и офицеров противника. Эти фашисты уже не напьются днепровской воды, уже не пройдут в глубь Украины.

Вечером по приказанию генерала Куликова мы связались со штабом 38-й армии, в оперативное подчинение которой распоряжением командования Юго-Западного фронта была накануне передана наша дивизия. Оттуда последовало приказание отвести дивизию на черкасский плацдарм в район Елизаветовки. Там она поступала в резерв армии. 1 Отходу, если он проводится организованно, всегда предшествует тщательная рекогносцировка местности. Группа командиров разведывает предстоящий маршрут движения, определяет промежуточные рубежи обороны. Помимо штабных командиров в рекогносцировочную группу включаются представители частей. Не на карте, а на местности они получают маршрут предстоящего марша, участок обороны на промежуточном рубеже. Не изменили мы этому правилу и на этот раз. Возглавил рекогносцировочную группу я. Со мной выехали начальник инженерной службы дивизии, командир из оперативного отделения и командиры полков.

Полуторка бежала быстро, вчерашний дождь спрессовал дорожную пыль, и теперь большак стал ровным, словно стол. В километрах десяти от Ольшанки начался лес, и дорога нырнула в него. Нас окружила густая настороженная тишина. День был безветренный, и листва могучих дубов и кленов замерла в какой-то сладкой дремоте. Мы, непонятно почему, сразу перешли в разговоре на шепот, будто боялись нечаянно спугнуть лесной покой.

Было около шести вечера, но солнце еще пекло, и хотелось пить. Шофер остановил машину у журчащего из-под камня родника, и все принялись утолять жажду из чудотворного источника. Прозрачная студеная вода была приятна на вкус, и чем больше мы ее пили, тем больше хотелось.

— Добрый вечер, товарищи командиры!

Эти слова прозвучали совершенно неожиданно, и все мы

разом оторвались от родника.

Перед нами появился невесть откуда всадник. Его борода, длинная и косматая, была под стать длиннющей гриве и такому же длинному хвосту коня, на котором он восседал. На первый взгляд всадника можно было принять за глубокого старика. На самом же деле горящие глаза и задорная улыбка свидетельствовали о его молодости.

Мы взаимно представились. Бородач оказался секретарем Черкасского райкома партии, звали его Сергеем Наумовичем Полехой. На мой вопрос, к чему эта борода, Полеха, вмиг посуровевший, ответил:

— Фашист со дня на день придет в наши места. В лесу временно придется поселиться. Партизанить будем. Вот такие дела.

Коммунисты Черкасс очень серьезно готовились к партизанской войне. После того как в речи И. В. Сталина 3 июля 1941 года прозвучал призыв ко всем патриотам, оставшимся на временно оккупированной врагом нашей земле, подняться на борьбу против фашистских оккупантов, райком партии, несмотря на то что линия фронта была еще далеко, не сбрасывал со счетов худший вариант, а именно то, что война может прийти сюда и перекинуться за Днепр, начал исподволь готовить базу для будущих партизанских отрядов: в лесах создавались запасы оружия, боеприпасов, продовольствия. Партийный и советский актив распределялся по отрядам. В лесах проводились учения и занятия. Будущие партизаны учились стрелять, обращаться с минами, подрывать мосты и дороги, оборудовали наблюдательные пункты, отрабатывали системы связи и сигнализации. В последние дни, когда фронт приближался к городу, когда через Черкассы на восточный берег Днепра текла огромная масса войск — целые части, группы солдат, вышедшие из вражеского окружения, — партизаны во главе с «дедом», как в шутку называли они Полеху, обеспечивали переправу через реку. Они работали на паромах и лодочных станциях, мобилизовали все имевшиеся в городе лодки и катера. Партизаны позаботились об организации медицинской помощи раненым и о том, чтобы накормить военнослужащих. Словом, забот у райкома и его секретаря было достаточно.

Расставаясь у лесного родника, Полеха крепко пожал нам руки и с печальной ноткой в голосе сказал:

— Пейте досыта нашей лесной водички, товарищи командиры. Как знать, может, и не придется еще раз прикоснуться к этому родничку.

К счастью, он ошибся, довелось мне побывать в этих местах.

Довелось спустя четверть века, В 1966 году, объезжая места былых боев, в которых участвовала 196-я стрелковая дивизия, я побывал в Черкассах и нашел живым и здравствующим Сергея Наумовича. Полеха узнал меня, порадовался встрече, и снова мы побывали у лесного родника. Напились студеной воды, вспомнили сорок первый год. Сергей Наумович рассказал мне о своем партизанском житье-бытье, о том, как они жили два года, пока не вернулась в Черкассы Красная Армия. Я вспоминал, как уходили за Днепр, вспоминал товарищей, которые навсегда остались на его правом берегу…

На Черкасском плацдарме

Участок земли на правом берегу Днепра глубиной от 8 до 20 километров и шириной 20–25 километров, получивший у военных название черкасского плацдарма, был одним из живописнейших уголков Украины. Во всяком случае, прошагав и проехав сотни и сотни верст от Днепропетровска до Рахн и от Рахн до Черкасс, я не встречал мест столь очаровательных. Царственные сосновые леса под Черкассами сменялись дубовыми рощами и перелесками. Поля здесь не так раздольны, как в степных районах Украины, но зато необычайно плодородны. «Посадишь оглоблю, вырастет тарантас» — эти шутливые слова, несомненно, сказаны про здешние места.

По обеим сторонам дороги, по которой отходила дивизия к новому рубежу, росла высоченная кукуруза и тучная пшеница. Села утопали в садах. Да и в самих Черкассах ничего не было от города: ни городского шума, ни дыма фабричных труб, ни уличной сутолоки. Это был на добрый десяток километров вытянувшийся по днепровскому берегу вишневый и яблоневый сад. Стояла середина августа, и из каждого двора тянулись на улицу усыпанные черными переспевшими ягодами вишневые ветки. Никто их не срывал, люди покинули город.

Оборона Черкасс — этого уютного городка, служившего до войны местом отдыха киевлян, — приобрела в те дни если не стратегическое, то, во всяком случае, оперативное значение. Дело в том, что левый берег Днепра был оголен, сюда еще не подошли свежие дивизии, которые могли преградить путь фашистским войскам в глубь Левобережной Украины, к его главному индустриальному району — Донбассу. Здесь, у Черкасс, 38-й армии, которой была передана 196-я дивизия, предстояло приковать к себе ударную группировку немцев, выиграть время, необходимое, чтобы подтянуть к Днепру войска из глубинных районов страны.

В состав армии на плацдарме входили три стрелковые дивизии, воздушно-десантная бригада и сводный полк, созданный из вышедших из окружения солдат и офицеров различных родов войск: в нем были артиллеристы и пехотинцы, летчики и танкисты, народ обстрелянный и бывалый. Только одна 116-я дивизия была полностью укомплектована, другие же, как и наша, серьезно потрепаны в боях. Когда я докладывал в штабе армии о том, с какими силами мы подошли к Черкассам, мне вначале не поверили: из 17 тысяч личного состава осталось менее 1,5 тысячи (всего 5 стрелковых и пулеметных рот, 3 минометные и 5

артиллерийских батарей). Мы имели 38 станковых пулеметов, 4 противотанковых орудия, 4 76-мм и столько же 122-мм пушек. Все остальное — и людей, и оружие потеряли в тяжелых боях под Медвином, Корсунью, Бараньим Полем.

Согласно приказу командарма генерал-лейтенанта Дмитрия Ивановича Рябышева дивизия заняла оборону северо-западнее Черкасс, своим правым флангом упираясь в Днепр, а левым стыкуясь со 116-й дивизией на берегу Ирдыни — притока великой украинской реки Днепр. Штаб дивизии расположился в лесу, неподалеку от села Свидовок. Высоко над головой шумели сосны, а звук шагов заглушался на мягком ковре сосновых игл.

Заняли мы здания дома отдыха, одного из многих в этом лесу. Совсем недавно здесь отдыхали рабочие киевского «Арсенала» и других предприятий, дышали целебным воздухом, настоянным на лесных ароматах и днепровских водах. Не трудно было представить, как гуляли в этом зеленом мире счастливые люди, наслаждались покоем, пели песни, говорили друг другу красивые слова. Все это, казалось, было когда-то очень и очень давно. Теперь и лес, и эти свежевыкрашенные уютные домики принимали людей в защитного цвета военной форме.

«Черкассы не сдавать, оборонять до последней возможности. На восточный берег отсюда дороги нет» — так гласил приказ. Его категоричность свидетельствовала об исключительной серьезности положения, о важности, которую придавало командование обороне этого маленького районного городка в сотне верст от Киева.

И этой ответственностью благодаря умело поставленной партийно-политической работе проникался каждый командир и красноармеец. За двое суток, которые дал нам противник на подготовку оборонительных рубежей, несмотря на малочисленность личного состава, была проделана колоссальная работа. Перед передним краем установлены минные поля, дороги перегорожены завалами. Поразили меня в те дни любовь наших советских людей к родной природе, забота о ее сохранности. В то горькое время нельзя было точно предугадать, как станут развиваться события, удастся ли отстоять Черкассы или придется под напором врага уйти за Днепр. И тем не менее красноармейцы и командиры относились к лесу, ко всему, что их окружало, с бережливостью истинных хозяев.

Я оказался свидетелем такой сцены. Саперы устраивали завал на дороге из села Будище в Свидовок.

— Ты соображаешь? — отчитывал пожилой красноармеец своего товарища помоложе. — На такую красотищу замахиваешься! Иль не жаль дерева? Ведь оно годов 50 росло, до

неба вымахало, каждого прохожего радовало. А ты на него с топором! Голова твоя — два уха. Иль рухляди мало. Вон сосенка засыхает. Ее и под корень. Все равно гибель. А эту оставь. Не смей рубить.

— А чего ее жалеть. Немец не пожалеет. Начнется обстрел, только щепки полетят, — оправдывался солдат, собравшийся было срубить отливавшую золотом, поднявшую свою зеленую шапку над лесом сосну.

— Ты же не фашист. Ты русский человек и обязан бережливо относиться к дереву. Ты здесь не гость. Вот что я тебе скажу. А немец как пришел, так и уйдет. Нам же жить. Порубим лес по глупости да сгоряча, а после локотки станем кусать. Порубить — дело не хитрое. Раз-два махнул топором — и нет дерева. Вырастить же его — для этого, почитай, надобна жизнь…

Надо было договориться о взаимодействии с соседней 116-й дивизией, и я по указанию генерала Куликова и с разрешения начальника штаба 38-й армии полковника Потапова выехал в село Русская Поляна, где находился КП нашей соседки. 116-я стрелковая дивизия еще не участвовала в боях, что сразу бросалось в глаза. Штаб располагался в лесу, в палаточном городке. В палатках — походные кровати, раскладные стулья и столы, телефоны, электрическое освещение. Ко всему прочему посыпанные песком дорожки! Как все это напоминало нашу лагерную жизнь под Днепропетровском и как далеко это ушло в прошлое! «Война быстро смоет лагерный лоск, заставит отказаться от привычных удобств», — подумалось мне. Я смотрел на моих коллег из соединения, с которым нам надлежало оборонять Черкассы, не то чтобы с сожалением. Нет. Я смотрел на них как человек, прошедший тяжелый путь, который им еще надлежало пройти, как человек, приобретший бесценный опыт, который им еще предстояло получить в жестоких боях.

Между прочим, участие в войне дает людям возможность взглянуть на себя как бы со стороны, увидеть, что каждый из них стоит и что может. Командир 116-й стрелковой дивизии полковник Еременко не прошел фронтовую школу, и мне показалось, что у него много фанаберии, он часто становится в позу, озабочен тем, чтобы окружающие понимали его значимость. Разговаривал он со мной, как, впрочем, и с командирами своего штаба, с чувством явного превосходства. Когда я сообщил ему о численности нашей дивизии, он пренебрежительно бросил:

— И это называется дивизией! Как же мы будем взаимодействовать? Ведь вас немец в одночасье сомнет.

— Ничего. Думаю, ваша дивизия поможет. Ведь у вас — сила!

— Конечно. Семнадцать тысяч молодцов!

Разумеется, вера командира в своих людей — вещь необходимая и превосходная, но когда уверенность переходит в самоуверенность — это плохо. Мне показалось, что комдив слишком самоуверен. Но я, понятно, об этом никому не сказал, даже не намекнул. Я всегда придерживался и придерживаюсь принципа: не судить скорым судом человека. Поспешный суд — ошибочный суд.

Несколько иное впечатление производил начальник штаба дивизии полковник Николай Иванович Краснобаев. Его характер мало соответствовал фамилии. Говорил он медленно, монотонно. В отличие от комдива, энергичного, подтянутого, самоуверенного, он выглядел несколько рыхлым, мешковатым. Однако это было первое впечатление. В действительности же Краснобаев был распорядителен, быстро схватывал суть проблемы, хорошо знал дело. Мы детально с ним обговорили вопросы взаимодействия, связи между штабами. На прощание Краснобаев накормил нас превосходным обедом и познакомил с командирами штаба.

Когда я вернулся на КП, генерал Куликов уже имел довольно полную информацию о противнике. На плацдарм наступали шесть фашистских дивизий, довольно боеспособных, не очень-то потрепанных в боях. Среди соединений вермахта, нацеленных на Черкассы, была и наша старая знакомая — 57-я пехотная дивизия. Облегчало нашу задачу то, что танковые силы Клейста были направлены на Кременчуг. Если бы фашисты ударили своим танковым кулаком на Черкассы, катастрофа была бы неминуема, долго бы мы не продержались.

19 августа по распоряжению генерала Рябышева штаб дивизии передислоцировался в Черкассы, заняв там ' помещение городской почты. В селе Сосновка нам было приказано оставить оперативную группу, здесь же оборудовать НП. Хотя генерал Рябышев не объяснил причины, все было ясно. Дело в том, что штаб и все службы управления 38-й армии находились на восточном берегу Днепра и командарму необходим был негромоздкий орган управления, который бы осуществлял руководство оборонявшими город соединениями. Поскольку штаб нашей дивизии считался самым опытным, выбор командарма пал на него. Своим негласным заместителем по руководству войсками на плацдарме он сделал генерала Куликова, я же стал оператором командарма, исполняя одновременно и обязанности начальника штаба дивизии, то есть, иначе говоря, сел в два кресла. С генералом Куликовым на НП в селе Сосновка мы находились поочередно. Если генерал Рябышев уезжал с КП армии, там немедленно появлялся Константин Ефимович. С прибытием

командарма наш комдив возвращался в Сосновку, я же спешил в Черкассы, в штаб дивизии. Один из нас всегда был у генерала Рябышева под рукой.

Коль скоро зашла речь о командарме, скажу о нем несколько слов. Дмитрий Иванович Рябышев — ровесник века. Человек он физически крепкий, очень уравновешенный. Человек без нервов — вот точное определение генерала Рябышева. От него всегда исходила спокойная уверенность, и люди, окружавшие его, никогда, даже в самой драматической ситуации, не теряли головы и присутствия духа. Самое доброе воспоминание оставил у меня и у всех моих однополчан Дмитрий Иванович Рябышев. Он недавно скончался в Ростове-на-Дону.

— Осмотри, майор, мосты и подступы к ним. Наверняка фашисты попытаются отрезать нас от воды, зажать на плацдарме, не дать в случае чего уйти на левый берег. Ну а наша задача — сорвать то, что задумал противник, не допустить его к переправам. Задача, я думаю, яснее ясного. А?

Это «А?» звучало в устах Рябышева не по генеральски, но как-то настраивало на доверив к нему. Работалось с ним приятно и просто.

Взяв с собой капитана Трунова и еще нескольких штабных командиров, мы поехали по опустевшим, вымершим Черкассам. Проехали весь город из конца в конец и не встретили ни души.

Железнодорожный мост, к которому мы подъехали, производил довольно внушительное впечатление. Он протянулся более чем на километр, соединив оба берега. Неторопливо бежала внизу, омывая его чугунные опоры, серая днепровская вода. Под мостом хлопотали саперы, закладывая взрывчатку. Дикие, не вяжущиеся со здравым смыслом законы у войны. Мне подумалось, каким праздником для жителей этого городка было сооружение моста. Железная дорога открыла для них дверь в большой и светлый мир. По ней уезжали молодые люди в города учиться, строить гидростанции, заводы, шахты. Вечерами на перроне вокзала к приходу столичных экспрессов собиралась молодежь, звучала музыка, юные романтики мечтали о том часе, когда такие же голубые экспрессы увезут их в далекие края. И вот теперь саперы деловито начиняли пролеты моста толом, чтобы по приказу командования он взлетел в воздух и пропал разом многолетний труд проектировщиков, инженеров, строителей. Это не укладывалось в голове, но было реальностью. Мы знали одно: если уйдем за Днепр, то этот и другие два моста деревянный и наплавной — разрушим своими руками, несмотря на острую жалость, сжимающую сердце. Так необходимо. Врагу по мостам пути нет и не будет.

Гитлеровцы, конечно, отлично знали о существовании мостов через Днепр, но не спешили их разрушить. Во всяком случае, фашистская авиация ударов по мостам в Черкассах не наносила. По всему было видно, что гитлеровцы намереваются захватить их в целости и сохранности, чтобы использовать для переправы на левый днепровский берег.

Мы осмотрели и другие два моста и к возвращению па КП имели на руках четкую схему подъездов к каждому из мостов, сделанную дивизионным топографом. Я люблю наглядность, схема как бы освещает местность, помогает лучше оценить ее с точки зрения тактики, «выжать» все скрытые потенции в интересах боя.

Схема нам потребовалась в тот же день и сослужила добрую службу…

Майор Карташов был встревожен и озабочен.

«Кажется, началось» — такими словами встретил меня Михаил Иванович на КП дивизий. Из его дальнейшего доклада выяснилось, что фашисты дважды в районе села Свидовок атаковали наши подразделения силами до роты. Поддерживали атаку пехоты шесть танков. Обе атаки отбиты. По предположению Карташова, это была разведка боем. Немцам хотелось выяснить расположение наших батарей, нащупать слабые места в обороне, определить стыки частей.

— Дураков нашли, — иронизировал Карташов. — Теперь наши стали соображать. Молчок, и точка. Ничего не узнали фрицы. Так что следует ждать новых атак.

То обстоятельство, что противник предпринял разведку боем в районе села Свидовок, расположенного неподалеку от Днепра, подтверждало предположение командарма Д. И. Рябышева: немцы попытаются отрезать нас от переправ, расчленить и уничтожить наши соединения. На правом фланге фашисты пока молчали, но и здесь обозначилась их ударная группировка. Начальник разведки доложил мне, что в этот район по ночам гитлеровцы подтягивают пехоту, артиллерию и танки.

Комдив, когда я сообщил ему данные разведки, приказал не спускать с противника глаз, фиксировать каждый его маневр, повышенное внимание уделить флангам.

Ночь я провел на НП в районе Сосновки. Дел, как обычно, было много, и только перед рассветом удалось выкроить часа два для сна. В теплые летние ночи всегда старался спать на дворе. Сон на свежем воздухе быстро восстанавливает силы. Поспишь часа два-три, а встанешь — голова свежая и чувствуешь, будто в тебя влили живительный бальзам.

Когда проснулся, солнце уже подсыпало золото в зеленые

шапки сосен и сравнительно редкий лес был разграфлен тенями, как ученическая тетрадь. Где-то старательно работал дятел, и его методичные «тук-тук-тук» подчеркивали утренний покой.

Вскоре с неба донесся прерывистый гул. Я стал вглядываться в утреннюю голубизну и заметил «раму». Немецкий разведчик медленно парил над нашим передним краем. Он совсем обнаглел, зная, что «ястребков» у нас нет.

Покружив, «рама» улетела восвояси.

— Докладывать пошел, — сказал полковник Самсоненко, кивнув в сторону тающего вдали фашистского самолета. — Скоро грядет музыка.

Самсоненко, отлично знающий нравы фашистов, и на этот раз оказался прав. На горизонте появились танки с черными крестами на броне.

— Один, второй, третий… — не отрываясь от бинокля, считал Самсоненко. Ну чистая прорва. Лупцуем, лупцуем, а они куют и куют. И откуда металл берут?

— Может, фанеру в ход пустили? — заметил кто-то.

— Если б фанеру, тогда б не горевали. Поставили б одну пушечку и все продырявили разом.

Впереди НП расположилась батарея лейтенанта Седова. Самсоненко вызвал его на связь и спросил:

— Лейтенант, видишь танки? Что собираешься делать?

— Подпущу малость и буду бить.

— Ну-ну! Только не зарывайся, не упусти момента.

— Есть, не упустить!

Я знал этого совсем молодого отважного лейтенанта, не унывающего в самых трудных переделках.

Как бы улавливая то, о чем я думаю, Иосиф Иосифович, положив трубку, сказал:

— На смертный бой идет, а весел. Между прочим, бой выигрывают веселые люди. Угрюмые проигрывают. Как считаешь, почему?

Я не ответил. Да и что, собственно, было отвечать? Пуля не разбирается, ей безразлично, веселый у тебя характер или нет. Легкие сердцем люди, наверное, просто немного удачливее.

Танковая атака между тем развивалась, и было не до посторонних разговоров.

— Седов, а Седов? Почему молчишь, почему не стреляешь? — кричал в телефонную трубку Самсоненко.

А Седов выжидал. Когда вражеские машины, развернувшись на ходу, подошли приблизительно на 200 метров, три седовских орудия заговорили. Один танк загорелся. В ответ немцы открыли неистовую стрельбу по обнаружившей себя батарее. Снаряд,

попавший в ее расположение, ранил командира расчета, наповал сразил двух подносчиков снарядов, повредил орудие. Но два оставшихся продолжали стрелять и вынудили танки прекратить атаку и отойти. Откатилась под сильным ружейно-пулеметным огнем и следовавшая под прикрытием боевых машин пехота.

Не прошло и получаса, как последовала новая, еще более яростная и мощная атака. Было ясно, что под таким натиском нам не устоять, и поэтому, отбиваясь, наши подразделения начали отход. Это было сделано с разрешения командира дивизии. Я все время держал генерала Куликова в курсе того, как развертывался бой, и, когда обозначилось подавляющее превосходство противника, комдив приказал мне во что бы то ни стало сберечь людей.

— Смотри, Василий Митрофанович, ты отвечаешь головой за то, чтобы сберечь наших людей.

— Тогда надо отходить.

— Отходи.

— Но ведь тогда придется оставить деревни Дахновка и Свидовок.

— Ничего. Отойди к Сосновке. А ночью мы вернем деревни. Ночью немцы танки применять не станут.

В тот день мы попятились к Черкассам на четыре километра. И это дало возможность сохранить боеспособность подразделений.

Когда бой затих, мы дали людям отдых, накормили их. Такова уж доля штабного командира: когда солдаты спят, он бодрствует, готовится к завтрашнему бою. Когда же бой разгорается, ему и подавно спать некогда. Вот он и спит урывками, используя для этого малюсенькие «окна» между неотложными заботами.

Той ночью, после первого боя под Черкассами, мы подготовили контратаку с задачей отбить оставленную нами днем деревню Дахновка. Атака проводилась силами трех батальонов. Главную задачу выполнял батальон капитана Ираклия Георгиевича Чанчавадзе, который должен был ударить по фашистам с тыла. Не случайно наш выбор пал на этого командира и его батальон. Примечательный человек этот Чанчавадзе. Грузин-горец, он был очень красив. Статный, черноволосый, крепкий, каждый мускул в нем буквально играл. Энергия била у капитана через край. Он создан для действия, ни минуты не мог сидеть без дела. Ираклий Георгиевич считался в дивизии лучшим наездником, был чемпионом по стрельбе, фехтованию, вольной борьбе. За все это, а главное, за честность, душевность командиры и красноармейцы искренне любили и

уважали своего комбата и даже где-то в душе ему завидовали, готовы были идти за ним, что называется, в огонь и в воду.

Капитан Чанчавадзе справился с порученным ему заданием на все сто процентов. Еще затемно бойцы батальона зашли в тыл врага западнее деревни, а как только начала заниматься утренняя заря, в небо взвились три зеленые ракеты и все три подразделения ударили одновременно. Атака для гитлеровцев была совершенно неожиданной, и они в беспорядке: отошли, оставив много оружия и боеприпасов.

Однако, шок у фашистов продолжался недолго. Вскоре они опомнились и довольно значительными силами навалились на наши батальоны. Бой длился с утра до позднего вечера. Дахновку беспрерывно обстреливала немецкая артиллерия, от прямых попаданий загорелось несколько домов, огонь перекинулся на соседние хаты. Кругом бушевало пламя, гремели взрывы, выли мины и свистели пули. Немецкие атаки шли волнами, одна сменяла другую. Если люди не выдумали ад, то он, по сравнению с тем, что было наяву, выглядел детской забавой.

Ко всему прочему несколько раз Дахновку принималась бомбить фашистская авиация, и земля дрожала от взрывов бомб. Однако ничто не могло сломить сопротивления бойцов трех, не побоюсь этого слова, героических батальонов. Они целый день удерживали деревню, отбили все атаки фашистов.

Хуже шли дела на участке 212-й стрелковой дивизии. Здесь противник довольно основательно потеснил ее части в близко подошел к деревянному мосту через Днепр. Оставила село Русская Поляна, отойдя на три — пять километров, и 116-я стрелковая дивизия. Плацдарм заметно уменьшился, да и трудно было ожидать другого, ведь фашисты создали многократное превосходство в силах. Против нашей ослабленной дивизии они бросили два довольно полнокровных соединения — 57-ю и 94-ю пехотные дивизии; на фронте, обороняемом 212-й дивизией, наступали два соединения вермахта — 125-я и 227-я пехотные дивизии.

Оценивая создавшуюся обстановку, генерал-лейтенант Рябышев попросил у главкома войск Юго-Западного направления Семена Михайловича Буденного разрешения, пока не поздно, отвести войска на восточный берег и оставить Черкассы. Вместе с командармом на КП фронта > выезжал генерал Куликов, и он по возвращении доверительно рассказал мне о состоявшемся разговоре.

Выслушав Рябышева, Семен Михайлович, очень озабоченный, осунувшийся от бессонных ночей, сказал:

— Я вас понимаю, но решает такие вопросы Москва. Сейчас

доложу товарищу Сталину.

Правительственный телефон работая четко, и вскоре И. В. Сталин был на проводе. Буденный предельно кратко доложил обстановку под Черкассами, сказал, что часть армии Рябышева находится под угрозой окружения и потому, чтобы спасти ее, следует немедленно переправиться через Днепр. Сталин долго молчал, затем ответил:

— Вы, товарищ Буденный, смотрите на Черкассы со своей точки зрения. Вы забываете, что оставить сейчас Черкассы — это равносильно тому, что открыть немцам ворота в Донбасс. Этого делать ни в коем случае не следует. Укрепим оборону по Днепру, тогда и подумаем о Черкассах. А теперь город надо отстоять. Вы меня поняли?

В кабинете было тихо, и каждое слово Сталина звучало отчетливо. Кончив разговор, главком развел руками — дескать, ничего не поделаешь и поступать следует, как приказал Сталин.

По возвращении в Черкассы генерал Рябышев собрал командиров соединений и отдельных частей. Совещание проходило в нашем штабе. Зал городской почты был довольно просторный, лучшего места для подобных совещаний не было.

На обратном пути от главкома командарм хорошо продумал, как выполнить задачу, поставленную Ставкой, и пришел на совещание уже с готовым решением. Суть решения состояла в том, чтобы предпринимать малыми силами частные контратаки, неглубоко вклиниваться в оборону противника и тем самым сбивать его с толку, не дать ему организовать планомерный штурм наших позиций. Первую контратаку Рябышев назначил на предстоящую ночь, в ноль-ноль часов. От двух дивизий для атаки выделялось по полку, а от третьей, 196-й, — батальон.

Часа за два до атаки наши разведчики привели на КП армии немецкого офицера. «Язык» оказался ценным. В сумке офицера был найден секретный приказ гитлеровского штаба, в котором войскам ставилась задача разгромить черкасскую группировку Красной Армии, форсировать Днепр и развивать наступление на восток. Мы тотчас же направили «языка» в штаб армии. Как вовремя генерал Рябышев спланировал ночные вылазки! Они могут — нет, не могут, а непременно должны! — перепутать карты немцев.

В одиннадцать часов, за час до атаки, проверив по телефону готовность выделенных частей и подразделений, я зашел к командарму. Рябышев, как обычно, был спокоен, и я вновь подумал, что этому человеку не откажешь в выдержке, он умел скрывать свои чувства за внешней невозмутимостью.

Перед командармом лежала раскрытая топографическая

карта Черкасс и окрестностей города, на ней четко был обозначен наш передний край: он выглядел подковой, которая упиралась концами в Днепр.

— А, начштаба… — сказал Рябышев, заметив меня. — Что докладывают из дивизий?

— Атака состоится точно в назначенное время.

— Как говорится, утопающий хватается за соломинку. Может быть, атака и будет соломинкой, которая поможет вам выстоять.

Когда стрелки часов на какое-то мгновение застыли на цифре «12», в открытое окно домика возле городской почты, где находился КП командующего, ворвался артиллерийский грохот, перемешанный с трескотней пулеметов и автоматов. Рябышев прислушался на минуту, заметил:

— Люблю, майор, ночной бой. Это у меня еще с гражданской. Ты бы видел, какой страх наводили наши ночные рейды на мамонтовцев или Шкуро. Ворвешься, бывало, с хлопцами в село. Беляки после вечерней попойки еще нежатся в постелях, а мы как снег на голову. Они мечутся, не знают, куда бежать, что делать. Красотища! Пленные нам говорили: «Воюете не по правилам». Смешно — «не по правилам». Какие правила на войне? Кто победил, тот правильно и воюет. Ведь так?

Атака всюду прошла успешно. Командиры дивизий доложили на КП, что атаковавшие подразделения ворвались в первую линию траншей противника и выбили его оттуда. Потери мы понесли минимальные, и объяснялось это прежде всего внезапностью. Немцы не ожидали ночной атаки, и началась паника, когда наши воины ворвались в окопы и стали уничтожать их огнем, штыками, прикладами.

Как начальник штаба 196-й дивизии, я с особым пристрастием следил за развитием атаки в районе Дахновки. Поработали бойцы неплохо. До роты недосчитал противник этой ночью. Достались нам и трофеи: четыре миномета, шесть пулеметов, до полусотни автоматов и карабинов. Были и пленные. По приказанию Рябышева их доставили на КП. Мы накоротке допросили их, но ничего нового не узнали. Насмерть перепуганные, потерявшие от страха человеческий облик, пленные гитлеровцы бормотали что-то бессвязное, говорили, что на войну против русских их насильно погнал Гитлер, что скоро Гитлеру капут. Нас же интересовали планы гитлеровского командования, а об этом они ничего не знали. Пришлось отправить пленных на левый берег, и я заметил, что их лица осветил лучик надежды. «Может, этот русский офицер вовсе не собирается нас расстреливать, а отправит в лагерь для военнопленных. Как бы это было хорошо выжить в такой войне»

— вот 6 чем, как мне показалось, думали немецкие солдаты, для которых здесь, под Черкассами, война уже окончилась.

Ночная атака, как мы и предполагали, могла лишь оттянуть час немецкого штурма, а не сорвать его, ведь перевес в силах, притом значительный перевес, был по-прежнему на стороне противника. Как нам стало известно, начало наступления гитлеровцы планировали на восемь утра, но вынуждены были перенести его на два часа — на десять ноль-ноль. В течение сорока минут они вели мощную артиллерийскую подготовку, которая не причинила нам существенного урона: почему-то орудия били по центру города, где войск не было. Гораздо больше неприятностей доставляли «юнкерсы», обрабатывавшие наши позиции на флангах.

Когда орудия стихли и бомбежка прекратилась, одновременно на флангах фашисты начали штурм. В атаку устремились ударные батальоны, поддерживаемые танками. На участке 212-й стрелковой дивизии полковника Бардадина врагу удалось выйти на окраину города и овладеть кирпичным заводом. Противник потеснил и нашу дивизию. Создавалось критическое положение: враг, развивая успех, мог выйти к мостам, и тогда поражение защитников города было бы предрешено. Требовалось внести в ход боя перелом, вырвать у противника инициативу. И командарм принял решение: всем ответственным командирам оперативной группы немедленно выехать в соединения, поднять людей в контратаки, отбить противника на исходные позиции или же остановить его дальнейшее продвижение.

Я выехал в 212-ю дивизию к полковнику Василию Владимировичу Бардадину.

Его командный пункт находился рядом с кирпичным заводом, на возвышенности. Отсюда были хорошо видны боевые порядки. Наших бойцов от фашистов отделяло кукурузное поле. Высоченные стебли не препятствовали огню, не служили укрытием от него. Они лишь позволяли более или менее скрытно атаковать.

Полковник Бардадин был кадровым командиром. Волевое, энергичное лицо, немногословность, предельная четкость в разговоре, решительность — все это внушало к нему доверие и уважение. Комдив уже собирался в один из полков, и я присоединился к нему.

— Все готово? — спросил Бардадин командира полка, когда мы, скрываясь в кукурузе, в сопровождении адъютанта, к которому полковник обращался на «ты» (как мне сказали, этот офицер с одним кубиком в петлице, в прошлом сержант из разведбата, дважды спасал полковнику жизнь), пробрались на

полковой КП.

— Готово, товарищ полковник.

— Ну что ж, идемте, товарищ майор. Сегодня — мы солдаты.

Спустя минут десять, когда взвились и рассыпались на множество малюсеньких звездочек три красные ракеты, мы с полковником шли в цепи атакующих. Бардадин шел чуть впереди, размахивая пистолетом и крича: «Вперед, товарищи! Смерть фашистам!» Стебли кукурузы били по лицу, путались в ногах. В воздухе бушевал свинцовый шквал, пули, словно коса, срезали уже пожелтевшие листья. А Бардадин был невозмутим и всем своим поведением показывал бойцам, что он презирает опасность, не боится летящих на него смертей. Великое дело — пример командира. Весь полк мгновенно узнал, что в цепи идет сам комдив, и это делало людей сильнее и бесстрашнее.

Противник дрогнул и начал поспешно отходить. Я видел, как, бросив станковый пулемет, улепетывали двое фашистов, страх гнал их подальше от наступающих русских, которых не берут и пули. Две деревни лежали на нашем пути, и в обеих мы не дали фашистам закрепиться. На моих глазах разъяренный гитлеровский офицер расстрелял троих солдат, в панике бежавших от наших бойцов. Но даже такие крутые меры не помогли. Лишь введя свежие резервы, гитлеровцы сумели остановить полк. Дело было сделано, попытка фашистов отрезать наши подразделения от переправ и на этот раз провалилась.

Над городом опустилась тревожная августовская ночь. Темноту изредка разрезали разноцветные линии трассирующих пуль, в небе вспыхивали ракеты, ясно было, что противоборствующие стороны готовятся с рассветом снова начать бой.

Уходящий день был тяжелый, люди устали. Казалось, что тут уж не до ужина, не до писем, не до чего. И тем не менее, как только умолк грохот боя, жизнь пошла своим чередом: подъехали походные кухни, застучали солдатские котелки и кружки, люди сели за письма, чистили оружие и чинили одежду.

Велико умение человека приспосабливаться к любым обстоятельствам, жить, несмотря на все неудобства и превратности военного быта.

Поздним вечером поступил условный сигнал. «Молния». По нему мы были обязаны вскрыть совершенна секретный пакет, в котором лежал приказ на отход на левый берег Днепра. Я тотчас же передал этот сигнал командирам соединений. Все они точно выполнили предписание и стали готовиться к отходу. Наша дивизия и воздушно-десантная бригада переправлялись по железнодорожному мосту, 212-я по деревянному, а 116-я — по

наплавному.

Все шло четко, люди знали, что и как делать. Только полковника Еременко подвела самоуверенность. Пакет он держал не при себе, как предписывалось, а сдал в секретную часть штаба, находившуюся на восточном берегу. Получив сигнал, он пытался связаться с командиром, ведавшим секретным делопроизводством, но того не оказалось на месте. Дорогое время шло, что делать дальше, было не ясно. Хорошо, что полковник Краснобаев сообразил позвонить в опергруппу и справиться, что им надлежит делать. Переговоры по таким строго секретным делам по телефону вести нельзя, и я по приказанию генерала Рябышева поспешил в штаб дивизии. Как будто войск под Черкассами было немного, но когда все эти части двинулись в сторону мостов, то, как говорится, стало ни пройти ни проехать. Мы с превеликим трудом, рискуя поминутно врезаться в столб, дерево или оказаться в кювете, прорвались сквозь поток отходящих подразделений и прибыли в штаб 116-й стрелковой дивизии. Еще каких-то час-полтора, и наша помощь была бы бесполезна, ведь поднять полнокровную дивизию со всем ее разнохарактерным хозяйством — дело чрезвычайно сложное и громоздкое, требующее времени. Еременко чувствовал себя виноватым и, стараясь искупить свою вину, показал завидную расторопность.

В течение ночи ни одного человека, ни одной машины, ни одного пулемета не осталось на нравом берегу — все было эвакуировано через Днепр. На рассвете три мощных взрыва разбудили ничего не подозревавших гитлеровцев: мосты через Днепр взлетели на воздух.

На острове Королевиц

Дивизия, как и предписывалось приказом командарма, после отхода за Днепр сосредоточилась в районе населенного пункта Первомайское. С группой офицеров я уходил из Черкасс последним. На наших глазах саперы взорвали железнодорожный мост, по которому переправлялась дивизия. Надо отдать им должное: они сработали отлично, из десяти пролетов взорвали девять.

Железнодорожный мост был взорван в пять утра, в шесть в щепы разнесло наплавной, а в семь взлетели обломки деревянного. Мы в это время из окопа на высоком днепровском берегу наблюдали за городом, над которым медленно, нехотя всходило уже по-осеннему нежаркое солнце. Черкассы были пусты, не появлялся и противник.

Лишь часам к восьми на той стороне Днепра показались первые небольшие группы от трех до пяти человек, по-видимому разведчики. Шли они крадучись, прижимаясь к стенам домов, делали короткие перебежки, но вскоре, убедившись, что части Красной Армии оставили город, осмелели. Немецкая артиллерия открыла огонь по расположению наших войск на левом берегу реки. Мы шли в Первомайское уже под аккомпанемент разрывов. Правда, немцы стреляли неприцельно, больше для острастки, чем по делу, и мы почти не обращали внимания на их «музыку».

В Первомайском штаб дивизии уже функционировал. Рассредоточившись по хатам, его отделения занимались своими текущими делами. Поступило сообщение о прибытии пополнения, и требовалось в спешном порядке распределить по полкам тысячу красноармейцев и командиров маршевого батальона. Нам было приказано также расформировать гаубичный артиллерийский полк, передав людей и орудия пушечному полку. Забот было много, и я активно включился в работу.

Не успели мы разбросать пополнение по частям, как последовал приказ штаба армии сформировать стрелковый батальон, подчинить ему одну батарею и минроту и направить на усиление 116-й стрелковой дивизии на остров Королевиц.

Не от хорошей жизни командование армии снова «раздевало» нас, еще не успев «одеть». Ведь половину пополнения пришлось направить в этот батальон. Снова роты и батареи оставались неукомплектованными. Подчеркиваю еще раз, что иного выхода у командования армии в тот момент не существовало. На острове создалась критическая обстановка, и надо было принимать

экстренные меры.

Остров Королевиц лежит напротив Черкасс, вернее, чуть-чуть севернее их. Он образован новым и старым руслом Днепра. Когда-то река, не доходя до города, делала поворот на восток, образуя нечто вроде подковы. Со временем Днепр пробил себе новую дорогу, которая пролегла у самого города. Так вот, участок земли шириной в четыре километра и длиной в пять между «стариком», как горожане называли старое русло, и новым течением реки и стал островом, носящим монархическое название Королевиц.

По плану командования армии после отхода за Днепр оборону на левом берегу реки в ее основном русле должна была обеспечить 116-я дивизия полковника Я. Ф. Еременко. Но как я уже говорил, части дивизии с отходом замешкались. На войне вакуум образуется редко, наши оплошности, как правило, противник незамедлительно использовал в своих интересах. Так произошло и на этот раз.

Словом, 116-я стрелковая дивизия не успела занять оборону на основном русле, и фашисты, обнаружив, что на острове никого нет, переправились на него. Командарм приказал полковнику Еременко очистить остров от противника, сбросив немцев в реку. Вначале комдив пытался своими силами выполнить поставленную задачу, но потерпел неудачу: гитлеровские подразделения на острове поддерживала артиллерия из района Черкасс.

На помощь Еременко командование армии бросило батальон 97-й стрелковой дивизии и 4-ю воздушно-десантную бригаду, но и прибытие подкрепления не внесло перелома: фашисты на острове с каждым часом закреплялись все прочнее. 24 августа дивизия Еременко вновь штурмовала немецкие позиции. Весь день не утихал бой, атаки следовали одна за другой. Фашистов удалось потеснить метров на пятьсот. Большего наши, однако, добиться не смогли. И вот теперь на помощь спешил батальон нашей, 196-й стрелковой дивизии. Хотя подразделение передавалось в подчинение полковника Еременко, комдив решил не оставлять его без присмотра, и я вместе с Алексеем Бери, Иваном Красницким и Василием Качановым отправился на остров.

До острова мы добрались довольно быстро, быстро нашли и командный пункт полковника Еременко. Нашим проводником был сержант-связист, который со своим отделением прокладывал телефонную связь между КП дивизии и КП полков. Ориентируясь по телефонному кабелю, который тянулся вдоль тропинки, сержант привел нас в небольшое село. В хате, стоявшей на отшибе, и находился КП полковника Еременко. Окна хаты

глядели в густую зеленую заросль, хата была замаскирована и сверху, и снизу. Саперы, на мой взгляд, явно перестарались: наводя камуфляж, они забыли о главном, о том, что с КП должны быть хорошо видны боевые порядки, в противном случае управлять действиями частей придется вслепую, лишь по телефону, но ведь телефон не может заменить визуального наблюдения.

Я поначалу даже засомневался, что это и есть команд-вый пункт, откуда осуществляется управление соединением, по мои сомнения рассеял лейтенант, должно быть адъютант Еременко, который встретил нас возле хаты. — Так точно, это и есть КП командира дивизии, — сказал он, отвечая на мой вопрос, по адресу ли мы пришли.

Яков Филиппович Еременко встретил нас любезно, ввел меня в обстановку, а она, судя по его рассказу, была неутешительной. Фашисты занимали более половины острова и уже успели хорошо окопаться. Противник сумел переправить сюда не только пехотные подразделения, но и артиллерию — до двух дивизионов. Все орудия он поставил на прямую наводку.

Еременко проинформировал меня о том, что завтра утром 116-я стрелковая дивизия будет снова атаковать противника с задачей сбросить его в Днепр. В боевых порядках дивизии наш батальон должен был действовать на ее левом фланге. Узнав, что почти половину батальона составляют солдаты из пополнения, еще не побывавшие под огнем, комдив расстроился. В эти дни он до конца понял, что такое боевой опыт, почувствовал, что человек, прошедший испытание огнем, стоит двух, а то и трех новобранцев. Полковник Еременко приказал под покровом ночной темноты подтянуть артиллерию ближе к боевым порядкам подразделений, которые утром пойдут в атаку, а орудия прямой наводки выкатить непосредственно в цепи атакующих. Полковник сокрушался, что командование армии не может помочь ему «огоньком». «Фашисты смолят нас почем зря из дальнобойных. А подавить их батареи нечем». Мы посочувствовали ему, но ведь от сочувствия мало проку, им не заменишь пушек, которых у нас тогда было мало.

Формально мы не подчинялись комдиву, не командовали и батальоном, но не хотелось быть сторонними наблюдателями, и потому я сказал полковнику, чтобы он рассчитывал на нас, что мы проконтролируем действия батальона и сделаем все зависящее, чтобы он выполнил поставленную задачу. К этому времени саперы уже оборудовали запасной НП батальона, туда мы и направились. Отсюда поддерживалась устойчивая связь и с комбатом, г с генералом Куликовым, и даже со штабом армии.

Мы понимали, что к островку под Черкассами сейчас приковано внимание армейского командования.

Проверив готовность батальона к завтрашнему бою и убедившись, что комбат сделал все необходимое, в первом часу ночи мы улеглись на соломе и тотчас же заснули мертвым сном. Я проснулся, когда часы показывали четыре. Дабы не мешать другим, тихо вылез из блиндажа на свежий воздух. Ночь стояла звездная, тихая. В бинокль, с которым никогда не расставался, стал вглядываться в темень, туда, где находились наши окопы. Оттуда доносились приглушенные звуки, там бойцы уже просыпались и готовились к предстоящему бою. О чем они думают, эти вологодские и вятские парни, перед своим первым в жизни боем? Мне было известно, что солдаты маршевого батальона призваны из этих мест. По своему опыту знал, какое нравственное напряжение, точнее, нравственные муки испытывает человек накануне первого боя. Ему кажется — даже не кажется, а он абсолютно уверен, — что его непременно убьют, что рассвет, который скоро наступит, будет последним в его жизни. И этот страх парализует волю, делает человека беззащитным. Так или иначе все это испытывает, видимо, каждый фронтовик, и важно, чтобы это состояние прошло быстрее и не так болезненно. Что для этого надо? Я задал мысленно себе этот вопрос и тут же на него ответил. Надо, чтобы перед первым боем рядом с новичком был опытный, прошедший огонь войны человек. И мне захотелось сейчас же, сию же минуту оказаться среди солдат, впервые сегодняшним утром идущих в атаку. Нет, конечно, я ее считал себя героем, которого можно взять за образец, но мне не раз приходилось ходить в атаку, ну хотя бы несколько дней назад, вместе с полковником Бардадиным. Там, под Черкассами, воздух был начинен свинцом, казалось, со всех сторон на нас летели сотни смертей. И тем не менее мы живые и невредимые. Нет, не каждая пуля убивает, не каждый идущий в атаку обречен. Надо верить в свою звезду и не робеть.

Примерно это я говорил красноармейцам, обходя минут через двадцать траншеи и блиндажи в сопровождений комбата. Я говорил им и о том, что в атаке главное — быстрее добежать до врага и прикончить его. Не прикончишь ты его, он прикончит тебя. Все предельно просто, как и вся солдатская наука. Разумеется, я говорил это между прочим, не превращая душевный разговор в беседу. Когда до начала атаки остается два часа, не до продолжительных бесед. Здесь важнее простое товарищеское слово. Оно поможет идти в бой с легким сердцем. Пойдешь с тяжелой думой, с робостью — считай, что все пропало.

Однако надо было возвращаться на НП. Начальнику штаба

дивизии лишь в чрезвычайных обстоятельствах можно идти в цепи атакующих. У него другие задачи: на войне каждый делает свое дело, образно говоря, каждый играет на своем инструменте. Только в этом случае звучит стройно оркестр и приходит победа. Хотя скажу честно: в тот момент мне очень не хотелось уходить, очень хотелось остаться с бойцами. Правда, успокаивало то, что рядом с необстрелянными воинами в атаку пойдут опытные командиры и красноармейцы, коммунисты и комсомольцы, которых мы умело распределили по подразделениям.

На НП вернулся вовремя. Солнце уже взошло и разгоняло висевшие над островком клочья тумана, приползшего с Днепра. Вскоре ударили наши орудия. К сожалению, голос их был не особенно впечатляющ: артиллерии у нас было не густо. Из-за реки ответили немецкие дальнобойки. Дуэль продолжалась недолго. Внезапно все смолкло. В небе вспыхнула гроздь ракет, извещая о начале атаки. Коммунисты, вперед! — донеслось до нас. Потом другие голоса повторили призыв.

На бруствере окопа появилась одна фигура — командира, затем другая, третья… И вот уже образовалась цепь. Она быстро росла, все быстрее и быстрее устремлялась к немецким окопам.

По атакующим ударили пулеметы, часто начали рваться мины. Тем не менее атакующие упрямо шли вперед. Из тех троих, что первыми, как я заметил, выскочили из окопа, шел уже один, двое других, скошенные пулями, остались неподвижно лежать на еще не просохшей от тумана земле. Но на их место уже встали другие… До траншей врага оставалось 50, 40, 30 метров… Еще рывок и вот наши бойцы уже в немецких траншеях, орудуют штыками, прикладами, лопатами, чем ни попади. Еще раз убедились мы, что пуще смерти фашисты боятся рукопашной. Из окопов в беспорядке выскочили около сотни солдат и ринулись к леску, расположенному в западной части Королевица. Все это, конечно, не входило в расчеты немецкого командования. На помощь немецкой пехоте, выбитой из окопов нашей контратакой, пришла артиллерия и авиация. Из районов Сосновки, Дахновки и пригорода Черкасс по батальону открыли огонь более, десятка орудий и минометов. В небе появились «юнкерсы» и основательно обработали первую линию окопов, где теперь хозяйничали наши бойцы. Не успели улететь фашистские бомбардировщики, как гитлеровская пехота поднялась в контратаку. Фашисты, видимо, имели строжайший приказ: удержать занимаемые позиции любой ценой.

Решительно были настроены и наши люди. Они понимали, какой оборот могут принять события, если не сбросить немцев в Днепр. Фашисты подтянут на остров подкрепление, форсируют

старое русло, что труда большого не составит, и устремятся в глубь Левобережной Украины. Тогда потеряет всякое значение оборона по Днепру, на создание которой уже затрачено столько усилий. Накал и ожесточение боя нарастали. Никто не хотел уступать, и картина напоминала перетягивание каната: то брала наша сторона, то сторона противника.

Часто зуммерил телефон, и дежурный связист, подавая мне трубку, говорил: «Вас, товарищ майор, спрашивает Первый», «У аппарата Второй». И генерал Куликов, то есть Первый, и генерал-майор В. М. Симоволоков (начальник штаба 38-й армии), то есть Второй, интересовались, как идут дела. Чувствовалось, что командование с нетерпением ждет, когда же мы наконец выйдем к Днепру, очистим остров от гитлеровцев.

Пользуясь случаем, я передавал наверх просьбу «подбросить огоньку», на что следовал ответ: «Доложу командующему», хотя у командующего не было в резерве артиллерии и помочь он нам не мог.

Примерно в километре от нового русла стоял военный городок. Здесь в казармах когда-то жили солдаты уланского полка. Бойцы батальона выбили оттуда гитлеровцев, но те не примирились с потерей важного опорного пункта и настойчиво контратаковали, пытаясь вновь овладеть казармами. Комбат позвонил мне и просил доложить командованию о необходимости подавить фашистские батареи в Черкассах, которые, как он выразился, «утюжат и не дают носа высунуть». Я позвонил генералу Куликову и в который раз услышал горькое «доложу командующему». Положение тем временем усложнилось, при артиллерийской поддержке немецкая пехота поднялась в новую контратаку и стала обходить батальон с тыла.

— Можете ударить по немецким батареям? — спросил я по телефону начальника артиллерии 116-й стрелковой дивизии.

— «Огурцы» на исходе, но постараемся хотя бы припугнуть, — ответил мне незнакомый собеседник. С «богом войны» дивизии полковника Еременко я никогда не встречался.

Через несколько минут наши орудия открыли огонь, но он не достиг нужных результатов. Это была скорее не артиллерийская, а, как шутили остряки, моральная поддержка. После этого фашистские артиллеристы стали с еще большей яростью обстреливать казармы.

Непостижимо, как бойцы героического батальона держались, и не только держались, но и сумели за день продвинуться вперед!

На другой день бой разгорелся с новой силой.

В течение ночи немцы подтянули на остров свежие силы. До утра над рекой стоял гул моторов. Когда же в ночном небе

вспыхивали ракеты, они выхватывали на темной днепровской воде лодки и плоты с солдатами и техникой. Наши орудия и минометы изредка били по переправе, но огонь этот был больше символический, нанести существенного ущерба, а тем более сорвать переброску войск противника он не мог.

Полковник Еременко засыпал штаб армии просьбами поддержать утреннюю атаку артогнем и авиацией. Что касается воздушной поддержки, то в ней ему сразу же отказали. «Птиц» в распоряжении армейского командования не было. А вот «дынями» и «огурцами» обещали помочь. Однако в самый последний момент выяснилось, что и артиллерийской поддержки не будет и что 116-я стрелковая дивизия должна полностью полагаться на собственные силы. Расстроенный и обескураженный, Яков Филиппович позвонил мне и сказал, что переносит начало атаки с восьми на десять утра. «Ну как тут воевать, майор Шатилов?»

Понять его было нетрудно. И все же атака началась успешно. Этот успех обеспечили огромное мужество и высокий боевой настрой наших красноармейцев и командиров. Вновь не выдержали фашисты штыкового удара и покатились. Еще бы одно усилие — до Днепра оставалось каких-то 100, 150 метров, — и задача была бы решена. Но эти 100–150 метров надо было пройти по голой а ровной, как стол, местности. Фашисты поставили здесь плотную огневую завесу. Попытаться сделать рывок значило погубить людей, и комбат распорядился прекратить атаку и окопаться.

— Василий Митрофанович, прошу разрешить мне пойти в цепь, возглавить атаку. — Передо мной стоял инструктор политотдела дивизии старший политрук В. П. Качалов, которого комиссар Чечельницкий направил вместе со мной обеспечивать действия батальона на Королевице. Вид у старшего политрука был решительный, глаза горели. — Ведь всего каких-то 100–150 метров, и мы их утопим, гадов, в Днепре.

— Не могу, Василий Павлович, позволить я тебе такого. Ты погляди, как лупит немец. Там же живого места нет. Ну пойдешь ты, и людей погубишь, и себя под монастырь подведешь. Спросит меня комиссар: куда дел Качанова? Почему разрешил ему идти в атаку? Что я скажу? Занимайся лучше своей политработой.

— Сейчас главная политработа — там, — ответил старший политрук, показывая на днепровский берег, туда, где залегли наши цепи.

— И все равно позволить тебе не могу. Ты не рядовой боец, даже не политработник батальона. Ты представитель дивизии. Хочешь идти, звони Чечельницкому, — сказал я, показывая на телефон и давая понять, что разговор окончен.

Так же решительно напирали на меня политрук Деканов и старший лейтенант Косолапов. Они не просили — требовали, чтобы я послал их в атакующие подразделения. Но и им пришлось отказать.

— Вот видите, — сказал я командирам, — мне бы тоже хотелось довести дело до конца и утопить фашистов в Днепре, а надо отправляться. Только что позвонил генерал Куликов с КП дивизии и приказал немедленно прибыть туда.

Мы вышли перед заходом солнца, двигались по той же проторенной тропке, по которой пришли. На землю опускались лиловые тени сумерек. Низины заполнял легкий туман. Бой затухал.

Тихо беседуя, мы поднялись на небольшой бугорок, и этот бугорок чуть не стал нашей братской могилой. Длинная пулеметная очередь прошила воздух, пули просвистели над самыми головами. Мы разом упали, соображая, откуда стреляют. Не обнаружив вражеского пулеметчика, зигзагами — десять шагов вперед и вправо, десять вперед и влево и опять камнем вниз — преодолели бугорок, живыми и невредимыми скрылись в лощинке. Теперь фашистскому пулеметчику уже нас не достать. Впереди было пшеничное поле, и мы пошли напрямик, держа направление на «старика», который протекал, как мы знали, за этим полем. Идти было трудно, темнота наступила быстро, и мои спутники поминутно спотыкались и проклинали темень, фашистов и пшеницу, которая путалась под ногами. Остановились и с моего разрешения закурили. Я с наслаждением затянулся дымком «Беломора», оказавшегося у хозяйственного старшего политрука Качанова. Но это была моя вторая непростительная ошибка. Нельзя, находясь рядом с противником, демаскировать себя, тем более ночью. Наш перекур прекратился, едва начавшись. Неожиданно в воздухе что-то загрохотало, ударило пламя и взрывной волной всех нас разбросало в разные стороны.

Когда я очнулся, то увидел над собой черное звездное небо и вначале не мог понять, где я и что со мной, почему лежу на спине и почему глядят на меня эти ночные далекие звезды. Совершенно не чувствовал ни боли, ни страха. Быстро придя в себя, я начал припоминать и анализировать случившееся. Так, все ясно. Я контужен, причина контузии — взрыв бризантного снаряда. Хорошо, что он грохнул немного впереди нас, если б не перелет, тогда бы все мы, во всяком случае ваш покорный слуга, надолго или, быть может, навсегда отвоевались.

Попытался подняться, но ноги были словно ватные. Подбежали Качанов, Деканов и Косолапов, отделавшиеся легким

испугом, помогли мне встать. Постепенно разошелся, только страшно болела голова и глухой шум стоял в ушах.

— В санбат, и никаких разговоров, — распорядилась, осмотрев меня, военврач третьего ранга, молодая и миловидная женщина, из новеньких.

— Дорогая медицина, — взмолился я. — Контузия — не ранение. Ее время лечит. Так что прошу, умоляю оставить в строю. Не до госпиталя, когда кругом такое творится.

Медицина, вначале непреклонная, суровая, вняла моим мольбам и сказала:

— Поступайте как знаете. А для контузии лучший врач — время. Это вы верно сказали. Но еще и крепкие нервы. Значит, по возможности меньше нервничайте и больше спите.

Я обещал так и поступать, хотя врач не хуже меня знала, что не до сна командиру на войне…

И все же контузия на три дня приковала меня к постели, точнее — к охапке соломы в ветхом сарае на восточной окраине Мельников. Я несколько раз принимался за дела, но начиналась такая острая головная боль, что тотчас же приходилось ложиться, и начоперотделения, мой заместитель майор Карташов, взваливал всю работу на свои плечи, оставляя меня один на один с контузией. И все же. постепенно головные, боли отступали, шум в ушах проходил. На четвертые сутки я уже хоть и не в полную силу, но включился в работу штаба.

Между тем бои на острове продолжались. Нам не удалось сбросить немцев в Днепр, а гитлеровцы не сумели занять полностью Королевиц. Дорого обошлась 116-й дивизии нераспорядительность ее командования. И вот вполне логичный исход. Точно не помню, но, кажется, 5 сентября 1941 года мы получили копию приказа по 38-й армии: Военный совет отстранял полковника Еременко от командования дивизией. Мотивируя это решение, в формулировках не стеснялся, называл вещи своими именами. Командование было, безусловно, право. Но у меня на душе остался тяжелый осадок. Ведь на острове полковник Еременко показал себя в общем-то инициативным, распорядительным, смелым командиром. Дивизия сумела задержать противника, не пустить его к старому руслу. Это тоже немало, хотя задача и была выполнена наполовину.

Обстановка на участке обороны 38-й армии становилась все тревожнее, особенно в районе Кременчуга. Сюда гитлеровцы стягивали крупные силы. Еще в последний день августа они пытались здесь форсировать Днепр, но наши войска не позволили им зацепиться на левом берегу и пустили на дно сотни десантных лодок и паромов с гитлеровцами и боевой техникой. Тем не

менее фашисты лезли вперед, не считаясь с потерями. 6 сентября немцам удалось навести две переправы и создать на восточном берегу небольшой плацдарм. В последующие дни они значительно расширили этот плацдарм, перебросив через реку не только пехотные части, но и танки, артиллерию.

Мы с тревогой следили за развитием событий, понимая, что они имеют самое непосредственное отношение и к нашей дивизии, хотя она находилась пока в резерве севернее Кременчуга. Замысел фашистского командования заключался в следующем: силами соединений 1-й танковой группы с плацдарма у Кременчуга нанести удар по флангу 38-й армии, затем, развивая наступление на север, навстречу 2-й танковой группе, замкнуть кольцо окружения вокруг четырех армий Юго-Западного фронта. У нашего командарма генерал-майора танковых войск Н. В. Фекленко (он сменил 15 августа 1941 г. генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева, назначенного командующим войсками Южного фронта) в резерве не было достаточных сил, чтобы ликвидировать немецкий плацдарм под Кременчугом. В спешном порядке пришлось снять из-под Черкасс 212-ю стрелковую дивизию и перебросить ее на фланг армии, в район кременчугских переправ. Наша 196-я, не успев как следует отдохнуть, а главное, пополниться личным составом и техникой, сменила 212-ю.

Смену производили ночью. Лил обложной дождь, а это и облегчало, и затрудняло задачу. В непогоду меньше приходилось заботиться о маскировке: шум дождя поглощая звуки: Но раскисшие в одночасье дороги стали почти непроезжими: Люда вязли по колено в черноземе, машины и повозки буксовали, и каждый метр, каждый шаг давался с превеликим трудом.

В центре полосы обороны, которая передавалась нам, находилось приднепровское село Ирклиев — типичное село этого благодатного края. Как и в других селах, в нем уже не осталось ни души. Заняв одну из самых просторных хат в центре села, мы с полковником И. И. Самсоненко и другими штабистами следили за «сменой караула». Связисты быстро протянули в хату телефон, и мы сразу, как говорится, встали за пульт управления. Части заняли указанные районы без ЧП: что говорить, война научила нас осуществлять маневр ночью.

Позиции, которые оборудовали подразделения 212-й стрелковой дивизии по днепровскому берегу, были далеки от совершенства, сделаны на скорую руку, и нам с утра на другой день пришлось продолжить начатое дело. Красноармейцы оборудовали дзоты, землянки, артиллеристы наводили камуфляж на свои орудия. Все инженерные работы велись в расчете на то,

что здесь мы будем стоять основательно, что отступать дальше нельзя, что здесь наш последний оборонительный рубеж. Инженерные работы шли споро, этому способствовало и то обстоятельство, что на другой день после их начала прибыл новый маршевый батальон. Рабочих рук прибавилось. Для молодых красноармейцев строительство оборонительных объектов было хорошей школой. В солдатской жизни умение вырыть окоп, соорудить блиндаж в два-три наката, замаскироваться от воздушного противника — не менее важно, чем хорошо стрелять.

Мы укрепляли оборону и не спускали глаз с противоположного берега, зная, что противник тоже не сидит сложа руки. И делали это не напрасно. Несколько раз разведывательные группы врага пытались переправиться на наш берег, прощупать нашу оборону.

Как-то к нам в штаб доставили пленного немца. Выяснилось, что его захватили наши саперы, устанавливавшие на берегу Днепра мины. Занимаясь ранним утром своим делом, они заметили лодку, которая тихо подходила со стороны Черкасс. Саперы сразу сообразили, что к чему, залегли, притаились. Когда лодка причалила к берегу, саперы дали по фашистам длинную пулеметную очередь. Пять гитлеровцев, находившихся в лодке, были сражены наповал, а шестой поднял руки.

Пленный был перепуган, вздрагивал от каждого шороха. Он окончательно потерял дар речи, когда увидел вошедшего в комнату инструктора политотдела старшего политрука Качанова. Красная звездочка на рукаве его гимнастерки привела фашиста в неописуемый ужас: геббельсовские пропагандисты вдалбливали в головы солдат великое множество всякого вздора, вроде того, что красные комиссары на месте расстреливают пленных и потому лучше не попадаться им в руки. Я видел, как немец напряженно следил за Качановым, думая, должно быть, что тот вот-вот расстреляет его. Но политрук ушел, и немец облегченно вздохнул. Только после этого удалось вытянуть из него кое-что. Это кое-что было для нас весьма важно. Мы узнали, что 68-я пехотная дивизия, в которой служил пленный, основательно потрепана в боях, роты практически обескровлены. Нет, не зря мы с такой стойкостью обороняли Черкассы. Город они заняли, но это была пиррова победа.

По словам пленного, со дня на день должно поступить пополнение и тогда фашисты предпримут попытку захватить плацдарм на левом берегу Днепра под Черкассами.

— И пополнение найдет здесь свою смерть! — сказал полковник Самсоненко.

Во вражеском кольце

7 сентября, когда фашисты высадились под Кременчугом на левый днепровский берег, 196-ю дивизию вновь передали в подчинение 26-й армии, а точнее, 6-го стрелкового корпуса генерал-майора А. И. Лопатина. Фронт 38-й армии командование резко сузило, нацелив ее основные силы на ликвидацию немецкого плацдарма.

До 15 сентября обстановка на нашем участке была относительно спокойной, если на войне вообще таковая бывает. Мы укрепляли позиции, глубже врывались в землю, отражали нечастые и, я бы сказал, вялые попытки гитлеровцев и тут, под Черкассами, захватить плацдарм. Это, как мы думали, были отвлекающие маневры, и жизнь подтвердила наши предположения.

16 сентября наша спокойная обстановка кончилась и все резко изменилось. На рассвете поступил приказ командующего генерал-лейтенанта Костенко — его мне передал начальник штаба армии полковник Варенников — быть готовым к занятию нового оборонительного рубежа По реке Оржица в створе сел Круподеренцы, Дешковка Я тотчас же снарядил рекогносцировочную группу во главе с начальником оперативного отделения майором Карташовым. В группу включили дивизионного связиста, инженера, начальника разведки и представителей полков. На карте в предварительном порядке мы наметили участки для полков, огневые позиции для батарей, наблюдательные пункты, расположение тыловых служб и пути подхода к ним. Требовалось проверить все это визуально, оценить практически на местности.

В сопровождения стрелкового взвода рекогносцировочная группа сразу же выехала в заданный район и примерно через час — от Днепра до реки Оржица около 30 километров по довольно приличной, еще не разрушенной осенними дождями дороге — была уже у цели. У моста через реку под селом Белоусовка грузовые машины, на которых ехала группа Карташова, были неожиданно обстреляны из пулеметов и минометов. Пришлось немедленно развернуться и ретироваться. Когда Карташов доложил мне о случившемся, я, признаться, вначале не поверил, посчитал, что это недоразумение, что какой-то разгильдяй принял наших за немцев и приказал открыть огонь.

Доложили полковнику Варенникову, который, ничуть не удивившись, сказал:

— По-видимому, это немецкие диверсанты. Приказ остается в

силе.

В то время в нашем прифронтовом тылу фашисты часто выбрасывали отряды парашютистов-диверсантов с задачей разрушать коммуникации, линии связи, взрывать мосты, оказывать на наших бойцов психологическое давление, и я, грешным делом, как и Варенников, посчитал, что обстрел рекогносцировочной группы — дело рук одной из диверсионных банд, и, ничуть не усомнившись, приказал снова выехать на Оржицу. Теперь Карташов поехал уже под охраной роты, усиленной взводом станковых пулеметов.

Все произошло, как и в первый раз, будто одну и ту же киноленту прокрутили дважды. Как только машины подъехали к мосту, с противоположного берега был открыт довольно плотный ружейно-пулеметный огонь. Карташов спешил бойцов, развернул их в цепь и пытался атаковать диверсантов, но силенок оказалось маловато и атака захлебнулась. Стало ясно, что здесь действует не парашютный десант, а целое пехотное подразделение. Карташов пытался выйти к Оржице в других местах, но всюду встречал противника.

Мы не могли тогда даже предполагать, что фашистские войска, наступавшие с севера и юга, соединились в тылу Юго-Западного фронта и отрезали наши части, в том числе и части нашей дивизии. Не прояснил положения и полковник Варенников, которому я по телефону доложил о неудавшемся рейде рекогносцировочной группы майора Карташова.

— Ждите приказа, там все будет сказано, — заключил наш разговор Варенников.

Как видно, он знал о противнике, о том, что произошло, не больше нашего.

И приказ командарма, полученный вечером 16 сентября, подтвердил это. Нам вновь предлагалось занять оборону по реке Оржица, там, где группа Карташова напоролась на врага. О противнике, о его силах, намерениях в приказе не говорилось ни слова. Штаб армии не располагал правдивой информацией, а вводить в заблуждение подчиненных не хотел. Так думали я и мои товарищи по штабу дивизии.

Правда же, неожиданная и горькая, была такова. Еще 15 сентября подвижные соединения 2-й танковой группы противника, наступавшие с севера, и 1-й танковой группы, наступавшие со стороны Кременчуга, соединились в районе Лохвицы, завершили окружение значительной части войск Юго-Западного фронта. В котле оказались 21, 5, 37-я и наша 26-я армии.

Только из приказа командира корпуса, который последовал

за приказом командарма, нам стало известно о случившемся. Генерал Лопатин изменил нашу задачу и приказал дивизии с боями выходить из окружения в направлении село Белоусовка, город Лубны.

В приказе ничего не говорилось о том, с кем мы взаимодействуем, кто обеспечивает фланги дивизии, кто поддерживает нас и кого поддерживаем мы. Короче говоря, нам представлялась полная свобода действий, мы должны были поступать на свой страх и риск.

Теперь, спустя многие годы, анализируя события той горькой осени, приходишь к выводу, что слово «окружение» парализовало тогда волю некоторых командиров и штабных работников и они выпустили управление войсками из своих рук, не стали хозяевами положения. Теперь понимаешь, что следовало бы не распылять усилия, а, напротив, объединить их, создать ударные группы и штурмовать вражеское кольцо, и оно, безусловно, лопнуло бы. Это уменьшило бы потери, которыми сопровождался неорганизованный выход из окружения. Бить кулаком куда сподручнее, чем растопыренными пальцами. Думается, что все это хорошо знали и в штабе фронта, и в штабе армии. Но изменить положение они уже не могли. Управление войсками было потеряно, и в этом суть.

Наша дивизия, как, впрочем, и другие соединения, не выходившие из боев по два и более месяца, оказалась в тяжелейшем положении. У нас уже не было гаубичного артполка, зенитного и противотанкового дивизионов. В стрелковых полках, как я уже говорил, было по две-три неполноценные роты. В единственном артиллерийском полку остались две батареи по три орудия. Положение усугублялось тем, что запас снарядов и патронов подходил к концу. Кончалось и продовольствие, интендантские передвижные склады опустели: ни консервов, ни круп, ни даже традиционных галет. Ко всем бедам приплюсовалась непомерная усталость личного состава — и физическая, и моральная. Вот уже почти четыре месяца на наших людей беспрерывно сваливались беды одна горше другой, и им, казалось, не было конца. На глазах бойцов гибли товарищи, опустошение и смерть вместе с врагом врывались в города и села, которые они оставляли. А тут еще окружение, эта страшная неизвестность, эта страшная неопределенность. Когда ты с врагом лицом к лицу — одно дело. Тогда за тобой вся страна, ты чувствуешь постоянно ее поддержку. Другая картина, когда ты во вражеском кольце, когда и сзади и впереди жестокий в коварный враг. Что ни говори, а были у вас основания для невеселых мыслей, для тягостного душевного настроя.

Но такова уж природа советского человека — и это я уяснил на множестве фактов, — чем тяжелее обстановка, тем собраннее, организованнее становились наши люди. Командиры и политработники, коммунисты были в те часы среди бойцов, старались подбодрить их, разъясняли обстановку, и их слово падало в благодатную почву. Во всяком случае, мы в штабе не заметили ни уныния, ни тем более паники, люди сохраняли спокойную уверенность, были готовы ко всему.

В ночь на 17 сентября дивизия оставила Днепр. Великая река была для вас не только оборонительных рубежом. Она была частью нашей души, тем, что с детства мы любили и свято чтили. Мы покидали Днепр, уходили на восток, унося в душе клятву вернуться, чтобы его освободить.

Первая ночь прошла спокойно, гитлеровцы не появлялись. В арьергарде колонны шли саперы и минировали дороги на случай, если фашисты вздумают ударить нам в спину. Однако опасность на этот раз ожидала не сзади и впереди, а с неба. Когда рассвело и взошло солнце, рассеяв утренний, уже холодный сентябрьский туман, взору открылась необозримая степь: нигде не было видно ни леса, ни рощицы, ни кустарника. Для вражеской авиации полное раздолье. Не успел я подумать об этом, как из-за горизонта вынырнула стая фашистских самолетов и на бреющем полете пронеслась над устало текущими колоннами наших частей. Бойцы мгновенно рассыпались по полю, укрылись в пожелтевшей траве. Развернувшись, «юнкерсы» сбросили бомбы, наделав много шуму. К счастью, обошлось без жертв, лишь несколько красноармейцев получили легкие осколочные ранения. Видимо, и у немцев с боеприпасами, в данном случае с авиабомбами, было негусто, и приходилось идти на хитрость. Когда фашистские стервятники во второй раз появились над колонной, из их «брюха» посыпались не бомбы, а… бороны, плуги, еще какие-то железяки. Чего хотели фашисты добиться таким «оружием», сказать трудно, вероятно, надавить на психику, напугать. И действительно, вся эта начинка издавала невероятный, душераздирающий вой и грохот. В первые минуты некоторые бойцы оробели, но, разобравшись, что к чему, подняли незадачливых фашистских пилотов на смех.

Вот уж поистине: трагическое и смешное на войне идут рядом!

Село Круподеренцы встретило неприветливо. Как только колонна стала подходить к нему, фашисты открыли сильный артиллерийский и минометный заградительный огонь. Последняя наша надежда, что окружения нет или, во всяком случае, вражеское кольцо не сплошное, улетучилась. Ничего делать не

оставалось, как залечь, переждать артналет, развернуться и атаковать неприятельские позиции. Так и было сделано. Во главе колонны шел батальон Шадского. Я уже рассказывал об этом командире, истинном герое.

Есть героизм — как вспышка. Человек проявляет отчаянную смелость и отвагу в минуты какого-то озарения, нравственного взлета. Такой человек достоин славы и уважения. Но вдвойне заслуживают славы люди, которые достигли тайну самообладания в любых, самых непредвиденных обстоятельствах. Такие люди знают, как поступать при вражеской бомбежке, при ночном нападении неприятеля, во время его танковой атаки, при появлении вражеского подразделения в тылу, словом, при самых разнообразных обстоятельствах, которых на войне нельзя предусмотреть. К подобным людям относился Иван Макарович Шадский. Он мгновенно угадывал, где противник, что он намерен делать и что надо предпринять, чтобы поставить его в невыгодные условия, а затем разбить или, если это невозможно сделать, понести наименьшие потери.

Как только фашистская артиллерия смолкла, капитан Шадский поднял своих бойцов и повел их в атаку. Они ворвались в крайние хаты и выбили оттуда фашистов. При виде бегущих гитлеровцы, засевшие в других домах, также поддались панике. Заметив это, Шадский продолжал преследовать отступавших фашистов и с ходу форсировал реку. Что говорить: смелость города берет!

Во время этой атаки я попал в эпицентр артналета и чуть было не расстался с жизнью. Но и на этот раз смерть лишь обожгла меня своим ледяным дыханием.

А случилось вот что. Следом за батальоном Шадского оперативная группа штаба направилась на новый наблюдательный пункт, а туда в это время немецкая артиллерия перенесла свой огонь. Мы залегли в каком-то огороде, рядом рвались снаряды и мины, нас то и дело присыпало землей. Неприятное это занятие: лежать под артогнем и гадать, какой снаряд или мина твои. Обстрел все усиливался, и вдруг что-то тяжелое обожгло мою правую руку, а она мгновенно онемела. «Оторвало руку», — молнией пронеслось в голове. Левой рукой хватаю правую, и вздох облегчения вырывается из груди. Рука цела. Что же в таком случае произошло? Щупаю рукав шинели и нахожу рваную дыру, а в ней еще не остывший большой осколок от мины. Соображаю, где осколок так сильно погасил убойную силу. То ли после взрыва он сначала полетел вверх и, описав кривую, впился в рукав шинели, то ли самортизировал с земли, которая и уменьшила скорость полета. Во всяком случае — ушиб

руки, дыра в шинели… Возможно, я находился на волосок от смерти, а теперь совершенно спокоен и даже философствую. Непостижима натура человеческая!

Река Чумак — приток Оржицы, через которую фашисты нас не пропустили. Но и то хорошо, что мы успели закрепиться на высоком берегу Чумака. Отсюда открывался широкий обзор, и к тому же извилистый, поросший кустарником берег скрывал нас от глаз противника. Место идеальное для обороны. Но нам предстояло не обороняться, а прорывать вражеские позиции и выходить из окружения. Следуя русской пословице: «Куй железо, пока горячо», генерал Куликов приказал подготовить новую атаку. На этот раз ударить по врагу правее Круподеренц с задачей ворваться в село Савинцы и овладеть в нем мостом через Оржицу. Надо сказать, что все села в здешних местах похожи одно на другое: белые, утопающие в уже тронутых осенним золотом фруктовых садах, длинные, из конца в конец села, неширокие улицы. Видно, в довоенное время жили здесь в покое и достатке. Но вот прошла по этим улицам война, и не осталось ни хат, ни садов. Все уничтожал огонь, разрушала артиллерия и авиация врага.

Атака была назначена на 14.00 и началась точно в этот час. То ли фашисты не ожидали от нас такой прыти, то ли еще не оправились от только что отгремевшего боя, но сопротивления упорного не оказали, и наши подразделения выбили их из Савинцев и овладели мостом. Опять впереди был батальон Шадского, который хорошо поддержали бойцы 893-го стрелкового полка капитана Кобжева (он сменил майора Кузнецова на посту командира полка). Наблюдая за действиями этих подразделений, я радовался, что у нас такие превосходные командиры.

Батальону, как я думаю, принадлежит большая, если не главная роль в общевойсковом бою не только полка, но и дивизии. Хорошо идут там дела, они спорятся и в дивизии. А успех боя батальона определяет прежде всего его командир. Сколько за годы войны я видел комбатов и, не кривя душой, скажу: за очень редким исключением это были люди с твердым характером, отважные, инициативные, знающие и любящие военное дело. И объяснялось это просто: на пост командира батальона выдвигались наиболее грамотные, смелые, хорошо зарекомендовавшие себя в бою командиры рот. Отбор боем был почти безошибочным, слабые люди на этот пост сами не шли, да их и не ставили. Хотя Шадский и Кобжев и в мирное время командовали батальонами, они хорошо вписались в славную плеяду комбатов военной поры, и по праву капитан Николай Савельевич Кобжев был назначен командиром полка.

Но вернемся к рассказу. Взятие моста через Оржицу как бы подхлестнуло фашистов. Они бросили в контратаку при поддержке нескольких танков свежие подразделения, усилили артиллерийский огонь. Нет, не умением, не храбростью брали фашисты верх в бою, а огромным превосходством в людях, в технике, в артиллерии, в авиации. Было до слез обидно отходить, ведь мы находились почти у цели, еще бы одно усилие — и коридор, по которому на восток устремились части дивизии, был бы проложен. Но пришлось отходить.

Мы понимали, что еще более осложняем свое и так весьма незавидное положение, но ничего поделать не могли: враг был сильнее, гораздо сильнее.

Оставалась последняя надежда — найти брод через реку. Здесь, у Савинцев, враг дивизию из кольца выпускать не собирался. Спустилась ночь, такая же мрачная, как и наши мысли. Снарядили разведывательную группу — от каждого полка по 20 человек, в целом от дивизии 60 самых отважных, самых опытных бойцов. Эту группу генерал Куликов приказал возглавить мне и капитану Трунову.

Шли с предельной осторожностью. На всем почти пятикилометровом пути прошли мы не меньше — ни единого шороха, ни хруста ветки. Еще днем старик колхозник из Савинцев рассказал нашим разведчикам, что в пяти-шести километрах от села, там, где река делает крюк, «воды козе по щиколотку, пройдете, штанов не замочите». По его приметам разведчики точно вывели нашу группу к броду. Старик несколько приуменьшил глубину реки: пришлось местами идти по грудь, и хотя лезть в холодную воду, а затем шлепать в мокрых сапогах и в одежде занятие малоприятное, все мы благополучно оказались на другом берегу. Надежда, что найден разрыв во вражеском кольце, радовала и согревала. Прежде чем дать подразделениям дивизии сигнал о движении к броду, требовалось разведать дальнейший путь: а вдруг там фашисты?

Чавкала в сапогах вода, от холода зуб на зуб не попадая, нескошенная пшеница и пожухлая трава путались в ногах, а темень была такая, что в двух шагах ничего невозможно было разглядеть.

Правда, вскоре взошла луна и осветила своим неярким светом поле, лесок и петлявшую возле него проселочную дорогу. Мы вышли к леску и замерла от неожиданности. По дороге прямо на нас шли бронемашины. Что это, случайное совпадение или же фашисты неведомым образом пронюхали о нашем ночном рейде? Этого еще не хватало! Война — не только жестокий, кровавый бой. Это и игра кто кого перехитрит и обманет. Неужели фашисты

перехитрили нас? Судя по всему, это было так. Ведь обычно по ночам гитлеровцы сидят в укрытиях, и если рискнули в такую непроглядную темень предпринять вояж — значит, получили точные данные, значит, рассчитывают на верную добычу. Но мы-то не собирались стать легкой добычей фашистов!

Приказываю всем залечь и не спускать глаз с броневиков. Замысел гитлеровцев становится ясным: бронемашины с двух сторон начинают обход, пытаясь отрезать разведгруппу от брода. Помешались на своих котлах. Нет, господа, на сей раз у вас ничего не получится, окружения не будет.

— Всем отойти в лесок, а затем быстро к броду и на тот берег, — передаю по цепи команду.

Однако без боя оторваться от фашистов не удалось. Гитлеровцы, соскочив с машин, паля из автоматов, пошла в атаку, пытаясь заставить нас залечь, приковать к земле, а затем загнать в готовящийся котел.

Мы открыли ответный огонь, который заметно сбавил воинствующий пыл фашистов. Особенно хорошо поработали мы гранатами. Как я уже сказал, бойцы подобрались в разведку один к одному, неробкого десятка, умеющие владеть собой.

— Товарищ майор, разрешите мы их подпустим, а потом по душам побеседуем. Вот на этом языке, — сказал мне коренастый сержант-разведчик в ватной форменной куртке и показал сжатую в руке противотанковую гранату.

— Действуй, герой!

Восемь бойцов из отделения сержанта залегли, слились с землей, а когда фашисты подошли на 15–20 шагов, в одно мгновение поднялись и бросили гранаты. Впечатление было такое, что разорвался мощный снаряд, выпущенный из дальнобойного крупнокалиберного орудия. Автоматные очереди стихли, дикие крики, стоны раненых огласили ночное поле. Замешательство немцев, однако, было недолгим. Опять поднялась отчаянная автоматная стрельба. Но драгоценные минуту, так нам необходимые, были выиграны. Бойцы разведгруппы переправились через Оржицу и спустились в глубокий овраг. Теперь мы находились в относительной безопасности и можно было отбросить маскировку, разжечь костры, обсушиться, покурить. Но табак и спички намокли.

Не давала покоя мысль: «Откуда фашистам стало известно о рейде разведгруппы, как просочилась информация? Старик, рассказавший нам о броде, пособник врага? Вряд ли. Судя по рассказу разведчиков, у него два сына в Красной Армии, фронтовики. Один служит в Бресте, артиллерист. Другой — моряк, плавает на Черном море. Старик несколько раз спрашивал,

взял ли германец Брест-Литовск (он называл город по прежнему его названию) и что слышно насчет бойцов, что служили в городской крепости. Нет, не может отец двух фронтовиков быть предателем. Возможно, старик по секрету поделился с кем-нибудь из односельчан, что окруженные советские бойцы интересовались бродами через Оржицу и что он указал им тот, что в пяти верстах от села, у молодого леска. Этот односельчанин оказался предателем и все сообщил немцам».

Впервые за войну мы столкнулись с фактом очевидного предательства, он потряс нас. Не из газет, не из книжек, а из горькой действительности узнали, что среди наших людей, для которых нет ничего выше, чем Родина и ее дело, имеются оборотни, готовые за тридцать сребреников пойти в услужение к фашистам, пресмыкаться перед ними. Кто эти люди, которые в тяжкий для Отечества час наносят ему удар в спину? Бывшие кулаки, уголовники, стяжатели? Что руководит поступками предателя: корысть, тщеславие, ненависть к советскому строю, презрение к труду и людям труда, жажда властвовать над другими, жить за их счет? Как, должно быть, ловко и искусно они приспосабливались, рядились в нашу одежду, скрывая истинное лицо. Беседуя той ночью с бойцами, я напомнил им известные слова Максима Горького, сказавшего, что даже тифозную вошь оскорбило бы сравнение с предателем.

Этот случай свидетельствовал о том, что революционная бдительность, о которой нам постоянно напоминала партия, в условиях смертельной схватки с фашизмом необходима так же, как винтовка и автомат. Конечно, бдительность не должна переходить в мнительность, но осторожность никогда не помешает. Если бы разведчики, расспрашивая старика о броде, попросили его никому о беседе не рассказывать, то все бы могло кончиться благополучно. И сейчас бы мы не плелись понуро в Белоусовку на командный пункт генерала Куликова, и не надо было бы мучительно думать, что делать дальше, где та брешь во вражеском кольце, через которую можно вывести дивизию к своим.

Обсушившись после ночного купания и поспав немного, я поспешил на КП. Генерала Куликова я нашел в подвале просторной хаты на окраине Прохоровки. Только что шесть «юнкерсов» налетали на село, и генерал укрылся в нем от бомбежки.

Я доложил о результатах ночной вылазки разведгруппы и предложил, пока не поздно, пока фашисты не подтянули свежие силы, попытаться прорвать кольцо окружения. Я высказал свое мнение, что прорыв вражеского кольца необходимо предпринять

силами не только нашей дивизии, но и всего корпуса.

— Все собрать в кулак и ударить. Только в этом наше спасение, — закончил я свой доклад.

Куликов слушал меня не перебивая. Он и сам думал так же, считая, что только концентрированный удар может принести успех.

— Ты говоришь — «собрать в кулак». А тебе известно, кто у тебя слева, кто справа? Не знаешь. Не знает и Лопатин. Мы, брат, всему до войны учились, только не учились, как обеспечить управление войсками в условиях, когда фронт прорван и противник вышел к нам в тыл. Мы собирались только наступать в оперативном масштабе, бить врага на чужой территории. А видишь, как обернулось все. В общем-то ты говоришь дело. Я и сам об этом все время думаю. Поеду сейчас к генералу Лопатину, попробую убедить его…

Я с надеждой смотрел на Константина Ефимовича. Бывший буденновец, герой гражданской войны, талантливый командир, в котором были и решительность, и воля, и знания. Я был уверен, что генерал Куликов сделает все возможное, чтобы вывести дивизию из вражеского кольца.

В тот день я беседовал с генералом Куликовым и не знал, что говорю с ним в последний раз. Машина, на которой он отправился в штаб генерала Лопатина, въехала в село, занятое фашистами. Шофер и сам Куликов поняли это, когда повернуть назад было уже поздно, и сделали попытку проскочить. До 50 гитлеровцев, находившихся в селе, устроили настоящую охоту на штабную эмку. Куликов отстреливался из пистолета, был несколько раз ранен, и машина проскочила бы, если бы фашисты не открыли огонь по автомобильным скатам. Они изрешетили покрышки, и машина остановилась. В бессознательном состоянии, истекающий кровью Куликов был пленен. Шофера фашисты расстреляли на месте. После войны я узнал от друзей, что Куликов находился в лагере для военнопленных на территории Франции, вел себя как подобает настоящему советскому патриоту, достойно и непреклонно. Ни истязания, ни щедрые посулы не сломили его воли. Вспоминая теперь комдива 196-й, хочу сказать: за несколько месяцев совместной службы многому научился у него. Попадая в сложные переплеты на дорогах войны, я часто спрашивал себя: «А как бы в подобной; ситуации поступил генерал Куликов?» И это было хорошим ориентиром, помогало находить верные решения…

Между тем часы шли, а комдив все не возвращался, молчал и штаб генерала Лопатина. Надо было что-то делать, не сидеть же в такой обстановке сложа руки и ждать у моря погоды.

Группа бойцов, пробирающаяся к своим, принесла обнадеживающую новость. Будто бы в районе села Исковцы, что в десяти километрах севернее Будницы, обороняется наша танковая дивизия. Машины у танкистов целы, но нет горючего. Они превратили танки в неподвижные огневые точки, заняли круговую оборону в не подпускают фашистов на пушечный выстрел. «Было бы здорово соединиться с танкистами, достать горючее — отбить его у противника — в сообща навалиться на фрицев», — подумалось мне.

Но танковая дивизия в Исковцах была из области мифов. Разведка, высланная нами, доложила, что никаких танков там не было и нет, да и откуда им взяться! Желаемое мы тогда нередко выдавали за действительное. Жизнь же неумолимо возвращала нас к реальностям. А реальность настоятельно повелевала действовать, пробиваться, пока не поздно.

Да, трудно некоторые командиры приспосабливались к условиям войны, мешал груз мирных привычек.

Посоветовавшись со старшим батальонным комиссаром Чечельняцким, майором Карташовым и полковником Самсоненко, решила предпринять новую попытку прорваться в районе Савинцев. Расчет сделали на внезапность атаки и на то, что все наличные силы собираются в кулак. Начальнику строевого отделения штаба капитану Д. Т. Курбатову приказываю поставить в строй всех писарей, чертежников, шифровальщиков, подчистить всю «писарскую элиту» и тылы. Отменный служака, понимающий толк в штабном делопроизводстве, ходячая энциклопедия всех «входящих и исходящих», Курбатов смотрят на меня осуждающе, но только спрашивает: «А как же без писарей?» Отвечаю: «Снявши голову, по волосам не плачут. Вы сделаете то, что надо, если немедленно, сейчас же уничтожите все лишние бумаги. О спасении штаба, о спасении дивизии надо думать, товарищ капитан!»

Хоть Курбатов подчищал тылы скрепя сердце, но наскреб порядком. За счет нестроевой команды мы довели численность стрелковых рот до 30–40 человек. А это кое-что значило. Не густо, конечно, но атаку можно было начинать, что мы и сделали утром. Наши бойцы понимали, что терять им уже нечего, и я редко видел у них такую непреклонную решимость, такое внутреннее ожесточение. В первых рядах атакующих шли роты полка майора Якова Борисовича Группана. Этого интеллигентного человека, внешне мало походившего на строевого офицера, я полюбил, проникся к нему искренней симпатией. Группан был долгое время начальником штаба полка и отлично знал свое дело. Он снабжал командира достоверными данными об обстановке, о

противнике, знал все, что в полку происходит. Командир полка за таким начштаба жил как за каменной стеной. И тем не менее, когда командир полка выбыл из строя, я сомневался, справится ли Группан с его обязанностями (речь шла о назначении Якова Борисовича комполка). Свои сомнения я высказал генералу Куликову. Хорошо, что тот не принял их, и назначение Группана состоялось. Я еще раз убедился, что командиру полка вовсе не обязательно иметь зычный голос и вид, вызывающий если не страх, то, во всяком случае, робость у подчиненных. Ничего такого у Якова Борисовича не было. Он говорил тихо и спокойно, никогда не повышал голоса и скорее просил, чем приказывал. И тем не менее подчиненные слушались его беспрекословно. Брал Группан знанием дела, уважением к людям, умом. А это, как оказалось, значило немало. Ко всему прочему он был человеком большого личного мужества.

Свой КП во время атаки он менял несколько раз, следуя фактически в цепи атакующих, под неприятельским огнем. Видя, что командир в их боевых порядках, солдаты, преодолевая яростное сопротивление фашистов, ворвались в Савинцы и снова овладели мостом. Не вина майора Группана и его полка, что большего они сделать не могли. В небе появились немецкие самолеты и в который раз стали бомбить село, или, точнее, то, что от него осталось. Факелами вспыхнули уцелевшие хаты, черный дым стлался по земле, слезились глаза, затруднялось дыхание.

Грохот бомбежки слился с артиллерийской канонадой, с гулом танков: фашисты подтянули к Савинцам механизированные и танковые подразделения. Пришлось нам вновь вернуться на исходные позиции. Не полезли дальше и фашисты, они были уверены, что мы и так не уйдем, что теперь мы обречены.

— Что делать будем, комдив? — спросил меня комиссар Чечельницкий, который редко бывал на дивизионном КП, а большей частью находился в подразделениях, среди личного состава. Сказывалась привычка, выработанная еще в годы гражданской войны, в партизанском отряде. С введением института военных комиссаров Чечельницкий нес прямую ответственность за боевые действия соединения наравне с командиром. Но он не особенно охотно вникал в командирские функции, считая, что для этого есть комдив, которому всецело доверял. Подписывать боевые приказы он считал делом формальным и обычно делал это постфактум, хотя и получал за такой формализм довольно жесткие разносы со стороны члена Военного совета армии. Но в этом вопросе Дмитрий Степанович был неисправим. Когда мы связывались с ним для согласования

сути приказа, он обычно говорил: «Действуйте — всецело одобряю».

Слово «комдив», обращенное ко мне, прозвучало непривычно. По положению начальник штаба является первым заместителем командира дивизии, с его выбытием из строя автоматически принимает на себя командование. Это по положению. Но ведь имеется психологический барьер, который переступить не так-то просто. Ты привык, что есть человек, который вместе с комиссаром принимает на себя всю полноту ответственности и которому принадлежит последнее слово. Теперь же оглядываться не на кого, твое решение оказывается окончательным, ты являешься последней инстанцией.

Все наши попытки прорваться через вражеское кольцо окончились неудачно. Противник был начеку и, как только мы начинали атаку, перебрасывал к месту предполагаемого прорыва подвижные, механизированные подразделения, танки и создавал многократное превосходство в людях, а главное — в технике. В воздухе появилась авиация гитлеровцев. В таких условиях продолжать лихорадочные попытки пробиться в открытом бою означало погубить остатки дивизии, и на «военном совете», так комиссар Чечельницкий назвал совещание троих Чечельницкий, я и Самсоненко, — было решено укрыться в лесу в районе села Пирятин, дать людям отдохнуть, собраться с силами, организовать интенсивную разведку и найти во вражеском кольце брешь. Комиссар был уверен, что нет у фашистов силенок, чтобы всюду плотно держать кольцо окружения. «Мы непременно отыщем слабинку и проскочим. Не надо только сломя голову бросаться на противника. С умом надо действовать. Вот в чем собака зарыта», — говорил он.

«Вот в чем собака зарыта» — любимая присказка комиссара. Он придавал ей десятки оттенков: иронию, сарказм, шутливость, решительность, неопределенность, одобрение, несогласие… Теперь в этих его вроде, примелькавшихся словах слышалась уверенность, что все будет хорошо. И мы верили комиссару. Ему невозможно «было не верить. Нам всем было известно, что Чечельницкий прошел гражданскую войну, дважды попадал в лапы белых, но его находчивость, самообладание, а главное — идейная убежденность позволили целым и невредимым выходить из петли, которая вот-вот должна была затянуться на его шее. Первый раз, раненный в бою, он оказался в руках деникинцев. Комиссар сумел убедить часовых, охранявших его, — украинского хлопца с Полтавщины и бородатого мужика из-под Курска — перебежать к красным.

Второй раз, уже будучи командиром партизанского отряда,

действовавшего в тылу белополяков, он с небольшой группой бойцов отправился в разведку и напоролся в белорусской деревне со странным названием Рыжуха на вражескую засаду. Белополяков было до взвода, партизан — десять человек. Чечельницкий повел своих бойцов в решительную атаку и отбился от врагов. „Штыком и гранатой пробились ребята“, как в песне о Железняке», — говорил Чечельницкий, вспоминая этот эпизод своей партизанской жизни. Он очень любил песню о Железняке и частенько в минуты досуга негромко напевал ее своим приятным баском…

И опять мы о капитаном Труновым в дороге. Бежит эмка по проселку, по полям, мимо рощиц. Мы едем в направлении большого лесного массива, который, судя по топографической карте, начинался сразу же за селом Пирятин. Мы уверены, что там мы найдем приют и пристанище, что лес укроет нас от вражеских глаз.

Но противник будто читал наши мысли. Подступы к лесу надежно контролировала его авиация. Едва мы выехали из села Грибенковское, находившегося в двух-трех километрах от Пирятина, как над нами появился «юнкерс» и стал поливать машину из пулеметов. Хорошо, что немец оказался неважным стрелком и эмка не пострадала. Однако рисковать дальше мы не решились и после получасового «отдыха» в кювете, дождавшись, когда «юнкерс» улетит, повернули обратно. Было ясно, что в дневное время в пирятинский лес нам не попасть.

На КП телефон не умолкал. Беспрерывно звонили из частей и спрашивали одно и то же: что делать? Всегда спокойного, невозмутимого Самсоненко я не узнал. Оставшись за комдива, он отбивался от наседавших на него командиров полков, говорил им, что с минуты на минуту ясность будет внесена и части получат определенные указания, но время шло, а ясности не было.

— Как будто гора с плеч, — обрадовался Иосиф Иосифович, увидев меня.

Но радость его была короткой. Он сам же мне посоветовал «слетать» к Варенникову и Лопатину и выяснить обстановку.

Конечно, можно было бы послать к полковнику Варенникову майора Карташова, вроде ни к чему оставлять дивизию в такой момент без командира, но Самсоненко и Чечельницкий настояли, чтобы поехал я, а не Карташов.

Перед отъездом мы решили отвести дивизию с реки Оржица, сосредоточиться в перелесках западнее села Круподеренцы, где и готовиться к маршу, направление которого части получат дополнительно.

Основные заботы по отводу частей легли на полковника Самсоненко. Мы договорились с ним, что отвод будет проведен по возможности незаметно для противника, для обозначения переднего края, или, как он сам сказал, для камуфляжа (Самсоненко всегда оставался артиллеристом), будет оставлено минимальное количество людей, по отделению от полка. «Пусть поводят фашистов за нос».

КП 26-й армии находился в селе Байковщизне, примерно в 20 километрах. Туда мы добрались без происшествий. В чисто прибранной хате было тихо и спокойно, не чувствовалось ни суеты, ни нервозности. Это подействовало на нас успокаивающе. Подумалось даже, что наши дела не так уж плохи, раз командование армии спокойно. Но это было не так. Генерал Костенко и полковник Варенников отлично видели всю трагичность обстановки, и только выдержка и личное мужество испытанных солдат помогали им сохранить самообладание. В хате было три комнаты. В приоткрытую дверь я увидел генерала Костенко, он сосредоточенно склонился над картой. В другой комнате, куда я вошел, за столом сидел полковник Варенников и что-то быстро писал. Увидев меня, он поздоровался. На его почерневшем от бессонных ночей и тревог лице появилась усталая улыбка.

— Ну, рассказывай, как ваши дела. Куликов не возвратился?

Я доложил о наших неудавшихся попытках прорвать кольцо, о своем решении сосредоточить подразделения дивизии под Круподеренцами, о том, что генерал Куликов не появлялся и потому я временно вступил в должность командира дивизии.

— Хорошо, что заехал. Вот приказ командарма о прорыве вражеского кольца. Поезжай к Лопатину. На месте разберетесь в деталях, он поставит дивизии задачу. А меня извини — спешу.

Варенников распрощался и не вышел, а выбежал из хаты. Я за ним. Неожиданно вспыхнувшая где-то перестрелка задержала нас. Откуда и кто стрелял, было непонятно, пули свистели рядом, впивались в стену хаты, обдавали нас кусочками извести. Варенников позвал адъютанта и спросил: «В чем дело, откуда стрельба?» Тот доложил, что село с двух сторон атакует противник. «Передайте командиру бронедивизиона и кавалеристам: контратаковать вместе со стрелками, отбросить фашистов, восстановить положение».

Достаточно несколько минут понаблюдать за человеком под огнем, и становится ясно, на что он годится. Ни один мускул на лице Варенникова во время неожиданного обстрела не дрогнул, воля у полковника была поистине железной.

Адъютант у Варенникова оказался проворным малым, и через

каких-либо пять десять минут мимо нас на предельной скорости пронеслись броневики, промчалась конница, и вскоре звуки боя стихли: немцы были отброшены от села. Дорога на КП 6-го стрелкового корпуса была свободна, и можно было отправляться в путь к генералу Лопатину.

Штаб Лопатина расположился в том же селе, только на другом его конце, в здании школы. Учебные доски, парты, плакаты, книжные шкафы — все здесь было на месте, отсутствовали только дети. Странно почувствовал я себя в школе — не слышно ребячьих голосов.

В комнате генерала Лопатина разговаривали, причем на довольно высоких нотах, Я узнал голос генерала, который кого-то в сердцах отчитывал. «Вы знаете, что за такое безобразие полагается», — гневно говорил он. «Так ведь налетели, как коршуны, и давай крошить», — оправдывался чей-то виноватый голос.

Как я позже узнал, это был командир автороты. Его машины застряли на мосту и задержали отходившую колонну корпуса. Пробки еще не успели рассосаться, как налетели «юнкерсы», сбросили бомбы, появились потери. У Лопатина были основания распекать командира. Вскоре он вылетел из комнаты, красный и потный. К моему удивлению, Антон Иванович Лопатин встретил меня совершенно остывшим, разговаривал ровно и спокойно. «Русская душа у него, быстро отходит», подумалось мне.

Прочитав доставленный приказ командарма, Лопатин нахмурился и сказал: «Поздно». Что он имел в виду, нетрудно было предположить. Как я понял, генерал-лейтенант Костенко приказывал собрать силы корпуса в кулак и ударить по противнику. А как их соберешь, когда нет устойчивой связи, когда снабжение войск нарушено, нет боеприпасов, горючего, да и вообще время уже безнадежно упущено. После войны, знакомясь с архивными документами, я понял, что это надо было сделать максимум 16 сентября, когда кольцо только что сомкнулось и противник не успел подтянуть резервы. Теперь же усилия целесообразнее направить не на попытки собрать корпус, а на то, чтобы попытаться найти в кольце окружения слабину и выскакивать из котла подивизионно. Каждый час промедления работал на противника.

— В направлении села Денисовка и далее на город Лубны пробивается 116-я стрелковая дивизия. Свяжитесь с ее командованием и вместе пробивайтесь, сказал Антон Иванович, показывая наш предстоящий путь на карте. — До вашего подхода командир 116-й организует переправу. Так что вы придете на готовенькое.

Лопатин улыбнулся. В характере генерала было много такого, что располагало к нему: внимательность к собеседнику, рассудительность, умение прямо смотреть правде в глаза. Именно Лопатин, ничего не скрывая, ввел меня в обстановку, сложившуюся на Юго-Западном фронте. Оказалось, что 26-я армия была отрезана от трех других армий, находившихся в кольце, не было у нее и связи со штабом фронта.

— Но ничего, мы еще повоюем. Надо верить в успех. Без веры — какая же это жизнь?! Ложись да гроб заказывай.

Здесь хочу я сделать небольшое отступление. Через год с небольшим, зимой сорок второго, на Северо-Западном фронте под Демьянском мне снова посчастливилось встретиться с Антоном Ивановичем. Он командовал тогда 34-й армией, я же принял 182-ю стрелковую дивизию, которая входила в ее состав. Когда, прибыв в штаб армии, зашел на доклад к командарму, генерал Лопатин сразу узнал меня и, как показалось, обрадовался старому сослуживцу.

— Я думал, какой это Шатилов, уж не тот ли майор, с которым из окружения за Днепром выбирались? Оказывается, тот. Жив, стало быть, Василий Митрофанович! Очень хорошо. Теперь вместе еще повоюем. Если с человеком в трудном переплете побывал, он тебе вроде за брата.

…От генерала Лопатина мой путь через Байковщизну лежал в Круподеренцы, куда, как уже говорилось, Самсоненко должен был отвести дивизию. В Байковщизне мы с шофером и двумя сопровождающими автоматчиками попали в ситуацию, аналогичную той, в которой оказался генерал Куликов. В те дни в расположение наших войск часто просачивались вражеские разведподразделения. Должно быть, одно из этих подразделений просочилось в Байковщизну. Гитлеровцы, по всей вероятности, пронюхали, что здесь находится КП 26-й армии, и решили во что бы то ни стало захватить или уничтожить ее руководящий состав. Час назад конники и бронедивизион выбили фашистов из села, но остатки этого подразделения рассыпались в его окрестностях. И вот когда наша машина на большой скорости влетела в село (я приказал шоферу ехать с ветерком, не зевать, на тот случай, если немцы перережут дорогу), человек пятнадцать гитлеровцев выскочили из кустов и давай поливать из автоматов. Шофер нажимал на газ, мы же, схватив автоматы, открыли ответную стрельбу. Разумеется, не моя и не автоматчиков заслуга, что нам удалось проскочить и не попасть в лапы фашистов. Тут уж помог случай и… пыль. Дорога в тот день просохла, и наша эмка, летевшая на большой скорости, поднимала облака пыли. «Вроде дымовой завесы», — заметил водитель, еще не веря, что так

удачно проскочили.

В балке, поросшей кустарником, которая начиналась километрах в трех от села, мы перевели дух. Убедившись, что погони нет, остановились, вылезли из машины, закурили. Кузов был изрешечен пулями, но эмка по-прежнему бегала резво, и у меня в душе к ней возникло чувство благодарности, будто это был человек, а не автомобиль.

— Мазилы! — смеясь говорил автоматчикам шофер Казаков.

Его никогда не покидало хорошее настроение, ко всему на свете он относился с улыбкой. Легко, во всяком случае, несравненно легче на войне, чем другим, человеку с таким характером.

— Чему радуешься, весельчак? — не выдержал я. — Моли бога, что так обошлось.

— Я, товарищ майор, безбожник, атеист, так сказать. А что они мазилы — так это точно. Пятнадцать человек пуляют из автоматов, сыплют свинцом, как горохом, а мы уходим у них из-под носа.

Переделка, в которой мы только что побывали, была вскоре забыта, заслонена навалившимися заботами. Вернувшись на КП дивизии, ознакомил с содержанием боевого приказа командира корпуса комиссара и начальника артиллерии, после чего начали подготовку марта к Денисовке на соединение со 116-й дивизией.

Опасность, которая в те дни постоянно сопровождала нас, подготовила людей. Дисциплина была безупречная, красноармейцы и командиры безропотно и стойко переносили все тяготы боевой обстановки. Сборы, как говорится, были недолгими. Только-только сгустились сумерки, подразделения снялись с места и взяли направление на Денисовку. Шли всю ночь, делая лишь короткие привалы. Были приняты самые строгие меры предосторожности. Впереди колонны следовал разведбатальон, авто- и гужевой транспорт сосредоточили в хвосте, замыкал шествие артиллерийский сборный дивизион — ему была поставлена задача прикрывать дивизию от танков противника, если они появятся с тыла (фашистов можно было ждать отовсюду!).

И танки появились, они атаковали именно в хвост нашей колонны. Случилось это примерно в пяти километрах от Денисовки, как только забрезжил рассвет.

— Танки! — Тревожное сообщение пролетело по цепи.

Я и комиссар Чечельницкий ехали в середине колонны и напрасно шарили окулярами биноклей по широкому полю, еще прикрытому серым полумраком. Только тогда, когда полковник Самсоненко, с карьера остановивший возле нас своего

взмыленного коня, сказал: «Атакуют в хвост», я, повернувшись на 180 градусов, увидел па горизонте медленно наползающие черные коробки.

Комиссар Чечельницкий остался в колонне, а я, вскочив на коня, вместе с Самсоненко поскакал к пушкарям, на которых была вся надежда.

Артиллеристы батареи старшего лейтенанта Е. И. Кузнецова, к которым мы прискакали, изготовились к стрельбе и по команде Самсоненко, когда танки подошли метров на 150, сделали пять-шесть выстрелов. По всей видимости, немцы не хотели ввязываться в незапланированный ими бой, они шли для усиления охраны переправ через Оржицу и считали, что мы и так от них не уйдем. Поэтому, когда от прямых попаданий артснарядов два танка встали как вкопанные, остальные поспешили уйти. Они свернули в сторону, и вскоре гул двигателей и лязг гусениц машин стихли.

Когда мы вернулись на свое место, Чечельницкого таи не было. Капитан Трупов доложил, что комиссар поскакал в голову колонны, где, по его словам, появились немецкие танки и наши бойцы вынуждены были принять бой. Артиллерия, как известно, шла в хвосте колонны, и пришлось отбиваться гранатами и бутылками с горючей смесью. Старший батальонный комиссар Дмитрий Степанович Чечельницкий не очень-то заботился о личной безопасности, шел всегда туда, где было особенно трудно. «Я же агитатор, а агитатор действует прежде всего личным примером. Смелого пуля боится, смелого штык не берет», — говорил комиссар и поступал, как говорил. Удачливый был человек, наш комиссар, песня, слова из которой он любил повторять, была написана как про него. Он был словно заговоренный, его не брали ни пуля, ни снаряд, ни мина. Но в то утро, как мне доложил старший политрук Качанов, случилась беда: фашистский снаряд, разорвавшийся рядом с Чечельницким, оборвал его жизнь.

Эта весть острой болью наполнила сердца. Я, как пьяный, качался в седле, пораженный гибелью комиссара. Вывел меня из этого состояния старший политрук Качанов, которого, читатель это помнит, я близко узнал на острове Королевиц под Черкассами.

— Василий Митрофанович, — голос Качанова был тих, в нем я уловил и искреннее горе, и растерянность (подчиненные уважали и любили Чечельницкого), — что будем делать дальше?..

— Придется теперь вам комиссарить, Василий Павлович. Что поделаешь? Начинайте работать. Вывести дивизию из окружения, спасти людей, по возможности технику — вот наша теперь

политика, вот наша партийная работа. Думаю, что надо собрать на первом же привале коммунистов, напомнить им о главном: о строжайшей дисциплине и организованности. Сейчас растерянность страшнее гитлеровцев.

Война войной, окружение окружением, а жизнь в дивизии шла своим чередом. Надо было снова накормить людей, дать им отдохнуть, и как только колонна вползла в денисовский лес, от походных кухонь потянуло ароматным дымком и почти каждый куст приютил уставших, живущих на пределе человеческих сил бойцов.

Штабным же командирам, как и прежде, было не до отдыха. Требовалось выяснить, где противник попытается найти переправы, связаться со 116-й стрелковой дивизией и договориться о совместных действиях. Оставив за себя Самсоненко — хорошо, когда на войне рядом в тобой надежный товарищ! — я поехал в Денисовку, в штаб 116-й. Нерадостной была та поездка. Оказалось, что уже двое суток 16-я стрелковая дивизия тщетно пытается форсировать Оржицу, зацепиться за ее восточный берег. Увидев село, объятое пожаром — горели дома, колхозные постройки, вишневые сады, — я понял, дела у наших соседей далеко не блестящи, гитлеровцы основательно заперли их и постараются не выпустить из Денисовки. Командир дивизии подполковник Буянов, как мне показалось, потерял присутствие духа.

— Нечего уже выводить. Фашисты расколошматили нас, от дивизии осталось не больше батальона и ни одного орудия. Будем, конечно, пытаться выйти, но лучше это сделать мелкими группами. И вам советую так же поступить. Объединяться сейчас бессмысленно.

В рассуждениях Буянова определенно был здравый смысл. Распрощавшись с комдивом и пожелав ему успеха, я поспешил к своим. Надо было доложить командиру корпуса, что обстановка круто изменилась и потому взаимодействие со 116-й дивизией невозможно. КП генерала находился в селе Оржица.

— Раз так случилось, ведите дивизию сюда. Попробуем вместе прорваться. Мы тут создаем группу прорыва, в нее входит воздушно-десантная бригада. Подключайтесь в эту группу. Вы создадите в месте прорыва вроде коридора, пропустите других, а затем по этому коридору пройдете и сами, — распорядился Антон Иванович Лопатин.

Итак, мы снова испытываем свое изменчивое счастье. Полковник Самсоненко в те дни мне не раз предлагал разбиться на мелкие группы и попытаться лесными тропками и по ночам выходить к фронту.

— Это же наверняка. Это же лучше. Главное — людей сохраним. А пойдем скопом — нарвемся на фашиста, и он оставит от дивизии мокрое место.

Но доводы моего боевого товарища и друга не убеждали. Я верил, что, действуя совместно, мы скоро пробьемся сквозь вражеское кольцо. Если же пойдем отдельными группами, то фашисты непременно по отдельности их и уничтожат.

Наступил день, еще один день во вражеском тылу. Мы стремились использовать его, чтобы подальше уйти в глубь леса, который тянулся примерно на 15 километров. Я стал замечать, что некоторыми бойцами начинает овладевать какое-то безразличие, они стали делать все механически: надо идти — шли, привал — останавливались. Такое безразличие вызывалось крайней степенью усталости. Что мы могли поделать с ними? Ровным счетом ничего! Вспыхнет бой и безразличие сдует как ветром. А в этот день, как и в прошлый, люди устало меряли шагами бесконечную дорогу.

Вместе с Самсоненко и Карташовым мы стояли на лесной просеке, пропуская монотонно, неторопливо текущую колонну. Присматривались к лицам командиров и красноармейцев, узнавали многих — и теплее становилось на душе.

Вот по обочине идут двое. До нас донеслись обрывки их разговора. Это майор Керженевский и его жена военврач 3 ранга Вера Петровна.

— Я просил тебя, Вера, умолял уехать с ранеными. Не послушалась. Теперь вот мучаешься.

— Разве я могла уехать? Я же и дня без тебя не проживу, изведусь: ты на фронте, под огнем, а я — в безопасности.

Такая нежность слышалась в ее словах, что щемящей тоской наполнилось сердце, тоской о близких мне людях. Я позавидовал Степану Семеновичу, что он идет рядом с любимым человеком в этот тревожный день. Война не в силах изменить человеческую природу, сделать сердце каменным и невосприимчивым к радостям земным. На войне, встречаясь лицом к лицу со смертью, люди ни на минуту не перестают думать о любимых. По себе знаю, что какой-либо пустячок, малюсенькая деталь, напоминающая о женах, невестах, подругах, окрашивались в новый прекрасный цвет, приобретали значительность, становились необычайно дорогими. Только этим и можно, на мой взгляд, объяснить популярность у фронтовиков песни о синем платочке.

Когда на фронте, в обстановке страшной беды, мы вдруг встречали счастливую от любви женщину, то она была для нас все равно что солнце, проглянувшее сквозь черную тучу, и мы очень

завидовали ее избраннику.

Еще в лагерях под Днепропетровском я часто видел Керженевского и Веру Петровну. Вечерами, когда в летнем клубе демонстрировался кинофильм, давался концерт или читалась лекция, они непременно появлялись вместе — высокий Керженевский и русоволосая, еще совсем юная женщина в ладно сидевшей гимнастерке.

Мне рассказывали сослуживцы, что во время советско-финляндского военного конфликта дивизион, которым командовал Керженевский, в бою с превосходящими силами противника был разбит. Вера Петровна, служившая в санчасти полка, была в том бою в дивизионе мужа и получила тяжелое ранение. Керженевский положил на плечи находившуюся в бессознательном состоянии Веру Петровну и более 30 километров по лютому морозу добирался в медсанбат. Там ей сделали операцию. Вера Петровна быстро поправилась, встала снова в строй, и этот случай еще больше укрепил их любовь. В Днепропетровске Вера Петровна была уже военврачом 3 ранга, работала в санчасти и в свободное время бывала у мужа в полку. Пушкари ее полюбили и считали своим человеком.

С завистью глядя вслед Керженевским, я еще не знал тогда, что вижу их в последний раз. Во время прорыва их настигнет фашистский снаряд, и они навсегда, неразлучные, останутся лежать в степи под Лубнами.

Кольцо окружения прорвано!

С утра над Оржицей появились немецкие самолеты. Они летели на небольшой высоте, оставляя за собой шлейф густого темно-зеленого дыма. Нарисовав кольцо, которое хорошо проецировалось на фоне чистого неба, самолеты скрылись.

— Понятно? — спросил меня Самсоненко, с которым мы наблюдали за манипуляциями немецких летчиков. — Выходит, они в большом котле сделали маленький для нашей армии. Персональный, так сказать. Предупреждают, что наше дело табак, чтоб мы, значит, сдавались.

Догадка Иосифа Иосифовича подтвердилась. Вскоре пожаловала новая группа самолетов. Они сбросили не бомбы, а листовки. На искаженном русском языке в листовке предлагалось «русь золдатам» прекратить сопротивление и «штык в земля». Командование вермахта обещало «соблюдать жизнь» и отпустить сдавшихся в плен по домам. «В противном разе смерть». В листовке сообщалось, что Красная Армия разбита и перестала существовать. Москва, Петроград, Киев пали и потому выхода у русских солдат нет. К тому же 26-я большевистская армия окружена и ее окончательный разгром — дело «пара дней».

Как ни тяжело и трагично было наше положение, ни у кого из бойцов и командиров дивизии не возникло и мысли принять предложение фашистов. Каждый из нас был готов скорее погибнуть, чем сдаться на милость врагу. Наши сердца до краев заполняла ненависть к гитлеровским захватчикам и убийцам, она звала к борьбе до последней капли крови!

А фашисты для большей убедительности решили подкрепить угрозу делом. Из дальнобойных орудий они начали интенсивный обстрел Оржицы, несколько раз прилетали «юнкерсы» и почти с землей сровняли это большое и красивое село.

Вспоминая теперь то трудное время, я не перестаю восхищаться стойкостью красноармейцев и командиров дивизии! Выдержать каждодневное давление врага это не так-то просто, для этого надо не только в кулак зажать нервы, но и перестать уставать, надо, несмотря ни на что, совершать марши, обороняться, ходить в атаки, оборудовать позиции, копать окопы, то есть заниматься обычным, тяжким солдатским трудом. Вот и вчера на пути в Оржицу нам пришлось отбить несколько атак противника, в отражении одной из них принял участие и штаб дивизии. В селе Зарог, лежавшем на полпути от Денисовки до Оржицы, куда мы, группа штабных работников, въехали, неожиданно поднялась стрельба. Оказалось, что большая группа

фашистов оседлала дорогу, не пропуская нас в Оржицу. Гитлеровцы оставались верны своей тактике — пытались бить нас по частям. Командира нашей стрелковой роты, что рассыпалась в цепь по обе стороны дороги, в этот критический момент ранило.

Оценив обстановку, я приказал работникам штаба занять место в цепи, а сам голосом, показавшимся мне совсем незнакомым, крикнул: «Рота, слушай мою команду!»

Надо было занять выгодную для отражения атаки гитлеровцев позицию. Не обороняться же в селе!

— Станковые пулеметы на катки! За мной! — скомандовал я, и все побежали в огороды, откуда просматривались поле и лес, откуда, строча из автоматов, шли фашисты.

Их было около сотни. У нас же чуть более полусотни красноармейцев, пятнадцать работников штаба и ни одного автомата. Зато есть два «максима» плюс другие преимущества обороняющихся.

За одним из пулеметов лежал молодой, как мне показалось, необстрелянный красноармеец, а первого номера, по его словам, только что увезли в медсанбат.

— Вот что, товарищ, уступите-ка мне место, заправляйте ленты, а я, пока не отгоним фашистов, буду первым номером. Ясно?

— Есть, товарищ майор, быть вторым номером!

Мой напарник в селе Зарог первый раз в жизни попал в такую переделку. Я же впервые за войну лег за пулемет. Так что в известном смысле мы оба были новичками. Когда лежишь за «максимом», смотришь в прорезь прицела, нажимаешь на гашетки, бой представляется тебе совершенно иным, чем с КП или НП. Хотя здесь гораздо опаснее, но, удивительное дело, чувствуешь себя гораздо увереннее. Здесь ты под защитой потока свинца. Здесь ты — сила.

Два чувства одолевают пулеметчика — я испытал их новизну в тот раз. Это азарт. Тебе не терпится скорее открыть огонь и рассеять, положить, заставить повернуть назад идущих в атаку фашистских солдат в мышиного цвета мундирах. Но открыть огонь надо вовремя, то есть требуется сдержать себя, иначе поспешишь и проиграешь бой. Внутренний голос подсказывает: «Вот, кажется, пора!» Но огромным усилием воли заставляю себя выжидать, меряю и меряю глазами расстояние до ломаной цепи. Рано! Вот когда она сравняется с тремя пирамидальными тополями, что растут на развилке дорог метрах в ста от пулемета, тогда командую громко: «Огонь!» Нажимаю на гашетку, пулемет начинает дрожать, красноватые вспышки пламени бьются на конце его ствола. Одновременно застучал и второй «максим»,

дружно захлопали винтовки. Сквозь прорезь прицела видно, как мечутся гитлеровцы: падают, встают, снова падают, бегут. К тем, что падают и уже больше не поднимаются, жалости нет. Нет, потому что идут на огонь твоего пулемета фашистские убийцы и бандиты, а с ними другого разговора, кроме разговора оружия, не будет.

Атака врага захлебнулась. Уцелевшие гитлеровцы скрылись в лесу. Но через несколько минут появились снова под прикрытием невесть откуда взявшихся трех танков. Конечно, танков немного. Мы видели и гораздо больше. Немного, но достаточно, чтобы подавить огонь наших пулеметов и открыть путь пехоте. Беспомощность — что могут сделать «максимы» против брони! — вызывает негодование, злость. Но, вероятно, под счастливой звездой мы родились. Внезапно вокруг фашистских машин начали рваться снаряды. Одна из них загорелась. Тотчас же открылся люк — и из него начали выскакивать танкисты. Здесь слово уже за нами. Мгновенно берем их на мушку и уничтожаем.

Потерпев неудачу, фашисты скрываются в лесу и больше атак не предпринимают.

Кто же те волшебники, которые выручили нас в самую критическую минуту? Волшебниками оказались расчеты двух орудий из нашего пушечного полка. Подходя к Зарогу, они заметили атакующие фашистские танки и, не долго думая, дали огонька. Когда я подошел к артиллеристам и стал благодарить командира орудия, сержанта, белесого от дорожной пыли, он улыбнулся и ответил:

— Обычная вещь, товарищ майор, хотя в газетах и называют ее войсковым товариществом. Пусть будет, как в газетах. Я не возражаю. В такой заварухе мы должны держаться друг за дружку и подсоблять.

От этого русского «подсоблять» дохнуло на нас чем-то бесконечно родным. Верный человек, истинный товарищ повстречался нам в приднепровском селе Зарог. Повстречался и сразу потерялся в суматохе отступления. Всего три-четыре минуты мы разговаривали, но и теперь, спустя десятилетия, вижу этого крепыша, его хорошую улыбку, слышу голос сержанта, в котором не было ни нотки уныния и растерянности.

Первый день нашего пребывания в Оржице прошел сравнительно спокойно, если не считать артобстрела и бомбежки. Подразделения дивизии эту паузу использовали для отдыха и подготовки к прорыву. У оперативной группы штаба забот было невпроворот. Тем более что ряды наши поредели. Не вернулись с рекогносцировки мой заместитель майор Михаил Иванович Карташов и начальник четвертого отделения капитан Дмитрий

Тихонович Курбатов — «главком штабного делопроизводства», как в шутку называли его товарищи. Особо остро чувствовалось отсутствие капитана Трунова, который был, без преувеличения, нашими глазами и ушами. Известно, как важно по возможности все знать о противнике: его численность, вооружение, расположение, намерения. Без этого нельзя воевать. И если дивизия существовала и действовала, если она крепко насолила фашистам, то, несомненно, в этом в немалой степени «виноваты» капитан Трунов и его разведчики. И вот теперь, когда, словно ночь, нас окружает неясность, когда, как воздух, как солнечный свет, необходимы данные о том, где слаб противник, чтобы вырваться из его капкана, Трунова нет — он не вернулся с задания, скорее всего, попал в безвыходное положение и погиб, хотя слова «безвыходное положение» не вяжутся с этим смелым и необыкновенно находчивым, я бы еще добавил, удачливым человеком. Сколько раз за три месяца боев он со своими разведчиками попадал в такой лабиринт, из которого, кажется, выбраться было невозможно, а Трунов выбирался и добывал такие данные о фашистах, по которым нам в штабе легко было планировать боевые действия. Третий день Трунов не появлялся, и я, зная его, хоть и не терял надежды, все же думал, что случилось непоправимое. Забегая вперед, скажу, что, к счастью, мои предположения не оправдались. Капитан Трунов вернулся, (когда мы уже подошли к линии фронта.

Гитлеровцы, очевидно, понимали, зачем русские стянули в Оржицу остатки нескольких своих дивизий. Несомненно, здесь будет предпринята попытка разорвать кольцо. Потому они решили предупредить нашу атаку и с утра на следующий день ударили сами.

С восходом солнца мы занялись своими делами: Самсоненко пошел к батарейцам, я же связался с командирами полков, выслушал их доклады о готовности к атаке. Подошел связист Василий Батин и доложил мне о ночном происшествии. Бойцы одного из отделений батальона Шадского решили заночевать в уцелевшем сарае на околице Оржицы. Оказалось, что сарай занят. Командир отделения хотел уже уводить людей, как в свете зажженной спички заметил, что в сарае на душистом сене расположились не наши, а фашисты. Их было девять человек. Как видно, они чувствовали себя хозяевами положения и вели себя настолько нагло, что спали, не выставив даже часового. За это и поплатились. Наши бойцы всех их до единого перебили: кто получил пулю, кого прикончили штыком.

— Одного взяли живым. Не хотите допросить?

— Офицер, солдат?

— Рядовой.

— Разведчики допрашивали?

— Пытались, но безуспешно. Молчит, как рыба.

— Ну и шут с ним, пусть молчит. Нам и без него все ясно: придется сегодня штурмовать мост, а уж его-то немцы пристреляли, будьте спокойны.

— Это уж точно, — согласился Батин. В это время резко зазуммерил телефон.

— Вас, товарищ майор.

Я взял трубку и услышал приглушенный голос Лопатина. Он просил — комкор никогда не приказывал, а всегда просил — прибыть как можно быстрее к нему на командный пункт корпуса.

Послав Батина за Самсоненко, я вышел из блиндажа и направился к машине, у которой уже хлопотал Казаков, как будто чувствовавший, что именно сейчас, а не позже, ему предстоит ехать. До машины, однако, я не дошел. Над головой раздался тягучий свист — и спустя мгновение меня подхватила взрывная волна и бросила на землю: снаряд разорвался в каких-то 50 метрах в стороне. Сообразив, что одним выстрелом дело не ограничится, я поднялся и что есть духу бросился в блиндаж, под его надежную крышу. Следом за мной влетел Самсоненко.

Разрывы стали учащаться и вскоре слышались по всему селу. Стреляла дальнобойная артиллерия. Длилось это не менее получаса. Затем через мост пошли танки, за ними хлынула пехота. Из нашего блиндажа было видно все как на ладони. Хорошо атаковать, когда у тебя есть танки, а у атакуемого их нет.

В бинокль видно, как вражеские машины врываются в наши боевые порядки, утюжат окопы. Но вот перед атакующими танками противника появились бойцы-истребители, и в фашистские машины полетели бутылки с горючей смесью, связки противотанковых гранат. Сталкиваются в бескомпромиссном поединке сталь и человек, сила и мужество, и верх в этом неравном поединке берет советский человек. Из десяти танков четыре загорелись, а остальные повернули к мосту. Немецкая пехота без танкового прикрытия не особенно любит ходить в атаку, поэтому откатывается.

Вздох облегчения вырывается у Самсоненко. Вытирая пот, он устало говорит:

— Кажется, пронесло… — И спрашивает: — Комкор вызывает? Мне принимать вахту?

— Принимайте, Иосиф Иосифович. Быть бы вам общевойсковым командиром, если б не приворожила вас на всю жизнь артиллерия.

Казаков уже завел мотор, и мы сразу же тронулись в путь.

Странное дело, только что кругом громыхало, всюду свистели пули и рвались снаряды, а теперь тихо и даже слышно, как бойко чирикают воробьи. Удивительно живучи эти птахи, они освоились с войной и не обращают на нее ни малейшего внимания!

КП Лопатина находился примерно в трех километрах от КП Костенко. Туда мы приехали без происшествий, хотя всю дорогу нас сопровождала «рама» — немецкий разведчик. Была опасность выдать врагу место расположения командного пункта корпуса, и потому я, не доезжая до дома Лопатина, вылез из машины, оставшуюся дорогу прошел пешком. Прибыл на КП весьма вовремя. У Лопатина уже собрались командиры соединений, сосредоточенных в районе Оржицы. Совещание открыл генерал Костенко.

Он говорил предельно кратко и только по существу. Завидное это качество всегда, в любых, даже самых трудных обстоятельствах оставаться самим собой. Именно таким качеством и обладал Федор Яковлевич Костенко.

Вначале командарм обрисовал обстановку. Собственно, все нам было известно, ничего нового он не сказал, но в его устах и известные вещи звучали по-новому, получали другую окраску.

— У Оржицы мы слабее противника. У нас нет танков, мало артиллерии, на исходе снаряды, меньше людей. По всем немецким канонам, мы уже давно должны сложить оружие. Но мы не сложим его. Мы прорвемся. Массированный удар, быстрота, стремительность действий — в этом ваше спасение.

Костенко изложил план прорыва, боевой порядок соединений, ближайшую и последующую задачи.

— Противник уверен, что мы не пойдем на Лубны. Он считает, что, потерпев на этом направлении неудачу, мы изменим маршрут. А мы не изменим его, и это облегчит задачу. Теперь же все наши усилия надо направить на то, чтобы вырваться из оржицкого котла.

После совещания меня задержал майор Григорий Гордеевич Скрипка, мой товарищ по академии имени Фрунзе, с которым мы не виделись после выпуска.

— Ну как, Вася, прорвемся?

Для Скрипки, как и для всех других моих товарищей по учебе, я на всю жизнь оставался Васей, как и они для меня Григориями, Петрами, Сашами, Мишами. Маршал Советского Союза Павел Федорович Батицкий так и остался для однокурсников Пашей — звания и занимаемые посты не властны над дружбой.

Надо было спешить, и разговора, которого хотелось, не получилось. Скрипка в двух словах рассказал о себе, о том, что

служит начальником штаба дивизии, что воюет с первого дня войны.

Я в свою очередь рассказал ему о себе, о товарищах, которых повстречал на военных дорогах. Мы пообещали не терять друг друга из виду и по возможности писать, хотя сознавали, что в данной ситуации наши заверения наивны и несбыточны.

Обратно в Оржицу пришлось добираться на грузовике, который мне дали в штабе армии. На месте, где Казаков поставил эмку, я не нашел ни машины, ни самого Казакова. Во время совещания гитлеровцы провели короткий артналет. Прямым попаданием снаряда красноармейца Казакова и его машину разнесло в клочья. Я, повесив голову, стоял над огромной воронкой, ставшей могилой верного юного друга. Потом, еле волоча ноги, скрипя зубами от горя, побрел в штаб в надежде получить хоть какой-то транспорт. К счастью, в Оржицу шла полуторка с ранеными, командир автобата вызвал сурового с виду шофера, приказал ему доставить меня в расположение дивизии.

Вернувшись на КП дивизии, мы немедля собрали командиров частей и довели до них приказ командарма на прорыв, поставили полкам задачи, сообщили о том, что сигнал о начале атаки будет дан.

Однако случилось так, что этот сигнал не последовая вовсе. События развивались не по плану стремительно. Во второй половине дня мост через Оржицу атаковала наша конница. Атака была исключительно яростной и неожиданной, и немцы растерялись. Они опомнились лишь тогда, когда след советских кавалеристов, а заодно и руководящего ядра штаба 26-й армии, который пробивался вместе с конниками, давно простыл. Выпустив из котла конные подразделения, фашисты подтянули к мосту танки, артиллерийские и минометные батареи. Словом, стенка стала еще прочнее. Ее попробовала пробить воздушно-десантная бригада, но безуспешно. Фашисты поставили перед мостом такой плотный заградительный огонь, что нечего было в думать о его штурме.

— Что делать? — спросил я у Качанова и Самсоненко.

Общее мнение было таково: попытаться все же отыскать брод в реке, которую где-то в душе я стал уже ненавидеть.

Срочно была снаряжена разведывательная группа. Во что бы то ни стало отыскать этот проклятый брод; не найдя брода, не возвращаться — такая категорическая задача была поставлена разведчикам. Мы верили, что броды есть, что они известны местным жителям, но беда в том, что в селах не осталось ни души, все ушли на восток. Тем не менее, инструктируя

разведчиков, я приказал им попытаться отыскать в окрестных селах стариков и узнать у них, где Оржица мелеет.

Пока же подразделения дивизии оставили село и сосредоточились в полутора километрах южнее, в роще. Ждать, к счастью, пришлось недолго. Примерно через два часа в мою землянку вбежал разведчик. По его возбужденному, сияющему лицу, я понял, что принес он добрую весть. Действительно, разведчики нашли брод. К тому же он оказался неподалеку от рощи, в которой находились наши люди. Все складывалось как нельзя лучше. Полоса невезения, кажется, кончилась.

Разведчики вернулись в рощицу вместе с белым как лунь, но еще крепким стариком, назвавшимся дедом Остапкой из соседнего села Лукомы. «Вот и дед Остапка на старости лет сгодился. Гарно дело может вин зробити», — говорил дед, обстоятельно объясняя, как найти брод. Он советовал добираться к нему по зимней дороге — она поросла высокой осокой и «сховает солдатиков». Я от души поблагодарил старика и пожелал ему пожить подольше.

— Це як же. Германца треба побити, осиный киль над клятой его могилой поставить. Треба дожить, значит, умирать не стану.

По дороге, петлявшей вокруг небольших озер, окаймленной где осокой, где кустарником, с наступлением темноты подразделения направились к спасительному броду. Люди были предельно внимательны и осторожны: ночную тишину не нарушал ни один посторонний звук. Бойцы слались с ночью, растворились в безмолвии.

Вот и река. Над ее темной гладью курится холодный туман. Мало приятного в одежде лезть в студеную воду, но на том берегу — спасение. Как всегда, первыми идут разведчики — такова уж их участь.

— Держаться три шага левее, — передают они по цепочке с противоположного берега.

Значит, переправились, значит, река из противника, какой была до сих пор, стала нашей союзницей. Радость заполняет все мое существо, и я не замечаю, как вода заливается в сапоги, как свинцовой становится шинель. Бреду за Самсоненко по песчаному дну, подняв вверх руки, в которых сумка с документами и пистолет. Оржица здесь совсем мелка: лишь в одном месте вода доходит до груди.

Едва вышел на берег, как ко мне обратился сержант-разведчик:

— Товарищ майор, вот к вам женщина из села Онишки. По карте я знал, что это село лежит на нашем пути.

— Я слушаю вас.

— Товарищ командир, в нашем селе германцы.

Как круто меняются события. Только что не было человека счастливее меня, а теперь от радости ничего не остается. Как же быть? Конечно, фашистов в селе, по ее словам, мало, расправиться с ними труда большого не потребуется. Но в данном случае страшен не противник, а шум, который поднимется. Он привлечет внимание фашистов в Оржице, и сюда, под Онишки, они немедля бросят свои подвижные подразделения (это немцы умеют делать!), а тогда почти уже открывшаяся дверь может снова захлопнуться.

— А в каких домах остановились немцы? — спросил я женщину.

— В школе, на другом конце. А здесь их нема. Вот я бачу, чтоб в село вы не ходили, а прошли огородами. У крайней хаты вас встретит моя дочка Маша, она каже вам шлях. Когда село наше обогнете, там лес. По нему дойдете до села Большое Селецкое. Тамочки и до Лубнов трошки останется…

Как и обещала женщина, на околице Онишек вас поджидала девочка лет двенадцати. Я спросил:

— Это ты Машенька?

— Да, я, — ответила она.

Девочка, несмотря на темноту и довольно тревожную в опасную обстановку, вела себя смело. Я подумал, что, узнай враг о поступке женщины и ее дочери, ни той ни другой не сносить бы головы. Советские патриотки наверняка это знали, и тем не менее смертельный риск не остановил их, как не остановил он и деда Остапку, указавшего нам брод через Оржицу. В ту удачливую сентябрьскую ночь 1941 года мы еще раз почувствовали, как родная Красная Армия сильна поддержкой народа!

Через много лет, в августе 1970 года, проходя по местам боев 196-й дивизии, мы заехали в село Лукомы и в село Онишки. Деда Остапку я, конечно, не нашел, он умер в 1946 году. К нашему огромному огорчению, не нашли мы и наших бесстрашных провожатых из Онишек. Они переехали в Киев, где, нам сказали, живут и сейчас. Может, откликнутся патриотки и напишут? Ветераны 196-й дивизии никогда не забудут их подвига.

По тылам врага

Моросил мелкий осенний дождь. Он не переставал всю ночь и не оставил на нас ни одной сухой нитки. Вокруг было мрачно, неприветливо, очень хотелось, чтобы скорее кончились эта длинная сентябрьская ночь и этот проклятый дождь. Вскоре на востоке мы увидели зарево пожара. Разведчики доложили, что горит село Большое Селецкое. Когда мы на рассвете подошли к нему, то увидели на месте хат лишь тлеющие головешки. Несмотря на дождь, несколько сот хат сгорели за считанные минуты. Фашистские факельщики жгли ваши села с профессиональным знанием дела. Возле догоравших хат на окраине села я остановил колонну, надо было дать людям возможность высушить одежду и немного отдохнуть.

Привал был очень коротким. А что поделаешь? Пока немцы потеряли нас из виду, следовало спешить, дальше уйти от опасности, пробиться поближе к линии фронта.

И опять неторопливо движется колонна, чавкает в сапогах вода. Споткнется впереди идущий, выругается по привычке и снова шагает. И ты идешь следом, бредешь от усталости, словно в тумане. Кажется, все отдал бы, чтобы хоть час, хоть полчаса поспать, сбросить эту усталость, которая пудовыми гирями давит на плечи, висит на ногах. Поле сменяет луг, луг — перелесок, потом опять поле. И все закрыто сеткой холодного дождя. В лесу, куда мы доползли к рассвету, было так же холодно и сыро. Но здесь можно развести костры и соснуть, приготовить хоть какую-то еду. Бойцы свои проклятия ненастной, «сопливой» погоде высказывали больше по привычке. На самом же деле дождь был нашим спасением. На полевых аэродромах застряла немецкая авиация, раскисли дороги, и не рыскают но проселкам подвижные фашистские подразделения в поисках советских солдат, вырвавшихся из оржицкого котла.

После полудня погода разгулялась, дождь прекратился и тотчас же над лесом появился самолет. Он летел низко, в казалось, вот-вот зацепит макушки деревьев. Не могу утверждать, обнаружил нас немецкий разведчик или же предположил, что, кроме как в этом лесу, негде укрыться дивизии, улизнувшей из оржицкого котла, но вслед за «рамой» прилетели три «юнкерса». Они сделали три захода, дважды прошили лес пулеметным огнем, а под конец сбросили листовки, призывающие, пока не поздно, сдаваться в плен.

Вскоре стало ясно, что мы обнаружены. До нашего слуха донесся гул танковых моторов. С Качановым и Самсоненко мы

выбежали на опушку и увидели, как с трех сторон лес обкладывает немецкая пехота под прикрытием танков. Опять мы в ловушке, опять нам надо пробиваться! А как это сделать?

— Иосиф Иосифович, — говорю Самсоненко, — организуй ударную группу, человек шестьдесят. Собери для них гранаты. Попробуем пробиться, И немедленно, пока фашисты не окопались.

— Ясно, — сказал Самсоненко и побежал выполнять приказание.

Минут через десять добровольцы, самые отчаянные и обстрелянные хлопцы, стояли предо мной. Разговор короткий. Говорю им: у нас нет другого выхода, как атаковать гитлеровцев и пробиться. Пойдем кучно. Короткими перебежками. Расчет на то, чтобы забросать врага гранатами. Ошеломить, не дать опомниться. Вы прорываетесь. Остальные идут следом.

Спустя несколько минут завязался скоротечный ожесточенный бой. Крики «ура» потонули в разрывах гранат. На войне, как я точно установил из собственного опыта, есть все же элемент удачи, боевого везения. Гитлеровцы были сильнее нас, намного сильнее тех 60 смельчаков. У них танки, нет нужды в боеприпасах. И все же им не удалось отбить атаку. Группа прорыва прошла сквозь их боевые порядки. Да, здесь сыграла свою роль смелость и дерзость наших бойцов: такой стремительности, такого напора фашисты не ожидали. А неожиданность — спутница боевого успеха. Но мне кажется, что здесь нам и немного повезло.

Следом за смельчаками проскочили командиры штаба и большая группа бойцов. Однако несколько подразделений замешкались. Опомнившись, фашисты закрыли коридор и отбили попытки этих подразделений вырваться. Идти им на выручку было бессмысленно, и я передал по цепи команду взять левее и идти на Малое Селецкое, которое, как мы определили по карте, находилось в шести километрах от леса, откуда мы только что вырвались. Вначале шли кустами, не обращая ни малейшего внимания на то, что их ветки били по лицу, путались в ногах. Затем началась болотистая дорога, и мы были рады ей: уж сюда-то немец не сунется.

Дорога привела нас в Малое Селецкое, стоящее на реке Суда, в которую впадает Оржица. Не доходя до села, мы увидели двух парнишек лет по двенадцати, по всей видимости поджидавших нас.

— Дяденьки, не ходите в село. В нем немцы. На танках приехали.

Одиннадцать дней длился наш рейд по вражескому тылу. Не

одну сотню верст прошагали бойцы, пробираясь к линии фронта. Всюду нас поджидала опасность, и всюду нам была протянута рука народа, отводившая от нас эту опасность.

И страх, в тревога, и решимость — все это было написано на лицах сельских мальчишек. Я понял, что они дежурят здесь не впервые, что помогали не только нам.

— В село мы, хлопцы, не пойдем. Спасибо, что предупредили. Нам бы на тот берег Сулы. Брод укажете?

— Покажем, мы затем и пришли сюда.

Мальчики привели нас к реке, первыми полезли в воду, показывая брод. Прощаясь с нашими помощниками, я посоветовал:

— Быстренько, герои, по домам, обсушитесь. А то, не ровен час, увидят вас фашисты и догадаются по вашим мокрым штанам, где были и что делали. Понятно?

— Понятно, дяденька командир, — ответили парнишки и стрелой пустились обратно в вело.

Мы расположились в дубовой роще на большом острове. Рядом раскинулся широкий заливной луг, на котором то там, то сям высились стога душистого сена. Бойцы сделали из него постели и уснули мертвым сном. На лугу паслось колхозное стадо. Сухопарый, проворный, охочий на слова пожилой пастух рассказал нам, что коров не успели угнать и их всех до единой переписал сельский староста и «бачит, что це уси вини принадлежати Гитлеру». Старик предложил мне зарезать пару яловых коров и накормить бойцов. Зачем, мол, добро фрицам отдавать, пусть ваши попользуются: поди, не помнят, когда мясо ели.

Мы, конечно, не замедлили воспользоваться предложением пастуха и в тот же день на восточном берегу реки Суда покормили людей сытным обедом. Едой мы по-братски поделились с пограничниками, которые также пробирались к линии фронта. Командовал ими неулыбчивый капитан со шрамом на лице. Они отступали из-под Станислава. В начале пути их было около 500 человек, осталась десятая часть: остальные сложили головы на военных дорогах от границы до маленького села на Полтавщине.

Еще во время службы в Прибалтике я хорошо узнал и полюбил пограничников. Бывая на заставах и кораблях, неизменно восхищался их внутренней подтянутостью, мобильностью, умением не терять головы в любых обстоятельствах, находить выход из самой сложной обстановки. В капитане, в его подчиненных, хотя у них, как и у вас, были такие же воспаленные глаза, такие же порыжевшие от дождей и солнца

шинели, проглядывало что-то такое, что отличало их от других. Это «что-то» — и зеленые фуражки, с которыми они не расставались, и твердая уверенность, что они непременно выйдут к своим, в спаянность. Чувствовалось, что у них один за всех и все за одного. Несколько раз капитан в разговоре со мной повторял: «Мы же пограничники. Пройдем. Пограничников голыми руками не возьмешь». Слушая его, я восхищался неулыбчивым командиром, его верой в своих людей, в то, что им все по плечу, все по силам.

После короткого привала капитан увел своих пограничников кратчайшей дорогой на Лубны. Я пробовал его убедить соединиться с нами и пробиваться к линии фронта вместе. На это он ответил:

— Теперь сподручнее мелкими группами идти. Большая колонна заметнее. Ее легче обнаружить и разгромить, А то, что в Лубнах фашисты, — и хорошо и плохо. Плохо, что там фашисты, а хорошо, что вряд ли они ждут по той же причине нас в гости. А раз не ждут, то мы и пойдем. На рожон, конечно, лезть не станем. Проскочить попробуем незаметно. Пограничники это умеют делать…

Проводив пограничников, мы как будто осиротели. С хорошими людьми на войне расставаться куда труднее, чек в мирное время. Проверив боевое охранение, прилег на охапку сена.

Рассветало. Пахло сеном, сырым туманом и рекою. Внезапно за селом поднялась беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба. Бойцы мгновенно вскочили, изготовились к бою.

Посланный в разведку взвод Николая Кузнецова вернулся с большой группой командиров и красноармейцев дивизии, которые застряли в лесу восточнее села Большое Селецкое, но все же сумели прорваться и теперь снова были с нами. А перестрелка началась тогда, когда эту группу в Малом Селецком обнаружил подвижной отряд фашистов, рыскавший в этом районе с целью ликвидации мелких групп советских солдат, выходивших из окружения. В ходе перестрелки группа потерь не понесла. Теперь наши силы возросли, и это у всех подняло настроение.

Новый день принес новые заботы. Сидеть на острове не было никакого резону, надо было, пока не поздно, двигаться к фронту. Но куда? Где проходила безопасная дорога и как перед носом гитлеровцев переправиться через реку Суда? На эти вопросы помог ответить уже знакомый нам старик пастух из Малого Селецкого, который, когда рассвело, пришел на остров присмотреть за пасшимся здесь колхозным стадом. Пастух рассказал, что фашистский отряд, обстрелявший на рассвете

нашу группу, отставшую от основных сил, насчитывает не более 50 человек, имеет два броневика. Понятно, что фашисты атаковать нас такими силами не решались, хотя знали, что мы находимся на острове. Они, очевидно, ожидают подкрепления.

— Вот что, батя, на тебя вся надежда, — сказал я старику. — Посоветуй, каким путем пробиваться к своим. Старик, подумав, ответил:

— На лодках вас переправим и места, где нет германца, покажем.

— Где ты столько лодок найдешь?

— Как где? У колхозников. В мирное время каждый в селе рыбалил и плоскодонку имел. Наскребем! Теперь, понятно, все лодки в сараюшки сховали. Но как только наступит вечер, выволокем. Лишь бы фашист не пришел.

Мы подсчитали со стариком, сколько потребуется лодок в времени, чтобы перебросить всех людей через реку. Двенадцати часов темного времени вполне для этого хватало.

Часам к девяти вечера старик возвратился из села и сообщил, что можно выступать. Целая эскадра плоскодонок, по его словам, собрана у села Грабовка. Там фашисты пока не появлялись.

Мы тихо снялись с места и быстро направились к Грабовке. Примерно через час подошли к реке, которая здесь делала полупетлю. Разведчик доложил, что берега Сулы удобны для переправы: один порос кустарником, другой — камышом. Когда все было готово, мы с Самсоненко заняли места в одной из лодок, за веслами которой сидел старик.

Через пять-шесть минут лодка тихонько ткнулась в мягкий илистый берег. Я шагнул в спавшие камыши и вскоре, поднявшись на крутизну, уже вслушивался в ночь. Кругом было тихо и покойно. Только где-то далеко-далеко на горизонте, словно зарницы, вспыхивали и гасли далекие огни сигнальных ракет. Подошел старик.

— Что, товарищ командир, может, проводить вас до Грабовки? А то еще плутать начнете?

— Ступай домой, отец. Ты и так оказал нам неоценимую услугу. Возвращайся в свое Селецкое, а то накликаешь себе беду. Спасибо! Никогда мы тебя не забудем, — ответил я и по-русски трижды расцеловал этого замечательного патриота.

Как я уже рассказывал, спустя много лет после войны я объехал места, где вела бои 198-я стрелковая дивизия. Побывал и в селе Малое Селецкое в надежде отыскать старика — нашего отважного помощника. Вместе с секретарем райкома партии Иваном Архиповичем Якименко мы обошли все село, расспросили многих стариков, называли и приметы нашего помощника, но все

напрасно. Пусть эти скромные строки будут благодарностью ветеранов дивизии замечательному патриоту с мужественным и добрым сердцем.

Переправившись, подразделения расположились в прибрежных камышах в ожидании дальнейших распоряжений. Мы же в штабе взвешивали все «за» и «против», решая, куда идти дальше. Неожиданно из темноты вынырнули три фигуры. Всмотревшись, мы увидели крупного мужчину лет пятидесяти и двух девочек лет пяти и семи. Мужчина держал в руках большой горшок, завернутый в полотенце.

— Здоровеньки булы! Мы к вам, — сказал пришедший. Его добродушное круглое лицо вызывало симпатию. Говорил он степенно, не спеша: — Вот жинка борща прислала. Украинский борщ. Прошу отведать.

Он ловко постелил на земле полотенце, поставил горшок, достал несколько ложек, разрезал крупными ломтями две буханки еще теплого пшеничного хлеба. Все мы, захваченные заботами тревожной ночи, забыли, что голодны, и вот теперь запах домашнего борща вызвал зверский аппетит. Уселись кружком и за считанные минуты вместительный горшок был опорожнен. Борщ оказался отменным.

— Спасибо вашей супруге. Добрый, видно, она человек.

— Жинка — мастерица борщ варить. Это правда. А прислала нас к вам не она. Партизанский командир направил.

Слушая ночного гостя, я подумал: «Вот она, Советская власть! Нельзя ее победить никогда. Враг захватил нашу землю, считает уже себя ее хозяином. ан нет! Истинный хозяин даже здесь — Советская власть».

В сентябрьскую зябкую ночь Советская власть направила посланца партизанского отряда. Этот человек, взяв с собой малюсеньких дочек, без страха и сомнений выполнял поручение, потому что это поручение Советской власти.

— В Грабовке были танки. Штук двенадцать. Днем ушли, должно быть, в Лубны. Теперь немца во всей округе не сыщешь, так что смело можете пробираться.

Вскоре колхозник с девочками ушел. По дороге к Грабовке нас остановила группа партизан во главе с командиром. На мой вопрос, как его звать-величать, партизан улыбнулся и ответил:

— В отряде меня зовут Батя. Стало быть — Батя. Я понимающе кивнул, мол, понимаю — конспирация.

— Иначе нельзя. Среди населения есть ненадежные люди. Вся их лютая злоба к Советской власти вылезла теперь наружу. Конечно, они охотно выдадут фашисту нашего брата. Потому и приходится ухо держать востро и соблюдать все правила

подпольной борьбы.

Командир отряда рассказал мне доверительно, что оставлен Полтавским обкомом партии. Отряд пока небольшой, людей принимают в него осмотрительно, боятся нарваться на провокатора. Главную задачу на данном этапе партизаны видят в помощи подразделениям Красной Армии, выходящим из окружения. В чем заключается эта помощь? Снабжают продовольствием, выделяют проводников, информируют о действиях фашистов: где находятся, что делают. Батя сказал, что в селах, мимо которых мы пойдем, личный состав население накормит. Я поинтересовался, ведет ли отряд диверсионную работу. Батя ответил, что пока, эту работу рано начинать. Необходимо тщательно подготовиться, запастись взрывчаткой, минами, натренировать людей.

В этом бородатой человеке, одетом по-крестьянски — в ватную телогрейку, в шапку-ушанку и сапоги, от которых шел крепкий запах дегтя, угадывалась сильная воля, острый ум. Речь его была свободна и логична. Должно быть, до войны Батя занимал ответственный пост в постиг нелегкое искусство руководить людьми.

Батя познакомил нас с обстановкой на фронте, показал по карте расположение фашистских комендатур и гарнизонов в прифронтовой полосе, подробно описал самый безопасный, по его мнению, маршрут к линии фронта, посоветовал, где сделать привалы на дневку.

Переночевали мы в районе Грабовки, в хате. Личный состав также провел ночь под крышей, в тепле. Партизаны в соседних деревнях и на подступах к Грабовке выставили посты, чтобы в случае появления фашистов тотчас же поднять тревогу. Разумеется, усиленное охранение было выставлено и нами.

На рассвете пришел проводник из села Худалеевка, куда вам предстояло идти. Это был угрюмый на вид, неразговорчивый человек. За всю дорогу длиной десять километров самое большее он сказал полсотни слов. На мой вопрос, в каких местах расположились фашисты, проводник ответил!

— А бис их батьку знае. В Худалеевке вин нема, а дале не роблю.

Нога у него оказалась легкая, провел он нас до своего села наикратчайшим путем, а в нем мы отсиделись до ночи. Нас с Самсоненко устроили в доме, полном ребятишек. Нам было неловко обременять хозяина, но тот и слушать не хотел, чтобы отпустить «товарищей командиров». Хозяйка по такому случаю зарезала двух цыплят и приготовила вкусный ужин. На русской печке лежал больной человек. Он тихо стонал, впадал в

полузабытье и что-то бормотал. Хозяин рассказал, что это сбитый немцами советский летчик. Он подобрал его в поле. Летчик был совсем слаб, должно быть, потерял много крови, и пульс его едва прослушивался.

— Отходит вроде. Жинка его молоком поит, как малое дитя. Врача и лекарства вот только нет. А то мы бы, может, и спасли его.

— Лекарством мы поможем, — сказал я и вызвал из санбата хирурга. Тот осмотрел летчика, перевязал его раны, (он был ранен в обе ноги), оставил хозяевам бинтов, йоду, белого стрептоцида и еще каких-то препаратов, проинструктировал хозяев, как ими пользоваться. Медикаменты были у нас на исходе, но нельзя же было раненого летчика оставлять без помощи! Этого сделать не позволяли наши советские законы и мораль, которым мы на войне всегда следовали.

Когда стемнело и мы собрались уходить, летчик подозвал меня к себе. Он говорил с трудом, но я понял, что ему нужно. На клочку бумаги я набросал ему схему кратчайшего и безопасного пути к линии фронта — именно это он и просил. В теле израненного человека еле теплилась жизнь, а он уже думал о том, как выйти к своим и снова подняться в небо!

На каждом шагу мы встречали мужество и отвагу своих соотечественников. Война превратила героизм в норму, он стал всеобщим, всенародным.

И опять нас передали в руки партизанского проводника, на этот раз молодого и веселого парня. На землю лег холодный густой туман, но проводник уверенно вел нас по маршруту, который проходил через родное село парня — Химковцы.

От села и до села мы шли всю ночь и почти весь день, с помощью партизан, с помощью местного населения обходя опасные места. Неподалеку от Химковцев проходит шоссейная дорога из Лубны на Хорол. Когда мы подошли к ней, она была забита большой колонной вражеских войск. Туман так густ, что легко можно было нос к носу столкнуться с фашистами. Но наши разведчики во главе с младшим лейтенантом Воробьевым вовремя обнаружили противника, и подразделения дивизии залегли и выжидали время, когда шоссе будет свободным.

Более 30 километров шли без привала. Люди выбились из сил, в мы решили дать им отдых. И здесь, в деревне Григорьевка, произошла встреча с человеком, образ которого встает живым и зримым сквозь прошедшие десятилетня. Этот человек — сельский учитель. У него в хате мы остановились на привал. Вначале учитель встретил нас настороженно и недоверчиво. Но, убедившись в том, что мы свои, принес откуда-то карту

Полтавской области, на которой четко и точно была нанесена обстановка: дислокация немецких войск, их гарнизонов, дороги, по которым фашисты маневрируют. Это был настоящий и неожиданный подарок для нас, и мы перенесли исключительно ценные данные, собранные учителем, на свою карту. Они словно осветили наш дальнейший путь.

Учитель рассказал о содержании беседы трех немецких полковников, свидетелем которой был. Фашисты, остановившись у него в доме, откровенно говорили о фронтовых делах, полагая, что хозяин не знает немецкого языка. А учитель знал его, и потому, как я предположил, он и застрял на территории, занятой фашистами. По словам учителя, немцы очень встревожены тем, что фронт неимоверно растянулся, что русские сражаются стойко и упорно, что, несмотря на уверения командования вермахта об уничтожении основных сил Красной Армии, они сталкиваются с хорошо обученными и отлично вооруженными новыми советскими дивизиями. Так, новый оборонительный рубеж фашисты встретили на реке Псел и не смогли с ходу его преодолеть. Война, по мнению полковников, принимает затяжной характер, а такая война Германию не устраивает. Пугает немцев и партизанское движение, которое с каждым днем ширится. Партизаны нарушают коммуникации, нормальное снабжение войск и делают жизнь оккупационных властей неудобной и опасной.

Рассказ учителя обрадовал нас. Раз гитлеровцы заговорили подобным образом, значит, дела у них далеко не так блестящи, как они пытаются представить их в своих листовках. Решили, что старший политрук Качалов расскажет в подразделениях о том, что сообщил учитель.

После войны мне удалось установить фамилию и имя учителя-патриота. Это был Пушкаренко Павел Афанасьевич. После освобождения полтавской земли от фашистских оккупантов, выполнив поручение подпольного обкома партии, коммунист Пушкаренко вступил в Красную Армию, хотя по болезни был освобожден от военной службы. Од отважно сражался с врагом и погиб в 1944 году в боях под Львовом. Обо всем этом мне написала жена учителя — Анна Федоровна. Прислала она и довоенную фотографию мужа.

С нее смотрит интеллигентный молодой человек, застенчивый и добрый. У него было сердце солдата, мужественное и отважное.

Дни и ночи слились воедино, тянулись однообразной чередой, похожие друг на друга. Ночи мы проводили в пути, днем же, когда не было тумана, отсиживались в лесах и балках, в

рощах и перелесках, стараясь слиться с красками осенней земли. В одну из ночей прошли через вымерший, без единого огонька Хорол. В городе были немцы, но они, должно быть, не ожидали, что у русских хватит смелости попытаться пройти у них под носом, и проворонили подразделения. К нашему счастью, ночь была темная и ветреная. К тому же шли мы осторожно, соблюдая все правила маскировки. Разведчики ловко, без шума сняли часовых, охранявших мост через реку Хорол.

Удалась эта операция прежде всего благодаря капитану Паулю Кербергу. Эстонец по национальности, Керберг в совершенстве владел немецким языком. Он рос в окружении детей прибалтийских немцев, и, по сути дела, немецкий был его вторым родным языком. Его он изучал в школе, затем совершенствовал в военном училище. Пауль в подлиннике читал Гете и Шиллера, Маркса и Энгельса. И внешне он очень походил на немца: светловолосый, голубоглазый — истинный ариец. Зная это, командование часто использовало его и как переводчика, и как руководителя разведывательных групп в особо важных случаях. Когда мне доложили о том, что миновать мост в Хороле нельзя, а мост усиленно охраняется, я сразу же вызвал Керберга. Задачу он понял с полуслова.

Надо заметить, что капитан хорошо знал караульную службу гитлеровцев и действовал согласно уставу. Быстро была извлечена из чемодана трофейная офицерская шинель, фуражка, ремни, и Керберг облачился в них, став настоящим караульным начальником. Вместе с четырьмя разведчиками, также одетыми в немецкую форму, он направился к мосту. В подобных случаях для успеха операции требуется тщательная подготовка: желательно путем наблюдения установить время смены часовых, ибо неурочная пересменка может насторожить фашистов и все пойдет прахом. В идеале следовало бы узнать и пароль. Но на такую тщательную подготовку у нас времени не было. Керберг строил расчет на темную ночь и напускную строгость: он превосходно играл роль разгневанного фашистского начальника, приводящего в трепет солдатские души.

Все произошло так, как было задумано. На вопрос часового: «Пропуск?» Керберг разразился грубой бранью, вроде того, мол, почему каналья-часовой не признает своего начальника, мол, оглох или ослеп он, что ли. Пока растерявшийся солдат выслушивал брань офицера, разведчики, сопровождавшие Керберга, подошли сзади и без шума прикончили немца. Примерно так же развивались события и на другом конце моста, где стоял второй часовой. Путь через реку был открыт.

Объятия друзей

На одиннадцатые сутки дивизия вышла к реке Псел. В то утро над нашими головами в течение часа с воем пролетали снаряды. Это была артиллерийская дуэль, что свидетельствовало о том, что мы подошли к линии фронта. И я, и Качанов, и Самсоненко очень боялись, как бы не ошибиться, как бы желаемое не принять за реальное. Кончилась артиллерийская канонада, и установилась тишина. Мы сидели на берегу Псела и думали, что делать дальше. К нашему счастью, появился старик с уздечкой, должно быть пришедший за лошадью, пасшейся на берегу.

— Немцы близко? — спросил его Самсоненко.

— Фью, — присвистнул старик. — И слыхом не слыхивали.

— А в той деревне?

— В Большом Перевозе-то? Шутите, товарищ командир! Тамочки Красная Армия стоит.

— Не может быть! — воскликнул Самсоненко, а мы не верили своим ушам.

— Вот тебе истинный крест. — И старик трижды перекрестился.

Услышанная новость, что мы наконец-то вышли к своим, что все невзгоды остались позади и что живы, несмотря на то что все эти одиннадцать дней смерть шла по пятам, наполнила сердце радостью. Кто-то плакал от счастья, кто-то целовал землю, кто-то пустился в пляс. А Аня Величко, медсестра, прикомандированная медчастью дивизии к нашему штабу, от радости плакала и смеялась одновременно. По ее сильно осунувшемуся лицу градом катились слезы, а глаза были полны счастья.

— Товарищ майор, Василий Митрофанович, радость-то какая! Родненький, ведь к своим пришли! Кажется, снова на свет родилась, — весело тараторила она.

В другое время она ни за что бы не позволила такого фамильярного обращения с начальством, но теперь радость была слишком велика! Да и сердца начальства были наполнены чувством восхищения и благодарности к Ане, к ее подругам, в дивизии были десятки женщин, — медсестрам и врачам, писарям и машинисткам. Война — кровавый и невероятно тяжкий труд. Даже нам, мужчинам, людям, которых жизнь мяла и трепала, жилистым, живучим, выносливым, и то порой было невмоготу. А тут нежные девушки и женщины, которых бы лелеять и оберегать от всяких невзгод. Жизнь бросила их в самое пекло. Казалось, не выстоят. Но, наблюдая за женщинами в боевой обстановке, мы убеждались, что мужества, которое считалось привилегией

мужчин, у них не меньше, чем у нашего брата.

Война была безжалостна и к женщинам. Погибли многие из них, даже такие, как Вера Керженевская.

А вот Аня Величко выжила в этом аду. Ну как тут не радоваться?!

Запомнился мне в ту минуту и раненый капитан из другого соединения, который в Оржице упросил зачислить его в дивизию. Услышав, что вышли к своим, он свалился и не мог подняться. Около 150 километров прошагал он в общей сложности после ранения, мобилизовав все свои силы, и вот когда цель, к которой он так страстно стремился, достигнута, эти силы, бывшие на пределе, оставили его. Наши бойцы бережно уложили капитана на самодельные носилки и донесли до берега, чтобы переправить через реку. У меня тоже начали отказывать ноги, шел я последние метры с превеликим трудом: ступни и пальцы за время скитаний по тылам врага покрылись гнойными волдырями. Но я, не думая о боли, обнял своего верного боевого друга полковника Самсоненко:

— Кажется, вышли, дорогой Иосиф Иосифович!

— Вышли, Василий Митрофанович!

Через реку Псел был проложен деревянный мост, но настил его был разобран, и, чтобы перебраться на противоположный берег, требовалось уложить доски.

Наш разведчик лейтенант Ватин подошел к берегу и во всю силу легких крикнул:

— Эй, товарищи, там на берегу! Дайте лодку!

Тотчас же из-за бруствера окопчика появилась голова красноармейца в каске.

До этой минуты красноармеец, очевидно, из укрытия наблюдал за нами, видел взрывы нашей радости и понял, что перед ним люди, только что вышедшие из вражеского кольца. Как я заключил, красноармеец не впервые встречал выходящие из окружения подразделения, поэтому не спешил, знал, что и как делать.

Увидя красноармейца, Батин повторил:

— Товарищ, лодку организуй, свои, не видишь, что ли!

— Сейчас будет лодка, — не очень громко ответил красноармеец, но мы услышали его.

Через несколько минут возле окопчика появился командир, должно быть начальник красноармейца. В бинокль я хорошо рассмотрел шпалу в петлицах его гимнастерки. Капитан вместе с двумя красноармейцами подошел к урезу воды, они столкнули с берега лодку, и через минуту она направилась к нашему берегу.

Выйдя из лодки, капитан опытным глазом отыскал среди нас

старшего по званию полковника Самсоненко и, подойдя к нему, представился: «Капитан Ермаков! Откуда и кто вы?»

— Полковник Самсоненко, начальник артиллерии 196-й стрелковой дивизии, ответил Иосиф Иосифович и, показывая на меня, добавил: — Вот командир дивизии майор Шатилов, по всем вопросам прошу обращаться к нему.

Я достал из кармана гимнастерки удостоверение личности и протянул его капитану. Заметив на его лице недоумение, доложил:

— Генерал Куликов, командир дивизии, пропал без вести.

Капитан Ермаков внимательно просмотрел удостоверение, просто и приветливо сказал:

— Мы вас ждали! Поздравляю с благополучным выходом из окружения!

Я уже тогда подумал, что о нашем приближении Ермакову известно от генерала Лопатина. И не ошибся. Он вышел из кольца раньше и предупредил, что со дня на день должна пробиться и 196-я.

Мы крепко пожимали руку Ермакову. Бойцы, окружившие нас, ловившие каждое слово беседы, окончательно убедились, что вражеское кольцо прорвано и дивизия соединилась с Красной Армией. Пришел конец скитаниям по вражескому тылу! Не было предела их радости и восторгу.

Они подхватили меня, Качалова, Самсоненко на руки я начали качать. Я летал то вверх, то вниз, и теплая волна благодарности наполняла сердце. Я понимал, что этот жест подчиненных — признательность своим командирам, которые сумели вывести их из вражеского окружения.

Надо, однако, было переправляться на противоположный берег. Уставшие, измученные бойцы — откуда только взялись у них силы?! — проворно и ловко по балкам перебежали на другой берег, организовали живой конвейер, и одна за другой на мост стали ложиться толстые доски настила. Через каких-нибудь полчаса мост был готов для движения, и все мы оказались в объятиях находившихся здесь красноармейцев.

Капитан Ермаков оказался на редкость энергичным. Когда мы, переправившись, сосредоточились в роще неподалеку от реки, там уже дымили две походные полевые кухни — «солдатский ресторан», как назвали их острые на язык фронтовики. При виде походных кухонь мы сразу почувствовали, насколько голодны. Неприхотливо солдатское меню, но, кажется, никто не променял бы ни на какие деликатесы обед, который организовал для нас капитан Ермаков. Обед состоял всего из одного блюда — супа с мясными консервами и макаронами.

Лично мне на всю жизнь запомнился его вкус.

После обеда — отдых. Люди, почувствовав себя в безопасности, спали так, как давно не спали. Мы же с Самсоненко, в душе завидуя подчиненным, отправились в село Перевоз, где, как сказал капитан Ермаков, находился штаб кавалерийской части. Командиры штаба этой части выглядели озабоченными, даже встревоженными, и мы поняли, что пришли некстати, что им не до нас. Командир полка, должно быть, волжанин, ибо сильно нажимал на «о», пробовал шутить. Очевидно, он и в круговерти войны не терял врожденное чувство юмора:

— Фашисты, понимаешь, к Пселу прорвались. Так что, братки, тикайте, пока не поздно. Они запросто вам новый котел могут приготовить.

Мы прислушались к совету командира полка и, возвратившись в рощу, тотчас же подняли людей. Снова форсированный марш, благо личному составу к переходам не привыкать. Темп марша был высокий, если учесть, как вымотали нас бесконечные переходы по фашистскому тылу.

Когда наступили сумерки, от реки Псел нас отделяло уже более 20 километров. Передовая была далеко позади, и можно было дать людям вволю выспаться. На нашу беду, деревня, в которой мы остановились, была забита личным составом части, следовавшей к фронту. В каждой хате на полу, в сенях, где возможно, спали красноармейцы, и нам ничего не оставалось, как расположиться на гумнах и в ригах — благо много было соломы! — и бойцы в общем-то неплохо проспали ночь.

К утру за нами пришли автомашины, и мы часа за три добрались до города Ахтырка, где находился штаб Юго-Западного фронта. В штабе нас больше всего поразила спокойная, деловая обстановка. Положение на фронте было тяжелое, даже отчаянное. Но растерянности, подавленности, тем более признаков паники мы не увидели. Все, с кем паи довелось беседовать, были уверены, что немецкое наступление выдохнется, фашистская армия не выполнит стратегических целей, инициатива скоро перейдет к Красной Армии.

В штабе фронта нас внимательно выслушали, подробно расспросили, как выходили из окружения, особый интерес был проявлен к действовавшим в приднепровском тылу партизанам. Такой интерес был понятен и оправдай. Во вражеском кольце находилось еще много частей и соединений. Они пробивались к линии фронта, и руководство делало все для организации четкого взаимодействия этих частей и соединений с партизанскими отрядами. Видимо, не только мы, но и фронтовое командование

убедилось на опыте, какую неоценимую помощь могут оказать партизаны окруженным войскам.

Обстоятельный разговор шел о сильных и слабых сторонах тактики гитлеровцев. Помню, мы рассказывали беседующему с нами командиру оперативного отдела штаба фронта, что надо поучиться у немцев маневренному бою, что линейная тактика, которой мы придерживались, изжила себя и становится тормозом.

Беседовавший со мной офицер проявил такую искреннюю заинтересованность, что я изложил суть этого вопроса как можно полнее. Уже позже, читая известный приказ И. В. Сталина, осуждающий линейную тактику, требующий решительно встать на позиции маневренного боя, я понял, что командование Красной Армии уже тогда, в первые дни и месяцы войны, пересматривало многие тактические установки. Тем более что приоритет в разработке маневренной тактики принадлежал отнюдь не фашистскому генеральному штабу, а советской военной школе. Немцы нас опередили в практическом ее применении, и тут нам было необходимо последовать их примеру. Этого настоятельно требовали интересы победы над ненавистным врагом.

В штабе нас поблагодарили «за умелые действия при прорыве немецкого кольца», сказали, что лично меня представили к государственной награде и к очередному воинскому званию «подполковник». Напоследок всем было приказано ждать нового назначения.

В те дни под Москвой развертывались решающие события войны. В душе моей почему-то росло убеждение, что именно там фашистская армия будет разгромлена и покатится назад. Очень хотелось быть на Западном фронте, и я отправился к начальнику отдела кадров, бригадному комиссару, и изложил свою просьбу направить на любую должность на Западный фронт, на полк так на полк, на батальон так на батальон. Неожиданно тот улыбнулся и сказал:

— А знаете, я ждал, что вы попроситесь под Москву. Все, кто выходит из окружения, туда рвутся. Да и я, грешным делом, тоже не прочь махнуть на Западный фронт. Но понимаете, какая штука: ведь и здесь, на Украине, тоже немца бить надо и гнать его воя. Нельзя и здесь оголить фронт. Вы согласны со мной?

Что я мог ответить? Сказал, что товарищ бригадный комиссар смотрит в корень.

— Ну вот то-то, — заключил он. — Что касается вас, то имейте в виду следующее: полк и тем более батальон для вас — этап пройденный. Человек кончил академию, был начальником штаба дивизии, наконец, командовал дивизией, имеет

трехмесячный опыт боев. Три месяца — шутка сказать! Получите дивизию, только не 196-ю, а новую. Вы должны понимать, что война будет длительной, потребуется много, очень много дивизий. Они уже формируются. А кому же ими командовать? По-государственному надо мыслить, товарищ Шатилов!

Этот человек умел преподать своим собеседникам уроки государственной мудрости и делал это с доверием к человеку и как бы извиняясь перед ним за то, что, дескать, ему приходится разъяснять азбучные истины.

Я поинтересовался, что будет с нашей дивизией, ведь неразумно ее расформировывать. Костяк соединения — командный состав — в основном сохранен. Пополнить части людьми, дать им отдых, месяц-другой заняться боевой подготовкой в полевых условиях — и снова на фронт.

На это бригадный комиссар ответил:

— Вначале мы тоже склонялись к такой мысли, но, все взвесив и рассудив, пришли к другому выводу. Номер вашей дивизии присваивается новому соединению, которое формируется на Урале. Командный состав поступает в распоряжение фронта. Не вам мне говорить, как поредели ряды командирские в частях и соединениях. Словом, они будут направлены в другие части. Дадим им неделю отдохнуть — и в путь. С каждым разберемся, обижать никого не станем. А рядовых и сержантов — без промедления в новые части.

В словах бригадного комиссара звучала железная логика, с его выводами я согласился, но дивизию было жаль до боли сердечной.

Через два дня приехал капитан с предписанием принять из нашей дивизии рядовой и сержантский состав, поступающий на пополнение другого соединения. Пришлось расставаться с боевыми друзьями, с которыми пройдено столько дорог, столько пережито. Всех нас связывала общая память о товарищах, которые отдали жизнь за родную землю. Но надо было выполнять приказ. Проводы мы постарались обставить торжественно и тем самым как-то скрасить горечь разлуки. Провели митинг. Выступили комиссар и я, поблагодарили красноармейцев за пролитые пот и кровь, за дружбу, за верность Родине, сказали, что верим: куда бы ни забросила судьба воинов-днепропетровцев, они выполнят свой долг, не уронят славы героев Корсуни, Медвина, Бараньего Поля, Черкасс.

После митинга — прощальный обед. Наши интенданты хорошо постарались, накормили очень вкусно.

Однако главный сюрприз был впереди, виновником его оказался капитан Иван Иванович Лявдонский. Об этом человеке

хочется сказать самые добрые слова. Он был из тех людей, которые и в огне не горят и в воде не тонут, находят выход из любого, самого безвыходного положения.

В мирное время Лявдонский ничем особенно не выделялся. Работал добросовестно в своем пятом отделении штаба, командование претензий к отделению не имело. Но вот началась война, и он как бы заново родился в глазах окружающих, его способности широко раскрылись. Командование дивизии направило Лявдонского на помощь тыловым службам. Обязанности ему определили весьма многогранные: помогать тыловикам, в походных условиях кормить, обувать, одевать личный состав, организовывать боепитание, медицинскую службу, подсказывать тыловикам, где и когда совершают части маневр, занимают новые рубежи, и т. д. С этой обязанностью Лявдонский отлично справлялся, и штаб соединения не желал другого такого энергичного помощника.

Когда стало ясно, что дивизия попала в окружение, я вызвал в штаб Лявдонского и спросил его мнение: как он считает, лучше выводить машины в общей колонне или же попытаться вывести автотранспорт самостоятельно?

— Попробуем самостоятельно, — ответил капитан.

На том и порешили.

Очевидно, это было единственно правильное решение. В обстановке, когда не ясно, где противник, каким маршрутом надо идти, когда придется принять бой, автоколонна может послужить лишь ненужной обузой. В таких условиях легче пробираться в пешем порядке, не быть привязанными к дорогам. К тому же автомашины — не иголки, фашистские летчики обнаружат их без труда и нацелят на них свои моторизованные подразделения. Так примерно рассуждали мы в штабе, так, конечно, думал и Лявдонский.

Капитан блестяще справился с поставленной задачей. Он вывел автомашины из вражеского кольца в полной исправности. В пути он организовал отличную разведку, которая точно устанавливала, где немцы, куда следуют, где свободная дорога, и только после этого колонна пускалась в путь. Неведомым нам образом Лявдонский узнал о выходе 196-й из вражеского окружения и встретил нас. Это было для нас настоящим чудом, но это чудо совершили капитан Иван Иванович Лявдонский и его подчиненные.

Выводил он автомашины из немецкого тыла не порожняком, а загрузил их тюками с теплым бельем, шерстяными носками, рукавицами, валенками, шапками-ушанками.

И вот теперь Лявдонский ходил перед строем и

собственноручно выдавал красноармейцам и сержантам по паре белья, шапки и варежки, шерстяные носки. В стылом воздухе уже чувствовалось приближение зимы, и такой подарок был очень кстати.

Вскоре штаб фронта из Ахтырки переехал в Харьков. Туда перебрались и мы командиры, ожидающие новых назначений. Жили мы в казарме в пригороде. Спали на кроватях, застланных белоснежным бельем. Признаться, большинство из нас отвыкли от такой роскоши и вначале нам было как-то не по себе. К тому же и кормили, как в доме отдыха: три раза в день горячая пища.

Все эти дни я писал в разные инстанции письма, разыскивал семью. Где они, что с ними? Когда дивизия отошла к Днепру, генерал Куликов отправил несколько автомашин в, Днепропетровск, чтобы эвакуировать семьи начсостава из города. Но начальник медслужбы, под командой которого выезжали автомашины, вернулся обескураженный — Днепропетровск к этому времени был оккупирован гитлеровцами.

Адреса моих писем были различны: Москва, Воронежская область, места, где жили мои многочисленные родственники. Никогда за всю жизнь я не писал столько писем, как в дни, проведенные в Харькове.

В штабе фронта к тому времени был организован отдел по розыску семей командного состава. И туда я тоже написал запрос.

Каждый день кто-то из командного состава дивизии получал назначение, и я провожал друзей, понимая, что вряд ли наши военные дороги сойдутся и я вновь увижу дорогие лица.

Вскоре уехал Иосиф Иосифович Самсоненко, его назначили начальником артиллерии другого соединения. Без него мы будто осиротели. Проведешь с человеком неделю под огнем, узнаешь его, и он тебе за брата, а тут почти четыре месяца неразлучны! Причем каких четыре месяца! Бывали дни, каждый из которых стоил целого года. Когда эти дни встают в памяти, удивляешься, неужели это было наяву, а не во сне, и было не с кем-то другим, а с тобой?

На фронт, в другое соединение, лежала дорога и начальника дивизионной разведки капитана Никифора Зиновьевича Трунова. Иван Макарович Шадский, из которого слезу под пыткой не выбьешь, при расставании смущенно отворачивался: его глаза были влажными.

Командиры полков Михаил Иванович Головин и Николай Савельевич Кобжев старались быть бодрыми и веселыми. Чисто выбритые, в новеньких гимнастерках, перетянутые скрипучими ремнями, они словно собрались на парад. Но и в их веселых словах тоже звучали грустные нотки.

В те дни часто, оставаясь один на один со своими мыслями, перебирал в памяти события этих военных месяцев, анализировал действия штаба и свои, как его начальника. Собственный суд — нелицеприятный, тут уж не перед кем хитрить, разве лишь перед собственной совестью. Вывели мы из окружения немногим более 500 человек, столько же примерно пробилось в составе других групп. Это все, что осталось. К первому же бою дивизия насчитывала 17000 человек. И я спрашивал себя: все ли мы, командиры, сделали для того, чтобы сохранить личный состав соединения? Конечно, война есть война, и от смерти никуда не уйдешь. И все же от распорядительности командира и штаба, от их умения организовать бой на основе глубокого знания обстановки зависит многое.

Я переиграл мысленно каждый бой, как бы со стороны взглянул на генерала Куликова, на себя, на своих помощников, на командиров частей. Человек всегда задним числом умнее, и теперь было очевидно, что многое можно и должно было сделать лучше. И все же раскаяния не было. Все мы до конца выполнили свой долг, и упрекнуть никто и ни в чем нас не может. Враг в то время был сильнее. Он наступал, а мы вынуждены были пятиться назад. У нас почти не было танков, фашисты хозяйничали в воздухе, не хватало снарядов. И все же, несмотря ни на что, мы, говоря солдатским языком, «дали прикурить фашисту».

Подсчеты штаба свидетельствовали, что фашисты от 196-й стрелковой дивизии понесли гораздо большие потери, чем мы сами. Да и без статистики тот, кто видел поле боя у Рахны, под Бараньим Полем или Медвином, усеянное трупами вражеских солдат, чернеющее обгоревшими корпусами фашистских танков, мог сказать: мы отомстили за наших товарищей, нанесли серьезный урон врагу.

* * *

Но вот и получено новое назначение. Предстояло принять штаб дивизии, формировавшийся в далеком тыловом городе. С этой дивизией я и отправился на Северо-Западный фронт.

Часть вторая. А до Берлина было так далеко…

Принимаю дивизию

Шел август 1942 года…

В один из последних дней уходящего лета из разговора с начальником отдела кадров 27-й армии Северо-Западного фронта я понял, что планируется мое перемещение на должность командира 200-й стрелковой дивизии.

Такое известие обрадовало прежде всего потому, что мне пришлось формировать это соединение на Урале, быть его первым начальником, штаба. Я хорошо знал командный и рядовой состав.

Но все получилось иначе — меня вызвали в отдел кадров 27-й армии и зачитали приказ о назначении на должность командира дивизии, но не 200-й, а 182-й. От такой неожиданности я растерялся и сгоряча высказал кадровикам свое недовольство.

— Все уже решено, — ответил кадровик. — Срочно принимайте дивизию у генерал-майора Корчица.

Владислава Викентьевича Корчица я знал еще с 1929 года, когда был командиром взвода и у меня был нарукавный знак — один квадрат, а у него, начальника штаба 19-й стрелковой дивизии, был уже ромб. Корчиц часто по делам службы приезжал в городишко, где дислоцировался мой 56-й стрелковый полк. Владислав Викентьевич проводил занятия с командным составом, проверял боевую готовность подразделений. Это был опытный командир, хороший организатор. Бывший офицер старой русской армии, он с первых дней Октября встал на сторону Советской власти.

Спокойный, немногословный, Корчиц умел выслушать и подбодрить подчиненных, подать пример собранности и требовательности. Он не оставлял без внимания ни единого факта нарушения воинской дисциплины, но был справедлив и не терпел командиров, которые допускали бестактность в отношении подчиненных.

За эти качества его любили и уважали. Бывало, приедет в полк, высокий, стройный, и одним своим внешним видом заставит командиров и бойцов как-то сразу подтянуться. И вот я сменял генерал-майора В. В. Корчица, который уходил на должность начальника штаба 1-й ударной армии. Впоследствии Корчиц будет назначен начальником Генерального штаба Войска Польского…

Итак, ясным августовским днем я вышел из штаба армии, держа в руках предписание, и должен был отправиться в расположение 182-й стрелковой дивизии.

В жизни моей начинался новый сложный этап. Предстояло не только принять 182-ю дивизию, познакомиться с ее людьми, но и вести этих людей в бой.

Неподалеку стояла моя легковая машина. Шофер красноармеец Панфилов возился с мотором. Я посмотрел на запад, туда нам предстояло ехать. Косматое нежаркое солнце садилось за вершины темного леса. По всему чувствовалось, что красное лето прошло. Я шел к машине по намокшим листьям; над водой журчащей поблизости речки пополз туман. Есть что-то таинственное в красоте заката. Проплыли небольшие барашковые облачка. Солнечный диск в последний раз пронзил их лучами, и казалось, что огромное пламя охватило все небо. Солнце уже скатилось за макушки деревьев, но пожар словно все полыхал до самого горизонта. Помнится, деревенские старики говорили, что такие закаты к войне.

«Что-то ждало меня там, где так полыхал закат», — подумал я. Сухой лист с березы спланировал на погон, на гимнастерку оседала влага тумана.

— Туман, вот уже и осенний туман, — сказал я Панфилову, подойдя к машине.

Усевшись рядом с шофером, я снова посмотрел на небо. В холодной выси над лесом вставала луна, и зубчатые вершины деревьев на том берегу словно дымились.

Проехали по разбитой снарядами дороге, вот и мост через реку Ловать. Показался поселок, обозначенный на карте как Шпалозавод. Сохранилось лишь название — ни одного дома не осталось после ухода гитлеровцев: все было разрушено и сожжено. От пепелища повернули на юг, здесь дорога шла вдоль берега. Наступила холодная звездная ночь, в лесной, темноте стала теряться дорога. Водитель сбавил скорость. Ветви захлестали, забили по бортам, по стеклу, упруго подбрасывало на корневищах. Неожиданно впереди показалась темная фигура. Панфилов включил фары.

— Стой! — поднял руку красноармеец. — Дальше ехать запрещено!

Пришлось выйти из машины. Из темноты навстречу вышел командир.

— Подполковник Кривонос, начальник связи дивизии, — представился он.

Кривонос и проводил меня в блиндаж командира дивизии.

В блиндаже за столом сидели командующий 27-й армией генерал-майор Федор Петрович Озеров, член Военного совета генерал-майор Иван Петрович Шевченко, комиссар дивизии полковой комиссар Яков Петрович Островский, начальник штаба

дивизии полковник Николай Александрович Тихомиров, заместитель командира дивизии полковник Илларион Северьянович Неминущий, заместитель командира дивизии по тылу подполковник Иван Тимофеевич Свистунов. Собрались они здесь по случаю присвоения генеральского звания хозяину блиндажа — Владиславу Викентьевичу Корчицу.

Я представился командующему армией. Генерал-майор Озеров тепло поздоровался и усадил за стол рядом с генералом Корчицем. Много теплых слов в этот вечер было сказано в адрес Владислава Викентьевича Корчица. Желали успехов на новой должности. Засиделись допоздна. Но вот все разошлись, в блиндаже остались я и Корчиц. Долго не ложились спать, все вспоминали службу в 19-й стрелковой дивизии, которой с 1931 года командовал Василий Иванович Морозов.

Тех, кому довелось близко знать этого военачальника, всегда восхищала его воинская эрудиция. Он изучил прекрасно тактику врага, знал ее сильные и слабые стороны, много читал военно-исторических трудов и в трудные минуты боя всегда подбадривал высказываниями, поговорками и пословицами великих полководцев прошлого. Войну он встретил командующим 11-й армией, которая под его руководством проявила стойкость в обороне и особенно отличилась в июне 1941 года при нанесении контрударов в районе Сольцы и в августе под Старой Руссой.

— Вам, Василий Митрофанович, видимо, будет интересно узнать кое-что из истории 182-й стрелковой дивизии, — спросил Корчиц.

И он рассказал, что формировалась она на территории Эстонии. В сентябре 1940 года Народная армия Эстонии преобразовывается в 22-й Эстонский территориальный стрелковый корпус.

Первый бой новое соединение приняло 7 июля 1941 года на рубеже Малые и Большие Пети, Словкавичи, Застружье. Командовали им в то время полковник Иван Игнатьевич Курышев, а затем полковник Михаил Семенович Назаров. После ожесточенных боев дивизия отошла вместе с соединениями 22-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта к городу Псков. Снова беспрерывные бои. Враг пытался занять город. Упорно оборонялись эстонцы. Многие из них проявили мужество и отвагу.

Корчиц немного помолчал, а затем продолжал свой рассказ.

— Когда я в январе 1942 года принимал это соединение, то внимательно ознакомился с журналом боевых действий. Расскажу о подвиге командира шестой стрелковой роты 232-го стрелкового полка старшего лейтенанта Лайпандиса. Рота обороняла высоту у

реки Пети. На эту высоту наступало до двух батальонов фашистов. Их встретили огнем и заставили откатиться на исходный рубеж. Вскоре последовала вторая атака при поддержке танков. И эту атаку отбили. Отбрасывая наседающих гитлеровцев в течение четырех часов, рота удерживала высоту. Фашистам не удалось продвинуться на этом участке. Тогда через мощные громкоговорители начал вещать фашистский диктор:

— Эстонцы! Сложите оружие, и вы сможете свободно уходить по домам! Эстония позади, вам некуда дальше отходить!

Старший лейтенант Лайпандис сказал своим подчиненным:

— Друзья! Мы защищаем свою родину — свободную Эстонию! Огонь по врагу!

Вновь и вновь фашисты пытались захватить высоту, и всякий раз атаки отбивались.

До последнего держались эстонцы. Погиб и командир…

О том, как дрались в этом бою эстонцы, рассказал тяжело раненный красноармеец, который ночью добрался все-таки до полка.

Корчиц чиркнул спичкой, прикурил, затянулся и продолжал:

— Вот еще эпизод из боев 182-й дивизии в районе Большие Пети. Противнику удалось расчленить 232-й стрелковый полк. Седьмая и восьмая рота были отрезаны от основных сил полка и оказались во вражеском кольце. Комбат капитан Востриков принял смелое решение — роте лейтенанта Клайпанова незаметно проникнуть в расположение врага и внезапно нанести ему удар с тыла. Благодаря такому искусному маневру кольцо окружения было разорвано.

Дивизия отходила с боями, нанося врагу значительные потери.

Отличились в эти тяжелые дни комбаты Комаров и Востриков, командир артиллерийского полка Добылев, командир стрелкового полка Тихомиров, комиссар дивизии старший политрук Островский.

Генерал Корчиц рассказал об участии 182-й стрелковой дивизии в наступательной операции войск Северо-Западного фронта по окружению и уничтожению группировки немецко-фашистских войск в районе Демянска. Эта операция была проведена с 7 января по 20 мая 1942 года.

Тогда 182-я дивизия, в сильные морозы, в условиях полного бездорожья, по глубокому снегу, через лед многочисленных озер, рек, через лесные массивы, прошла 50 километров по тылам врага, освободив 18 населенных пунктов, и вышла к окраине Старой Руссы. Этим она способствовала успешному наступлению 11-й и 1-й ударной армий…

Меня заинтересовал рассказ Корчица, и я спросил:

— А как была окружена демянская группировка?

— Как? В условиях бездорожья и глубокого снежного покрова, — продолжал рассказывать комдив. — 29 января 1942 года возобновилось наступление наших войск. 1-й гвардейский стрелковый корпус продвигался юго-восточнее Старой Руссы в направлении Рамушево. Перерезав коммуникации демянской группировки, корпус должен был соединиться в районе Залучье с частями 34-й армии, наступающими с юга. Одновременно, не встречая серьезного сопротивления противника, 2-й гвардейский корпус наступал на город Холм. Он наносил удар из района Старой Руссы. 25 февраля части 1-го гвардейского стрелкового корпуса в Залучье соединились с подразделениями 42-й стрелковой бригады 34-й армии.

Таким образом, старорусская и демянская фашистские группировки противника были разъединены. В окружении оказалась демянская группировка в составе шести дивизий 16-й армии…

— Кстати, — продолжал генерал Корчиц, — в то время нашей дивизии противостоял 56-й егерский полк 16-й армии. Немного расскажу и о противнике. Корчиц задумался. — Оборона врага состоит из хорошо оборудованных узлов сопротивления и системы опорных пунктов, сильно насыщенных огневыми средствами и инженерными заграждениями.

Большинство опорных пунктов и узлов сопротивления противника очень выгодно расположены в тактическом отношении: с хорошим круговым обзором и обстрелом всех подступов к ним.

Мы тоже создали прочную оборону. Блиндажи, дзоты тщательно замаскировали, так, что обнаружить их трудно. Стены и потолки достаточно прочны и неуязвимы от прямой наводки артиллерии — из еловых и сосновых бревен в два наката. Все это было- сделано в первую очередь. Предстоит еще сделать бани, кухни, землянки для личного состава. Нет переправ через реку, кроме железнодорожного моста, приспособленного для проезда машин, танков.

— Вот в таких условиях мы и живем уже около года. — Владислав Викентьевич вздохнул. — Лес да болота вокруг… Была уже глубокая ночь. Корчиц взглянул на часы:

— Пора и нам отдохнуть.

Я лег на деревянный топчан, укрылся шинелью и задремал.

На утро за завтраком разговорились и стали вспоминать прошедшие бои под Старой Руссой.

С волнением обсуждали сложившуюся обстановку в

Сталинграде. Мы знали, что немецкие войска прорвались в город, на его улицах идут бои.

На Северо-Западном фронте в это время обстановка была относительно спокойной. Перед нами стояла одна задача: активной обороной сковывать войска противника, не допустить, чтобы он снял хотя бы одно соединение с нашего фронта и перебросил на юг.

После завтрака пошли на передний край. Надо было принимать дивизию.

— Начнем, пожалуй, с правого фланга, где обороняется полк Кротова, сказал генерал Корчиц.

По узенькой тропке поднялись на небольшой взгорок. Было прохладное утро. Вокруг стояли, светясь каждым листом, уже порыжевшие осины, с них, посверкивая тончайшими нитями, тянулась в чистом воздухе паутина.

По дороге генерал Корчиц рассказал мне о командире 140-го стрелкового полка подполковнике Михаиле Ивановиче Кротове.

— Грамотный в военном отношении, требовательный, смелый, принятое решение доводит до конца. Имеет солидный боевой опыт.

Метрах в 500 от командного пункта полка, на просеке, нас встретил Кротов среднего роста крепыш, смуглое лицо, карие, почти черные глаза. Тогда ему было всего 38 лет.

Наметанным взглядом я сразу определил — кадровый командир. Чистый подворотничок, начищенные до блеска сапоги. Он четко вскинул руку к козырьку фуражки, представился.

Вначале направились в первый батальон. По пути Кротов коротко рассказывал о своих комбатах.

— Командир 1-го батальона майор Евгений Семенович Назаренко, много повоевавший и испытавший человек. На 2-м батальоне — капитан Анатолий Андреевич Казаков, молодой командир, ему 23 года. По молодости горяч, правда, умеет взять себя в руки. 3-м батальоном командует недавний командир минометной роты капитан Василий Иосифович Лейпунов. Вдумчивый. Осторожный. Тщательно все взвесит, чтобы правильно принять решение.

Вячеслав Викентьевич добавил:

— Каждый из них испытан в боях. Такими командирами можно гордиться. Все комбаты имеют боевые награды.

Шли мы не спеша. Красноармейцы грелись на солнце, День выдался тихим и теплым.

Майор Назаренко ожидал нас в первой траншее. Он доложил сведения о противнике и о батальонном районе обороны. Докладывал четко, со знанием дела.

И вот тут я обратил внимание на один, на мой взгляд, недостаток: наши траншеи местами были не глубокие. Продвигаясь по ним, часто приходилось сгибаться. Хотел сказать об этом, но подумал и решил в данной ситуации промолчать. Для себя заметил — траншеи необходимо углубить, тем более что скоро грунт скуют морозы.

Подошли к болоту. Здесь траншеи прервались. Некоторые участки красноармейцы вынуждены были преодолевать броском. А снайперы врага только этого и ждали.

Перед нашим передним краем, в 300–400 метрах, тянулась шоссейная дорога Старая Русса — Рамушево, по которой шла техника врага. Ее можно и должно было успешно обстреливать, но наша артиллерия и минометы молчали. Я тогда еще подумал: «Может, не хотят обнаружить себя?»

На границе района обороны второго батальона нас встретил капитан Казаков. Невысок ростом, неширок в плечах, чистый — без морщинки — юношеский лоб, живые светло-карие глаза, нежный румянец заливает скулы. На вид ему лет двадцать. Но докладывал он как бывалый командир. Построение обороны подразделения капитана Казакова почти ничем не отличается от первого батальона. Опорные пункты рот подготовлены к круговой обороне и связаны между собой системой огня и заграждений. Красноармейцы несли службу бдительно, хорошо знали свои обязанности. Я обратился к одному из наблюдателей. Он четко доложил свои обязанности, показал свой сектор наблюдения, разведанные нами дзоты и расположение других огневых точек фашистов. У каждого пулеметного расчета была стрелковая карточка, на которой разборчиво были нанесены: полосы огня, ориентиры, их номера, наименование и расстояние до них, расположение своего подразделения и место командира, необходимые данные о враге.

В тот день мы побывали почти во всех подразделениях, расположенных в первом эшелоне, побеседовали с командирами и бойцами. Настроение у людей боевое. Не успели добраться лишь до третьего батальона — он был расположен во втором эшелоне.

Солнце уже спряталось за лес. Густой сероватый туман поплыл от реки Ловать. Серии ракет всплывали на противоположной стороне; черная вода каскадом загоралась у песчаной отмели берега.

Мы шли тропинкой под обрывистым берегом. Когда свет ракет опадал клочьями мертвого огня, тогда отчетливо слышался стук пулеметов. Трассирующие пули веером летели через все пространство реки, вонзались в мокрый песок, тюкали над

нашими головами в стволы деревьев.

— Ходить здесь опасно, — прервал молчание генерал Корчиц.

Вот и знакомый блиндаж. У входа нас уже ожидал начальник штаба подполковник Тихомиров.

— Поступила депеша из штаба фронта. Вам, товарищ генерал, приказано немедленно явиться к новому месту службы.

Корчиц нахмурился. Еще не успел сдать соединение, проститься со всеми однополчанами, а приказ немедленно уезжать.

Утром он распрощался со всеми, кто был в штабе дивизии, и уехал в 1-ю ударную армию.

С этого момента я вступил в должность командира дивизии. Масса вопросов волновала меня. Как пойдет моя служба, когда на плечи легла такая ответственность? Дивизия — сложный организм, объединяющий несколько тысяч людей, организационно состоящий из трех стрелковых и артиллерийского полков, противотанкового и зенитного артиллерийских дивизионов, разведывательной роты и саперного батальона, батальона связи, тыловых частей и учреждений. С этими тревожными мыслями я заснул. Вскочил от сильного гула. От глухих ударов сыпалась со стуком земля на стол, звенело стекло лампы, весь блиндаж слегка вздрагивал. Снаряды противника рвались неподалеку от оврага, в котором был расположен командный пункт. Проснулся и комиссар дивизии Яков Петрович Островский.

— Что думаете делать, Василий Митрофанович?

— Пойду в 232-й полк, — ответил я комиссару.

— Вот и хорошо, — весело отозвался Островский, — пойду и я с вами.

— Очень рад. Мне будет легче знакомиться с людьми и обстановкой.

Наспех позавтракали и в сопровождении двух автоматчиков направились по тропинке, через поле, кустарник и небольшую рощицу. Только вышли на поляну, как в расположении противника скрипуче «заиграли» шестиствольные минометы, низкое небо расцветилось огненными трассами мин. С глухим гулом, сотрясая землю, разорвались от нас метрах в двухстах. Мы бросились в старую глубокую воронку, переждали обстрел, пошли дальше. По пути Яков Петрович рассказал о командире 232-го стрелкового полка:

— Иван Григорьевич Мадонов прибыл в дивизию недавно, но уже успел показать себя умелым командиром. Вот что случилось у нас в июне этого года. Противник ровно в пять часов утра открыл ураганный артиллерийский огонь по участку обороны

232-го полка. Одновременно в воздухе появились его самолеты, началась бомбежка. Около часа продолжалась огневая обработка, а затем враг перешел на узком участке в атаку. Основной удар пришелся как раз по позициям 232-го полка, где гитлеровцы пошли вперед при поддержке танков. Несмотря на отчаянное сопротивление бойцов полка, врагу удалось вклиниться в глубь наших позиций.

Мадонов принял смелое решение — направить роту танков под командованием старшего лейтенанта Латышева в обход вклинившихся в нашу оборону гитлеровцев и ударить во фланг и тыл. Маневр удался, вскоре мы увидали, как два немецких танка задымили, а остальные начали пятиться как раз, к тому месту, где в засаде их ожидали орудия младшего лейтенанта Кучерова. Ударами с близкого расстояния по бортам эти танки были подбиты. Подразделения полка перешли в контратаку и выбили врага с занятых позиций…

Мадонов встретил нас на опушке леса. Доложив, провел к наблюдательному пункту полка, который был оборудован на четырех вековых соснах и замаскирован так, что ни с воздуха, ни с земли его нельзя было обнаружить. Там находился командир, который в бинокль наблюдал за действиями противника. Здесь же стояла стереотруба, сидел с аппаратом телефонист. Я поднялся вверх, приник к окулярам и увидел через стереотрубу как на ладони первую позицию врага. Видно было, как мелькали стальные каски в траншеях.

За этот день мы прошли и осмотрели батальонные районы обороны 232-го полка. Практически оборона была здесь построена так же однообразно, как и у соседа — подполковника Кротова. Познакомился и побеседовал я с командирами батальонов, рот и батарей, командирами взводов и отделений, со многими красноармейцами. Настроение у всех было боевое. Некоторые командиры и даже красноармейцы прямо задавали мне вопрос: «Когда, товарищ полковник, начнем наступать? Сколько можно сидеть в обороне?»

Выводов поспешных я не делал. Все увиденное тщательно анализировал, все услышанное обдумывал и потихоньку намечал план своей будущей работы.

На следующий день, с рассветом, вместе с комиссаром пошли на левый фланг дивизии, на участок обороны 171-го стрелкового полка. Линия обороны проходила вдоль берега реки Ловать. Шли под береговым обрывом спокойно, пули и осколки свистели выше наших голов. Яков Петрович по пути дал краткую характеристику командиру 171-го стрелкового полка подполковнику Ивану Ивановичу Нейману. По национальности он латыш. Спокойный,

хладнокровный, неторопливый, очень рассудительный — вначале все взвесит, выслушает мнения подчиненных, а потом принимает решение.

— Награжден двумя орденами Красного Знамени, — закончил Островский.

Подполковник Нейман — высокий, стройный, свежевыбритый, светловолосый, с синими холодными глазами — встретил нас недалеко от своего командного пункта, врытого в берег реки. КП был так замаскирован, что не просматривался ни с воздуха, ни с земли. Представился он, твердо произнося слова, доложил обстановку. На все мои вопросы отвечал предельно кратко, со знанием дела обрисовал обстановку в батальонах и отдельных ротах, дал характеристику командирам. Чувствовалось, что он хорошо знает подчиненных, знает, кому из них лучше поставить ту или иную задачу в бою. Все вместе мы пошли по первой траншее от реки Ловать к правому флангу полка.

Передний край растянулся на десять километров вдоль реки. Начали мы знакомство с батальоном Н. И. Микерова с его командного пункта. Все блиндажи для жилья командиров и красноармейцев врыты в берег, сделаны добротные перекрытия в три-четыре наката. С НП батальона я осмотрел окрестности в бинокль — впереди чернели остатки деревни Редцы, местность вокруг ее развалин изрыта траншеями, ходами сообщения, окопами, показали мне и несколько дзотов. Редцы — важный узел сопротивления, подготовленный к круговой обороне, связанный системой огня и заграждений с Присморжьем. Деревня с возвышенности круто спускалась к берегу Ловати. Именно здесь в дальнейшем предстояло нам участвовать в наступательной операции по окружению демянской группировки фашистских войск. Но тогда я этого, конечно, не знал.

Итак, на опушке леса у ручья, впадающего в Ловать, укрепился враг. Каждый метр земли перед своим передним краем гитлеровцы опутали колючей проволокой, густо усеяли минными полями, промежутки между опорными пунктами простреливались пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. Наблюдая эту картину, я невольно вспомнил весну 1942 года. Тогда наша 200-я стрелковая дивизия наступала в этих же местах несколько левее.

Перед началом атаки стрелковые подразделения 200-й дивизии вышли на исходный рубеж. Артиллеристы изготовились на огневых позициях, их командиры заняли свои наблюдательные пункты.

После боя нам стало известно, что разведчики-артиллеристы

из первой батареи 650-го артиллерийского полка Дудин, Цыганков, Степанов, Яковлев, Вартанян во главе с командиром взвода лейтенантом Г. И. Сиротой пробрались под сильным огнем противника к пехоте, залегшей на окраине Присморжья, чтобы корректировать огонь наших орудий. Наступающие подразделения дивизии имели задачу захватить Присморжье и выйти к Рамушево, разъединив старорусскую и демянскую группировки, и надежно обеспечить на фланге стык через реку Ловать со 182-й стрелковой дивизией.

После короткой артиллерийской подготовки пехота поднялась в атаку, ворвалась в Присморжье. Но несколько огневых точек врага ожили и открыли огонь. Продвижение пехоты вновь приостановилось. Артиллеристам приказали подавить огневые точки противника. Снарядов было мало, и требовалось вести особенно прицельный огонь.

Командир батареи старший лейтенант Комаров приказал по телефону лейтенанту Сироте с его разведчиками и связистами перебраться за Черную речку, обнаружить уцелевшие огневые точки гитлеровцев и их координаты передать на батарею. Разведчики незаметно подобрались к позициям фашистов и засекли их огневые точки. Получив от них данные, наши орудия легко подавили огневые точки врага.

Как только батарея подавила огневые точки, к ней присоединились другие орудия дивизиона капитана К. Б. Соколова и полковая батарея старшего лейтенанта А. Ф. Ватченко. Наша пехота поднялась в атаку, успешно преодолела первую траншею врага, очистила деревню Присморжье. Завязался бой во второй и третьей траншеях за Александровку. Артиллеристы, поддерживая пехоту огнем и колесами, быстро уничтожали обнаружившие себя огневые точки врага.

Вместе с командиром полка подполковником В. Я. Даниленко мы прошли по Присморжью и Александровке. Повсюду исковерканные пушки, пулеметы, повозки, орудийные передки врага. Большие потери понес враг и в живой силе.

И вот начались бои по ликвидации демянской группировки. Фашисты понимали, что могут снова оказаться в окружении, и ожесточенно сопротивлялись. Как стало известно после войны, командующему 16-й немецкой армией было приказано самим фюрером — любой ценой сохранить демянскую группировку. Выполняя этот приказ, сюда, в рамушевский коридор, гитлеровцы бросили свежие части. Попавшие к вам в плен солдаты и офицеры говорили: «Демянск — это маленький Верден», а рамушевскую горловину окрестили «коридором смерти». Так это было и в

действительности — прорвать наш фронт окружения и образовать рамушевский коридор удалось ценой больших потерь.

Гитлеровское командование образно называло свою демянскую группировку пистолетом, направленным в сердце России.

Наступление войск нашего Северо-Западного фронта с 3 по 20 мая существенных результатов не дало. К выполнению поставленных задач войска были подготовлены слабо, хотя личный состав проявил тогда мужество и отвагу.

Однако возвращаюсь к событиям, происходившим в первые дни сентября 1942 года. Островский, Нейман и я направились по первой траншее, по пути внимательно рассматривая позиции противника. У блиндажей останавливались, присаживались к красноармейцам, расспрашивали их о житье-бытье: как кормят, давно ли мылись в бане, регулярно ли получают почту, как обстоят дела с боеприпасами? Бойцы охотно отвечали на наши вопросы. Жалоб у них не было.

Шли по траншее мы, наверное, около часа. Со стороны противника внезапно началась ружейно-пулеметная стрельба. Может быть, оттуда заметили группу? Мы пригнулись и присели на дно траншеи. Стрельба то утихала, то снова усиливалась.

— Как вы думаете, — спросил я у командира полка, — почему наши пулеметы и минометы молчат, не отвечают гитлеровцам?

Он пожал плечами.

— Потому что не хотят обнаруживать себя.

— Правильно, а почему не хотят обнаруживать? Потому что некуда им надежно укрыться от огня противника: траншеи неглубокие.

Стрельба в это время стихла.

Ознакомившись со всей системой обороны полка подполковника Неймана, зашли на огневые позиции 14-го отдельного противотанкового дивизиона, где побеседовали с артиллеристами. Бойцы рассказали о прошедших боях, о тех, кто отличился, сколько танков подбили. Я спросил у молодого артиллериста, недавно назначенного наводчиком орудия:

— Если танки прорвутся на батарею, не испугаетесь?

— Нет, что вы, товарищ полковник! Пусть попробуют сунуться, назад не вернутся!

Бодрый дух командиров и бойцов, с которыми довелось беседовать, радовал.

Рядом с нами стоял старшина и посматривал то на меня, то на наводчика, с которым разговаривали. Мы собрались уходить, но я обратил внимание на то, как пристально смотрит старшина,

и решил с ним побеседовать.

— Давно на фронте?

— С первых дней, товарищ полковник!

— Откуда родом?

— Воронежский, из села Калмыка.

— Так мы с вами, оказывается, земляки! Старшина просиял…

— Да ведь я вас сразу узнал.

— Чей же вы будете?

— Касаткина, сапожника, сын. Мы жили от вашего дома через два двора. Я хорошо знал ваших братьев, а с Яковом Митрофановичем вместе воевали в гражданскую войну. Он же у вас моряк! Участвовал в штурме Зимнего. Воевал против Врангеля.

— Точно, — подтвердил я. — Теперь нам с вами придется вместе воевать против фашистов.

— А когда их погоним?

— Скоро.

Конечно, тогда никто из нас не думал, что придется участвовать в битве за Берлин. Но все мы, от красноармейца до генерала, об этом только и мечтали. Отсюда, из-под Старой Руссы, до Берлина еще было далеко — целых 2640 километров…

Встреча с земляком меня обрадовала. Расспросил Касаткина, как он воюет. Оказалось — не посрамил родной воронежской земли. От его метких выстрелов запылал не один танк врага. Правда, был дважды ранен сам, но после излечения вновь возвращался в свой дивизион.

Наступили сумерки. Стало холодно, сыро, ветрено. Деревья по-осеннему тягуче гудели в темноте. Мы вышли в открытое поле.

— Пойдемте напрямую, здесь ближе, — предложил Островский.

Темнота скрыла нас от врага.

Пошли напрямую, но путь оказался длиннее, чем по берегу. Не раз пришлось пережидать на земле, когда погаснут осветительные ракеты противника, а над головой перестанут свистеть трассирующие пули.

Следующие два дня ушли у меня на знакомство с артиллерийскими частями. Все орудия стояли на огневых позициях в готовности поддержать стрелковые подразделения. Основные и запасные огневые позиции были тщательно оборудованы и замаскированы.

Специальные подразделения — саперный и батальон связи — разместились вдоль реки. Блиндажи вырыли в крутом берегу. 108-я отдельная разведывательная рота расположилась в лесу, неподалеку от КП.

Мы пошли к разведчикам в последнюю очередь. Не доходя до глубокого оврага, в котором они располагались, увидели группу бойцов, подошли к ним.

— Чем занимаетесь?

— Охраняем осужденных судом военного трибунала.

— Кого и за что осудили?

— Вон этих, — показал сержант на стоящих в стороне двух красноармейцев. За невыполнение приказа командира отделения в бою и проявленную трусость.

Приговоры трибунала были действительно суровы. Трусам и паникерам не было пощады на фронте. Мне были известны случаи, когда из-за таких людей срывались целые операции. Но в данном случае, очевидно, необходимо было во всем разобраться самим. Я вызвал прокурора дивизии майора юстиции Макарова. Вместе с ним и с комиссаром дивизии побеседовали с осужденными. Одному было лет двадцать шесть, другому — около двадцати. О происшедшем с ними, чувствовалось, они горько сожалели.

Оба они не отрицали проявленного ими во время поиска малодушия. При захвате пленного испугались и отошли от блиндажа противника, несмотря на приказ командира отделения сержанта Михалева вернуться.

Мы пришли к единому мнению: «Ходатайствовать о замене сурового приговора искуплением вины в бою». Красноармейцев удалось оставить в разведывательной роте.

* * *

На девятый день моего пребывания в 182-й стрелковой дивизии командующий армией проводил вручение боевых знамен полкам и отдельным частям дивизии. Выдалось утро, туманное и влажное, но вскоре появилось нежаркое сентябрьское солнце — золотистый и ясный день встал над зубчатыми вершинами сосен.

На небольшой поляне, среди густого леса, выстроились представители полков и отдельных частей во главе с командирами и комиссарами.

Разделить наше торжество приехали гости: командир 200-й дивизии полковник Петр Ефимович Попов со старшим батальонным комиссаром Василием Федоровичем Калашниковым — наши соседи слева, командир 26-й стрелковой дивизии полковник Павел Григорьевич Кузнецов, наш правый сосед. Приехал и командир 254-й стрелковой дивизии полковник Павел Федорович Батицкий. Вместе с Павлом Федоровичем поступили

мы в Академию им. М. В. Фрунзе, вместе ее окончили в 1938 году.

Мне хотелось бы чуть подробнее рассказать о Павле Федоровиче Батицком. Я очень дорожил дружбой с ним. Мне было в ту пору 37 лет, а Батицкому 32 года.

Павел Федорович удачно сочетал прекрасное военное образование и молодость, был отличным командиром. Не скрою — у него я многое перенимал.

Как-то, например, Павел Федорович пригласил меня к себе в дивизию. Завел в пустой зал, усадил на стул.

— Внимание, Вася Шатилов, приготовься слушать! — с улыбкой сказал он.

Тут же к нам вышли бойцы. Один из них держал в руках баян. Я с недоумением взглянул на Батицкого.

— Сейчас, сейчас…

Боец заиграл, а второй запел. Ох, как он пел русские народные песни!

— Ну как?! А! — радовался Батицкий. — Песня, она, брат, очень нужна на войне. Сам в этом убедился.

С этого дня мы тоже занялись организацией художественной самодеятельности в дивизии. Сложным оказалось это дело, но месяца через четыре мы тоже пригласили к себе П. Ф. Батицкого, не говоря ему с какой целью. Хотелось сделать сюрприз. Точно так же я усадил его на стул, обещая удивить.

II когда он прослушал выступление красноармейца певца Левицкого, которого мы отыскали с большим трудом в одном из подразделений, то Павел Федорович аж загорелся:

— Вот бы мне его, а, Вася? Вот бы мне… Отдай!..

* * *

Однако вернемся к событиям девятого дня моей службы в 182-й стрелковой дивизии. В полдень подъехали командующий 27-й армией генерал-майор Федор Петрович Озеров и член Военного совета бригадный комиссар Иван Петрович Шевченко.

Четким строевым шагом я пошел им навстречу, доложил о построении представителей частей и отдельных подразделений для получения Боевых Знамен.

Член Военного совета зачитал приказ. Первым принял Знамя командир 140-го стрелкового полка подполковник Михаил Иванович Кротов. Принимая святыню, он стал на колено, поцеловал уголок алого полотнища и обратился к присутствующим:

— Клянемся! Не жалеть крови и самой жизни до полной

победы над врагом. Мы будем истреблять оккупантов до полного изгнания с нашей родной земли!

Он передал Знамя ассистентам комендантского взвода, а сам встал на правый фланг.

Следом вышел командир 171-го стрелкового полка подполковник Иван Иванович Нейман. Затем командир 232-го стрелкового полка подполковник Иван Григорьевич Мадонов. За ним — командир 625-го артиллерийского полка подполковник Василий Павлович Данилов…

После торжественного вручения Знамен с поздравлением обратился командующий генерал-майор Федор Петрович Озеров.

— Нам надо забыть слово «отступление». И пока ваши подразделения находятся в обороне, на каждом родной клочке земли уничтожайте врага ежедневно и ежечасно. Враг еще силен. Ослабляйте его ряды и готовьтесь к наступлению. Скоро наступит и наш черед!..

В этот и на другой день во всех ротах и батареях прошли митинги, посвященные этому торжественному событию…

* * *

Прошло несколько дней, и, бывая на передовой, я заметил, что стрелки и пулеметчики, находящиеся в первой траншее, почти не ведут ружейного и пулеметного огня по снующим взад и вперед вражеским солдатам. Своими наблюдениями я поделился с заместителем полковником И. С. Неминущим.

— Как вы думаете, Илларион Северьянович, отчего молчат наши стрелки и пулеметчики, когда у противника начинается беготня? Как правило, ведут огонь только артиллеристы и минометчики.

— Мне кажется потому, что не хотят себя обнаружить и вызвать ответный огонь противника, — ответил Илларион Северьянович.

— Это правильно, но не хотят, думаю, еще и потому, что негде надежно укрыться от огня противника, нет глубоких с надежным перекрытием окопов, нет траншей и ходов сообщения полного профиля, землянок для отдыха бойцов.

Решено было разработать план работ по укреплению дивизионного района обороны.

Прежде чем приступить к его выполнению, провели совещание с командирами и комиссарами.

Во всех ротах и батареях полков прошли партийные и комсомольские собрания. Выпустили дивизионную газету с таким

призывом: «Больше пота — меньше крови!»

К выполнению плана личный состав приступил с настроением. Рубили лес, готовили срубы для дзотов, блиндажей, землянок, сплавляли их ночью по реке Ловать на передовую. За первой позицией строили бани и укрытия для, лошадей и машин. Командование дивизии и штаб находились на местах проведения инженерных работ с утра до ночи, а дивизионный инженер майор Серафим Иванович Дудин, по-моему, вообще не спал.

Как-то под вечер подошел я к группе саперов. Они готовили срубы. Красноармейцы тесали бревна, строгали доски. Поздоровался и спросил:

— Тяжело?

— Нет, мы привыкли к работе, — ответили они почти в один голос.

Но я заметил, что при этом один солдат спрятал руки.

— Что с руками? Покажите!

Старший сержант Георгий Исаелян ответил:

— У нас мозоли. Но тяжело в работе, легко будет в бою. А мозоли заживут.

Всей группе была объявлена благодарность. Впоследствии Исаелян стал первым кавалером ордена Славы на Северо-Западном фронте.

Итак, работали все: саперы, артиллеристы, связисты, стрелки, шоферы и даже писари. Каждый понимал — дело это нужное.

К началу октября в основном закончили оборонительные сооружения и траншеи. В каждом полку на более опасных направлениях построили опорные пункты. Оборонительный рубеж дивизии стал почти неуязвимым как с воздуха, так и с земли.

После тщательной проверки дивизионным инженером Серафимом Ивановичем Дудиным с группой командиров я доложил командующему 27-й армией генерал-майору Федору Петровичу Озерову о готовности оборонительного рубежа к зиме. Он лично решил проверить готовность и приехал в полном составе Военного совета. Они прошли по траншеям, побывали в землянках, в блиндажах, осмотрели опорные пункты, бани, укрытия для машин и лошадей.

Тут хочется еще раз сказать о целесообразности сделанного.

Если раньше в полосе обороны дивизии мы теряли ежедневно 4–5 человек убитыми и ранеными, то теперь 1–2 человека. И самое главное: ожила оборона, стрелки и пулеметчики смело вели огонь по появляющимся целям противника. На передовой без опаски стали ходить в полный рост по траншеям и ходам сообщения. Бойцы отдыхали в теплых и безопасных землянках.

В дзотах были установлены и хорошо пристреляны пушки и пулеметы.

В обороне всегда дни кажутся длинными. Между сутками нет разрыва. Кончались одни — начинались другие…

Рамушевский коридор

В середине октября, когда мы в основном закончили строительство оборонительных сооружений, как-то я шел по берегу Ловати, размышляя о путях активизации нашей обороны. Прихваченные холодком, листья осыпались с деревьев, легкий печальный их шорох напоминал о метельной зиме. Кое-что уже было сделано. Дорога Старая Русса — Рамушево была разбита на участки. Ответственными за наблюдение были конкретные командиры. Дежурили от зари до зари. Не то вдруг безнаказанно проскочит фашист. А что, если еще выделить по нескольку кочующих орудий в каждом полку? Они будут вызывать огонь противника на себя, а сами быстро менять огневые позиции, чтобы ввести фашистов в заблуждение относительно состава, расположения и системы огня нашей артиллерии. Для этой же цели в стороне от огневых позиций можно оборудовать ложные огневые позиции, где установить макеты орудий и минометов…

Как известно, с первых месяцев Великой Отечественной войны в нашей стране началось массовое снайперское движение. Снайперов готовили на специальных сборах, курсах, в снайперских школах, в организациях Осоавиахима и Всевобуча. В мае 1942 года для поощрения отличившихся снайперов был установлен нагрудный знак «Снайпер».

По всему Северо-Западному фронту также началось снайперское движение.

В нашей дивизии были организованы снайперские курсы ведения меткого огня из всех видов оружия. К празднику Великого Октября в 1943 году у нас насчитывалось квалифицированных мастеров-снайперов 117 человек и, кроме того, добровольцев-охотников 587 бойцов, десятки снайперских расчетов пулеметов и пушек. День ото дня рос боевой актив истребителей фашистов. Днем гитлеровцам жизни не было от наших снайперов, а ночью их бомбили легкие ночные бомбардировщики У-2 (По-2). Один из немецких офицеров, попавших к нам в плен, рассказывал:

— За последние недели ночами не спим. Только стемнеет, как начинают то тут, то там рваться бомбы. Это страшно пугает, угнетает. Страстно желаем, чтобы самолеты скорее улетели. Но они бомбят и бомбят…

Действительно, рамушевская горловина и дорога Старая Русса — Рамушево превратились для фашистов в «коридор смерти». Так говорили сами немецкие солдаты.

Снайперский азарт увлек всех, даже писарей. Должен

признаться, и меня, командира дивизии, тоже. На КП оставлял заместителя, а сам уходил метров за 200–300 на берег Ловати, где командир 14-го отдельного противотанкового дивизиона устанавливал снайперскую пушку на прямую наводку. Тщательно маскировались. И так готовили две-три позиции для одной пушки. Как правило, после выстрела пушка меняла позицию, чтобы ввести противника в заблуждение. Обычно после этого гитлеровцы по пустому месту лупили минут тридцать. Вспоминается одна из таких вылазок.

Рядом со мной, возле пушки, командир дивизиона и адъютант старший лейтенант А. Г. Курбатов. Наблюдаем. Никого впереди не видно, стрельба повсюду стихла. Расчет пушки замер в окопе. Боец-наблюдатель из расчета тихо докладывает:

— Немцы в деревне.

— В какой?

— Редцы. Ориентир — труба крайнего сгоревшего дома.

— Расстояние до цели?

— Метров триста, может, чуть больше.

— Да, если в трехстах метрах немцы, то скоро появятся цели для пушки и покрупнее. Подождем. Не расслабляться только, — предупредил я артиллеристов.

Ожидали довольно долго. Фашисты скрылись в окопах, никто не появлялся. И вот наконец по дороге галопом скачет пара лошадей, запряженных в повозку. На ней два офицера, возница — солдат. Гонит лошадей в надежде проскочить открытое место.

— Ну, товарищи, покажите, на что вы способны, — обращаюсь я к расчету.

— Цель вижу! — доложил наводчик.

— Огонь! — скомандовал командир орудия.

Раздался выстрел. Через стереотрубу я увидел, как снаряд угодил в повозку. Лошади поднялись на дыбы…

Дым рассеялся, и мы увидели разбитую повозку, трупы гитлеровцев на обочине. Чуть поодаль в упряжке стояли лошади.

Бойцы расчета смотрели на меня.

— Благодарю вас, товарищи, за отличный выстрел! — обратился я к ним.

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили артиллеристы…

* * *

Особенно отличился в то время наш снайпер Захар Киля. Весь фронт знал этого бойца. Сто сорок четыре фашиста были на его

боевом счету.

Как-то на мой НП пришел известный снайпер старшина Алексей Пупков. Сидели мы с ним рядом и наблюдали за противником. Я знал, что он дружит с Захаром Киля, и попросил его поподробнее рассказать о снайпере.

— Он с Дальнего Востока, — охотно заговорил Пупков, — Долго добивался разрешения поехать на фронт.

Вся нанайская деревушка, от мала до велика, провожала гоношу на фронт. Напутствуя сына, опытный таежный охотник Данила сказал: «Иди, мой сын. Ты умеешь бить белку в глаз, так бей немца в самое сердце». Перед тем как идти в первый раз на «охоту», Киля совсем не опал. Сон никак к нему не шел. Он ждал, скоро ли наступит утро, чтобы поскорее пойти в засаду. Ему не терпелось. Я заметил его волнение. Мы с ним тогда были рядом.

— Уже скоро рассвет, — угадывая мысли Захара, сказал я. — Давай пойдем в засаду вместе.

Пупков рассказал, что когда Захар Киля первый раз вышел с ним на «охоту», то пролежал в засаде более трех часов. Зорко вглядывался в заросли бурьяна сожженной деревни Редцы. Гитлеровцев не было. Снайпер начал волноваться, но вдруг показался фашист. Хоть и ждал этого момента Захар, но вначале растерялся. Однако взял себя в руки, плотно прижал приклад винтовки, тщательно прицелился. Выстрел — и гитлеровец грузно упал в бурьян. Так был открыт снайперский счет.

В тот день он «снял» еще трех гитлеровцев. Вечером написал отцу письмо: «Я выполняю твой завет. Сегодня убил четырех фашистов».

День ото дня росло мастерство снайпера Захара Киля, все грознее становился он для фашистов. В листовках, которые сбрасывались с самолетов, враги рисовали его чуть ли не Иваном Поддубным — русским богатырем, с могучими мускулистыми руками. А он был безусым хрупким пареньком. И чего только не писали в листовках о Захаре. «Знаем вашего снайпера, не такой уж он у вас неуязвимый», тешили себя надеждой захватчики. Однако бояться его не переставали. И не случайно. Виднеется ли на равнине куст, стоит ли подбитый танк, или возвышается где едва различимый бугорок — отовсюду летят меткие пули.

Десятки «охотников»-добровольцев открывали личные счета истребленных немецко-фашистских оккупантов.

Всему фронту были известны имена классных мастеров снайперов — Киля, Абдулаева, Курашвили, Жадова, Виноградова, Царицына, Лисина, Зайцева, Хасанова, Латокина, — каждый из них истребил более сотни фашистов.

Среди них знатный снайпер, неутомимый мститель за

погибшего отца — Алексей Пупков. Ему принадлежали слова: «Если сегодня снайпер не убил оккупанта, как он может спокойно спать?» Он истребил 203 гитлеровца.

Захар Киля был награжден орденом Ленина. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР был помещен на первой странице газеты «В бой, за Родину!», а под ним стихотворение корреспондента дивизионки Николая Шатилова, посвященное снайперу, которое заканчивалось таким напутствием:

Пусть орден грудь его украсит
И в новый славный бой ведет,
За нашу землю и за счастье
Сведет он с немцем грозный счет.

Наступала глубокая осень, дожди шли каждодневно — мелкие, как пропущенные через сито, нудные и холодные. Видимость резко ухудшилась: туманом то и дело затягивало весь передний край. В такое время следовало особенно опасаться вражеской разведки. Штаб и политотдел проводили большую работу по вопросам повышения бдительности. Командиры штаба и политотдельцы зачастили на передний край.

В одну из холодных, сырых, ветреных ночей я, комиссар дивизии Островский и адъютант Курбатов пошли на передовой наблюдательный пункт, находившийся метрах в 400 от переднего края противника.

Пробирались в темноте подлеском, ветер шумел, топтался в кронах деревьев. Дуло студено с Ловати. Там, распарывая потемки, взмывали ракеты то в одном, то в другом месте по всей линии немецкой обороны. Ночная тишина то и дело разрывалась отрывистыми пулеметными очередями: по ночам фашисты методично обстреливали наш передний край.

Перешли неглубокий овраг, где начинался ход сообщения, и вышли прямо к НП. В большой землянке раскаленная железная печь с настежь раскрытой дверцей жарко ворчала, выстреливая с яростным треском угольки в земляной пол, где они рассыпались искрами. Вокруг печки сидели снайперы, обогревались и сушились перед тем, как идти в засаду. О чем-то оживленно разговаривали, а когда мы вошли, сразу замолчали и встали.

— Садитесь, товарищи! Ну и погода! Скучно, наверное, — обратился к ним я.

— Нет дела рукам, нет веселья, — ответил за всех старший сержант Захар Киля и улыбнулся. — В тайге, — продолжал он, — тот не охотник, кто сидит дома.

— Но что ты сделаешь, дождь полосует, туман закрыл весь передний край, не видно цели, — возразил снайпер Алексей Пупков.

— Дождь, туман — это и хорошо. Пробрался поближе к противнику и выжидай, не согласился с ним Захар.

Посидели в землянке, поговорили по душам. Решили дожидаться возвращения группы разведчиков. Открылась дверь, вошел майор В. И. Зорько. Атлетически сильный, высокий, с широкой грудью, черноволосый. Не заметив нас, спросил с тревогой:

— Еще не пришли?

— Нет, — тихо ответил его заместитель капитан А. В. Авдонин и кивнул в нашу сторону.

Начальник разведки только тут увидел нас, извинился.

Вскоре появился старший сержант Михаил Процай, командир взвода разведроты дивизии. Ему на вид года двадцать два, среднего роста, худощавый, детские голубые глава. Он был скромен, тих и неприметен. Одним словом — сибиряк охотник. Трудно было себе представить, что Михаил был одним из самых лучших и смелых разведчиков. Его знал даже командующий армией. В дивизии его звали ласково — Миша. Но особо отличало его от всех — это острое зрение.

Мне давно хотелось самому узнать, действительно ли он видит ночью? Войдя в блиндаж, Процай приложил руку к пилотке, попросил разрешения обратиться к майору В. И. Зорько, коротко доложил:

— Задачу выполнили. — И отступил в сторону, пропуская мокрого пленного.

Потом вынул из кармана неотправленное письмо гитлеровца. Переводчик лейтенант Бейлин начал читать: «Днем нельзя показаться из блиндажа или окопа, потому что русские снайперы наблюдают, как дьяволы. А ночью над нашими головами работает маленькая авиация. Если не убьют и не ранят, то через месяц попадешь в сумасшедший дом».

Все сидящие в землянке снайперы довольно переглянулись…

Тем временем старший сержант Процай коротко рассказал о поиске:

— Мы почти двое суток скрывались в нейтральной полосе. Сидели в камышах. Смотрим, прохаживается фашист, как на прогулке. Скрутили, он даже не успел пикнуть. Бесшумно по кустам, по разминированной тропке вернулись к своим.

— А правда ли, что вы ночью видите, как днем? — спросил я разведчика.

Он улыбнулся:

— Зрение у меня, как у всех. Только я могу долго не моргать. А это здорово помогает.

Наступал рассвет.

— Нам пора! — поднялся снайпер старшина Пупков.

— А может, дождемся полного рассвета, там и дождь перестанет, — предложил снайпер Хасанов.

— Нет! — отрезал Пупков.

Вместе с ними и мы вышли из блиндажа. Было темно, но на востоке зарозовело небо. Сизый туман стелился над болотами, ветер, с шумом срывал последние листья с деревьев в каких-то сразу поредевших лесах.

Снайперы вскоре скрылись в тумане, ушли на передний край — выслеживать и уничтожать врага. Увели пленного и разведчики. Комиссар обернулся ко мне:

— С каким ужасом пленные говорят о снайперах, о ночных бомбардировщиках, о «катюшах».

— Да, Яков Петрович! Знаете, а мне вспоминается такой случай…

И я рассказал комиссару, как в такую же дождливую ночь ушел разведывательный взвод лейтенанта Мишуткина по болотам за «языком». Разведчики шли по болоту, по колено в воде. И надо же было случиться такому совпадению навстречу в таком же примерно составе шел фашистский разведывательный взвод, и тоже с целью захватить «языка».

Столкнулись, как говорится, нос к носу. Завязалась ожесточенная короткая схватка. Но разве кто устоит перед нашими разведчиками?! Мишуткин сам прострелил фашистскому офицеру руку. Тот выронил автомат, вынужден был сдаться в плен, а за ним последовали и остальные семь разведчиков.

По дороге раненых немцев перевязали, нашли им по сто граммов водки, чтобы согрелись, и привели в штаб. Я тогда был начальником штаба 200-й стрелковой дивизии. В моем присутствии переводчик допрашивал пленных. Оказывается, пленный офицер довольно сносно владел русским языком. Он прибыл на Северо-Западный фронт в составе дивизии СС «Мертвая голова» для усиления 16-й немецкой армии, которая стала в оборону рамушевского коридора.

Я поинтересовался тогда: «Когда начнутся активные действия?»

— Не знаю, — ответил немец.

По-видимому, он боялся нарушить военную присягу. После ряда вопросов к нему офицер вдруг обратился ко мне: «Нас, наверное, расстреляют?»

— Нет, — успокоил я его. — Мы пленных не расстреливаем, а

всех отправляем в тыл, на работу, — восстанавливать разрушенное и сожженное вами же.

— А какой ж о я работник с одной рукой?

— Ничего, найдется и нам работа, по вашей гражданской специальности.

Какое-то подобие улыбки появилось на его губах. Вижу, что он начинает верить нам.

— Что вас больше всего беспокоило в обороне?

— Многое! — воскликнул он. — Днем снайперы и «катюши», а ночью бомбардировочная авиация. Это ужасно! Солдаты становятся нервными и злыми. Проклинают все на свете. Я вам, конечно, верю, что нас не расстреляют. Для нас все ужасы кончились. Я готов хоть в Сибирь!..

— Да, Яков Петрович, — вернулся я к сказанному комиссаром. — Об этом сказал не только этот пленный. Об этом говорили в начале лета и будут продолжать говорить, если будем вести активную оборону.

Я лично считаю, что большая заслуга в этом и летчиков ночных бомбардировщиков. Благодаря им не было покоя фашистам и ночью…

Все мы с глубокой благодарностью говорили о героях-летчиках 242-й ночной бомбардировочной дивизии 6-й воздушной армии. Генерал-майор авиации Д. Ф. Кондратюк и генерал-лейтенант авиации Ф. П. Польнин, командовавшие этой армией, многое сделали для усиления соединения ночных бомбардировщиков. Ничто — ни зенитная артиллерия и прожекторы врага, ни вражеские истребители, ни ночная темнота — не могли остановить пилотов.

Наступил рассвет, начал просматриваться передний край противника. Надо было подниматься на НП, его расположили на высоком ветвистом дереве.

Не успели мы начать наблюдение, как опять пополз туман и заморосил дождь. Видимости никакой. От воды тянуло сыростью. Промокли мы на дереве до нитки. Тем временем ни одной машины, ни одного человека не прошло по дороге Старая Русса — Рамушево. Редко так бывало.

Тем более у нас были данные, полученные от пленных: противник собирается произвести какую-то перегруппировку или смену частей. Но в его расположении тишина.

Спустились вниз. В землянке было тепло. Обсушились, выпили горячего чая.

За чаем Яков Петрович Островский стал вспоминать первые месяцы войны на Северо-западном фронте, рассказал, как отходили к Старой Руссе, как переправлялись через реку Ловать

осенью 1941 года. Посмеиваясь, комиссар рассказал и о том, как, переплывая по-осеннему холодную реку, держал завернутые в платок документы в зубах, чтобы не намочить их.

Помолчали, вспоминая каждый свое, а затем комиссар начал рассуждать вслух.

— Почему наш фронт до сих пор не уничтожит демянскую группировку? Ведь пытались и не раз пытались то в одном направлении, то в другом перехватить рамушевскую горловину, но безрезультатно. А мне кажется, могли бы сосредоточить на одном узком участке сильную группировку, обеспечить всем необходимым и нанести удар с двух сторон — с севера и юга.

— Трудно пока сказать. Тут играют роль различные факторы. Ты же знаешь о том, что противник с октября 1941 года укреплял этот участок фронта, ему благоприятствовала местность: бездорожье, реки, болота. Все это создает большие трудности для проведения наступательной операции.

— Верно, — согласился Островский, — но зачастую удары наносились поспешно, рассредоточенными силами на широком фронте, не давалось времени командирам на подготовку и организацию разведки.

Слушая комиссара, я вспоминал, как 200-я стрелковая дивизия прибыла с Урала, укомплектованная по штату, хорошо обученная. Выгрузились из эшелонов и совершили марш в район сосредоточения, в лес, восточное Поддубья. Было пасмурное весеннее утро, шел сильный, шуршащий по голым деревьям дождь, дороги совсем раскисли. С трудом мы вытаскивали ноги из грязи. Машины буксовали. Даже то, что можно было положить на повозки, несли на себе, а оставшееся имущество сложили в штабель около станции разгрузки. Дивизия еще не прибыла в район сосредоточения, а уже получила приказ — наступать на Рамушево с задачей перехватить рамушевскую горловину. Командир дивизии полковник К. П. Елшин собрал командиров полков и отдал устный боевой приказ. Машинистка Мария Кубатько отстучала текст приказа на машинке, а начальник оперативного отделения Акчурин разослал в части. Ни командир дивизии, ни командиры полков и батальонов не успели произвести рекогносцировку и отработать взаимодействие, а артиллеристы не пристреляли орудий по целям. Было столько нерешенных вопросов, столько неясного в обстановке, что голова шла кругом. С большим опозданием батальоны вышли на исходные позиции для атаки.

И только к вечеру атаковали противника, с потерями ворвались в первую траншею врага, в которой завязались рукопашные схватки.

Вечером полковник Елшин доложил командующему 27-й армией генералу Озерову обстановку и попросил разрешение о выделении двух суток на подготовку наступления. Ему отказали.

Две недели продолжались непрерывные бон. Дополнительно ввели 127-й и 144-й отдельные стрелковые бригады. Вместе с 200-й дивизией они освободили Присморжье, Александровку и вышли к селу Рамушево.

После окончания операции к нам приехал Александр Михайлович Василевский с группой генералов и командиров Генерального штаба, чтобы провести разбор обстановки на Северо-Западном фронте. Командира дивизии К. П. Елшина в это время на командном пункте не было. Я представился генералу Василевскому, доложил обстановку в дивизии. На нашем КП генерал Василевский заслушал в моем присутствии и командующего 27-й армией генерала Озерова. На столе была разложена карта. Командарм доложил о том, что 27-я обороняет рубеж на реке Ловать и ведет бои с целью улучшения занимаемых позиций, сковывая значительные силы врага.

— Активно действовать здесь нелегко. Противник сильно укрепился. Умело используя рельеф местности, он создал мощные узлы сопротивления, — докладывал генерал Озеров.

— Как вы думаете: почему не была выполнена поставленная перед фронтом задача? — спросил Василевский.

— Я думаю, что удары по немецким войскам надо было наносить, сосредоточив наши силы на более узком фронте. Да и трудно было наступать с теми силами и средствами, которые у нас имелись.

Мнение командарма поддержал генерал-лейтенант Василий Иванович Морозов:

— Я с Федором Петровичем согласен и считаю, что до тех пор, пока операция не будет тщательно подготовлена и обеспечена всем необходимым, серьезных успехов мы не добьемся.

Поднимаясь, генерал Василевский сказал:

— Разберемся в причинах ваших успехов и просчетов. Однако каждый боец и командир должен знать, что мы требуем от вас активной обороны. Иначе противник часть своих войск отсюда перебросит на юг. Вы должны любыми путями удерживать силы гитлеровцев здесь.

Попрощавшись, генерал уехал, а вскоре активные бои в районе Демянска прекратились и все силы фронта перешли к активной обороне.

* * *

Однако вернемся к событиям того ненастного дня, когда мы вынуждены были спуститься с НП в землянку. Во второй его половине дождь перестал, но с реки подул пронизывающий, холодный ветер. Обогревшись и отдохнув, взобрались мы опять на наш НП. Видимость была хорошей, четко просматривался передний край противника, особенно резко выделялась высотка 32,3, на которой располагался у гитлеровцев сильно укрепленный ротный опорный пункт. Высотка словно врезалась в нашу оборону. Противник с нее просматривает и обстреливает первую позицию. Небольшая высотка, не на каждой карте даже значится, но неприятностей нам она доставляла много.

Я обратил на нее внимание, еще когда принимал оборону от генерала Корчица. Тогда уже подумал: надо отбить ее у фашистов.

Долго рассматривали мы сопку. Нужно было провести бой с как можно меньшими потерями. Спросил мнение комиссара.

С первых дней знакомства мне Яков Петрович очень понравился. Опытный политработник, за плечами бои гражданской войны, затем Военно-политическая академия, служба в войсках. С первых дней на фронте. Комиссар поддержал мой план — сопку надо брать.

К вечеру к нам на НП были вызваны начальник штаба полковник С. П. Тарасов, командующий артиллерией дивизии полковник И. П. Добылев и начальник разведки майор 13. И. Зорько. Они поднялись на дерево, внимательно изучали высоту 32,3 до вечерних сумерек. Все они согласились с нашим планом.

Решили поручить выполнение этой задачи командиру 140-го полка М. И. Кротову. Придать полку две батареи противотанковых пушек и один 120-мм миномет. Вся артиллерия дивизии должна быть в готовности поддержать подразделение Кротова. Проделывание прохода в минных заграждениях возложили на командира 201-го саперного батальона капитана В. И. Гончарова. Время на подготовку к бою — три дня.

Командир полка выделил для атаки высоты батальон капитана Анатолия Андреевича Казакова. Казаков был самым молодым комбатом в дивизии. Красивый, стройный. Любили его друзья, командиры и бойцы. Однако этот юноша был уже очень опытным и умелым воином. Тщательно готовил он личный состав к предстоящему бою.

Быстро пролетело три дня, и вот мы с комиссаром на НП 140-го полка. Здесь уже собрались командиры и начальники служб. Капитан Казаков умело управлял подразделениями. Они вышли на исходное положение для атаки в первую траншею.

День был пасмурный, дождливый. В траншеях под ногами

хлюпала вода. Но настроение у бойцов было приподнятое. Все считали, что в такую погоду лучше всего атаковать врага.

Наступил час атаки.

После сильного артиллерийского налета и залпа гвардейских минометов по ротному опорному пункту врага из траншей стремительно двинулись в атаку наши стрелки. Прямой наводкой вели огонь по огневым точкам врата артиллеристы. Захват опорного пункта фашистов прошел так быстро, что мы даже не предполагали. Оставшиеся в живых гитлеровцы поняли, что сопротивление бесполезно, и подняли руки.

Вот что рассказывал об этой атаке один из пленных, которого привели к нам на НП: «56-й егерский полк был поднят по тревоге. Сам командир полка подполковник Гахтельн прибежал на передовую. Этого он раньше никогда не делал. Но было поздно…»

Весь день гитлеровцы обстреливали высоту из всех видов оружия. Батальон Казакова надежно закрепился на ней и с помощью дивизионной артиллерии отбил все контратаки противника.

Расчет на внезапность оказался верным. Фашисты не ожидали нашей атаки.

На высоте было захвачено две пушки, четыре миномета, четыре пулемета и более пятидесяти автоматов. Но главное — было покончено с так беспокоящим нас опорным пунктом.

После завершения успешного боя подвели итоги. И каждый выступивший на совещании теплым словом отзывался о капитане Казакове, выполнившем приказ очень грамотно, с наименьшими потерями.

Этот командир обладал действительно многими нужными военному человеку данными. Был смел, находчив и выдержан. Посмеиваясь, он часто любил напоминать крылатое суворовское выражение: «Отважность необходима солдатам, храбрость офицерам, мужество-генералам». К таким же командирам можно было отнести старшин Герасима Пяткова, Алексея Пупкова, майора Николая Микерова, майора Сергея Бурмистрова…

В середине октября меня и Я. П. Островского вызвали в штаб армии. Член Военного совета зачитал нам Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года об упразднении института военных комиссаров в Красной Армии и установлении полного единоначалия. Нам объяснили, что командные кадры уже приобрели необходимый опыт ведения боевых действий, закалились и окрепли в политическом отношении. Значительно укрепились партийные организации, да и морально-боевые качества личного состава повысились. Яков Петрович Островский стал теперь моим заместителем по политчасти. Я всегда чутко и

внимательно слушал своего боевого друга. С удовольствием отмечал, что его партийная страстность, уверенность передаются и мне. Поэтому несказанно обрадовался, узнав, что и дальше будем воевать вместе.

Прекратились дожди и туманы, стояли ясные, погожие октябрьские дни. Припозднилось нынче бабье лето. Чистое, сияющее небо со стеклянно высокой синевой развернулось над лесами и болотами. Из блиндажа так и тянуло погреться на солнышке. Этими днями воспользовались и фашистские летчики. Появились вражеские самолеты, того и гляди начнут бомбить железнодорожный мост через Ловать — единственную переправу дивизии в тыл.

В один из таких ясных, голубых дней, засиявших над Ловатью, я вместе с Островским вышел из блиндажа, наслаждаясь солнцем. Вдруг из-за леса выскочил немецкий самолет, но прицельно сбросить авиабомбы на мост не успел — его преследовал наш «ястребок». А тут еще 322-я зенитная батарея ударила из шести стволов. Гитлеровский бомбардировщик оказался среди дымных облачков — разрывов зенитных снарядов. Вдруг самолет медленно повернулся набок и быстро пошел к земле. Раздался сильный взрыв. Зенитчики выскочили из своих укрытий, с радостью обнимая наводчиков…

В тяжелые и тревожные дни осени 1942 года, когда вражеские войска ворвались в Сталинград, оказались в предгорье Кавказа, войска Северо-Западного фронта организовали активную оборону на земле и в воздухе, наносили гитлеровцам большой урон в живой силе и технике. Каждый боец проникся сознанием того, что убитый гитлеровец — лучшая помощь сталинградцам. Северо-Западный фронт сковывал крупные силы врага и не давал перебрасывать его соединения на юг.

Вся партийно-политическая работа в нашей дивизии велась под лозунгом: «Окажи помощь сталинградцам, уничтожай днем и ночью фашистов, не допускай, чтобы отсюда перебрасывали войска на ют!»

…В двенадцатом часу ночи 4 ноября я в сопровождении адъютанта и двух автоматчиков проверял дежурную службу. Ночь застала нас еще в дороге, холодная, звездная. Шли мы в осенней тьме — над головой густо шумели вершины деревьев.

Редкие ракеты, сносимые острым северным ветром, извивались над передовой гитлеровцев. Впереди землянка, вырытая в скате высоты.

— Стой! Кто идет? — преувеличенно громко выкрикнул часовой я щелкнул затвором автомата.

Зашли в землянку. Под ее низкими накатами, среди

табачного дыма плавали огни плошек, смутно проступали за столом и на нарах лица бойцов. Увидев меня, все встали. Разрешил бойцами сидеть.

— Товарищ полковник, разрешите доложить, — обратилась ко мне девушка-санинструктор.

И я узнал от нее, что только-только вечером она доставила в санчасть 232-го стрелкового полка тяжело раненного бойца И. С. Козлова с малокалиберной миной, застрявшей между берцовой костью и мягкими тканями. Раненый находился в критической ситуации: одно движение — и взрыв. Военврач 2 ранга А. П. Козьмин решил сделать операцию на месте. Помощницей у него была военврач 2 ранга В. М. Гашкер. С большим самообладанием и мужеством они произвели операцию и извлекли мину.

Подвиги совершались не только теми, у кого в руках было оружие, но и теми, у. кого единственным оружием были хирургические инструменты.

В пургу

Зима началась с морозов и снегопадов. Сковало льдом болота, ручьи, замерзла широкая и глубокая река Ловать. Вокруг было белым-бело, но снег уже исчеркали следы лыж, полозья саней. А снег все летел, наметал свежие сугробы.

Как-то утром я вышел на берег. Холодное, зимнее солнце наполняло окрестности белым снежным светом. Вижу, спускается к реке мой заместитель полковник Илларион Северьянович Неминущий. Подошел к проруби, спокойно разделся и… мигом в ледяную воду. У меня по коже пробежали мурашки. Илларион Северьянович спокойно окунулся, вылез из проруби, не спеша протерся полотенцем, накинул тулуп и медленно пошел к блиндажу. Я был весьма удивлен. Ведь ему же 64 года!

За морозами закружили метели. По передовой волнами ходила поземка, вокруг шелестел снег, завиваясь вихорьками. Метель продолжалась третьи сутки. Окрестности были в белой мгле. Бойцы на передовой в эти дни не успевали выбрасывать снег из траншей и ходов сообщения. Весь личный состав к этому времени был одет тепло — в полушубки и валенки. Страна позаботилась о фронтовиках.

Мы знали о том, что задолго до наступления холодов советские люди развернули широкую кампанию по сбору теплых вещей для Красной Армии. Трудно было найти семью, которая не послала бы подарки бойцам, сражавшимся с врагом. Присылали теплые вещи, печенье, конфеты, папиросы и другие вкусные и нужные вещи. Но самыми дорогими подарками для нас были письма: их с большим волнением, собравшись вместе, читали бойцы. В своих письмах советские патриоты призывали бойцов решительно и беспощадно громить немецко-фашистских оккупантов.

Такой подарок с письмом получил и я. Прислали его из Пермской области. В небольшой посылочке были шерстяные варежки, кисет с табаком и коробочка леденцов. «Товарищ командир! Гоните немцев! Скорее освобождайте Родину и приходите домой!..» По почерку я понял, что письмо было написано школьницей. Читал эти строки, и перед глазами вставали образы советских людей, томящихся в оккупации, картины разрушений и горя.

К наступлению морозов в землянках уже были установлены печки. Для них приспособили цинковые ящики из-под патронов, пристроили тонкие железные трубы, снаружи их тщательно замаскировали ветками. Печки эти быстро нагревались. В

землянках всегда было тепло. От землянки тянулся «ус» — ход сообщения к первой траншее. В случае тревоги бойцы быстро бежали на свои места в боевом порядке.

Днем в первой траншее оставались дежурные наблюдатели, остальные бойцы отдыхали в тепле. Каждый из наблюдателей имел свой сектор. Обо всех передвижениях врага докладывалось командиру.

Как-то в декабре мне пришлось идти по первой траншее мимо одного из наблюдателей. Он четко доложил:

— Товарищ полковник! Сектор наблюдения: справа — отдельное сломанное дерево, слева — высотка с обгорелым сараем. За время моего дежурства передвижения противника не обнаружено.

Но, как ни четок был доклад, я заметил, что голос красноармейца грустен, а на лице написано уныние. Сопровождал меня комбат майор Е. С. Назаренко, и я попросил, чтобы он дал приказ подменить наблюдателя.

Мы прошли в землянку. Подсели к печке. От нее тянуло теплом, запахом смолы. Сняли шинели, и я увидел на груди красноармейца орден Красного Знамени.

Я достал пачку папирос «Казбек», предложил:

— Закуривайте!

Боец взял папиросу, но курить не стал.

— Ну, как живете? Не переводится ли табачок? Доставляют ли вовремя горячую пищу?

— Все нормально, товарищ полковник! Жить можно. Отдыхаем в тепле.

— А чего еще недостает?

— Все есть по-фронтовому. Да вот дома…

— А что дома?

— Жену посадили в тюрьму…

— За что?

— Взяла немного проса с колхозного тока. А у нас дети. Как они там? Можно же и иначе наказать!

Я обратился к адъютанту Анатолию Курбатову:

— Запишите фамилию и адрес. — А сам постарался успокоить бойца. — Не расстраивайтесь. Обещаю, тщательно разберемся.

Естественно, факт хищения государственного добра, к тому же в военное время, строго наказуем. Но во всем надо было еще разобраться. Посоветовались с Яковом Петровичем Островским и решили выйти с ходатайством в партийные органы.

На следующий день на КП вызвали прокурора дивизии майора юстиции Н. И. Макарова, которому поручили написать

ходатайство прокурору и секретарю райкома той области, где жила семья бойца. Письма были отправлены, а через некоторое время получили ответ — разобрались, жена фронтовика освобождена. А как был счастлив красноармеец, узнав об этом!

В последние дни противник провел ряд артиллерийских налетов по нашим позициям, но большей активности не проявлял.

Вот в эти короткие минуты затишья нас посещали фронтовые и армейские бригады артистов. Своим искусством они поднимали боевой дух и настроение бойцов и командиров. Одна из таких бригад, возглавляемая артистом эстрады Аркадием Михайловичем Громовым, в составе 12 человек приехала к нам. Они выступали в развернутом в тылу дивизионном клубе, рассчитанном на 150 человек.

Зрителями были воины, отличившиеся в боях, и раненые. Все выступления фронтовых артистов прошли с огромным успехом. Надолго в памяти воинов остались номера Аркадия Громова, Елизаветы Васильевой, Ольги Кофман, Галины Тина, Бориса Сабинова, Николая Голубцева, Владимира Мимича.

После их выступления Я. П. Островский предложил создать коллектив самодеятельности у нас в дивизии. Но для этого требовался опытный руководитель.

За помощью командировали начальника политотдела дивизии батальонного комиссара С. Е. Левина в Москву, в Главное политическое управление РККА. Вернулся он с несколькими студентами музыкального училища имени Глазунова. Из них особенно выделялась солистка Алла Валентиновна Белявская. Ее и назначили руководителем коллектива. Вскоре к нам приехал певец П. П. Твердохлебов из ансамбля А. В. Александрова. Благодаря ему авторитет наших самодеятельных артистов еще больше вырос. Очень полюбили бойцы Зою Лапину — девушку-подростка с отличным голосом, исполнительницу народных песен. Она очень удачно подражала манере пения Лидии Андреевны Руслановой. Ее любимые песни были: «Когда я на почте служил ямщиком», «Вот мчится тройка удалая», «Окрасился месяц багрянцем», «Валенки» и многие другие. Выезд самодеятельного ансамбля на передовую, в полк, был праздником для воинов…

Между тем задачи, поставленные командованием войскам Северо-Западного фронта, оставались прежними: прочно удерживать занимаемые позиции и активными боевыми действиями сковывать как можно больше сил и средств врага, не допуская переброски их па другие участки фронта, в частности на Волгу.

Под Сталинградом тем временем долгожданный день настал: 19–20 ноября войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов перешли в наступление и окружили 22 дивизии противника — 330 тысяч человек. Радости нашей не было конца!..

Тем временем Ставка ВГК готовила вторую Демянскую операцию войск Северо-Западного фронта с целью разгрома демянской группировки гитлеровцев.

В связи с этим была проведена перегруппировка — выведены несколько дивизий с передовой, в том числе 182-я и 254-я, и сосредоточены в лесу южнее Парфино. Выводились соединения ночью, скрытно от противника. Перед тем как начать марш, мы дали личному составу возможность отдохнуть, помыться в бане, починить обмундирование.

17 января части дивизии передислоцировались в район Семеновщины, где поступили в распоряжение командующего 34-й армией генерал-лейтенанта Антона Ивановича Лопатина. Я знал командарма еще по Юго-Западному фронту, где он командовал 6-м стрелковым корпусом. Вместе с ним пробивались из окружения под Киевом. Я в то время, как уже знает читатель, был начальником штаба 196-й стрелковой дивизии, которая входила в его корпус. Выйдя из окружения, А. И. Лопатин командовал 37-й армией, участвовавшей в Ростовской наступательной операции, командовал некоторое время 62-й армией под Сталинградом, а в октябре 1942 года принял 34-ю. Человеком он был спокойным и уверенным в себе, обладал хорошими организаторскими способностями. Я часто вспоминал, как четко и умело ставил он задачи даже в условиях, когда положение казалось безвыходным. А прощаясь со мной тогда, еще и добавил:

— Мы с вами еще встретимся, майор Шатилов…

В ходе перегруппировки нам предстояло пройти более 100 километров. Мел буран, налетал с полей, обрушиваясь на колонны. Ветер пронзительно визжал в деревьях, хлестал в лица бойцов, с большим трудом преодолевавших сугробы. Буксовали машины, обросшие инеем, лошади выбивались из сил. Ведь наш транспорт был перегружен боеприпасами. Оставлять ничего нельзя, все нужно для боя, для. наступления.

Особенно мне запомнился один из таких дней: 19 января, температура тогда упала до -20°. Ледяные вихри до боли остро ударяли по лицу, колюче залепляли глаза. Была полная ночь. В снежном круговороте неясными силуэтами проступали пятна орудий, грузовиков, повозок. Каждый шаг давался с большим трудом. Но если тяжело было красноармейцам, то командирам вдвойне. В подразделениях они шли рядом с бойцами, часто пропускали колонны, а потом обгоняли их.

Тяжело приходилось политработникам. Находясь среди бойцов, они подбадривали усталых, следили, чтобы не было обмороженных, чтобы на привалах все отдохнули и получили горячую пищу. На привалах они старались раздать личному составу свежие газеты, зачитывали листовки-молнии, посвященные отличившимся, сами показывали пример выдержки и дисциплинированности. На марше ответственный редактор дивизионки С. И. Холстинин выпустил газету «В бой! За Родину!». Как ни были измотаны бойцы, они интересовались положением дел под Сталинградом, где советские войска приступили к уничтожению окруженной группировки врага, спрашивали, как идет освобождение Донской земли. Успехи Красной Армии радовали бойцов, поднимали настроение, помогали легче преодолевать трудности.

Первые четыре десятка километров преодолели по широкой дороге, а когда вышли на проселочную, то стало еще труднее.

Самые настоящие сибирские метели и морозы забрели в наши исконно русские края. На посты теперь выставляли часовых в овечьих тулупах. В один из этих дней к штабной колонне подъехала легковая машина, из нее выскочил молодцеватый полковник в кожаном пальто и подошел к Я. П. Островскому.

— Кто командир дивизии?

Островский кивнул на меня.

— Вас приглашает командующий фронтом! — отчеканил полковник.

То, что к себе вызывал командующий фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, меня озадачило. Дивизия была на марше, требовалось постоянно принимать решения, но приказ есть приказ. В назначенное время я прибыл в штаб.

Порученец сказал:

— Раздевайтесь, а я сейчас доложу маршалу.

Оставшись один, я вспомнил невольно годы перед войной.

После войны с Финляндией вышел приказ за подписью Наркома обороны маршала Тимошенко. Это был приказ об укреплении воинской дисциплины и порядка в Красной Армии. Все командиры встретили его с одобрением. Он стал нам хорошей опорой при работе по усилению дисциплины в подразделениях и частях.

От многих товарищей я слышал, что маршал Тимошенко был сильный, волевой человек, требовательный и суровый, умеющий приказать и добиться безоговорочного выполнения приказа. За короткий срок он сумел сделать многое в перестройке системы боевой подготовки, в переоснащении армии новейшими видами вооружения.

Вышел порученец полковник:

— Заходите!

Я открыл дверь, спустился по ступенькам, вошел в блиндаж. За письменным столом сидел маршал. Сразу бросилась в глаза его гладко выбритая голова, сдвинутые брови, пасмурный взгляд.

— Садитесь! — спокойно предложил Тимошенко, протянув открытую пачку папирос «Казбек». — Курите! — Лицо маршала было сосредоточенно-сумрачным.

— Я не курю, товарищ маршал. Тимошенко устало посмотрел на меня:

— Вы не выполнили приказа…

— Так точно! — В горле у меня сразу пересохло.

Теперь я понял, зачем меня вызвали к командующему: от дивизии потребовали для формирования механизированного полка 48 автомашин, но я их не отправил.

— Почему? — Голос маршала был строг.

— Товарищ маршал! В дивизии сэкономлено около трех боекомплектов. Мне не хватает машин перебросить их на новую позицию. Как только боеприпасы вывезем, машины немедленно будут отправлены, — на одном дыхании выпалил я.

Тимошенко внимательно выслушал, подумал и вдруг очень просто сказал:

— С колокольни комдива — ты прав. — Он встал, подошел к разложенной на столе карте: — Тем более что готовится наступление.

У меня отлегло от души. Даже захотелось взять душистую папироску и блаженно затянуться, тем более что в то время я довольно часто курил, а здесь отказался от этого потому, что было неловко дымить перед маршалом.

— Вот что, Шатилов. Машины пока не отправляйте, до особого распоряжения, приказал маршал Тимошенко.

В это время вошел порученец командующего и доложил о прибытии полковника Батицкого, командира 254-й стрелковой дивизии, сформированной в ноябре 1941 года из металлургов, оружейников и рабочих других специальностей города Тулы.

Как только вошел Батицкий, меня сразу поразило его поведение. Он не отказался от папиросы, предложенной ему маршалом Тимошенко, взял ее из коробки, тут же задымил. Очень свободно и просто отвечал на заданные ему командующим вопросы.

— А вот комдив 182-й Шатилов, — представил меня маршал Тимошенко.

— А мы с ним друзья, — весело доложил Батицкий. — Для меня он просто Вася, а я для него — Паша. Верно? — Павел

Федорович улыбаясь взглянул на меня.

Я в ответ кивнул.

— Это очень хорошо, — сказал маршал и пригласил нас к оперативной карте.

Очень детально и четко нам была поставлена боевая задача. От командующего фронтом мы уехали с отличным настроением.

Заканчивая марш, части дивизии втягивались в лес. Тихо, только ветер шумит в кронах деревьев.

Сразу же приступили к постройке шалашей. Бойцы расчищали снег до самой земли, стелили лапник, мастерили железные печки. К вечеру все было готово для фронтового житья-бытья. Загремели котелки, запахло горячим супом и кашей, стало сразу как-то теплее и веселее, куда-то пропала усталость.

На следующий день после того, как дивизия начала обживать район сосредоточения, я верхом на коне отправился па командный пункт 34-й армии с докладом генерал-лейтенанту Лопатину о прибытии дивизии в место дислокации.

Над заснеженными деревьями поднималось в малиновом ореоле холодное, январское солнце. Деревья стояли неподвижно — тяжелые, в густом инее. Сверкая в воздухе, летела изморозь. Ехали молча по сугробистой дороге. Вот и штаб армии. Командующий работал в большом деревянном доме.

Стряхнув на крыльце снег, вошел в просторную комнату. Встретил меня адъютант, подтянутый, высокий старший лейтенант, вежливо предложил:

— Раздевайтесь, товарищ полковник, заходите. — И он открыл передо мной дверь.

Я увидел Антона Ивановича, сидящего за столом, обрадовался так, как будто встретил любимого старшего брата. Генерал стремительно встал и пошел мне навстречу. Видимо, и он был тоже рад встрече.

— Вот и свиделись, Василий Митрофанович! Как я и думал, — сказал он, крепко обнимая меня.

— Много мы с вами пережили, поволновались, а? — спрашивал улыбаясь Лопатин.

Действительно, долго нам пришлось отходить по земле Украины, пробиваться через заслоны врага. Тяжело было, очень тяжело, но нас не покидала уверенность, что наступит день, мы отомстим за все. И этот день приближался.

— Ну что ж! Сталинградцы добивают фашистскую группировку, а мы с вами должны разгромить демянскую группировку врага, — сказал Лопатин.

Я слушал генерала, смотрел на него и удивлялся тому, что почти не изменился Антон Иванович за эти месяцы, а ведь они

так много вместили в себя трудностей и горя.

— Наша армия готовится к наступлению. Перед тем как ударить по врагу, надо его хорошо узнать. Для этого необходимо достать «языка», провести успешный поиск.

— Постараемся.

Антон Иванович поставил мне предварительную задачу и тепло простился.

И вот мы снова в селе Семеновщина. Командный пункт дивизии расположился в нескольких уцелевших домах. Сняв полушубок и согревшись, я приказал капитану Курбатову пригласить к себе начальника штаба полковника Тарасова, заместителя по политчасти полковника Островского, командующего артиллерией полковника Добылева и начальника разведки майора Зорько. Заместитель полковник Неминущий уже сидел на КП. Когда все собрались, я рассказал о своей встрече с командующим, о поставленной им задаче взять «языка». После короткого совещания майор Зорько ушел в разведроту и стал готовить людей из отделения сержанта Михалева.

Полковник Неминущий доложил, что командир 201-го саперного батальона капитан Гончаров приступил к оборудованию передового наблюдательного пункта на небольшой высоте в районе Белые Боры. Блиндажи строили в виде колодца со ступеньками вниз. Замаскировали так, что если со стороны противника смотреть, то не отличишь от снежного бугра.

Командиры полков докладывали о том, что в обороне противника на нашем участке ничего не изменилось. Не замечено никакого движения, режим огня прежний, строительство дополнительных сооружений не ведется.

Через три дня я вместе с Яковом Петровичем Островским на санках приехал на передовой НП. Мороз, метель снова принялись за свое. На НП собрались Добылев, Зорько, командир разведывательной роты капитан Дираженко со своей разведгруппой. Было еще светло. Я смотрел через стереотрубу на передний край противника. С большим трудом просматривалось проволочное заграждение, дзоты еле-еле различимы на фоне снега. Редкий ружейно-пулеметный огонь с обеих сторон, да иногда шелест над головой снарядов дальнобойных орудий гитлеровцев. По-видимому, они не хотят раскрывать местоположение огневых позиций своей среднекалиберной артиллерии.

Зорько в последний раз уточнил задачу разведчикам.

— На кургане два дзота, — говорил он, показывая на каждому на местности через стереотрубу. — Группа прикрытия, не доходя до дзотов, должна залечь в кустарнике, не обнаруживая

себя, а захватывающая и обеспечивающая продолжают движение прямо на первый дзот. Не доходя 20–30 метров, обеспечивающая группа остается на мосте. Захватывающая вместе с саперами продолжают ползти к дзоту. А как вплотную приблизитесь к нему, действуйте по обстановке.

Разведчики слушали с вниманием. Каждый из них понимал, какие большие надежды возлагаются на этот поиск.

Я очень волновался, так как знал по докладам с передовой о том, что за последнее время противник насторожился, внимательно ведет наблюдение.

Разведчики вышли из блиндажа и растворились в густой, пронизанной крупными хлопьями снега темноте.

К этому времени саперы успели проделать проходы в проволочных заграждениях и минных полях. Время от времени гитлеровцы освещали ракетами передний край. Как только ракета поднималась вверх, разведчики ложились и сливались с поверхностью слега.

Часа через два наблюдатель доложил, что разведчики возвращаются. Навстречу им вышел майор Зорько. И в это время противник открыл ураганный огонь из всех видов оружия, но было уже поздно. Разведчики спрыгнули в траншею, опасность миновала. Задание удалось выполнить без потерь.

После выполнения задания сержант Михалев рассказывал:

— Мы благополучно прошли нейтралку, бесшумно подползли к немецкой траншее. Спрыгнули в нее — вокруг никого. Осмотрелись внимательно — рядом блиндаж, сквозь снег видна светящаяся лампочка, из трубы искры летят. Приказал приготовиться, но тут из блиндажа вышел немец по естественной надобности и вскоре скрылся. Захватывающая группа ворвалась в блиндаж. Немцы увидели нас, разинули рты и ничего не могут понять. Я командую: «Бросить оружие! Идти за нами…»

Пленные гитлеровцы замерзли и были ошеломлены. Прежде чем приступить к допросу старшего из них — обер-лейтенанта, майор Зорько предложил всем по 100 граммов водки и большую банку с тушенкой. Обер-лейтенант посмотрел на своих жующих подчиненных, а затем выпил сам, закусил тушенкой и сказал:

— Вот и согрелся.

Лейтенант Бейлин приступил к допросу. Мне впервые пришлось слушать немецкого офицера, который давал показания без наводящих вопросов. Он охотно рассказал о расположении и устройстве оборонительных сооружений, о построении системы огня и перечислил части, занимающие оборону на нашем направлении. В конце допроса сказал:

— Ходят слухи, что демянская группировка собирается на

днях уходить.

Я поинтересовался:

— Ваше командование боится Сталинградского котла? Офицер нахмурился и кивнул.

Допросив пленного, я по телефону доложил генералу Лопатину:

— Ваш приказ выполнили! «Язык» взят!

Командарм попросил поблагодарить разведчиков и приказал представить их всех к государственным наградам.

Мы не смогли вернуться ночью на командный пункт — бушевала метель, замело дороги. Выехали только с рассветом. Я впереди на своем рысаке, за мной Островский, Добылев — тоже на конях. Разведчики на санях за нами. Укутались в тулупы. Ветер пронзительно визжал в ветвях деревьев, хлестал в лицо, свистел свои дикие песни. Лошади так и просились на полную рысь. Мой конь был проворен и легок на скаку. Без понуканий шел в гору по глубокому снегу. Этот конь темно-гнедой масти был передан Красной Армии еще в сорок первом году работниками конного завода Псковской области.

Вскоре въехали в лес. Стало тише. Лошади пошли шагом. Заснеженный лес уходил назад вместе с узкой сугробной дорогой, затем проселок сошелся с большаком, а здесь уже трудились фронтовые дорожные батальоны, двигались колонны машин. Северо-Западный фронт готовился к ликвидации демянской группировки.

«Да, а что, если действительно демянская группировка собирается уходить, если верны слова гитлеровского офицера? Тогда что же будет? — думал я. — Не лучше ли, пока не поздно, ударить в одном направлении и перерезать рамушевский коридор, а потом разгромить окруженных фашистов по частям?» Но этими соображениями я тогда ни с кем не делился, уж больно было много высказано различных мыслей и предложений, а решал все командующий фронтом.

Показались крыши домов села Семеновщина. Утро после внезапно прекратившейся метели было ослепительно солнечным, морозным. Но дымы не поднимались из труб вертикально в сияющее ледяное небо, а стлались, синие тени их ползли по белизне крыш, по свежим сугробам. В чистом морозном воздухе разносился звонкий топот копыт.

Островский, спрыгнув с коня, сказал:

— Вот и доехали.

— За разговором незаметно, — пошутил я.

Ведь за всю дорогу никто ни единого слова не вымолвил. Каждый был занят своими мыслями.

К этому времени штаб армии отработал все необходимые документы, в том числе и боевой приказ, на проведение наступления для ликвидации демянской группировки. Все необходимые распоряжения были доведены до командиров соединений, а те в свою очередь довели их до командиров частей. Подготовка к операции была в полном разгаре, строились новые НП, оборудовались огневые позиции, прокладывались колонные пути, улучшались исходные рубежи для атаки, тщательно изучали местность и противника.

На следующий день после разведывательного поиска приехал к нам на КП генерал-лейтенант Лопатин. На плечах у командарма погоны. Я увидел их в первый раз. Мы уже знали о том, что Президиум Верховного Совета СССР 6 января 1943 года принял Указ «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии». Этими новыми знаками различия были погоны. Как-то странно, думалось мне, прикреплять их к гимнастерке, кителю и шинели. С детства в плоть и кровь въелось ругательное слово «золотопогонник», которым называли не только белогвардейских офицеров, но и всех, кто имел отношение к старому режиму. Да и петлицы я считал более удобными.

Антон Иванович привез и мне две пары погон с двумя просветами и тремя звездочками. Вручил торжественно, а мне было как-то неловко, неудобно. Вскоре погонами обеспечили всех офицеров, сержантов и красноармейцев. Вот тогда-то я и почувствовал, что и погоны другие, и введены они не случайно. Когда мимо проходил старший по званию, то невольно рука младшего по званию вскидывалась, поднимались к головному убору, отдавая честь. Повысилась дисциплина и исполнительность.

Генерал Лопатин согласился позавтракать у нас. Вспомнили 1941 год.

— Как вам удалось выйти из окружения? Я подробно об этом рассказал.

— Я имел информацию, что вы вышли из кольца, и предупредил на передовой, что со дня на день должна пробиться 198-я стрелковая дивизия. — Лопатин улыбнулся.

Так вот почему нас ждали и так все предусмотрели на переправе через реку Псел!

Генерал отметил наши умелые действия при прорыве фашистского кольца в поселке Оржица. Много интересного он рассказал про Харьковскую и Сталинградскую операции.

— А теперь будем вместе бить и гнать врага, — закончил командующий, но ни слова не произнес о планах ликвидации демянской группировки.

Уже много позднее я узнал, что противник, понимая бесперспективность дальнейшей борьбы за удержание демянского плацдарма и опасаясь оказаться в таком же котле, как под Сталинградом, вынужден был начать 17 февраля поспешный вывод 16-й армии из демянского мешка через рамушевский коридор, оборона которого была значительно усилена. План же командующего Северо-Западным фронтом маршала С. К. Тимошенко предусматривал сходящимися ударами 27-й и 1-й ударной армий перерезать рамушевский коридор, а затем во взаимодействии с 11-й, 34-й, 53-й армиями уничтожить окруженные фашистские войска. Сосредоточенная к 16 января южнее Залучья группа войск под командованием генерал-полковника М. С. Хозина должна была войти в прорыв в полосе 1-й ударной армии с целью развития наступления на Сольцы и далее на Лугу.

Утром 9 февраля 182-я дивизия получила приказ сосредоточиться в лесу, южнее поселка Парфино, и поступить в распоряжение командующего 27-й армией.

На главном направлении

Снова шел обильный пушистый снег, которым бы впору только любоваться, но сейчас он был так некстати. Дороги снова завалило, движение колонн нашей дивизии замедлилось.

Я ехал па лошади, которая местами утопала по самое брюхо в сугробах. Время от времени останавливался, ординарец красноармеец Широков брал поводья, а я шел рядом с бойцами, беседовал. По всему чувствовалось, настроение у всех бодрое. Это радовало.

Все понимали, что готовилось большое наступление. Войска сосредоточивались под Старой Руссой. Передислоцировалась туда и наша 182-я стрелковая дивизия. Выступив из района Семеновщины, части шли днем и ночью, лишь изредка делая небольшие привалы. Идти было нелегко, вместо снегопада поднялась пурга, дорогу замело еще сильнее.

На марше нам стало известно, что в 27-й армии произошла смена командующего. Вместо генерала Ф. П. Озерова назначили генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко. Никто в дивизии его не знал. Не стану скрывать, что я не понимал: почему надо делать замену перед большим наступлением? Конечно, мы привыкли к Озерову, он был строгий, требовательный командарм, но справедливый, в обиду никого не давал. Но не в этом дело. Озеров знал оборону противника до полка, а на некоторых участках и до батальона, поэтому ему легче организовать наступление. Такие мысли лезли мне тогда в голову.

До места сосредоточения осталось километров 40. В это время меня и командующего артиллерией дивизии полковника Добылева по рации вызвали в штаб армии.

Вот и блиндаж командующего. Здесь уже собрались командиры дивизий. Через несколько минут к нам вышел генерал Трофименко, крепко пожал всем руки.

На заседании Военного совета армии план операции доложил начальник штаба генерал Лукьянченко. В заключение выступил командующий и уточнил задачи дивизиям. Выступление Трофименко показалось мне в военном отношении очень толковым. Из него я понял, что наша 182-я дивизия будет наступать на главном направлении.

Затем мы заслушали устный боевой приказ. Отпуская нас, командующий дал указание всем участникам совещания быть на НП в девять часов утра для уточнения задачи на местности.

Совещание у командующего закончилось далеко за полночь. Мы попрощались со знакомыми командирами и поехали на

окраину поселка Шпалозавод, где должны были ожидать нас радисты и помощник начальника оперативного отделения капитан Рождественский.

На улице по-прежнему шел снег, дороги в сугробах. Ехали с большим трудом, и попала наша машина не то в воронку, не то в канаву. Передняя ось сломалась, а не доехали всего метров 300–400 до домика, где нас ждали. Я оставил адъютанта и шофера и с Добылевым пошел пешком по заснеженной улице. Ничего не видно. Шли наугад. Наконец видим домишко. Зашли. Темно. Добылев спрашивает:

— Кто-нибудь есть?

Поднимается человек.

Мы к нему:

— Кто вы? Откуда и что тут делаете?

Он докладывает:

— Я автоматчик. Встречаю машины и направляю в автобат, а сюда зашел переночевать до утра.

На наш вопрос, где находится нужный нам дом, он ответить не смог, сам ничего не знал.

Пошли дальше по заснеженной улице. Миновали еще несколько полуразрушенных домиков. Запахло дымом. Впереди слева из трубы деревянного здания поднимается дымок. Свернули туда, проваливаясь по пояс в снег, добрались до дома. Зашли. Чуть-чуть мерцает огонек. Бойцы и офицеры расположились на ночлег. На топчанах раскинули полушубки и спят, кроме дневального и дежурного офицера-радиста. Мы подсели к печке погреться, и я приказал радисту:

— Вызовите начальника штаба дивизии. Через несколько минут полковник С. П. Тарасов был у рации. Коротко рассказываю ему о совещании и говорю:

— Пришли верховых лошадей и как можно скорее. Мне завтра к девяти часам утра нужно быть на НП командующего.

— Вряд ли они успеют, — отвечает Тарасенко. — Ведь почти сорок километров, да и дорога завалена снегом. Но приму все меры.

— Пошли с бойцами опытного офицера, чтобы не сбились с дороги.

— Будет выполнено.

Да я и сам разделял в ту минуту мнение Тарасова. Лошадей физически почти невозможно пригнать в штаб армии. Но что сделаешь? Решил прикорнуть немного. Прилег на топчан, укрылся полушубком. Однако уснуть не мог, мысли одна другой тревожнее лезли в голову.

Думал о том, как подготовить дивизию к большому

наступлению. Ведь ей отведена особая роль в армии — наносить удар на главном направлении. Под утро забылся тревожным сном, но, едва забрезжил рассвет, вскочил:

— Пришли лошади?

— Нет, — докладывает Анатолий Курбатов. — Но вот-вот подойдут, — хочет он меня успокоить.

За завтраком разговорился с радистами, с Рождественским. Капитан, как я не раз убеждался, смел до дерзости, очень остроумен, всегда весел. Отлично разбирается в тактической обстановке во время боя.

Позавтракав, вышел на крыльцо, следом за мной — Курбатов. Мороз, да еще с ветром, обжигает лицо. Синее утро, синие снега. Кругом сугробы.

— Вот и лошади! — радостно воскликнул Курбатов. Я посмотрел на часы: стрелка подходила к девяти.

— Уже поздно!

Но ехать на НП все равно было надо.

И мы вскочили в седла и поскакали вдоль улицы мимо мохнатых от инея заборов. Снег хрустел под копытами так, что казалось, слышно было за целый квартал. Выехали из поселка в поле. На заснеженной проселочной дороге лошади начали вязнуть, здесь мы увидели свежие санные следы. Я предположил, что это проехал командующий со своей оперативной группой. Не доезжая до НП, на опушке леса повстречался с генералом Трофименко. Он уже провел рекогносцировку и возвращался в поселок. Я соскочил с коня и доложил о причине опоздания, но он, не дослушав меня, повернулся и крупными шагами пошел к саням.

Расстроенные, добрались мы до наблюдательного пункта командующего. Там находился начальник оперативного отдела и начальники служб армии, которые познакомили меня се всеми необходимыми документами.

Уточнив задачу, мы сразу же отправились на свой бывший наблюдательный пункт — здесь когда-то дивизия держала оборону. Местность вокруг была отлично знакома. Забрались на НП. Все они строились тогда одинаково — от батальонного до армейского.

Выбирали несколько сосен, стоящих рядом, соединяли их жердями, на них настилали бревна. Получалась площадка, которую с трех сторон ограждали броневыми листами, снятыми с подбитых танков или бронемашин противника. НП тщательно маскировался, связисты устанавливали стереотрубу, телефон, а иногда и радиостанцию. На НП дежурили сутками офицеры, а по мере необходимости, например, во время атаки и боя в глубине

обороны противника, туда поднимался и командир дивизии.

Там, где находился наш бывший НП, лес был высоким и густым, наблюдать оттуда за противником было более удобно и безопасно, чем с наземных НП, которые обычно подвергались сильному артиллерийско-минометному обстрелу.

По данным штаба армии, у противника особых изменений не произошло. По-прежнему нам противостоял 30-й пехотный полк 18-й моторизованной дивизии.

Наблюдаю в стереотрубу. Перед передним краем вражеской обороны видны проволочные заграждения в два-три ряда кольев и дерево-земляной забор, засыпанный снегом и облитый водой. По сведениям инженерной разведки, перед заграждениями и под проволокой установлены минные поля. Передний край обороны врага прикрывается тщательно организованным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем.

Подступы к переднему краю и сам передний край противника ночью освещались ракетами и прожекторами.

Изучение глубины вражеской обороны показало, что в 100–200 метрах за передовой у противника имелась линия блиндажей, дзотов, дотов, связанных ходами сообщения, стены которых обшиты досками. Далее, на удалении 300–400 метров, были оборудованы ротные опорные пункты, состоящие из окопов, дзотов, блиндажей. Особенно мощная система обороны проходила по возвышенности вдоль дороги Рамушево — Старая Русса. Противник около двух лет создавал неприступные узлы сопротивления. В полосе наступления дивизии такие узлы сопротивления деревни Чириково, Деревково и село Пенна. По данным разведки, в Пенне немецкий гарнизон состоял из батальона пехоты, одного артиллерийского дивизиона, трех минометных батарей.

С НП я приехал на командный пункт дивизии. Оп расположился в наших старых блиндажах. Здесь меня уже ожидал начальник штаба дивизии полковник Тарасов. Мы сели за длинный стол, сколоченный из сырых, еще пахнущих смолой досок. Блиндаж саперы сделали на совесть. Наверху три-четыре наката, плотно засыпанные землей, можно пробить только при прямом попадании снаряда. Стены обложены досками. Блиндаж состоял из двух помещений: в одном жили адъютант старший лейтенант Курбатов и ординарец красноармеец Горошков, а в другом жил я. Первое помещение было и столовой, и залом для совещаний.

Полковник Тарасов доложил:

— Все части вышли в район сосредоточения и восстанавливают старые землянки для жилья.

Я распорядился вызвать командиров своих и приданных частей к 21 часу для отдачи предварительного боевого приказа. Когда в блиндаже собрались офицеры и развернули свои рабочие карты, я ввел их в обстановку.

182-я дивизия прорывает сильно укрепленную оборону противника на участке Чириково, Пенна и выходит на западный берег реки Парусья, а в дальнейшем наступает к реке Полисть. Боевой порядок дивизии в один эшелон.

В полосе наступления придется прорывать сильно укрепленную оборону гитлеровцев. И хотя нам известно, где построены доты, дзоты, блиндажи, где проходят траншеи, необходимо перед наступлением уточнить данные об обороне противника.

Нужно было провести поиск, чтобы захватить пленного… Решено было, что группу разведчиков возглавит политрук разведроты старший лейтенант Иван Михайлович Виноградов.

Виноградов не однажды ходил в разведку. Совсем недавно за захват «языка», давшего ценные показаний, был награжден орденом Красной Звезды.

Пять дней готовились разведчики к выполнению боевой задачи. Начальник разведки майор Зорько разработал план, предусмотрев в нем несколько вариантов действия разведчиков и двух стрелковых рот, на которые возлагалась задача оказать помощь разведчикам. Артиллеристы полковника Добылева должны были прикрыть группу огнем.

Действовать решили в одиннадцать часов вечера, когда у фашистов меняют караулы и разносят кофе. Большими хлопьями падал липкий снег. Кругом тяжелая сырая темнота. Первыми из траншеи выползли саперы. За ними — цепочкой разведчики. Пока саперы делали проход в минных полях и проволочном заграждении, Виноградов, находясь впереди с саперами, определил, откуда фашисты пускают ракеты.

В 23.00 проход был сделан, и разведчики скрылись в ночной темноте.

В намокших маскхалатах медленно ползли они к намеченному дзоту. Останавливались, замирали, сливаясь с землей, когда в небо взвивалась ракета.

Вот и дзот. Внутри громко смеялись, кто-то пиликал па губной гармошке…

Одновременно вся группа порвалась в дзот. Захватили пленного, забрали нужные документы. Гитлеровцы настолько были ошеломлены, что ни один из них не выстрелил. И только при отходе разведчиков из соседнего дзота застрочил пулемет. Поднялась беспорядочная стрельба.

Артиллеристы полковника Добылева прикрыли разведчиков огнем. Противник в свою очередь открыл бешеный огонь.

Были тяжело ранены рядовые Барабаш и Николаев, но от своей группы они не отстали.

Врач-хирург потом удивлялся:

— Не понимаю: как они могли ползти? Им даже шевелиться было нельзя!

Поставленная задача была выполнена…

На четвертый день командующий армией вызвал командиров дивизий и командующих артиллерией дивизий, чтобы заслушать их решения и согласовать взаимодействие. Должен сказать, что в ходе подготовки к наступлению командующий, генералы и офицеры штаба армии побывали на передовой в дивизиях. Трофименко хорошо знал положение дел. В нашей дивизии побывал начальник штаба армии генерал Григорий Сергеевич Лукьянченко.

На совещании первым докладывал командир 171-й стрелковой дивизии В. И. Зобин. Во время доклада командующий задавал вопросы и вносил в решение поправки, так как он лично побывал в этом соединении. В конечном счете решение командира дивизии он не утвердил и приказал его подработать.

Вторым докладывал я. Генерал Трофименко вопросы не задавал. Видимо, он был хорошо проинформирован начальником штаба армии.

— Утверждаю, — только и сказал командарм.

Один за другим командиры дивизий докладывали свои решения на наступление. Затем выступил командующий. Сделал ряд замечаний по планам и решениям, уточнил задачи.

Совещание окончилось в полночь. После этого командующий пригласил нас на ужин.

В столовой Военного совета уже были накрыты столы. Когда собрались все, командующий зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении воинов, отличившихся в прошедших боях. Среди тех, кто был награжден орденом Красной Звезды, была и моя фамилия. Это был мой первый орден.

На другой день рано утром на КП дивизии собрались командиры частей и начальники служб. Я кратко изложил дополнительные указания командующего. Долго офицеров задерживать не стал. У них было много дел, да и побольше времени хотелось выкроить для работы командиров батальонов и рот. Тем более времени начала наступления я пока не знал.

Когда командиры разошлись и в блиндаже я остался один, сразу же сел за рабочую карту, еще и еще раз, взвешивая, все ли нами учтено.

Тревожные мысли не оставляли меня: готовы ли части к большому наступлению, к изнурительным боям в лесах, болотах, хватит ли офицерам умения действовать в такой ситуации? Дивизия долгое время находилась в обороне, для многих это было первое наступление. В то же время нельзя недооценивать своих командиров.

Вот подполковник Михаил Иванович Кротов, командир 140-го стрелкового полка, человек спокойный и уверенный в себе. Он кадровый военный, полком командует давно, хорошо проявил себя в обороне. Комбаты у него испытанные. В первый эшелон, думается, поставит Кротов батальоны умных и храбрых капитанов Анатолия Андреевича Казакова и Василия Иосифовича Лейпунова.

Командир 171-го стрелкового полка — подполковник Иван Иванович Нейман. Командует полком больше года. Бесстрашен, инициативен. В полку его любят, восхищаются личной отвагой. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Подчиненные готовы идти за ним в огонь и в воду. Все три его комбата — люди сильные, проверенные в боях. Наиболее опытный из них — майор Микеров.

Командир 232-го полка подполковник Иван Григорьевич Мадонов, настоящий мастер общевойскового боя. Опытный, смелый и решительный. На батальонах у него тоже крепкие командиры…

Мои раздумья прервал начальник штаба дивизии подполковник С. П. Тарасов.

— Получено указание, — доложил он. — Двадцать третьего февраля в десять часов утра атака.

— Ясно.

Отдав все необходимые распоряжения по наступлению, отправился на наблюдательный пункт.

На НП находилась вся наша оперативная группа: заместитель по политчасти полковник Островский, начальник оперативного отделения майор Пташенко, начальник разведки майор Зорько и командующий артиллерией полковник Добылев.

Ночь стояла темная. Режим огня ничем не нарушался. Лишь время от времени, как обычно, со стороны противника раздавался орудийный выстрел. Ему вторил выстрел с нашей стороны, да изредка прорезывали воздух трассирующие пули после коротких пулеметных очередей.

Интересно, думал я, знают ли фашисты о том, что мы приготовили для них на утро. Не пронюхала ли что-нибудь их разведка?

В 8.20 в серое, еще не успевшее поголубеть небо разом

взметнулись зеленые ракеты. Ну, а дальше все кругом загрохотало, загремело, засвистело на разные голоса. Первые десять минут все артиллерийские калибры участвуют в массированном огневом налете по всей тактической глубине обороны противника. Затем дивизионные, полковые, батальонные пушки и минометы ударили по назначенным целям — дзотам и пулеметным гнездам, по первой траншее, захватывая и вторую.

За несколько минут до окончания артподготовки стрелки и пулеметчики дружно двинулись вперед, ломая упорное сопротивление фашистов.

Дивизия прорвала передний край обороны противника, перерезала дорогу Старая Русса — Пенна.

Отлично действовали подразделения 140-го полка во взаимодействии с 32-м танковым полком. Батальоны под командованием капитанов Анатолия Андреевича Казакова в Василия Иосифовича Лейпунова, очистив от гитлеровцев первую в вторую траншею, ворвались в село Пенну.

Командир 32-го танкового полка подполковник Скиданов на своей боевой машине раздавил три пушки, два миномета, пять пулеметов и уничтожил до 30 гитлеровцев. Примеру командира последовали подчиненные. Танковый экипаж лейтенанта Дорофеева уничтожил три пушки, разрушил три блиндажа. Большие потери врагу причинили танкисты 1-й роты старшего лейтенанта Вейшара и взвода младшего лейтенанта Усатого.

Отважные танкисты помогли подразделениям 140-го стрелкового полка отразить контратаку врага и во многом способствовали успеху наступления в глубине обороны противника.

Вскоре к нам на НП стали поступать первые донесения о мужество и отваге наших воинов.

Взвод под командованием знаменитого снайпера старшины Алексея Пупкова ворвался в траншею, свернул в ход сообщения и вскоре оказался у вражеского блиндажа. Рванув дверь, старшина с пистолетом в руке влетел в блиндаж. Прямо перед ним стоял гитлеровский офицер. Увидев внезапно появившегося Пупкова, гитлеровец схватился за пистолет, но Алексей опередил его. Взвод под командованием Пупкова разгромил штаб вражеского батальона в Пенне, уничтожил 26 фашистов и трех взял в плен.

Надолго сохранится в памяти подвиг командира.

Противотанковая батарея старшего лейтенанта Коровко, наступая вместе с пехотой, огнем своих орудий поддерживала батальон Казакова. Вместе со стрелками артиллеристы ворвались в Пенну. Здесь получили ранения командир батареи Коровко и командиры орудий Сафин, Шумов, Облимов. Коровко сказал

после перевязки: «Я остаюсь в строю, в медсанбат не пойду, буду драться с гитлеровцами до последнего дыхания».

Его примеру последовали и раненые командиры орудий. В этом бою батарея уничтожила восемь пулеметных точек и два миномета. Старший лейтенант Коровко, несмотря на серьезное ранение, еще сутки командовал батареей.

Автоматчик Абрафитов, уничтожив гитлеровцев, захватил пулемет, но был ранен. Установив пулемет в кустах, он в течение часа сдерживал натиск фашистов, пытавшихся перерезать дорогу Старая Русса — Пенна, пока на помощь не подоспела разведывательная рота под командованием капитана Митешова.

Командир 2-й стрелковой роты лейтенант Иванов повел своих бойцов в атаку. Быстро преодолели двухметровый забор и неожиданно попали под сильный минометный огонь. Иванов действовал быстро и решительно. Он изменил направление атаки и по немецким траншеям вывел роту из-под губительного минометного огня. У опушки леса, противник встретил подразделение сильным пулеметным огнем, люди залегли. Иванов выдвинул на правый фланг станковый и ручной пулеметы и взвод минометчиков, которые одновременно открыли огонь по огневым точкам противника, вынудив их замолчать. Бойцы стремительно атаковали опорный пункт противника. В то же время второй взвод 6-й стрелковой роты лейтенанта Загирова подобрался лесом к блиндажам с тыла, забросал их гранатами и ворвался в дзот. Фашисты, растерявшись, подняли руки вверх. Так был очищен опорный пункт врага. В ходе боя получили серьезные ранения красноармейцы Абрамов и Коновалов, но они не покинули свой миномет.

Как же складывалась обстановка в полосе наступления 232-го стрелкового полка. Его подразделения также прорвали передний край и захватили первую и вторую траншеи противника. Второй батальон полка под командованием капитана Чабоненко удачно атаковал противника во фланг, а в это время с фронта нажимал 140-й полк. Общими усилиями с двух сторон они сломили упорное сопротивление фашистов и завязали бой в Пение. Два других батальона 232-го полка пробились на дорогу Старая Русса — Пенна, однако были остановлены сильным огнем со стороны опорного пункта деревни Деревково. После короткого артиллерийско-минометного налета на Деревково батальон майора Бурмистрова ворвался в деревню и начал переправляться через реку Парусья, все больше вклиниваясь в оборону врага. В этом бою была пленена минометная батарея из 30-го пехотного полка.

Многие воины полка проявили в те дни мужество и отвагу.

Комбат Чабоненко лично поднял батальон в атаку и наступал в цепи.

Командир 2-го взвода 3-й стрелковой роты Евгения Душкин был тяжело ранен осколком, но продолжал командовать взводом. Когда противник перешел в контратаку, Душкин, истекая кровью, скомандовал: «Гранатами огонь!» — и упал без сознания. Его место занял командир отделения сержант Анатолий Даянов. Контратака была отбита. Бойцы пошли вперед. Скрываясь за деревьями, незаметно для противника, взвод пробрался к блиндажам, находящимся на окраине Деревково. В блиндажах разгорелась рукопашная схватка. Чтобы не подпустить к фашистам подкрепления, Даянов выставил пулеметы. Было убито 22 фашиста и шесть взято в плен. Гитлеровская пуля ранила Даянова в руку, но он не покинул поля боя. Удачно вели огонь по огневым точкам врага из противотанковых ружей красноармейцы Лукашин и Батурин из отделения сержанта Синельникова. Они били по амбразурам дзотов и бронецелям, способствуя успеху наступления роты.

В это же время 171-й стрелковый полк прорвал оборону врага и вышел на дорогу Чириково — Старая Русса. Вторая рота старшего лейтенанта Баркалова, хорошо взаимодействуя с пулеметной ротой лейтенанта Сергеева и батареей противотанковых орудий старшего лейтенанта Горлокова, ворвалась на окраину Чирикова, уничтожив до 70 фашистов, захватив два миномета и четыре пулемета. Настойчивые контратаки врага были успешно отбиты, не помогли ему и подошедшие танки. Два из них были подбиты из противотанковых ружей.

В ночь на 25 февраля 171-й стрелковый полк был выведен во второй эшелон дивизии и поставлен за 140-м полком. В полосу наступления 171-го полка вводилась стрелковая дивизия из резерва командующего 27-й армией.

К вечеру на правом фланге дивизии, где дорогу Старая Русса — Пенна оседлала разведывательная рота капитана Н. Ф. Митешова, фашисты перешли в контратаку. Капитан решил выслать один взвод в тыл противнику, а оставшимися силами ударить с фронта. Фашистам показалось, что их окружают. В панике, с большими потерями они отошли в лес. Разведрота надежно прикрыла правый фланг 140-го полка.

Когда операторы обработали поступившие донесения, стало ясно, что бой шел в двух основных очагах. Один — за Деревково, а другой — за Пенну. Между этими очагами в боевом порядке образовался разрыв. Враг нащупал этот разрыв и контратаковал здесь силами двух пехотных рот при поддержке десятка танков.

Быстро оценив обстановку, я приказал командиру 232-го полка подполковнику Мадонову развернуть батальон капитана Чабоненко фронтом к контратакующим гитлеровцам и направил к месту разрыва разведроту капитана Митешова, усиленную пулеметной ротой и ротой противотанковых ружей. Остальными силами полк одновременно продолжал вести бой на северной окраине Пенны.

Эти наступательные бои были испытанием для всех нас. Большинство командиров впервые участвовали в наступлении. Кроме того, нельзя было не учитывать, что начавшееся 15 февраля наступление советских войск ускорило вывод соединений 16-й армии гитлеровцев с демянского плацдарма, а соответственно противник оказывал особенно ожесточенное сопротивление в рамушевском коридоре, боясь оказаться в окружении. Несмотря на большие трудности, воины дивизии с честью выполнили поставленные перед ними задачи. Возросшее воинское мастерство показали офицеры дивизии, которые умело управляли своими частями и подразделениями.

Среди личного состава дивизии велась целеустремленная партийно-политическая работа под лозунгом «Разгромим демянскую группировку немецко-фашистских захватчиков!». Лучшие воины, отличившиеся в боях, вступали в партию и комсомол. Политотдел, учитывая характер предстоящего наступления, выпустил специальные листовки и памятки: «Памятка бойцу в наступлении зимой в лесисто-болотистой местности», «Памятка бойцу при штурме дерево-земляных огневых точек врага» и другие.

Политработники были примером в бою для воинов. Вот несколько примеров их мужества и отваги. Заместитель командира 2-й стрелковой роты 140-го полка по политической части младший лейтенант Симишин перед началом атаки пришел в один из взводов. Собрал коммунистов.

— Может случиться заминка, когда под огнем пойдем в атаку, — сказал он, но долг каждого коммуниста первым подняться и первым шагнуть вперед, увлечь за собой бойцов.

В ходе боя из вражеского дзота застрочил пулемет, взвод залег. Замполит дал целеуказание орудию сопровождения пехоты, а сам скомандовал: «Коммунисты, вперед!» — и с гранатой бросился к дзоту. Пулемет противника был уничтожен, взвод стремительно двинулся в глубь обороны врага, вклинившись на 400 метров. В течение всего боя Симишин находился в цепи роты.

Заместитель командира 6-й стрелковой роты 171-го полка по политчасти лейтенант Карипанов с группой бойцов первым ворвался в населенный пункт. Выведя группу огородами на

дорогу, он отрезал пути отступления противнику. Л когда командир взвода младший лейтенант Чуйков был ранен, то Карипанов принял командование. Управлял он взводом умело, использовал правильно станковый пулемет и противотанковые ружья, поставив их на флангах.

Весь личный состав шестой роты, действуя смело и дерзко, уничтожил за день боя свыше сотни гитлеровцев, пленил несколько человек, захватил три орудия, одну автомашину, один мотоцикл и успешно выполнил поставленную задачу.

Утром 24 февраля после двадцатиминутной артиллерийской подготовки по опорным пунктам и оставшимся неподавленным огневым точкам противника полк дивизии вновь пошел в атаку.

В тот день особенно отличился танковый десант под командованием заместителя командира минометной роты 171-го стрелкового полка старшего лейтенанта Петра Ивановича Шлюйкова. Десантники захватили траншеи противника. Несмотря на ожесточенные контратаки врага они удержали занятый рубеж, не отступили. Сам Петр Шлюйков был ранен, а затем получил еще ранения, однако продолжал вести бой и лично уничтожил 28 гитлеровцев. За мужество и героизм, проявленные в бою с немецко-фашистскими захватчиками, старшему лейтенанту Петру Ивановичу Шлюйкову было присвоено звание Героя Советского Союза. Член Военного совета Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Владимир Николаевич Богаткин вручил ему Золотую Звезду и орден Ленина в госпитале.

Вскоре о подвиге старшего лейтенанта П. И. Шлюйкова рассказал в газете батальонный комиссар И. Ф. Стаднюк. Не могу не сказать несколько слов благодарности этому талантливому военному журналисту.

Человеческая память не всегда прочна в фиксации времени: когда именно, в какой день и час происходило то или иное событие… Но само событие и причастные к нему люди запечатляются в воспоминаниях куда надежнее. Батальонный комиссар Иван Стаднюк хорошо запомнился мне по Северо-Западному фронту. Первое наше знакомство состоялось на командном пункте 27-й армии, кажется, тогда, когда после отъезда командарма генерала Озерова прибыл новый командарм генерал Трофименко и стал приглашать нас, командиров дивизий, для совместной оценки оперативной обстановки на разных участках в полосе армии.

Я. сидел в «предбаннике» землянки начальника штаба армии генерала Лукьянченко, дожидаясь приглашения к начальству. В это время из бревенчатого кабинета генерала стремительно вышел чем-то расстроенный батальонный комиссар лет двадцати

двух, веснушчатый, с курчавой рыжеватой шевелюрой и с боевым орденом на груди. Пряча в планшетку блокнот, он, ни к кому не обращаясь, сетовал: «Я один представляю в армии три газеты — „Комсомолку“, фронтовую „За Родину“ и нашу армейскую — ' „Мужество“, где нахожусь в штате. А у начальства не хватает времени растолковать корреспонденту, что происходит в полках дивизий и к чему надо призывать печатным словом фронтовиков. Топай, мол, в землянки к оперативщикам и разведчикам, они растолкуют все в подробностях. А когда наведываются журналисты из Москвы, то с ними находится время и чаи гонять!..»

Меня, признаюсь, развеселила запальчивость корреспондента и его столь глубокая уверенность в значимости тех обязанностей, которые он выполняет в действующей армии. Но молодость есть молодость, и, щадя самолюбие батальонного комиссара, я предложил ему: «А ты почаще бывай в моей 182-й дивизии, да и ко мне на наблюдательный пункт заглядывай, Я покажу тебе в деталях передний край немецкой обороны — сам многое поймешь».

«Ха-ха, — не очень учтиво засмеялся корреспондент. — Да я уже почти во всех ваших полках бывал. Первая моя корреспонденция из вашей дивизии — о Гене Дроздове, юном разведчике. Читайте в первом номере газеты „Мужество“».

И тем не менее я вновь пригласил батальонного комиссара в нашу дивизию, понимая, что от газетчиков часто и во многом зависит известность героев, отличившихся в боях, тем более, что мне вспомнились корреспонденции Ивана Стаднюка в «Комсомольской правде» о том, как зенитчики и бойцы переднего края, ведя огонь по «юнкерсам», снабжавшим окруженную 16-ю немецкую армию фон Буша в районе Демянска, наносили воздушным транспортникам немалые потери.

И вот батальонный комиссар И. Стаднюк подробно описал и подвиг командира танкового десанта старшего лейтенанта Петра Шлюйкова из нашей дивизии. За этот подвиг Петр Шлюйков, как я уже рассказывал, был удостоен звания Героя Советского Союза.

И еще мне хочется заметить, что в своих ранних военных повестях и рассказах, как я убедился после войны, Иван Стаднюк изобразил немало боевых ситуаций, происшедших на Северо-Западном фронте в полосе нашей 27-й армии, в том числе и 182-й дивизии.

* * *

Однако вернемся к событиям утра 24 февраля. На участке, где наступали подразделения 232-го стрелкового полка, противник перешел в контратаку. Вражеские танки подошли уже к нашим цепям пехоты на расстояние 50–60 метров, однако были остановлены артиллеристами батареи старшего лейтенанта Скворцова.

Подполковник Мадонов по телефону доложил мне:

— На участке батальона Бурмистрова немецкие танки с пехотой все же вклинились в боевой порядок. Отбиваемся артиллерийским и пулеметным огнем. Разрешите пойти в батальон к Бурмистрову?

— Иван Григорьевич, я не возражаю, идите, но не потеряйте управление батальонами, — ответил я. — Гитлеровцы, по всему видно, подтягивают свежие силы, действуют активно, делают все, чтобы остановить нас на рубеже реки Парусья.

В этот момент мы приняли решение вновь ввести в бой 171-й стрелковый полк. Читатель, видимо, помнит, что он находился во втором эшелоне дивизии. Дальнейший ход боя подтвердил правильность нашего решения. 140-й стрелковый полк во взаимодействии со 171-м после упорного боя добили остатки гарнизона противника в Пенне и вышли на левый берег реки Парусья на участке Деревково Аринино. Наш левый сосед — 43-я гвардейская стрелковая дивизия наступала южнее Пенны и обходила этот населенный пункт слева, но была остановлена контратаками противника.

В этих боях фашисты цеплялись за каждый бугорок, за каждую складку местности. Бой шел до позднего вечера. Гитлеровцы предприняли до двенадцати контратак, но все они захлебнулись. Потери у врага были большие. Один из пленных рассказал: «В девятой роте 30-го пехотного полка было сто сорок пять человек, а к вечеру осталось только двадцать пять. В седьмой роте осталось двенадцать человек».

В Пенне мы захватили склады с боеприпасами и продовольствием, мотоциклы, автомашины, орудия, минометы, пулеметы ручные и станковые. Фашисты не предполагали, что гарнизон Пенна вместе со штабом оборонявшего этот населенный пункт батальона может оказаться в наших руках. Село Пенна и дорогу Старая Русса — Рамушево они особенно укрепили и даже командиром батальона поставили эсэсовца. Он пользовался особым доверием у командующего 16-й армией и слыл фанатично преданным Гитлеру офицером. Гарнизон дрался подобно смертникам — до последнего солдата. Пленный унтер-офицер рассказывал на допросе, что немецкие офицеры внушили солдатам, будто русские всех военнопленных сначала зверски

пытают, а затем убивают.

Однако полностью выполнить свой замысел командованию фронта не удалось. Опасаясь окружения, противник ускорил отвод своих войск через рамушевский коридор и избежал полного разгрома.

Преследуя отходящего противника, 11-я армия вышла к реке Ловать и овладела Рамушевым. 28 февраля войска фронта ликвидировали демянский плацдарм, который враг упорно удерживал 17 месяцев.

Описывая ход боя за Пенну и некоторые вопросы ликвидации рамушевского коридора, я, естественно, не мог назвать всех, проявивших мужество и отвагу. Можно смело сказать, что весь личный состав 182-й стрелковой дивизии проявил высокий наступательный порыв и массовый героизм. Как иначе назовешь многочисленные отказы раненых эвакуироваться с поля боя, возвращение их после перевязки в строй?

С самой лучшей стороны показал себя штаб дивизии под руководством полковника Сергея Петровича Тарасова. Четко и оперативно работали все его отделы.

Много добрых слов можно сказать в адрес политотдела дивизии, возглавляемого майором С. Е. Левиным и парторганизаций частей и подразделений, которые вели большую работу среди личного состава дивизии, мобилизуя его на лучшее выполнение боевых задач. Благодаря целеустремленной и активной партийно-политической работе морально-боевой дух личного состава частей дивизии значительно окреп.

В жарком бою — атаке — редко задумываешься над величием поступков людей. Их дела как бы растворяются в общем боевом потоке и кажутся будничными. Но стоит внимательно всмотреться, задуматься о ходе какой-нибудь атаки и не только посмотреть на атакующих в бинокль с НП, но и вникнуть в поступки командира, бойца, оценить их с точки зрения внутренних побудительных причин, и перед тобой предстанет человек во всей своей душевной красоте.

Хочется отметить хоть малую часть тех, чей вклад в успех первого наступательного боя был наиболее заметен.

Командир 140-го полка подполковник М. И. Кротов и его заместитель по политчасти С. И. Дуров были награждены орденами Красного Знамени. Командир 232-го полка подполковник И. Г. Мадонов, командиры батальонов капитан В. И. Лейпунов, капитан А. А. Казаков награждены орденами Александра Невского. Командир 3-й батареи 14-го противотанкового дивизиона старший лейтенант Сергей Загайнов за мужество и героизм, высокое воинское мастерство удостоен

ордена Суворова III степени. Должен сказать, что в этих боях четко и слаженно действовали артиллеристы полковника Ивана Прокофьевича Добылева…

Подписал я наградной лист и на пулеметчика красноармейца Семенова, который в ходе наступления выдвинул свой пулемет вперед на фланг стрелковой роты и обеспечил ее успешное продвижение, при этом уничтожил три пулеметных расчета противника и много гитлеровцев. Вскоре был ранен, но не расстался с пулеметом до конца боя. Награжден орденом Красного Знамени.

За храбрость и мужество старшина Алексей Пупков также награжден орденом Красного Знамени, занесен навечно в списки своего 140-го стрелкового полка 182-й стрелковой дивизии.

Итак, задача, поставленная перед 182-й дивизией, была выполнена. Наступила весенняя распутица…

Под Старой Руссой

Старая Русса широко раскинулась на берегах реки Полнеть, там, где в нее впадает Парусья. Вокруг города множество рек и речушек пробиваются через топкие болота. Чуть дальше к северу легендарное озеро Ильмень.

В годы учебы в академии я читал в энциклопедии, что на месте города было одно из древнейших славянских поселений — Руссо, «пригород» Новгорода, что в летописи Руссо впервые упоминается в 1167 году. Так что Старая Русса — исконно русский город, входивший в состав Новгородской земли, а с 1478 вошедший в состав Московского княжества. Этот город — свидетель многих событий русской истории. И теперь, с начала августа 1941 года, он стал местом ожесточенных боев. Поля и холмы, леса, болота и озера, реки и речушки на подступах к нему в течение долгих месяцев пересекала линия фронта. Эта земля была вдоль и поперек изрыта, изрезана траншеями и ходами сообщения, переплетена колючей проволокой, захламлена ржавым, горелым и ломаным железом.

Гитлеровцы отчаянно обороняли город, не щадя ни людей, ни техники.

Вокруг Старой Руссы и с обеих сторон дороги, идущей от Рамушево в город, как подтверждение этого, торчали березовые кресты, напоминающие об участи тех, кто хозяйничал на нашей земле.

Гитлеровские войска после отвода демянской группировки на новый оборонительный рубеж принялись энергично укреплять свои позиции: строились новые инженерные сооружения, опорные пункты оборудовались на высотах, в населенных пунктах, на крутых берегах рек. Все опорные пункты связаны были между собой мощной системой огня. Превращая новый рубеж обороны в неприступную крепость, противник в то же время готовился нанести удар по нашим войскам с целью восстановить положение па реке Ловать. Немецкие дивизии — 5, 12, 122, 126 и 290-я, — выведенные из демянского котла, были нацелены против наших 27-й и 1-й ударной армий.

Из данных разведки нам было известно, что подготовку к наступлению гитлеровцы вели тщательно, упорно искали слабые места в нашей обороне. С этой целью активно вели разведку, практиковали короткие контратаки небольшими силами на разных участках и направлениях почти каждый день и каждую ночь. Но противнику не удалось вскрыть систему нашей обороны, не удалось взять ни одного нашего «языка». Враг в ходе этих

акций нес большие потери.

27 февраля над расположением частей дивизии появились тринадцать «Ю-87», которые сбросили авиабомбы на наши боевые порядки. Встреченные плотным огнем зениток, фашистские летчики в основном попали в лес и болота. Зенитчики сбили два фашистских самолета.

Войска Северо-Западного фронта готовились к упорной и активной обороне. Зарывались в землю, оборудовали в инженерном отношении новые рубежи обороны. В то же время шла подготовка к наступлению. Батальоны по очереди выводили с передовой позиции в тыл для отдыха и учебы.

Там создавали реальную обстановку, примерно такую же, какая ожидалась при прорыве. Красноармейцы и офицеры старались как можно лучше подготовиться к грядущим боям. Молодых солдат обучали приемам и правилам владения оружием. Особенно обращали внимание на применение противотанковых гранат и бутылок с горючей смесью.

Большую помощь войскам первого эшелона в деморализации противника ночью оказывали летчики ночных бомбардировщиков По-2 242-й бомбардировочной авиационной дивизии 6-й воздушной армии, которой командовал полковник Кузьма Дмитриевич Дмитриев. Они действовали, как правило, с наступлением темноты и до рассвета. Сбрасывали бомбы с малых высот по траншеям, блиндажам, землянкам врага. Летали над нашим наблюдательным пунктом. Уже издалека заслышав знакомое стрекотание, бойцы и командиры выходили из блиндажей и радовались — пошли! А как только самолеты скрывались за линией фронта и утихал шум моторов, внимательно прислушивались. Через несколько минут в расположении врага раздавались взрывы.

Один из пленных немецких офицеров признался: «Нас никто так ночью не беспокоит, как ваши маленькие самолеты».

Дивизия готовила исходные рубежи для наступления, но сделать все, что было запланировано, не удалось. Не прошло и десяти дней, как командование фронта решило подготовить новый удар по врагу. 27-я армия наступала на юго-запад в направлении Белоусова Бора навстречу 1-й ударной армии, во взаимодействии с которой получила задачу разгромить старорусскую группировку противника.

Как я уже говорил, и на этот раз при подготовке к наступлению многое сделать не успели.

Замучило бездорожье. Танки, артиллерия, автомашины буксовали в грязи. Бойцы перетаскивали орудия на руках. Не удалось подвезти необходимое количество боеприпасов для

артиллерии. Войска опаздывали со сосредоточением на исходном рубеже.

День 4 марта выдался пасмурным. Передний край противника был окутан туманом.

Артподготовка началась в 9 часов 30 минут. За пять минут до ее окончания вперед должны пойти танки, за ними пехота.

Я с НП в стереотрубу внимательно следил за атакой дивизии. Вот в пасмурное небо взлетели три зеленые ракеты. По этому сигналу почти одновременно из траншей выскочили стрелки и пулеметчики и двинулись вперед, ведя огонь на ходу. В этот момент разрывы снарядов переместились на вторую траншею врага. По мере приближения пехоты и танков огневой вал передвигался в глубь обороны противника. Вскоре над головами прошли наши бомбардировщики. Вспыхнули два крупных пожара за рекой Парусья. Как вскоре доложили разведчики — загорелись склады с боеприпасами.

Вот цепь скрылась за возвышенностью, а вот и подошла к берегу реки Парусья. С площадки наблюдательного пункта в стереотрубу была хорошо видна картина боя.

Стали поступать донесения командиров полков. Тем временем командир 232-го подполковник И. Г. Мадонов доложил о том, что батальон майора С. И. Бурмистрова ворвался в деревню Деревково. Гитлеровцы не выдержали нашего натиска, бросили оружие и бежали за реку. В бою особо отличился взвод 3-й стрелковой роты младшего лейтенанта Е. Душкина. Взвод наступал на фланге батальона и был внезапно атакован фашистами. Душкин не растерялся, скомандовал, во врага полетели гранаты. Затем взвод бросился на противника в штыки. Часть фашистов была уничтожена, часть сдалась в плен, а часть успела убежать за реку.

Отделение противотанковых ружей батальона под прикрытием огня танков переправилось через реку и залегло под обрывистым берегом. Командир отделения сержант Синельников выждал, когда танки врага подошли метров на сто, дал команду «Огонь!». Два танка загорелись, третий успел скрыться за холмом.

Да, на этот раз 232-й полк вырвался вперед, а вот два других приотстали, встретив сильный организованный огонь, особенно с высоты 32,0. Приказал полковнику И. П. Добылеву перенести огонь всей артиллерии на помощь 140-му и 171-му полкам. Вскоре все три полка переправились через реку Парусья и стали продвигаться вперед к реке Полнеть.

Видимо, наступало время вводить свежие силы для развития успеха частей первого эшелона.

В 14.25 был получен приказ командующего 27-й армией

генерала С. Г. Трофименко вывести 171-й полк во второй эшелон дивизии. Вместо него вводилась в бой 55-я стрелковая дивизия, которая получила задачу: во взаимодействии со 182-й дивизией разгромить противостоящего противника, форсировать реку Полнеть, перерезать дорогу Взгляды — Старая Русса.

Во второй половине дня приехал начальник штаба 27-й армии полковник Григорий Сергеевич Лукьянченко с командиром 55-й дивизии полковником Николаем Николаевичем Заюлиевым.

Я доложил начальнику штаба армии обстановку в полосе наступления дивизии:

— Противник ожесточенно сопротивляется, на отдельных участках переходит в контратаки силами от взвода до роты. Ломая сопротивление врага, части дивизии форсировали реку Полнеть и продвигаются вперед.

Полковник Лукьянченко заспорил с командиром 55-й дивизии, который был против ввода в бой его соединения.

— Я уже однажды испытал примерно такой же ввод. И задачу не выполнил, и понес большие потери.

Лукьянченко позвонил по телефону командующему. О чем они говорили, мне неизвестно, но дивизию в бой не ввели. Раздумывая сейчас над этим эпизодом, я считаю, что принятое решение было ошибочным — время было упущено. За ночь противник подтянул свежую пехотную дивизию из тыла и после сильной артиллерийской и авиационной подготовки бросил ее в контратаку.

Части 182-й дивизии встретили врага дружным, хорошо организованным огнем из стрелкового оружия, отлично действовали артиллеристы и минометчики. Полки отбивали одну за другой контратаки. Поле боя стало просматриваться плохо, его окутал пороховой дым.

Поступали донесения:

— Стоим на занятых позициях и отбиваем контратаки. Противник вводит свежие силы.

Поднявшийся ветер разогнал пороховой дым, и в стереотрубу я вновь увидел поле боя, закопченное, покрытое воронками, тут и там чернели подбитые машины и орудия. Фашистские солдаты продолжали двигаться цепью, в рост, прижимаясь к идущим впереди танкам. На стороне врага после ввода второго эшелона был значительный перевес в живой силе и технике.

Тяжелая ситуация сложилась на левом фланге дивизии. Там наши бойцы, отстреливаясь, стали отходить к реке. Гитлеровцы сумели отрезать стрелковую роту лейтенанта Иванова с орудийным расчетом старшего сержанта Панова. Оказавшись в окружении, бойцы не дрогнули, заняли круговую оборону,

подбили четыре фашистских танка. Орудийный расчет Панова вел огонь бронебойными снарядами по танкам, картечью по пехоте.

Тут же на левом фланге дивизии 12–15 немецких танков прорвались через боевые порядки 140-го полка. Однако в глубине нашей обороны их продвижение остановили артиллеристы и петеэровцы. Расчеты роты ПТР старшего лейтенанта Деметкова и полковой батареи старшего лейтенанта Горликова встретили врага метким огнем. Пять танков подбили, один подорвался на минах и один сорвался при спуске в реку Полнеть.

Оценив обстановку, я принял решение ввести в бой второй эшелон — 171-й полк. Это было сделано своевременно. Противник, не выдержав нашей стремительной атаки, начал откатываться на исходное положение. Многие гитлеровцы, боясь попасть в плен, бросали оружие и стремглав бежали за реку.

На НП пришли помощник начальника штаба 171-го полка по разведке капитан Зелинский и командир 2-й роты 171-го полка лейтенант Беляев. Они привели пленного.

Лейтенант Беляев заметил гитлеровского офицера в ходе боя и бросился за ним.

«Догнал я его, — докладывал он нам, — а фашисты окружают, рослые солдаты, сразу не подступишь. Кое-как подобрался к нему, оглушил прикладом…»

Пленный оказался из 89-го полка 12-й пехотной дивизии. С этим соединением врага мы столкнулись впервые.

Тем временем 182-я дивизия совместно с соседями вышла на правый берег реки Полисть. Гитлеровцы оставили на поле боя много убитых и раненых солдат и офицеров, бросили четыре пушки, десятки пулеметов, сотни автоматов. Несколько подбитых и сожженных танков, штурмовых орудий чернели впереди…

К вечеру пошел мокрый снег. Бой затих на передовой, лишь время от времени ухали пушки, да раздавался треск автоматной очереди. Напряжение боя спало, офицеры оперативной группы собрались в ожидании сразу обеда и ужина.

— Какой мягкий мартовский снег! Он уже весной пахнет! Чувствуете? спросил меня Я. П. Островский.

И в этот момент неожиданно раздался грохот разрывов авиабомб, в районе железнодорожного моста застучали зенитки. Одновременно фашистская артиллерия открыла огонь по боевым порядкам дивизии и накрыла наш наблюдательный пункт. Блиндаж сотрясало мелкой дрожью, пол ходил под ногами, запахло толом, все затянуло желтоватой мутью дыма.

— Видимо, сейчас начнут контратаку, — предположил майор Пташенко.

— Нет, не пойдут на ночь глядя, — ответил полковник Добылев.

Внезапно стрельба оборвалась. Наступила тишина.

Офицеры вновь оживились, продолжили прерванные разговоры.

— Как кончится война, женюсь на ней, — услышал я чей-то голос.

— Чем она тебе понравилась? — спросил майор Пташенко.

— Кто знает?! Но только чувствую, что не жить мне без нее.

— Да ты и не рассмотрел-то ее как следует, а уже такое, — не унимался майор Пташенко.

— Иногда люди с первого взгляда влюбляются и живут всю жизнь счастливо. Валя не отходила от моей койки, ухаживала. Ты бы знал, какая она ласковая.

— Нет, Костя, надо все проверить, прежде чем идти расписываться…

Когда, пообедав, а заодно и поужинав, мы вышли из блиндажа, гитлеровцы обстреляли расположение НП из минометов. Ранило Дудина и Клименко. Мы с полковником Добылевым подбежали к раненым.

— Вот, товарищ полковник, как ведь бывает, — произнес Серафим Иванович Дудин и добавил: — Прощайте…

Наш хирург Павел Максимович Сурков сделал Клименко сложную операцию, после которой его отправили в армейский госпиталь. Там-то он и встретил Валю во второй раз.

Выздоровев, Клименко попросился опять на фронт. Воевал отлично. После окончания войны майор прибыл ко мне в стрелковую дивизию на должность начальника штаба артиллерии дивизии. Они с Валей поженились. Оба они были счастливы, но, к сожалению, счастье это было недолгим.

Проходил набор на учебу в академию. Из нашей дивизии мы решили направить майора Клименко и подполковника Пятова. Им было разрешено ехать в Москву на собственных машинах. Дорога проходила через Польшу, а там в то время свирепствовали банды контрреволюционного подполья. Они нападали, грабили и убивали ехавших на машинах представителей прогрессивных партий, Временного правительства и местных органов власти, а также воинов Красной Армии и Войска Польского, после чего скрывались в лесу.

В небольшом немецком городке был организован специальный отряд на бронемашинах для сопровождения колонн машин.

Пятов и Клименко приехали в этот город с опозданием — колонна и отряд сопровождения были уже в пути. Решили

догонять их без охраны.

— Неужели среди белого дня нападут бандиты, у нас ведь тоже оружие, говорили некоторые опоздавшие.

Несмотря на уговоры подполковника Пятова, Клименко выехал с небольшой группой… Ничто не предвещало беды…

Через несколько часов вернулся один из офицеров, чудом оставшийся в живых. Его рассказ был трагичен.

«Вначале бандиты показались из леса и открыли беспорядочный огонь из пулеметов и автоматов. Стреляли по скатам. Машины остановились.

— Ложись! — подал команду майор Клименко.

Все выскочили из кабин и кузовов, залегли в кюветы, открыли ответный огонь по нападавшим.

Когда бандиты залегли, мы прекратили стрельбу, экономя патроны. Со стороны банды послышалась ругань главаря, который кричал, поднимая контрреволюционеров. Мы вновь открыли огонь. Бандиты опять залегли. Клименко спокойно, не обращая внимания на пули, продолжал отдавать приказания, то и дело поглядывая туда, где в укрытии находилась жена с дочкой.

В это время большая группа бандитов оврагом подобралась к машинам.

— Сдавайтесь, будете жить!

Мы отстреливались, ожидая подмоги. Но время шло. Кончились патроны, дрались кулаками и прикладами. Меня ранило, я упал, отполз в кустарник, на несколько минут потерял сознание, а когда открыл глаза, увидел, как бандиты закалывали штыками раненых…»

До сих пор с огромной болью вспоминаю тех наших воинов, кто добывал Победу, но не успел вкусить радости мирной жизни.

* * *

После войны я узнал, что Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая наши тяжелые походные условия, а также резко обострившуюся обстановку севернее Харькова, решила не наносить глубокие удары на Псков и Нарву. Поэтому особая группа войск генерала М. С. Хозина была расформирована, 1-я танковая армия генерала М. Е. Катукова перебрасывалась под Курск, а 68-я армия генерал-лейтенанта Ф. И. Толбухина передавалась в состав Северо-Западного фронта. Для маскировки оперативного маневра войск Северо-Западный фронт должен был продолжать наступление с задачей выйти на реку Полнеть и овладеть Старой Руссой. Армию поставили в стыке между 11-й и

53-й армиями. С этого времени началась подготовка к новой операции за освобождение Старой Руссы. В дальнейшем намечалось выйти на реку Шелонь на фронте Сольцы, Дно. Наступление должно было начаться 14 марта.

Началась перегруппировка войск 27-й армии. Соединения выходили на исходные рубежи южнее города Старая Русса.

182-я стрелковая дивизия передала свой оборонительный рубеж соседям, а сама перешла под Старую Руссу и заняла новые позиции — лес восточнее Липовцы, высота с отметкой 27,6. Перед нами поставили задачу — прорвать оборону противника на рубеже Парфино, Казанки, в дальнейшем выйти на реку Парусья и освободить южную часть города.

Гитлеровское командование придавало особое значение обороне Старой Руссы, которая прикрывала псковское направление и дорогу в Прибалтику. В случае взятия этого города наши войска выходили на оперативный простор. Поэтому фашисты за время оккупации все делали для того, чтобы превратить Старую Руссу в крепость. На внешнем обводе во всех населенных пунктах оборудовали опорные пункты и узлы сопротивления. Гарнизоны этих опорных пунктов были численностью от роты до батальона, усилены танками и штурмовыми орудиями. Все подступы к ним прикрывались заградительным артиллерийским огнем. Сам город был насыщен войсками, танками, и артиллерией, и минометами различных калибров. Что ни дом, то крепость. Все высокие здания и колокольни приспособлены под наблюдательные пункты. Гитлеровские войска были готовы отбить наше наступление с любого направления.

Перед советскими войсками стояла трудная задача, но штурмовать город было надо. Как говорил великий полководец Суворов: «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки нам надо его взять».

Дивизия готовилась к наступлению тщательно и скрытно от неприятеля. Ночью строили дополнительные НП, огневые позиции.

Боевой порядок дивизии строился в два эшелона. В первом 232-й и 171-й стрелковые полки, во втором эшелоне 140-й полк, он был предназначен для развития успеха и выполнения последующей задачи. Нашим правым соседом была 171-я стрелковая дивизия, имеющая большой опыт ведения боев в условиях Северо-Западного фронта. Командовал ею генерал-майор М. Э. Москалик. Опытный, смелый и решительный комдив. Прошел гражданскую войну в рядах Первой Конной армии и на этой войне с первых дней. На левом фланге нас прикрывала

отдельная стрелковая бригада сибиряков.

Утро 14 марта было хмурое, стал накрапывать дождь, посыпался мелкой, нудной пылью, затянул передний край противника сизым туманом. Думалось вот-вот перенесут час атаки. Но все шло по плану.

Артподготовка длилась около часа. Со стороны противника почти не велось ответного огня. То ли враг был уверен в надежности своих укреплений, то ли экономил снаряды для отпора на случай нашей атаки.

После артиллерийской и авиационной подготовки пошли пехота и танки, атакуя узлы обороны фашистов Парфино, Казанки.

Здесь они встретили отчаянное сопротивление. Танки остановились, пехота залегла. Артиллерия сосредоточила огневой удар по двум пунктам: Парфино и Казанки. И в этот момент в стрелковой цепи первыми поднялись командиры и политработники.

— Вперед!

Танки устремились следом, обгоняя пехотинцев.

Первой в Казанки ворвалась рота старшего лейтенанта Нестеренко. За ней подразделение батальона капитана Михалева. Почти одновременно, может быть, чуточку позже, с другой стороны появились роты батальона капитана Лутовинова. Во взаимодействии с танкистами выбили врага из сильно укрепленного опорного пункта Казанки.

Второй не менее мощный узел сопротивления — Парфино. Гарнизон его состоял из усиленного батальона. Поддерживался огнем тяжелой артиллерии с закрытых позиций. В Парфино ворвались одновременно — с северо-востока батальон майора Бурмистрова и с юго-востока батальон капитана Чабоненко. Уже в населенном пункте попали под сильный огонь и вынуждены были залечь. Полковник Добылев немедленно весь огонь артиллерии дивизии сосредоточил на Парфино. Под прикрытием артиллерийского огня оба батальона 232-го полка вновь пошли вперед. На их пути оказался ощетинившийся огнем дзот. Отделение сержанта Петренко ударило по его амбразурам из противотанковых ружей, а затем, ослепив врага, взорвали дзот. Стрелковые роты и танки ворвались в центр Парфино.

Итак, оборонительный обвод города Старая Русса был прорван. На участке наступления 171-й и 182-й дивизий в обводе образовалась брешь шириной около семи километров. Настало время для ввода вторых эшелонов.

Я договорился с командиром 171-й дивизии генералом М. Э. Москаликом о том, чтобы ввести наши вторые эшелоны

одновременно. Об этом мы доложили командующему 27-й армией генералу Трофименко. Он утвердил 'наши решения.

И вот в стереотрубу я наблюдаю, как густые цепи подразделений 140-го полка вышли из леса и двинулись вперед. По пути наши воины добили фашистские подразделения на левом берегу реки Парусья, захватили аэродром и вышли на окраину города.

Первыми проникли в город разведчики взвода лейтенанта Мезенцева. Внезапно ворвавшись в один из домов, разведчики взяли в плен несколько гитлеровцев. Те не ожидали появления наших храбрецов и, крича: «Рус! Рус!», подняли руки. Вскоре на выручку фашистам подошла рота автоматчиков. Завязалась неравная схватка. На Мезенцева набросились два здоровенных фашиста, сбили его с ног, хотели взять живым. Но подскочил разведчик Мальков, из автомата уничтожил гитлеровцев, спас своего командира. Притаившийся гитлеровец дал очередь из автомата по отважным разведчикам, и Мальков был сражен фашистской пулей. К этому времени подошла наша разведывательная рота и закрепила успех, наметившийся на левом фланге 140-го полка.

Командир полка Кротов доложил мне о том, что повернул батальон Казакова вдоль улицы, идущей в центр города. Подразделения встретили ожесточенное огневое сопротивление противника. Из каждого дома по обе стороны улицы ливень ружейно-пулеметного огня, летят гранаты, из садов и огородов бьют пушки и минометы. Бойцы шли по сплошному огневому коридору. Но, несмотря на упорное сопротивление врага, дом за домом отбивали мы у противника, медленно продвигаясь вперед.

В то время когда на правом фланге дивизии наметился успех, на левом, на стыке 171-го полка и соседней стрелковой бригады, противник, создав превосходство в живой силе и технике, контратаковал и потеснил наши части.

Полковник Добылев перенацелил огонь всей дивизионной артиллерии на левый фланг с задачей помочь отбить контратаку врага.

Мы подвели итоги боя: дивизия выполнила ближайшую задачу, но развить успех сил уже не имела.

К вечеру подразделения закрепились на новых рубежах. Люди устали до предела. Подоспели полевые кухни с ужином. Эвакуировали раненых, хоронили убитых. На передний край подвозили боеприпасы. Готовились к завтрашнему бою.

Поздно вечером к нам на наблюдательный пункт приехал генерал Трофименко. Выслушав мой доклад, ознакомившись подробно с обстановкой, он сказал:

— Имел бы я пару дивизий в резерве, и Старая Русса сегодня была бы нашей. Перед нами была поставлена задача активными действиями сковать гитлеровские соединения здесь. Не допустить переброску их на юг. Завтра продолжим наступление. Не хитра задача атаковать, если сил много, а вот с малыми силами… Вам, — обратился он ко мне, — на пополнение дивизии передаю отдельную стрелковую бригаду Шульгина, а полковник Шульгин назначается вашим заместителем вместо полковника Неминущего. Личный состав бригады хорошо обучен, из сибиряков; люди как на подбор, один лучше другого…

Оперативная группа нашего штаба сразу же приступила к подготовке завтрашнего наступления, но и противник не дремал. За ночь фашистское командование произвело перегруппировку войск, подтянуло резервы из тыла. Опередив нас, с утра немцы перешли в контратаку на участке дивизии. Главный удар они решили нанести в направлении Скрылково, Горошково танками и пехотой, под прикрытием артиллерийско-минометного огня.

По позициям 182-й дивизии враг нанес артиллерийско-минометный удар. В воздухе появились самолеты Ю-87, которые начали бомбить наш передний край. Вскоре вперед пошли танки и пехота фашистов, наши подразделения встретили врага дружным, организованным артиллерийским, минометным, пулеметным и ружейным огнем, а в небе появились истребители и ударили зенитные орудия. Первая контратака была отбита.

Во второй половине дня фашисты возобновили контратаку южнее Парфино. Удар пришелся на 140-й полк. Пулеметная и. ружейная стрельба, грохот разрывов снарядов и мин. Густой пороховой дым закрыл поле боя от наблюдения. Но вот подполковник Кротов доложил о том, что контратака врага отбита. Наши подразделения отбросили врага и остались на своих позициях. Еще пять раз пытались атаковать гитлеровцы и нигде не имели успеха. Они вынуждены были перейти к обороне на всем фронте. 182-я и 171-я дивизии закрепились на захваченных позициях.

Советские войска, к сожалению, не выполнили полностью поставленную задачу из-за отсутствия сильного резерва, способного развить успех первого эшелона, из-за недостатка танков и артиллерии. Да и наступившая оттепель сделала местность труднопроходимой.

Были решены только частные задачи. Войска фронта вышли и захватили плацдарм на левом берегу реки Полисть. 68-я армия вышла на реку Редья. 27-я армия освободила населенные пункты предместья и южную окраину Старой Руссы. И хотя за девять дней советские войска, преодолевая упорное сопротивление

значительно уплотнившейся группировки гитлеровцев, сумели продвинуться лишь на 10–15 километров, Северо-Западный фронт сковал значительные силы группы войск «Север», не дал врагу возможности перебросить часть своих войск на Западное и Юго-Западное направления.

В боях под Старой Руссой отвагу, мужество и стойкость проявил весь личный состав 182-й стрелковой дивизии. Вскоре я подписывал наградные листы на отличившихся в этих боях воинов. Вот выдержки из них:

…Красноармейцы четвертой роты старшего лейтенанта А. В. Алешкина при атаке опорного пункта Горошково попали под сильный фланговый огонь фашистского дзота, залегли. Тогда командир второго взвода младший лейтенант Усачев повел своих чудо-богатырей по траншее, ведущей в тыл этого дзота, закидал гранатами, уничтожил тех, кто там был, и водрузил над дзотом Красный флаг. Рота ворвалась в деревню Горошково.

Рота под умелым командованием лейтенанта В. Е. Беляева из 171-го стрелкового полка совместно с танкистами уничтожила четыре огневые точки противника и вышла на дорогу Старая Русса — Рамушево. Закрепившись на ней, наши бойцы лишили врага возможности маневра подразделениями и огневыми средствами.

Итак, к 17 марта положение сторон окончательно стабилизировалось…

Не пустили фашистов на шоссе

Наступила весна. Во второй половине марта резко потеплело. Дни стояли ясные, погожие, яркое солнце пригревало, побежали ручьи. Дороги совсем расквасило. Правда, по ночам их сковывали небольшие заморозки.

Как докладывали разведчики, противник, откатившись на новые рубежи, строил мощные оборонительные сооружения.

20 марта, утром, я получил боевой приказ сдать оборонительные позиции в районе Соболеве, Большие Казанки соседним дивизиям. Смену произвести и занять новый оборонительный рубеж Чириково, Марфино ночью, скрытно от фашистов.

С какой целью проводилась перегруппировка, мне об этом в штабе армии не сказали. «Может быть, — гадали мы, — опять на этом участке предстоит наступать?»

Вернувшись из штаба армии, я вызвал майора Зорько и приказал ему в двухдневный срок захватить пленного. На всех наблюдательных пунктах организовать дежурство офицеров, круглосуточно следить за поведением неприятеля.

Через два дня разведчики выполнили приказ, захватили пленных на разных участках обороны. Один принадлежал к 122-й пехотной дивизии, а второй — к 126-й. Первой командовал генерал-лейтенант Бойер, а второй — генерал-майор Коппе. Оба генерала имели солидный опыт боев на Северо-Западном фронте. Нам уже приходилось с ними встречаться, мы знала их некоторые повадки, знали некоторые слабые и сильные стороны.

Выслушав пленных, мы начали рассуждать. Выходит, в полосе обороны дивизии противник имеет почти двойное превосходство в пехоте. На нашем же участке на огневых позициях до пяти — семи полков артиллерийских. Нам осталось еще найти, где дислоцируется 5-я легкая пехотная дивизия, которая находилась под Старой Руссой. По всем этим данным разведки, противник готовился к наступлению. Когда и где точно — неизвестно.

Нам казалось, что противник будет стремиться отбросить наши войска на рубеж реки Ловать.

Район, который предстояло оборонять 182-й дивизии, занимал по фронту десять и по глубине восемь километров. По нему проходило Рамушевское шоссе.

Мы решили строить оборону глубоко эшелонированную, противотанковую и противовоздушную. Для этого необходимо было оборудовать три позиции в главной полосе и одну во второй, отсеченные позиции, исходный рубеж для контратаки

второго эшелона. На направлениях вероятного главного удара противника создать узлы сопротивления из дзотов и траншеи полного профиля, связанных между собой ходами сообщения. Особенно четко организовать взаимодействие артиллерийских батарей с пулеметными ротами. Минные поля расположить не только на переднем крае, но и в глубине, на танкоопасном направлении.

Боевой порядок построить следующим образом: в первом эшелоне 140-й и 171-й полки, во втором — 232-й стрелковый и 37-й танковый полки. Огнеметная рота и противотанковые ружья были расположены на переднем крае. На правом фланге оборудовал свои позиции и 365-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон.

Все инженерные сооружения и огневые средства предстояло замаскировать так, чтобы противник не обнаружил их ни с воздуха, ни с земли. Получив указания, весь личный состав приступил к выполнению плана. Командиры полков имели большой боевой опыт действий в обороне, а прибывшего командира 37-го танкового полка подполковника Шило мы знали давно. Я же знал его еще лучше. Он командовал отдельным танковым батальоном в 27-й танковой бригаде, где я был начальником штаба. Шило хорошо знал военное дело, был храбр и отважен. В бою действовал уверенно и инициативно. Так что все командиры полков имели большой боевой опыт.

Политико-моральное состояние личного состава дивизии было высоким. Победы советских войск под Сталинградом благотворно сказывались на боевом и моральном духе войск. Бойцы теперь прекрасно сознавали, что вносят свой вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков. Они верили в свое оружие и старались как можно лучше укрепить, замаскировать свой окоп, свою огневую позицию. Большинство из них побывало в жестоких боях под Старой Руссой, для них теперь не страшен был враг.

Офицеры политотдела дивизии, пропагандисты полков ушли в роты и батареи. Были проведены партийные и комсомольские собрания. Выступившие на них говорили о том, что все красноармейцы настроены биться до последнего патрона, до смерти, но врага не пропустят к реке Ловать.

Ответственный редактор газеты «В боях за Родину» С. Н. Холстинин организовал выпуск одного из номеров газеты, специально посвященный вопросам подготовки оборонительного рубежа.

Все мы, от командира дивизии до офицеров Штаба, находились в эти дни в ротах и батареях. Помогали, проверяли. А

вечером собирались ко мне в блиндаж и подводили итоги работы. Лучшим воинам в приказе по дивизиям объявляли благодарность, награждали ценными подарками, а некоторых, особо отличившихся, награждали медалью «За боевые заслуги».

С раннего утра уходили мы на передовую. В один из дней, когда в блиндаже еще царил полумрак, я проснулся. В щель от неплотно закрытой двери пробивалась узкая полоска света. Потихоньку поднялся, чтобы не разбудить Якова Петровича Островского, быстро оделся, убрал постель и собрался было уходить.

— Куда в такую рань? — спросил проснувшийся Островский.

— Что-то не спится, схожу в 140-й полк.

— Я с вами.

Вместе пошли по тропинке на участок батальона Казакова. Комбат сидел на площадке, оборудованной на четырех соснах, и рассматривал в бинокль противника. Увидев нас, спустился, коротко и четко доложил обстановку по карте и на местности. Показывал, давал характеристику каждой обнаруженной цели противника. Затем рассказал:

— Видите эту дорогу? Здесь организовали засаду — один стрелковый взвод, пулеметный и три противотанковых ружья, из-за опушки леса их прикрывает полковая батарея 76-мм пушек.

— А если фашисты вздумают идти в обход Деревкова на Пенну?

— Тогда мы ударим им во фланг.

— Хорошо.

Особенно понравилось мае и Островскому расположение артиллерийских позиций и организация системы огня. В обороне прежде всего решает дело меткий выстрел, четкие взаимодействия как внутри батальона, так и с артиллерией, танками, взаимная выручка.

В это время к нам подошел полковник Добылев. Ему тоже, видно, не спалось, вслед за нами появился на передовой. Мы посоветовались и решили еще одну батарею поставить на прямую наводку на предполагаемое танкоопасное направление.

И так до самого вечера мы переходили по траншеям из одного батальона в другой, не мешая работать командирам полков и их штабам, но кое-где в помогая советом и делом.

На другой день рано утром я, Добылев и Пташенко отправились на стык 182-й и 253-й дивизий. По договоренности встретились здесь с командиром 253-й генерал-майором Ефимом Васильевичем Бединым и его начальником штаба подполковником Петром Павловичем Киселевым. Мы понимали, что оба в равной степени несли ответственность за оборону.

Единодушно пришли к выводу, что противник главные усилия будет прилагать именно в стыке дивизий — местность, подходящая для передвижения танков и орудий.

Вечером этого дня мне сообщил начальник разведки армии полковник Яков Никифорович Ищенко, что через два-три дня ожидается наступление противника, примерно в полосе нашей и 253-й дивизий. Однако на нашем участке обороны в расположении противника пока никаких изменений не замечено. Тем не менее я забеспокоился и перешел с оперативной группой на передовой наблюдательный пункт.

Наутро майор Зорько доложил:

— За ночь отмечены передвижения противника: небольшие группы автомашин и танков в количестве 8-10 единиц. Может быть, готовится разведка боем с целью прощупать наш передний край и вскрыть систему огня.

Все командиры предупреждены и на своих НП наблюдают за действиями врага. Я наблюдаю в стереотрубу, но не вижу особых приготовлений к наступлению, передвигаются лишь отдельные солдаты по первой траншее, как обычно.

Так прошло часа два. Вдруг из леса показались танки, за ними пехота.

С нашей стороны молчание. Надвигаются танки, все громче и зловещее их гул. Вот они уже отлично видны с нашего НП, ощетинившиеся стволами пушек, пулеметов. Чем ближе к опушке, тем осторожней они маневрируют. Расстояние сократилось до прямого выстрела. Раздались выстрелы орудий. Танки остановились, два из них вспыхнули, остальные повернули назад. Из леса высыпала густая цепь пехоты. При поддержке артиллерии вновь двинулись вперед танки. Чем ближе подходили гитлеровцы к позициям батальона Казакова, тем их потери становились больше. Я звоню Казакову, слышу голос, но не его, незнакомый.

— Кто у телефона?

— Капитан Турчин, заместитель командира батальона.

— А где Казаков?

— Командир тяжело ранен.

У меня перехватило дыхание.

…Вечером 27 марта удалось эвакуировать капитана Анатолия Андреевича Казакова в медсанбат. После перевязки Анатолий ненадолго забылся, а когда очнулся, то увидел возле себя боевых товарищей. Умирая, Анатолий им сказал:

— Ну, товарищи, прощайте! Вы идите вперед на запад, а я с вами уже не смогу. Жаль! А так хотелось дойти до фашистского логова — Берлина. Да, видно, не судьба… Передайте мою просьбу полковнику Шатилову — похоронить меня в одной могиле с

любимым комиссаром…

На окраине спаленной дотла гитлеровцами деревушки, что километрах в пяти семи юго-западнее Парфино, находилось наше дивизионное кладбище. Там мы и захоронили капитана Анатолия Андреевича Казакова, самого молодого командира батальона в дивизии, красивого, стройного парня, всеобщего любимца. Жил он с думой о людях и погиб, защищая их. Когда оттаяла земля — посадили березки.

В 1967 году я приезжал на это кладбище. Тогда оно заросло травой, в ряд выстроились могильные холмики, все одинаковые, прямоугольные. Над некоторыми шумели листвой березки. Надписи давно стерлись, и я тщетно пытался отыскать могилу А. А. Казакова.

О том, как погиб его комиссар, я не знал, меня еще тогда не было в дивизии, но мне об этом рассказал Яков Петрович Островский.

— Комиссар батальона погиб в июне сорок второго года.

Он и Казаков сроднились в тяжелые годы войны и крепко дружили. Делили горе и неудачи, радость и успехи.

В июне, в один из жарких дней, утром, противник открыл сильный артиллерийский огонь и внакладку нанес массированный удар с воздуха по переднему краю дивизии. Вначале противнику удалось прорвать оборону на участке соседней дивизии, а потом он вышел во фланг 140-го полка. Главный удар обрушился на батальон Казакова. Враг пытался окружить батальон. Сил у противника было почти втрое больше, да еще танки, которых у Казакова не было.

Машины противника прорвались в тыл. Один из танков подошел метров на 100–130 к командному пункту Казакова в бил прямой наводкой по блиндажу.

Комиссар находился на правом фланге. Заметив нависшую над другом опасность, он передал об этом на НП дивизии. Командир дивизии полковник Корчиц на помощь Казакову направил группу истребителей танков под командованием старшего лейтенанта Погорелова, которая вышла в тыл танкам врага и расстреляла их.

Комиссар в этом бою погиб смертью храбрых…

После артиллерийской обработки наших позиций вновь вперед двинулась пехота с танками. Противник стремился прорвать нашу оборону на узком участке с целью выйти на реку Ловать. Завязался кровопролитный бой за каждый метр родной земли, за каждый окоп. Наши подразделения сдерживали натиск врага. Бойцы проявляли стойкость и отвагу.

И все же превосходящим силам гитлеровцев ценой больших

потерь удалось выйти на западную опушку леса, что северо-восточнее Пенны. В наиболее тяжелом положении оказался 171-й полк.

Цепь за цепью шла пехота за танками на позиции 171-го стрелкового полка. Казалось, нет конца этой пехоте и танкам. Наши станковые, ручные пулеметы не умолкали, противотанковые ружья и сорокапятки расстреливали танки врага в упор, ухали орудия полковой и дивизионной артиллерии.

Вражеская пехота вслед за танками упрямо шла в атаку на левый фланг 140-го полка. Гитлеровцы, конечно, и не подозревали, что впереди их ждет наш сюрприз. На высоте с кустами в траншеях замаскировалась и притаилась в ожидании противника огнеметная рота. Когда оставалось пятьдесят — шестьдесят метров до позиции роты, одновременно двадцать четыре огнемета выплеснули жаркое, пламя. Этого враг не ожидал. Ближние гитлеровцы полегли, обуглившись, другие, обгорелые, с дикими криками побежали назад, шесть танков охватило пламя, экипажи не успели выскочить, остальные боевые машины в панике уходили на большой скорости, давя своих же отступающих солдат.

Вторая пулеметная рота старшего лейтенанта Сергеева из девяти станковых пулеметов открыла уничтожающий огонь по отходящему врагу.

В это же время стрелковая рота старшего лейтенанта Баркалова из батальона капитана Богданова при поддержке батареи старшего лейтенанта Горлакова отбивала атаку за атакой гитлеровцев, рвавшихся к Пенне. Пенна — ключ в обороне нашей дивизии. Это сильный узел сопротивления, сильно насыщенный огневыми средствами и инженерными заграждениями, связан огнем пулеметов, противотанковых средств, минометов и артиллерии, системой инженерных заграждений с опорными пунктами Марфино и Аринино. Противник понимал, что, пока он не уничтожит батальонный район обороны Богданова, ему не войти в Пенну. Он сосредоточил весь свой артиллерийский и минометный огонь по позициям батальона, а затем перешел в атаку. Танки вместе с пехотой противника начали охватывать оба фланга узла сопротивления. Подразделения пеннского гарнизона не дрогнули, открыли косоприцельный и фланкирующий огонь из всех ручных и станковых пулеметов, ударили из автоматов и карабинов.

Отлично вели огонь по пехоте врага минометчики, а артиллеристы бронебойными снарядами били по танкам. Противник нес большие потери от мощного огня, но не останавливался, бросал в бой подразделение за подразделением.

А когда боеприпасы в батальоне оказались на исходе, их стали экономить, огонь ослаб. Фашисты почувствовали это, поползли к окопам защитников Пенны. Завязался гранатный бой. Но кончились и гранаты. Тогда комбат капитан Н. И. Богданов поднялся во весь рост и подал команду: «За мной! В атаку!» За ним пошли не только стрелки, но и пулеметчики, артиллеристы, саперы, связисты. Схватка длилась недолго, гитлеровцы не выдержали рукопашной, часть из них бросили оружие и сдались в плен, а тех, кто убегал, косили пулеметным и автоматным огнем. Отстояли батальонный район обороны и на этот раз.

После боя замполит Я. П. Островский рассказал мне о том, как дрались некоторые офицеры батальона…

…Старшего лейтенанта Баркалова ранило, но он не ушел на медпункт. Медсестра перевязала ему рану, и он продолжал командовать ротой. Глядя на него, раненые бойцы оставались в строю и дрались наравне со здоровыми.

В пулеметной роте один из расчетов полностью вышел из строя. Тогда командир роты старший лейтенант Сергеев лег за пулемет наводчиком, а за второго номера работал его ординарец. Они открыли меткий фланкирующий огонь, устилая вражескими трупами подступы к огневой позиции.

На другом участке обороны между Марфино и Пенной гитлеровцам удалось просочиться и в глубину нашей обороны. Но там танки и штурмовые орудия, за которыми шла пехота, нарвались на батарею лейтенанта Загайнова из 14-го отдельного противотанкового дивизиона. Артиллеристы под ураганным огнем противника ударили прямой наводкой с дистанции около ста метров бронебойными снарядами по танкам, а по пехоте картечью. Вскоре шесть танков врага остановились, три из них охватило пламя. Остальные повернули обратно. За отвагу и высокое воинское мастерство Сергей Загайнов вскоре был награжден орденом Александра Суворова III степени…

Оборона в пределах 1-й полосы была стойкой. Взаимодействие подразделений не нарушалось, массирование огня, упорное удержание частями дивизии ключевых позиций и важных районов местности на направлениях наступления противника, героизм всего личного состава — вот что характерно для этого боя.

Волновало меня лишь развитие событий на стыке обороны нашего 171-го полка и подразделений 253-й стрелковой дивизии. Здесь гитлеровцам удалось создать значительный перевес в живой силе и технике и потеснить наши войска на первой позиции. Несколько подразделений вынуждены были отойти на 3–4 километра в глубину нашей обороны. В целом же оборона

дивизии не была взломала, а вот противник подставил свои фланги. Тем не менее положение здесь было чрезвычайно тяжелым и для нас, и для нашего соседа.

В моем блиндаже собрались начальник штаба С. П. Тарасов, заместитель по политической части Я. П. Островский, командующий артиллерией И. П. Добылев и начальник политотдела С. Е. Левин. Я внимательно выслушал их мнение о создавшейся обстановке, предложения о том, как поправить дела. Одни предлагали отвести 140-й полк на вторую позицию, выровнять фронт, другие — вводить второй эшелон в бой, чтобы не допустить дальнейшего распространения врага в глубину нашей обороны. Но ни то, ни другое предложение не было, на мой взгляд, приемлемо в данной обстановке.

Командиру, организующему контратаку, очень важно определить момент ввода своего второго эшелона. Наиболее целесообразно проводить контратаку, когда вклинившийся в оборону противник исчерпал свои силы и средства, остановлен, но еще не успел закрепиться на занятых рубежах и подтянуть резервы. Вот тогда, не дав ему прийти в себя, опомниться, внезапно контратаковать.

Немецкая тактика нам была известна — вначале прорвать оборону на узком участке, а потом сворачивать одновременно оба фланга вправо и влево с целью окружения и уничтожения обороняющихся подразделений противника. Как только танки с пехотой выходят на вторую позицию, так артиллерия меняет свои огневые, а пункты управления переходят ближе к первому эшелону. В это время у противника нарушается частично связь, огонь становится слабее.

Вот в этот момент надо вводить свой второй эшелон. Вместо второго эшелона необходимо иметь в своем распоряжении резерв. В данном случае у нас есть учебный батальон, рота автоматчиков 140-го полка, семь танков 32-ю танкового полка и сборы снайперов — 135 человек.

Командиром резерва я назначил майора Назаренко, заместителем по политической части — старшего лейтенанта Карепанова. Резерв расположился в лесу, недалеко от командного пункта дивизии.

Получив наши доклады, очень забеспокоились и в штабе армии. Вначале позвонил член Военного совета генерал И. П. Шевченко, за ним командующий генерал С. Г. Трофименко. Выслушав информацию о сложившейся обстановке и принятом решении, командарм предупредил меня: «Ни в коем случае не допустить противника на Рамушевское шоссе. Это единственный путь подвоза к переднему краю и обратно».

Только положил телефонную трубку после разговора с командующим, а мне уже докладывают о том, что гитлеровские автоматчики численностью до роты вышли на это шоссе и перекрыли движение транспорта.

Я приказал командиру роты автоматчиков капитану П. А. Лябокину вести своих людей к шоссе и во взаимодействии с приданным взводом танков уничтожить противника на Рамушевском шоссе.

Через два часа капитан Лябокин доложил:

— Задачу выполнили. Дорога свободна, транспорт пошел. Захватили двух фашистов в плен. Они из 126-й пехотной дивизии.

В то время пока я разговаривал по телефону с Лябокиным, гитлеровцы открыли сильный артиллерийский огонь по району расположения нашего НП. Один из снарядов попал в мой блиндаж. Я сидел за телефоном в крайнем дальнем углу, осколки просвистели мимо.

Первым вбежал в блиндаж начальник политотдела Левин:

— Вы живы?

— Как видите.

— Ну, товарищ комдив, вы в рубашке родились…

Во второй половине дня артиллерийско-минометный и ружейно-пулеметный огонь со стороны врага стал стихать. Мы организовали внезапные контратаки и на отдельных участках остановили врага. Фашистские солдаты стали прятаться от нашего огня в захваченных окопах и блиндажах. Офицеры с большим трудом выгоняли их оттуда, чтобы снова заставить идти в наступление. Противник продолжал нести большие потери. Чувствовалось, что наступающие выдыхаются, а резервы еще не подошли. По данным нашей разведки, они находились где-то в районе Старой Руссы и могли подойти только к утру 31 марта. Я решил вводить второй эшелон дивизии. Договорились с командиром 253-й дивизии генерал-майором Е. В. Бединым и начальником штаба подполковником П. П. Киселевым вводить свои силы одновременно после десятиминутного артиллерийского налета.

Наступление началось успешно. Противник, почувствовав угрозу окружения, стал поспешно собирать в кулак наличные силы и с ходу бросать в бой против наступающих, но остановить нас не смог.

К исходу дня 232-й стрелковый полк соединился с 883-м стрелковым полком 253-й стрелковой дивизии. Подразделения очистили траншеи первой позиции от фашистов и заняли оборону фронтом на запад. Вклинившийся в наше расположение противник оказался в окружении.

Наступила ночь. Затихала стрельба с обеих сторон. Только изредка в небе распускался сумрачный желтый свет — взлетали ракеты, роняя искры над лесом. Мы выслали разведывательную группу на дорогу, идущую от Старой Руссы на Пенну. По нашим предположениям, резерв противника должен пройти только здесь. В три часа ночи командир разведгруппы лейтенант Новоселов по рации доложил:

— Колонна противника двигается по дороге на Пенну.

Захватил пленного унтер-офицера 5-й легкопехотной дивизии.

Нам все стало ясно. Дивизия спешит к образовавшемуся прорыву для развития успеха. Но она уже опоздала. Брешь захлопнули и подготовились к ее встрече.

С 5-й легкопехотной дивизией нам уже приходилось встречаться в бою. Создана она была в ноябре 1941 гола на базе переформированной 5-й пехотной дивизии на Западе, с февраля 1942 года — на нашем фронте. Пленные рассказывали, что командовал дивизией генерал-майор Тумм, умный и деятельный, коварный и необыкновенно жестокий к подчиненным и мирным жителям. Действует всегда внезапно, стараясь захватить противника врасплох. Дивизия подвижная и маневренная, состоит из двух полков.

Мы прикинули — дивизия может подойти и занять исходное положение для атаки к девяти-десяти часам утра.

Став с подходом 5-й пехотной дивизии сильнее двух наших дивизий, фашистское командование решило с ходу ввести это соединение в бой. Оно было настолько уверено в успехе, что не сочло даже нужным оставить резерв.

В 10.00 началась артиллерийская подготовка, которая проводилась на стыке 182-й и 253-й дивизий и продолжалась 30 минут. Как только замолчали пушки и минометы, появились фашистские танки, а за ними густые цепи пехоты в сопровождении штурмовых орудий. Казалось, прорвут гитлеровцы нашу оборону, смешают все на своем пути с землей. Но не так-то просто выбить нашего бойца из окопа тогда, когда дивизия подготовилась к встрече сильного врага. Ответный артиллерийско-минометный огонь прижал гитлеровскую пехоту к земле.

Меткий огонь артиллеристов бронебойными снарядами, отвага расчетов противотанковых ружей, ручные противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью стрелков и, наконец, огневые струи огнеметной роты остановили тапки и штурмовые орудия врага. За первой атакой последовала вторая и третья, но уже не такие сильные, они становились все слабее и слабее. Ни на

одном участке 5-й пехотной дивизии не удалось вклиниться в полосу обороны, благодаря стойкости и упорству нашего бойца, умению и смелости командира.

Отбив атаки врага, наш резерв — сборный отряд Назаренко одновременно с таким же отрядом 253-й дивизии и во взаимодействии с полками дивизий перешли в решительное наступление на окруженную группу врага, двигаясь навстречу друг другу. Вначале вклинившиеся подразделения разрезали на части и до рассвета разгромили основную группу противника. Только на отдельных участках остались небольшие очаги сопротивления, но они без особого труда вскоре были ликвидированы.

Итак, 182-я стрелковая дивизия с приданными частями во взаимодействии с 253-й стрелковой дивизией уничтожили прорвавшиеся подразделения противника и восстановили утраченные позиции.

Потери врага были столь велики, что 5-я легкопехотная дивизия вынуждена была отказаться от наступления, она перешла к обороне на левом берегу реки Парусья, не оказав помощи окруженным.

Вместе с Я. П. Островским я проехал по местам наиболее ожесточенных боев. Земля здесь была изрыта снарядами и минами, повсюду валялись изуродованные танки, машины, тягачи, пушки и пулеметы. Побывали мы и на том одном квадратном километре, где бойцы батальона капитана Чабоненко из 232-го стрелкового полка вместе с артиллеристами 140-го отдельного противотанкового дивизиона и минерами 201-го саперного батальона стояли насмерть и не пропустили врага, когда он на стыке двух дивизий стремился прорваться к окруженным подразделениям и спасти их.

Тепло побеседовали мы с бойцами и командирами стрелковой роты. В подразделении осталось 43 чудо-богатыря. Противник переходил в атаку за атакой, дело доходило до штыкового боя, но фашисты не прошли. На командира роты набросилась девять пьяных фашистов, пытаясь взять его в плен, но всех их он уложил из своего автомата.

В это время подъехала еще одна легковая автомашина. Из нее вышел генерал-лейтенант Михаил Николаевич Шарохин — начальник штаба фронта. Я представился генералу, доложил обстановку. Внимательно выслушав меня, Михаил Николаевич рассказал, что сегодня один из пленных фашистских офицеров заявил на допросе в штабе фронта о том, что мы пленных расстреливали. По этому сигналу к нам он и приехал. Генерал, я и Островский пошли на место «преступления», на поле боя.

Шарохин остановился около пулеметчика. Рядом чернела громада сгоревшего немецкого танка.

— Как фамилия? — спросил генерал.

— Наводчик ефрейтор Лепешев.

— Не испугался танка?

Он посмотрел на генерала и ответил:

— Некогда было пугаться, да и Мусатов с ПТР рядом.

— Молодцы.

Выяснилось, что красноармеец Мусатов сразил танк врага из противотанкового ружья. Еще дым из ружья не рассеялся, появился второй танк. Он шел на полном ходу на станковый пулемет. Выстрел Мусатова — и из танка повалил черный масляный дым…

От пулеметчиков перешли к подбитому танку. Красноармеец Мусатов показал пробоину на броне. Недалеко от танка располагалась рота старшего лейтенанта Сомова, который рассказал:

— Фашисты врывались несколько раз в наши окопы. Мы отбивались гранатами, штыками, прикладами.

— А как вы отличали в темноте гитлеровцев от своих?

— По вещевым мешкам за плечами.

Рядом стоял младший сержант Данилов с забинтованной головой. Я давно был знаком с ним. Он отличался и раньше, и я вручал ему государственную награду. Данилов ничем внешне особенно не выделялся, но было в нем нечто такое, что, как магнит, притягивало к нему. Он умел убеждать людей.

К нему и обратился генерал:

— Как все произошло?

Данилов встал по стойке «смирно».

— Ночь была темная. Фашисты прыгали к нам в траншею, один из них прыгнул на мои плечи. Схватил за горло мертвой хваткой и душит. Я стиснул ему запястья и вывернул руки, он упал па дно траншеи, а я его оглушил гранатой. Мое отделение расправилось с гитлеровцами, четырех взяли в плен и отправили в штаб.

— А может быть, кого-нибудь из пленных расстреляли сгоряча? — спросил Шарохин.

— Такого никогда не было! — твердо ответил младший сержант.

Побеседовав со многими командирами и бойцами, генерал убедился, что случаев расстрела пленных у нас не было. Фашистский офицер клеветал…

На всю жизнь мне запомнились эти двухдневные бои. После них противник, измотанный и обескровленный, отошел на свои

прежние позиции и притих.

Командующий армией генерал Трофименко сказал мне при первой же встрече:

— Это очень важно было, Василий Митрофанович, не пустить на шоссе фашистов. С этой задачей 182-я дивизия справилась.

Стоим в обороне

В начале апреля 1943 года 27-я армия была выведена в резерв Ставки ВГК, а в мае передислоцирована в район Курского выступа, где вошла в состав Степного военного округа. Впоследствии ее соединения участвовали в Белгородско-Харьковской операции в составе Воронежского и Степного фронтов.

182-я стрелковая дивизия оставалась на Северо-Западном фронте теперь уже в составе 34-й армии, которой командовали с марта по июнь 1943 года генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин, а затем генерал-лейтенант Иван Герасимович Советников. Жаль было расставаться с Сергеем Георгиевичем Трофименко.

К нему мы привыкли, его уважали несмотря на то, что иногда он был слишком строг и требователен. Под его командованием в течение трех месяцев вели мы непрерывные бои в ходе Демянской наступательной операции. А на войне три месяца — большой срок!

А как пойдет служба с новым командующим, гадали мы. Офицеры, которым довелось с ним служить, рассказывали, что еще во время 1-й мировой войны он окончил школу прапорщиков и командовал ротой. В годы гражданской войны сражался против белогвардейцев. После войны занимал ряд командных и штабных должностей, участвовал добровольцем в Национально-революционной войне испанского народа 1936–1939 гг. Вернувшись в Советский Союз, командовал дивизией и армией, имел огромный опыт работы в войсках. По характеру очень спокойный, уравновешенный, умеет выслушивать подчиненного, заботливый, смел в бою.

Членом Военного совета был генерал-майор Василий Иванович Черешнюк, интеллигентный, вежливый, знающий политработник. С первого дня знакомства все в дивизии полюбили его. Он был частым гостем у нас, к нему можно было обращаться по любому вопросу. Не припомню случая, чтобы Василий Иванович оставил без ответа вопрос или просьбу подчиненного.

Вскоре мы получили директиву командующего армией, которая требовала от всех нас, командиров, использовать затишье для укрепления обороны, особенно противотанковой и противовоздушной. Одновременно готовить войска к наступлению на основе новых полевого и боевого уставов пехоты, опыта предшествующих боев.

В дивизию поступило пополнение, бойцы и командиры в основном приходили из команд выздоравливающих, имели боевой опыт. Этого, конечно, было очень мало для восполнения потерь и доведения численности подразделений до штатной. Но мы понимали, что основное количество маршевых формирований направлялось Ставкой туда, где назревали главные события.

С юга шел теплый влажный ветер, разгонял тучи, под деревьями кое-где еще лежали островки снега, но открытые солнцепеку места уже подсыхали. Не имея сил для наступления, противник перешел окончательно к обороне. Но, несмотря на относительное спокойствие на передовой, мы были в постоянной боевой готовности. Наблюдение за противником днем, а ночью на переднем крае усиленное дежурство. Проводили разведку боем подразделениями силою от взвода до роты. Например, 9 апреля стрелковая рота 140-го полка ночью ворвалась в траншею противника, уничтожила более полусотни фашистов, захватила в плен двух солдат 126-й пехотной дивизии и без потерь отошла в свои траншеи.

Гитлеровское командование организовывало в свою очередь ответные вылазки, искало слабые места в нашей обороне. Так, 15 апреля наши разведчики обнаружили сосредоточение 100–150 фашистов западнее Пенны и до 100 человек в районе Деревково. Получив эту информацию, артиллеристы накрыли сосредоточенным огнем одновременно обе группы, готовящиеся к проведению разведки боем. Враг был захвачен врасплох, покинул позиции боевого охранения и отступил на исходные. Четвертая рота воспользовалась замешательством гитлеровцев и ворвалась в траншеи противника, захватила станковый пулемет и двух пленных.

Вскоре мы получили приказ в ночь на 15 мая сдать свой полосу обороны соседним дивизиям, выйти вдоль реки Ловать в район Берлюкова, Редцы и поступить в армейский резерв. КП дивизии разместить южнее Гридино. Здесь мы уже размещались, почти все блиндажи сохранились.

Как только дивизия заняла указанный район, части приступили к плановым занятиям по боевой подготовке.

В ходе учебы офицерского состава первостепенное внимание уделялось отработке взаимодействия подразделений в наступлении, организации маневра огневыми средствами, вторыми эшелонами и резервами в процессе боя.

Занятия в подразделениях сначала проходили поротно. Бойцы тренировались в стремительных бросках, в стрельбе на ходу из автоматов и ручных пулеметов, метании ручных гранат по траншеям противника. Когда роты стали действовать дружно и

согласованно, приступили к отработке тактических элементов в составе батальона.

Мы сориентировали командиров полков и батальонов, в каком месте вероятнее всего дивизии придется прорывать гитлеровскую оборону. Нам предстояло вести бои в лесисто-болотистой местности и на открытых местах, сбивать врага с высот и выбивать из мелких населенных пунктов, преодолевать под огнем водные преграды. Подходящую местность подобрали западнее Гридино, с северо-запада Редцы, там и начали учиться. С новым пополнением изучали материальную часть оружия, проводили стрельбы.

Через неделю я приказал командующему артиллерией дивизии полковнику Добылеву подключить для занятий к каждому стрелковому полку по одному дивизиону. Важно было научить бойцов как можно ближе прижиматься к разрывам своих снарядов, неотрывно наступать вслед за огневым валом. Хотя в батальоне народ и был обстрелянный, все равно он нуждался в такой тренировке, а тем более эта учеба нужна была для пополнения. После подготовки батальон проверяли офицеры штаба во главе со мной или моим заместителем полковником С. С. Шульгиным. Мой заместитель с утра и до вечера находился в частях, не отрывался от контроля за учебой.

Вскоре командир 140-го стрелкового полка подполковник Кротов доложил:

— Второй батальон готов, можно принять зачет.

Я с Островским вышел на опушку леса, где в траншеях на исходном рубеже стояла бойцы, готовые броситься в атаку.

Поднялись на холмик, поросший кустарником, и стали наблюдать за действиями батальона.

Вскоре мы увидели, как вверх взвилась ракета. Артиллерия открыла огонь. Понеслось громкое «Ур-р-р-а-аа!». Бойцы дружно выскочили из траншей и устремились, стреляя на ходу, вперёд. За 20–25 метров в траншеи «противника» полетели гранаты — и последний рывок, самый ответственный для бойцов, идущих в цени. Артиллерия перенесла огонь в глубину, чтобы не дать «противнику» опомниться, открыть ответный огонь по цепи. Не задерживаясь в первой траншее, продвинулись ко второй.

Последовал отбой.

Подразделения с большой точностью выполняли приемы, требуемые Боевым уставом: бросок в первую траншею, сквозная атака. Артиллерийские батареи своевременно открыли огонь. Учебная атака выполнена была очень правдоподобно.

Мы стояли на холмике и с большим удовлетворением наблюдали стройную и организованную атаку батальона,

восхищались четким взаимодействием артиллерии и стрелковых подразделений.

Подошел капитан Турчин, доложил:

— Товарищ полковник! Батальон построен для разбора.

Итоги подвели быстро. Занятия прошли хорошо. Красноармейцы и офицеры всю душу вложили в полевые учения. Всему личному составу батальона была объявлена благодарность.

Все 35 дней батальоны дивизии совершенствовали тактическую подготовку. Пополнили личным составом подразделения за счет бойцов, возвратившихся из госпиталей, и прибывших новобранцев.

Хочется рассказать о необычном взводе в составе 26 девушек, отлично подготовленных к стрельбе из снайперской винтовки. Это были выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки в Москве, сформированной по инициативе ЦК ВЛКСМ в 1943 году. Наша дивизия первой приняла этот взвод. Признаться, мы беспокоились, как будут чувствовать себя девушки во фронтовой обстановке. Решили целиком передать взвод в состав 232-го стрелкового полка.

В части их встретили тепло. Я открыл короткий митинг:

— Мы рады вашему прибытию к нам. Будем бить и гнать врага с нашей родной земли вместе…

Затем несколько добрых слов сказал Я. П. Островский и выступил широко известный в армии снайпер Алексей Пупков. Он очень просто, по-товарищески сказал о том, что желание бить врага — это еще не все, недостаточно даже меткого выстрела, хотя промазать снайпер не имеет права. Надо еще уметь вести себя на передовой. Снайпер должен стараться перехитрить врага, иначе он тебя сам перехитрит. Снайперская работа трудная, требует физической выносливости, храбрости, настойчивости, упорства, непреклонной воли к победе. Снайперу приходится от темна до темна лежать в окопе, под кустом, в воронке, в болоте за кочкой, под дождем и под снегом вблизи от противника, подстерегая, выслеживая и поражая гитлеровца. Выстрел — и надо не шелохнувшись лежать или скрытно уходить на другое место. Неизбежны встречи с тренированным, хитрым, коварным и жестоким врагом. Снайпер не должен ждать, пока враг сам подставит голову под пулю, а обязан первым найти цель, больше того, должен вынудить противника обнаружить себя.

— Все это старые, опытные снайперы покажут, ознакомят с местностью и расположением противника.

Пупков не скрывал, что случались и у наших опытных снайперов промахи, и тяжкие промахи: выстрелил, не вытерпел, выглянул, пытаясь узнать — попал или нет, а вражескому

снайперу только это и нужно. Снайперы противника держали на прицеле каждый предмет, бугорок, куст, воронку, пенек, кочку.

— Так что, все вам это надо с первого дня учесть и быть осторожными. Желаю вам солдатского счастья!

После митинга был дан концерт. Пели Петр Твердохлебов, Алла Белявская, Зоя Лапина, выступали плясуны…

Через несколько дней я позвонил командиру 232-го стрелкового полка подполковнику Ивану Григорьевичу Мадонову, поинтересовался, как началась суровая солдатская служба у девушек-снайперов.

Иван Григорьевич рассказал о том, как первый раз старший сержант Нина Гусева вместе с сержантом Софьей Бушковой на рассвете пришли в траншею, где их ожидал командир роты старший лейтенант Владимир Гуськов.

— Рановато, девушки, пришли, посидите, — предложил он.

Посидели немного, вскоре небо стало заметно светлеть.

— Пора.

Поползли к старому разрушенному блиндажу, заросшему бурьяном.

— Залезайте в него и наблюдайте, — сказал Гуськов, а сам пополз обратно.

Девушкам стало не по себе. Медленно тянулось время. Пронесся снаряд, разорвался далеко позади. Застучал пулемет. До боли в глазах наблюдали около часа. Но вот в первой траншее промелькнула вражеская каска. Девушки прицелились. Первой выстрелила Нина и закрыла глаза. Думала, что мимо. А Соня толкает ее в бок и тихо шепчет:

— Молодец!

Нина вздохнула с радостным облегчением — счет уничтоженным фашистам открыт.

Зина Наумичева была прикреплена к опытному снайперу Сибирякову. С ним она и отправилась на первое боевое задание. Ночью пришли в траншею 5-й роты. Командир роты старший лейтенант Овчинников посоветовал снайперам расположиться за холмиком, поросшим кустарником и бурьяном.

Перед самым рассветом снайперы бесшумно выдвинулись туда. Осмотревшись, Сибиряков предложил Зинаиде укрыться в воронке от бомбы. Девушка обрадовалась — ведь и сама она приметила эту более надежную огневую позицию. Тем временем Сибиряков переполз в воронку метрах в ста левее. Наумичева видела, как быстро и умело он замаскировался.

До обеда было тихо. Ветер разогнал тучи, показалось солнце. Передний край врага стал просматриваться лучше. В первой траншее изредка мелькали каски, но Зина не успевала

прицелиться, нервничала. Вспомнила о том, что ее напарник предупреждал:

— Спокойнее, потеряла из виду цель, не волнуйся. Фашисты будут бегать.

В этот момент появились гитлеровцы. Выстрел.

— Упал, — жестом показал Зине Сибиряков. — Поздравляю!

Девушка увидела, что и сам напарник начал целиться и при этом чуть-чуть приподнял голову. Раздался выстрел. Сибиряков лицом уткнулся в землю. Вражеский снайпер заметил его движение.

Сибирякова похоронили на дивизионном кладбище. Зина посадила березку на его могиле и долго, пока дивизия не сменила позиции, ходила туда.

* * *

В ночь на 23 июня наше соединение сменило 10-ю воздушно-десантную дивизию и заняло оборону на рубеже река Редья, Михалкино, Чернышеве. Оборона составляла по фронту 15 и в глубину 12 километров.

После смены приступили к инженерным работам. Углубляли траншеи и ходы сообщения, строили дзоты, блиндажи и землянки для жилья.

Для командного пункта дивизии использовали блиндажи, в которых ранее размещался командный пункт 10-й воздушно-десантной дивизии, оборудованные на берегу реки Ловать в селе Рамушево.

5 июля началась Курская битва.

У нас, на Северо-Западном фронте, весь личный состав горел желанием помочь воинам, сражавшимся на Курской дуге. Многие просили отправить их туда.

В один из июльских дней к нам на КП прибыли командарм генерал-лейтенант Советников с начальником оперативного отдела армии полковником Сченсновичем. С Владимиром Сченсновичем три с половиной года учились вместе в Академии имени М. В. Фрунзе, закончили ее в 1938 году и разлетелись в равные военные округа.

Пока командарм разговаривал с бойцами-связистами, мы успели перебросится вопросами об однокурсниках, с которыми довелось встретиться на дорогах войны. Каждый из нас несколькими словами рассказал о себе.

Затем по карте я доложил командующему обстановку.

— Главная наша с вами задача, — подчеркнул генерал, —

удержать вражеские части, чтобы они не снялись с нашего фронта и не были переброшены под Курск. Там идут упорные бои, немцы рвутся к Курску.

Побеседовав на КП, командарм решил пойти на передний край обороны. Побывали в первой траншее, дзотах, в блиндажах, командующему понравились землянки, где отдыхали бойцы. Осмотрели они полки, на которых были аккуратно расставлены чистые кружки, ложки, котелки. Генерал Советников интересовался: есть ли у бойцов табак, бумага, спички, получают ли они вещевое довольствие, как с питанием? Отвечали на его вопросы охотно, разговорились о героизме советских воинов на Курской дуге. Один сержант, на гимнастерке которого был орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», обратился к генералу:

— Разрешите спросить?

— Спрашивайте!

— Скоро наш фронт, товарищ генерал, перейдет в наступление?

— Скоро! Но сейчас надо помогать нашим войскам на Курской дуге. Необходимо добиться того, чтобы ни одного вражеского солдата не отправили с нашего фронта.

В это время поблизости разорвался снаряд. Пришлось лечь на дно траншеи. Кончился обстрел, командарм встал, отряхнул пыль, пытливо посмотрел на бойцов, которые также были уже на ногах.

— Не страшно? — спросил Советников.

— Нет. Мы обстрелянные.

Тут к нам подошел новый командир 171-го полка подполковник Максим Ильич Воронин, недавно назначенный на эту должность вместо Ивана Ивановича Неймана, уехавшего на учебу. Это был бывалый командир, он служил офицером еще в старой русской армии, прошел империалистическую, гражданскую войны. Воронин представился командарму. На все вопросы генерала отвечал четко и ясно. Несмотря на то что прибыл в дивизию недавно, знал уже фамилии, имена, отчества комбатов и командиров рот. Особенно тепло отзывался Воронин о Николае Ивановиче Микерове.

Мы как раз находились в расположении батальона Микерова. На передовой часть бойцов работала, улучшала позиции. Молодое пополнение на практике изучало оружие я порядок ведения боя в лесисто-болотистой местности на тыловом специально подготовленном рубеже. Отрабатывали перебежки, броски в атаку, метание ручных гранат на ходу, бой в траншеях противника.

В полку у Воронина дела шли нормально. Хорошее

впечатление произвели на командарма и батальон, и его командир майор Микеров.

От Воронина мы направились в расположение 232-го стрелкового полка по первой траншее, вырытой по берегу реки Редья. На стыке полков нас встретил командир 232-го полковник Гавриил Давыдович Емельянцев. Он тоже прибыл недавно вместо подполковника Мадонова.

По обороне 232-го полка командарм каких-либо замечаний не сделал. Полковник Емельянцев задачу свою знал хорошо. Полк надежно закрепился. Обучение молодых красноармейцев проходило по расписанию.

Подошли к моему НП. Командующий расстегнул воротник гимнастерки, снял фуражку и поднялся по лестнице на площадку, сел на небольшой стульчик-чурбачок, прильнул к окулярам стереотрубы и долго рассматривал передний край противника, давал указания полковнику Сченсновичу, а тот отмечал указанное на карте.

В это время пришел майор Зорько и доложил:

— Товарищ генерал, разведчики захватили пленного.

— Вот это кстати. Ведите его сюда. У вас переводчик есть? — обратился командующий ко мне.

Рядом уже стоял лейтенант Бейлин, и я указал на него. Пленный чувствовал себя вначале довольно бодро, но когда увидел генерала, перепугался и стал заикаться. Советников обратился к переводчику.

— Допросите о главном. Подробности выясните потом. Пленный оказался из 28-го полка 8-й пехотной дивизии, которая стояла на этом оборонительном рубеже.

— Кто командует дивизией?

— Генерал-майор Фолькамер…

После допроса пленного генерал снова поднялся на площадку. Я заметил, что он особенно часто переводил стереотрубу в сторону деревень Горушка и Михалкино.

— В районе Горушки, полковник Шатилов, прошу не проявлять никакой активности.

После отъезда генерал каждое утро звонил мне, расспрашивал об изменениях у противника на нашем участке фронта.

Северо-Западный фронт укреплял свои оборонительные рубежи и в то же время вел активные боевые действия, делая все, чтобы враг не перебрасывал войска на юг. О том, что готовилось большое наступление, знал только узкий круг лиц. Даже мы, командиры дивизий, об этом не знали.

Тем временем закончилось оборонительное сражение

советских войск под Курском. 12 июля они перешли в контрнаступление.

17 августа во второй половине дня. ко мне на наблюдательный пункт приехал генерал Советников.

— Завтра с утра войска Северо-Западного фронта переходят в наступление. Задача такова — освободить город Старая Русса и капитально сковать главные силы 16-й армии врага. В случае успеха вашей дивизии продолжать наступление в направлении Горошко, Маврино.

Итак, главный удар решено было нанести по крупному узлу сопротивления гитлеровцев — Старой Руссе. Город был хорошо укреплен, и фашистское командование надеялось его удержать.

Предварительно до начала операции командующий Северо-Западным фронтом проводил командно-штабные учения на картах. Отрабатывался вопрос наступления в направлении города. Присутствовали на этих учениях и командиры дивизий. Мнения присутствовавших разошлись: одни считали необходимым нанести основной удар на Старую Руссу, считая, что через город проходит кратчайший путь к Пскову и войска сразу выйдут на оперативный простор. Другие же, в числе которых был и я, предлагали нанести основной удар на город Сольцы, что был расположен в 30 километрах от Старой Руссы. Мы предлагали тем самым обойти Старую Руссу. Путь, естественно, более далекий, но тут мы учитывали то, что оборона у противника там была слабой. Силами и средствами, которыми располагал фронт, успешно можно было там прорвать оборону. Первое решение было утверждено, но, забегая вперед, должен сказать, что августовская операция не удалась. Только через шесть месяцев был использован второй вариант и город Старая Русса был освобожден.

После получения приказа генерала Советникова я собрал командиров частей на свой НП и поставил перед ними задачи на наступление. Каждому полку была указана полоса наступления. Боевой порядок полков — в два эшелона, поэтому необходимо вывести по одному батальону во второй эшелон, отработать вопросы взаимодействия с соседними подразделениями.

Над вершинами деревьев уже вставала заря, высокие гряды облаков зажигались будто из-под земли горячим огнем. Наступало ясное, солнечное утро 18 августа. Поплыл редеющий туман по глади реки Редья. Лес затрещал от птичьего гомона, а мы ждали сигнала атаки.

С НП были видны отдельные участки траншеи, где замерли бойцы на исходном положении для атаки. Вот-вот должен был прозвучать первый орудийный залп. Мы его ждали, но грохот

орудий раздался как-то неожиданно. Дрогнула земля. Тревожно зашумел лес. Тысячи снарядов и мин стали рваться на переднем крае противника.

Шестьдесят минут продолжалась артиллерийская подготовка. Завершил ее залп гвардейских минометов. Вперед в атаку двинулась пехота. Цепи стрелков обгоняли танки. Вот уже танки и пехота ворвались в первую траншею противника. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. Неся большие потери, подразделения ворвались во вторую и местами в третью траншеи. Пытаясь там закрепиться, мы отражали одну контратаку за другой, но пришлось отойти в исходное положение…

Основная причина неуспеха заключалась в том, что наша артиллерия не смогла разрушить или подавить укрепления и огневые точки противника, расположенные перед городом. Слабо поддержала наши атаки и авиация. Мало того, после артиллерийской подготовки в воздухе появились самолеты противника, а наших истребителей так и не было.

Используя уцелевшие высокие городские здания, гитлеровский командный состав имел возможность непрерывно наблюдать за полем боя. Разобравшись в обстановке, на следующий день гитлеровцы на отдельных участках контратаковали нас.

20 августа я получил приказ из штаба армии захватить деревню Горушка. Цель этой операции заключалась в том, чтобы активными действиями на этом участке отвлечь как можно больше войск противника с главного направления.

Для выполнения поставленной задачи мы решили выделить батальон Бурмистрова из 232-го стрелкового полка и два артиллерийских дивизиона капитанов Ермолина и Максимова из 625-го артиллерийского полка.

Майор Бурмистров до наступления темноты провел с командирами рот и артиллеристами рекогносцировку, указал направление атаки каждому взводу, организовал взаимодействие.

В ночь на 22 августа роты Мочалова и Гуськова вышли на исходное положение для атаки.

На другой день в восемь часов утра началась двадцатиминутная артиллерийская подготовка по позициям гитлеровцев в деревне Горушка, а затем бойцы первой и второй рот стремительным броском достигли траншей противника, забросали их гранатами и захватили деревню. Было уничтожено 94 гитлеровца, несколько человек сдались в плен, захвачено три миномета, две легких пушки, четыре станковых пулемета, около сотни автоматов и винтовок.

Вслед за стрелками появились саперы, которые установили

мины и проволочные заграждения, подступы к деревне со стороны города. Артиллеристы оборудовали огневые позиции для ведения стрельбы прямой наводкой. Переоборудовали немецкие оборонительные сооружения. Деревня превратилась в наш ротный опорный пункт.

К вечеру противник пришел в себя и предпринял контратаку, но она успешно была отбита.

Бои за Старую Руссу продолжались весь август. Город освободить не удалось. В этих боях были потери. Героически погиб командир 188-й стрелковой дивизии полковник Михаил Георгиевич Волович. Он был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Хотя Старая Русса и не была освобождена, но главная задача была нами выполнена: гитлеровское командование не сняло ни одной дивизии с Северо-Западного фронта и не перебросило их на южные направления.

23 августа стало известно, что освобожден Харьков. У наших бойцов настроение было превосходное.

Совсем другие настроения были у немецких солдат. Один из них — рядовой первого батальона 28-го полка 8-й пехотной дивизии, добровольно перешедший к нам, рассказал:

— Многие немецкие солдаты больше не верят в победу Германии и считают, что, чем скорее удастся перейти на сторону Красной Армии, тем лучше, больше надежды сохранить жизнь. Если нам пришлось летом отходить, то зимой придется бежать. Но перейти к вам очень трудно — следят офицеры и гестаповцы. В случае малейшего подозрения сразу расстреливают.

В дивизию тем временем прибыл новый начальник политотдела подполковник Степан Лаврентьевич Хромов. Он участвовал в советско-финляндской войне, был награжден орденом Ленина. Впечатление о нем при первом знакомстве было хорошее. Немногословен, умеет выслушать других, вежлив. Политработу в боевых условиях знал хорошо. Хромов прибыл на место Якова Петровича Островского, который был переведен заместителем начальника фронтовых курсов младших лейтенантов. Мне с Яковом Петровичем пришлось работать около года, понимали мы друг друга с полуслова. Островского в дивизии уважали за смелость, политработу знал он в совершенстве. Умел работать с людьми и всегда находил ключи к солдатскому сердцу.

Уже на другой день после нашего знакомства рано утром мне доложил ординарец Горошков:

— Товарищ полковник! К вам пришел новый начальник политотдела.

— Пусть войдет.

Хромов был чисто выбрит. Белоснежный подворотничок. Гимнастерка отутюжена, сапоги начищены.

«И когда только он все мог успеть?» — подумал я.

— Пойду после завтрака на передовую, — доложил он.

— Вот и хорошо. Пойдем вместе, — сказал я. — Сразу же введу вас в курс дела, познакомлю с офицерами.

Мы пошли лесной тропинкой в 232-й стрелковый полк и вскоре спустились в первую траншею батальона майора Бурмистрова. Здесь нас ожидали командир полка Г. Д. Емельянцев, заместитель по политчасти С. Ф. Лаванюк. Я с интересом наблюдал, как Хромов беседовал с людьми, знакомился с офицерами и бойцами полка.

В течение дня мы побывали во всех подразделениях на передовой.

Вечером по траншее вышли к реке Ловать. Остановились на крутом берегу. На противоположном берегу была деревня Присморжье, чуть правее — Старое Рамушево.

— Вон там наши войска стремились окружить и уничтожить демянскую группировку, но не удалось. Гитлеровцы перебросили туда дивизию СС «Мертвая голова». Сколько здесь полегло бойцов!

И как-то само собой нахлынули воспоминания о прошедшем…

…Бои начались 3 мая и не прекращались до 20-го числа. 9 мая 200-я стрелковая дивизия наступала двумя стрелковыми полками. После короткой артиллерийской подготовки пехота поднялась в атаку и ворвалась в Присморжье.

К ночи командир 200-й стрелковой дивизии полковник К. А. Елшин приказал закрепиться на достигнутом рубеже. Наутро было решено повторить атаку во взаимодействии со 144-й курсантской бригадой, которой командовал полковник Старухин.

С рассветом ударила артиллерия. Но снарядов было мало, и артподготовка была короткой. Пехота пошла в атаку и ворвалась в первую траншею. Огневые точки противника не были подавлены, и поэтому бой был долгим и упорным.

Только во второй половине дня дивизия очистила Присморжье полностью и подошла к Александровке.

Гитлеровцы подтянули свежие части и пошли в контратаку. Они потеснили наши части от Александровки и продвинулись к Присморжью.

Нам крайне необходимо было остановить противника. Начали закрепляться. Шел дождь. Пушки вязли в грязи, лошади выбивались из сил, люди передвигались с трудом.

На переднем крае контратаки врага не прекращались. Стволы пушек и пулеметов нагревались докрасна. И вот в один из таких жарких моментов боя бойцы услышали детский голос:

— Не стреляйте, не стреляйте!

Один из красноармейцев выскочил из траншеи навстречу ребенку, подхватил его на руки и спрыгнул в окоп.

В полночь мне позвонил командир полка Василий Яковлевич Даниленко:

— К нам со стороны немцев пришла девочка. Она знает расположение наблюдательного пункта и батареи. Видела, как по дороге из Рамушево на Присморжье двигались орудия.

— Мне бы хотелось с ней побеседовать.

Ночь была на редкость темная. Бойцы-пулеметчики, укутав девочку в шинель, принесли ее на командный пункт. Шли по бездорожью через топкое болото.

Я сидел над картой. Рядом со мной — начальник оперативного отделения майор Акчурин. Готовили боевое донесение.

В блиндаже топилась железная печка, было тепло.

Послышался стук в дверь. Вошли два бойца.

— Товарищ полковник! Прибыли с девочкой по приказанию командира полка.

Семилетнюю девочку звали Вера. Обе ноги перевязаны-пробиты осколками фашистской гранаты. Я вызвал завделопроизводством оперативного отделения Татьяну Давыдовну Силантьеву и попросил вызвать врача, искупать девочку и одеть в чистое платье.

— А потом мы поговорим с ней.

Часа через два девочку вновь принесли в блиндаж, чистую, в свежих бинтах. Раны оказались легкими, кости пули не задели. Завязался разговор. Меня просто поразило то, что семилетняя девочка рассуждает как взрослая.

— Мою маму звали Анной Герасимовной, папу — Дмитрием Емельяновичем. Сестренкам — Вале десять лет, Тане — четыре, а маленькому братишке Леше всего полтора годика. Еще была бабушка Катя — Екатерина Романовна. Где она, я не знаю. Мы в землянке, в деревне Присморжье жили. Когда немцы отходили, то бросили в нашу землянку гранату. Маму и сестренок убило, остались мы с Лешей. Братик сильно плакал. Потом пришел к землянке немецкий солдат в бросил еще одну гранату в нас с Лешей. Леша больше не плакал. Я выскочила из землянки и побежала искать бабушку Катю, она жила у околицы, но я ее не нашла. По дороге увидела машину с красным крестом, хотела зайти, попросить, чтобы перевязали ноги, но меня вытолкнули.

Это была немецкая машина с красным крестом. Потом я долго-долго бежала. Кругом все стреляло, а когда я услышала, что по-нашему говорят, стала кричать: «Не стреляйте! Не стреляйте!».

Я слушал этот трагический рассказ, и сжималось от боли и гнева сердце. Звериный облик фашизма встал перед нами из рассказа девочки. Да и сами гитлеровские бандиты в дневниках и письмах описывали свою жестокость не только по отношению к взрослому населению. Они не щадили даже детей. У убитого под Старой Руссой лейтенанта Густава Циголя было найдено обращение гитлеровского командования к солдатам. В нем говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского. Не останавливайся, если перед тобой старик ила женщина, девочка или мальчик — убивай!»

А в дневнике другого убитого немецкого солдата Эмиля Гельца была запись: «По дороге от Мира до Стобцов мы разговаривали языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали… Мы бросали ручные гранаты в дома. Дома горят очень быстро. Красивое зрелище. Люди плачут, а мы смеемся…»

Вот еще одна выписка из дневника убитого ефрейтора Меравитца: «Мы остались караулить пленных. А когда нашим солдатам это надоело, русских просто поставили к стенке и расстреляли… Сейчас доставили штатского, допросили и тут же прикончили».

Вот так же, как бы между делом, кто-то из им подобных бросил гранату и в землянку Емельяновых.

На другой день Вера чуть повеселела, но в глазах ее так и осталась недетская серьезность и печаль.

Мы отправили девочку в медсанбат. Там ее опекали врачи и медсестры.

…Дождя прекратились, дороги подсохли. Однажды я послал на легковой автомашине водителя Панфилова в деревню Гонцы купить для девочки у местных жителей яиц. Хозяйка дома, куда зашел Панфилов, оказалась словоохотливой и гостеприимной женщиной. Угостила Панфилова кашей с молоком.

— Коровка-то своя. Сумела спрятать в Присморжье от головорезов, — делилась она.

— В Присморжье? А у нас девочка есть оттуда. — И рассказал про Веру.

Екатерина Романовна, а это оказалась она, всплеснула руками, запричитала, зарыдала:

— Это же моя внучка…

Вместе с Панфиловым Екатерина Романовна поехала в

медсанбат. Девочка бросилась к своей бабушке…

Меня всегда интересовало, как же сложилась жизнь Веры. Узнал: она окончила зоотехникум, уехала работать ветеринарным фельдшером в Калининградскую область. Вера Дмитриевна уважаемый человек в совхозе. У нее семья, муж Виктор, двое детей. Старший — Леша — назван именем ее брата, погибшего от рук фашистов. Младший сын — Андрей…

* * *

Наступала третья военная осень. Но солнце днем еще по-летнему было жарким, а вот ночи становились все холоднее и холоднее. Надо было готовиться к зиме.

Эта подготовка не пользовалась популярностью у личного состава. Стоило только появиться в траншеях, бойцы тут же забрасывали вопросами: «Все фронты перешли в наступление, товарищ полковник, а мы опять готовимся зимовать в обороне. Почему так?..»

— Оборона крепкая тоже нужна, а наступать скоро обязательно будем. Но уж если начнем, то прямо до Балтийского моря дойдем!

Бойцы на эти слова улыбались. Они твердо верили, что придет и наш черед…

20 ноября 1943 года Северо-Западный фронт был расформирован, а его полевое управление выведено в резерв Ставки ВГК. Фронт существовал почти два с половиной года. Его войска сыграли важную роль в срыве планов Гитлера — захватить северо-запад нашей Родины и подойти с севера к Москве. Отвлекая на себя немалые вражеские силы, войска фронта помогли мужественным защитникам Ленинграда отстоять город от фашистских захватчиков и не допустить выхода немецких войск к Октябрьской железной дороге.

Оставшиеся войска Северо-Западного фронта подчинили вновь образованному 2-му Прибалтийскому фронту, командующим которого был назначен генерал армии Маркиан Михайлович Попов.

Мы слышали много хорошего об этом военачальнике, обладавшем большим боевым опытом, глубоким знанием оперативного искусства, решительном и смелом в любой самой тяжелой обстановке. Генерал армии Попов был прост и внимателен в обращении с подчиненными и не стеснялся посоветоваться, расспросить командиров дивизий и полков.

С ним вместе прибыл член Военного совета фронта генерал-

лейтенант Лев Захарович Мехлис.

Полевое управление 34-й армии вместе с армейскими частями и учреждениями было выведено в резерв Ставки ВГК и, как потом я узнал, в середине января 1944 года переименовано в управление 4-й армии.

* * *

Наступили холода. Работники тыла выдали личному составу зимнее обмундирование: полушубки, валенки, шапки-ушанки, теплое белье, рукавицы. Было улучшено питание. Совсем по-иному были одеты немецкие солдаты. Шинели на меху, эрзац-валенки, шерстяные носки, подшлемники и наушники не спасали от морозов. Холод загонял гитлеровцев в блиндажи и землянки. В частях противника падала дисциплина. Появились случаи перехода немецких солдат на нашу сторону. Одним из первых перешел к нам в районе деревни Овчинникове солдат второй роты 28-го легкого пехотного полка. На другой же день у деревни Горушка перешел еще один солдат из этого же полка, а через пять дней даже целое отделение второй роты 38-го легкого пехотного полка во главе с унтер-офицером.

«Жизнь для немецкого солдата стала невыносимой», — в один голос заявили они.

Многие из сдавшихся в плен охотно соглашались выступить по радио с обращением к тем, кто остался на передовой. Раньше это гитлеровцы, оказавшиеся в плену, делали очень редко.

Однажды вечером, когда солнце опустилось уже к самым верхушкам темного ельника, я зашел в блиндаж начальника разведки майора Зорько. Старший лейтенант Бейлин допрашивал пленного унтер-офицера. Немец стоял перед ним бледный, испуганно оглядываясь.

— Номер вашей дивизии, полка, батальона, роты?

Унтер-офицер втянул голову в плечи, словно ожидая, что его вот-вот ударят.

— Мы ждем! — повторил Бейлин.

— Штабной роты 30-й пехотной дивизии.

В это время вошел майор Пташенко и, спросив разрешения, обратился ко мне:

— Товарищ полковник! У блиндажа вас ожидает незнакомый генерал-лейтенант!

Я вышел из блиндажа и увидел двух генералов и группу, очевидно, сопровождающих их офицеров. Представился:

— Командир 182-й дивизии полковник Шатилов!

Генерал внимательно посмотрел на меня, крепко пожал руку и спросил:

— Вам, полковник Шатилов, уже известно, что 182-я дивизия вошла в состав 1-й ударной армии?

— Нет!

— Приказом от 19 ноября. Я командующий 1-й ударной армией генерал-лейтенант Коротков, а это — член Военного совета генерал-майор Колесников.

Я сразу узнал генерала Дмитрия Емельяновича Колесникова. Он был членом Военного совета 26-й армии на Юго-Западном фронте в первые месяцы войны, и мне не раз приходилось с ним встречаться.

— Но раз у вас нет приказа, зайдемте к вам в блиндаж и там разберемся.

Генерал Короткое позвонил в штаб армии. Выяснилось, что шифровка не успела еще прийти в дивизию. Командарм приказал доложить обстановку. Когда я начал докладывать о противнике, он спросил:

— Давно были пленные?

— Сейчас, товарищ генерал, допрашивают унтер-офицера в блиндаже начальника разведки.

— Пойдемте.

Мы вошли в блиндаж, где Бейлин продолжал допрос.

Пленный, увидев двух генералов, совсем растерялся. Полчаса назад в блиндаж пришел полковник, а тут вдруг сразу два генерала.

— Спрашивайте о планах командования!

— Какие задачи поставлены дивизии на ближайшее время? — задал вопрос Бейлин.

— Я унтер-офицер. О задаче дивизии не знаю. Офицеры говорят, что надо укреплять оборону и готовиться к зиме.

— Где расположен штаб дивизии?

Пленный замялся. Спрашивали о том, что является военной тайной. Зорько подвел гитлеровца к карте, разложенной на столе.

— Я карту плохо знаю, — залепетал унтер-офицер.

— Смотрите! — показал майор. — Сейчас ваша штабная рота расположилась здесь. А вот тут должен быть штаб дивизии. Верно?

Пленный кивнул.

Выслушав еще несколько ответов пленного, генерал встал:

— Ясно, у противника ничего не изменилось. Оборону держат прежние силы. Молодцы разведчики. Немца немедленно отправить в штаб армии.

Во время допроса член Военного совета тихо беседовал с

начальником политотдела дивизии полковником Хромовым. Краем уха я услышал:

— В любых условиях боевой обстановки сохраняйте и укрепляйте партийные организации в ротах и батареях и на них опирайтесь. Их коммунисты ближе всех стоят к красноармейцам.

Командование армии побывало в расположении частей дивизии, тепло побеседовало со многими офицерами и красноармейцами. Когда был закончен официальный прием дивизии в состав 1-й ударной армии, а это произошло уже поздним вечером, я пригласил командующего, члена Военного совета и сопровождающих их офицеров на ужин.

Войдя в мой блиндаж, Геннадий Петрович Коротков внимательно осмотрелся. Его удивила почти домашняя обстановка в нем. Было уютно и тепло, на столе белела скатерть, аккуратно расставлены тарелки, разложены вилки, ножи. На одной из тарелок маленькими ломтиками хлеб. На другой — селедка, картошечка с луком. На третьей — консервы. Хорошо постарался ординарец Константин Горошков.

За ужином генерал Коротков рассказал о боях в начале войны. Он тогда командовал 238-й стрелковой дивизией, а затем 5-м гвардейским стрелковым корпусом, отличился в оборонительных боях за Тулу.

— А мы с Шатиловым, — сказал генерал Колесников, — дрались на Юго-Западном в составе 26-й армии. Помните, комдив, бои на киевском направлении? Вот только командарм наш, Федор Яковлевич Костенко, не дожил до этих дней. Он погиб под Харьковом в мае прошлого года…

После ужина командарм и член Военного совета уехали на свой КП.

Вскоре после посещения дивизии командованием армии поздней ночью я отправился вместе с начальником разведки и переводчиком в расположение боевого охранения батальона Бурмистрова проверить несение службы. Пришли, а там нас встретил комбат. Вместе с ним и командир 2-й стрелковой роты старший лейтенант Гуськов. Он доложил обстановку, а я спросил:

— Узнали, что мы прядем, или совпадение?

— У меня, товарищ полковник, по плану проверка боевого охранения.

— Ну хорошо, тогда вместе проверим.

Я очень не любил отрывать командиров от дела, но прекрасно знал, что Сергей Иванович Бурмистров не любит сидеть в штабе, чаще всего находится в подразделениях, на передовой.

Итак, собрались мы в блиндаже командира боевого охранения. Тесновато. Сидим и расспрашиваем офицера о

поведении противника, интересуемся, в чем нуждаются бойцы, доходит ли сюда горячая пища? Побеседовали и уже собрались уходить, как появился наблюдатель и доложил:

— Замечена группа немецких солдат, идут прямо в наше расположение.

Мы насторожились. Майор Зорько, опытнейший разведчик, скомандовал:

— Не стрелять! Боевому охранению подтянуться к блиндажу. Старшему лейтенанту Бейлину выйти в траншею и завязать разговор с противником.

Я сижу, не вмешиваюсь, только наблюдаю через амбразуру. В снежной пелене появились силуэты немецких солдат. Действительно, бредут на наш блиндаж. Вот уже подошли совсем близко. Их пять человек. Слышим немецкую речь. Бейлин тихо нам: переводит.

— Куда мы идем? Не к русским ли? — беспокоится долговязый детина.

— Как будто провалился командный пункт батальона.

Гитлеровцы остановились перед нашей землянкой.

— Здесь кто-нибудь есть? — выкрикнул долговязый детина.

— Есть! Кого вы ищете? — на чистейшем немецком языке спросил Бейлин.

— Идем на командный пункт батальона 46-го полка. Сбились с пути, услышали мы ответ.

— Идите сюда, проведем! Это рядом.

Немцы по одному спрыгивали в траншею. Их тут же обезоруживали наши бойцы. Заблудившиеся гитлеровцы настолько растерялись, что без сопротивления побросали оружие. Долговязый детина, заикаясь от страха, спросил:

— Не расстреляете нас?

— Мы пленных не расстреливаем, — ответил старший лейтенант Бейлин.

Тут же, в блиндаже, старший лейтенант Бейлин приступил к допросу.

— Всем вам придется говорить правду, — предупредил Бейлин.

— Мы дали присягу не разглашать военную тайну, — ответил ефрейтор, видимо старший группы.

— Теперь вы в плену, и присягу можно забыть.

Солдаты при ответах носились на ефрейтора. Лучше было, конечно, допрашивать каждого в отдельности, но раз все оказались в одном блиндаже — не до этого.

В ходе допроса мы узнали многое о планах противника, о том, где находится штаб 46-го пехотного полка, его резерв,

огневые позиции артиллерии.

Последним допросили ефрейтора. Вначале он все ловчил и хитрил, но потом вынужден был подтвердить показания своих подчиненных и отметил на карте расположение штабов, резерва, огневых позиций артиллерии.

Все собранные сведения и самих пленных сразу же направили в штаб армии.

Командующий артиллерией дивизии вместе со своим штабом подготовил артналеты по выявленным после допроса пленных целям. Вскоре послышались залпы наших орудий. Они следовали один за другим, словно подводили итог долгих дней активной обороны дивизии под Старой Руссой.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление, которое вызвано одним не совсем обычным событием. Действительно, как не вспомнить русскую поговорку: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком свидится».

Прошло три года с той вьюжной ноябрьской ночи, когда к нам забрели и попали в плен пять немцев. Кончилась война. Стрелковая дивизия, которой я тогда командовал, дислоцировалась в Германии. Штаб дивизии располагался в районе небольшой деревни. Занимались мы боевой подготовкой. Как-то проводили командно-штабные учения. В перерыве пошли пообедать. Службы тыла оборудовали под офицерскую столовую ресторанный бар. Помещение это нам предоставили местные власти. Я только-только переступил порог столовой, как навстречу в праздничном костюме выбежал долговязый немец-хозяин.

— Разрешите вам предложить холодного немецкого пива!

Хоть я и не знал в совершенстве немецкого языка, но эти слова его понял.

— Спасибо! — поблагодарил я и пошел в столовую. Через полчаса хозяин снова появился, но уже с самоваром. Поставил на стол и услужливо предложил:

— Чашечку чайку, пожалуйста!

Меня удивило его навязчивое внимание: с чего это он так?

В это время вошел начальник штаба дивизии полковник Тур. Хозяин тут же удалился. Только Тур ушел, как немец опять рядом. В это время я стоял на крыльце и смотрел, как трое ребятишек весело играли в песке. Спросил:

— Чьи это дети?

— Мои, — охотно ответил хозяин, — и этот мой. — Он держал на руках запеленатого малыша. — А всего у меня одиннадцать.

— Вы воевали? На каком фронте?

— На восточном. Там и попал к вам в плен. Я вас сразу узнал.

Я удивленно посмотрел на улыбающегося хозяина.

— Да, да. Это было под Старой Руссой. Мы тогда в пургу заблудились и к вам пришли. Правда, вы тогда были полковником.

— Вспомнил. Вы все спрашивали, не расстреляют ли вас.

— Точно. Боялся, но напрасно. В плену я работал по специальности, на колбасном заводе.

Надо же было случиться такой встрече!..

Преследование

К середине холодного, метельного января 1944 года оперативная стратегическая обстановка на северо-западном направлении серьезно изменилась. В результате успешного наступления с 14 по 30 января войска Ленинградского и Волховского фронтов при поддержке крупных сил авиации и кораблей Балтийского флота окончательно освободили Ленинград от вражеской блокады. Но Октябрьской железной дороге, связывающей Ленинград с Москвой, вскоре пошли составы.

Для жителей города Ленина и его защитников это была великая радость. Счастливы были и мы — воины 2-го Прибалтийского фронта.

Отличились войска Волховского фронта и в районе Новгорода. Здесь они разгромили врага и 20 января освободили этот древний русский город и продолжали успешно продвигаться в направлении Батецкий, Луга, а левее — на Шимск. Наш 2-й Прибалтийский фронт наступал в районе Новосокольников. Вскоре его войска освободили станцию Насва, перерезав тем самым железную дорогу Новосокольники — Дно. 29 января соединения фронта овладели городом Новосокольники.

Командующий войсками Волховского фронта генерал армии К. А. Мерецков обратился в Ставку Верховного Главнокомандования с просьбой переподчинить ему 1-ю ударную армию. Со 2 февраля переподчинение было разрешено, но южный участок нашей полосы обороны протяженностью в 44 км вместе с 26-й стрелковой дивизией был передан 22-й армии.

Войска 1-й ударной армии усиливались 208-й и 391-й стрелковыми дивизиями полковников В. К. Чеснокова и В. Д. Тимошенко, им передавались также 14-я стрелковая бригада полковника П. А. Паруликова и 336-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон майора И. П. Власенко. Однако они должны были прибыть лишь через 8-10 дней.

Генерал армии Мерецков, учитывая тот факт, что армия занимает широкий фронт в 165 км, а подкрепления еще на подходе, поставил ей ограниченную задачу: активными наступательными действиями сковать противостоящие силы врага.

26 января меня вызвали на КП командующего 1-й ударной армией. Командный пункт располагался в глубине соснового леса. К блиндажу командующего вела дорога, похожая на глубокую снеговую траншею. Среди деревьев стояли отлично

замаскированные штабные автобусы, грузовые и легковые машины, походные кухни. Везде чувствовался порядок и организованность. При встречах военнослужащие отдавали честь друг другу.

Нашу автомашину остановили у шлагбаума. Далее въезд был запрещен. Пошли пешком. На КП нас встретил оперативный дежурный и показал, как пройти к командующему.

Большой просторный блиндаж изнутри был обшит фанерой. В блиндаже собрались командиры дивизий и частей. Вошли генералы Короткое и Колесников.

Командарм приступил к постановке задачи. Четко была сделана оценка противника, показано на карте расположение его сил и средств. Командующий фронтом сообщил, что решил, не ожидая подхода подкреплений, атаковать противника.

Все присутствующие делали пометки на своих рабочих картах.

Командующий приказал мне вывести 182-ю стрелковую дивизию с занимаемой полосы обороны и сосредоточить ее в районе Медведено, Пески, Козлова. Эти пункты располагались в 50 километрах от Старой Руссы. После сосредоточения дивизия должна быть готова к наступлению в направлении Волот, Морино и далее на Дно. Генерал напомнил о необходимости тщательной маскировки. Фашистское командование не должно знать о перегруппировке наших войск — передислокации на юг. Поэтому смену частей производить только ночью — так закончил командарм.

Как только я вернулся на свой командный пункт, то приказал майору Пташенко подготовить мою рабочую карту и собрать командование дивизии и полков в землянке оперативного отделения. Майор быстро справился с картой и повесил ее на стену.

Собравшиеся офицеры внимательно стали рассматривать карту. Все обратили внимание на тонкую стрелку, проведенную красным карандашом пунктиром в сторону города Дно. Эта стрелка выходила навстречу левому крылу Волховского фронта.

Я проинформировал присутствующих о полученных указаниях и поставил задачи полкам. Прежде всего обратил внимание на необходимость вывести части из полосы обороны скрытно.

С наступлением темноты части начали марш.

Я, Добылев, Хромов стояли на перекрестке дорог в селе Давыдове. Люди шли с хорошим настроением, хотя переход был не из легких, сек лица колючий снег.

Когда прошли колонны дивизии, мы сели в машину и

выехали в новый район сосредоточения. Дорога проходила по местам недавних боев. Вдоль дороги стояли разбитые машины, танки, орудия, чернели порванные проволочные заграждения. С трудом, потому что не раз приходилось вытаскивать машину из глубоких сугробов, добрались мы до пункта сосредоточения.

Фашистские войска при отходе не успели взорвать своп оборонительные сооружения — блиндажи, бункера, землянки и полностью оборудованный командный пункт. Бойцы наших передовых подразделений их переоборудовали и приспособили под теплое жилье.

В густой сосновой роще саперы уже оборудовали командный пункт дивизии. Офицеры штаба заняли блиндажи, был готов блиндаж и командира дивизии. Вошли в блиндаж. В нем было чисто прибрано, горела электролампочка. Невольно руки потянулись к теплой печурке.

На другой день на рассвете наша оперативная группа вышла на рекогносцировку местности. Передний край обороны неприятеля был скрыт глубоким снегом.

Для нас здесь все было новым, поэтому работа предстояла большая. Необходимо было тщательно изучить местность, наметить полосы наступления полкам, уточнить ориентиры, организовать на местности взаимодействие.

Очень важно было изучить противника, установить, какие части, какие огневые средства расположены у него в обороне перед частями дивизии. Конечно, чтобы собрать все необходимые данные об обороне врага, недостаточно было одного наблюдения, нужен «язык». Разведка всегда связана с большим риском. Поэтому было решено направить в тыл врага группу самых опытных и храбрых разведчиков.

Предусмотрели вроде все, чтобы свести риск на нет, подготовили подразделения прикрытия, артиллеристы наметили огни для поддержки действий разведгруппы.

Людей в поиск подобрали из 108-й разведывательной роты. Старшим назначили старшего лейтенанта С. А. Шимчика.

Местность и расположение противника изучали два дня. Перед выходом в разведку людям дали день для отдыха.

В назначенный для поиска вечер ударил сильный мороз. Небо подернулось реденькой дымкой. Казалось, жизнь застыла, лишь на переднем крае изредка слышался перестук пулеметов.

Разведгруппа из двенадцати человек собралась в траншее. Среди разведчиков была и женщина — Зоя Ферапонтова. Серые большие глаза, длинные ресницы, правильные черты лица. Навряд ли мы решились бы послать другую девятнадцатилетнюю девушку на такое опасное задание!

Перед тем как уйти в разведку, девушка сильно переживала, все время уединялась. Когда мне доложили об этом, я даже хотел исключить ее из группы, но майор Зорько попросил оставить. Я решил все же побеседовать с Зоей. Зашел к ней в землянку, опросил:

— Что загрустила? Боишься? Может, пойдешь в разведку в следующий раз? Я верю, Зоя, и надеюсь, что все у вас будет хорошо. С вами идут опытные разведчики, если что, они не подведут.

Разведывательная группа вышла из траншеи и вскоре скрылась в темноте. Где-то в стороне ударила пулеметная очередь, и снова все стихло. Потянулись томительные часы ожидания. Поднялся ветер, началась пурга. Перед рассветом наблюдатели заметили группу людей, идущих в нашу сторону. Это они разведчики. Один за другим спрыгивают в траншею, помогают спуститься туда связанному пленному. В это время в расположении противника поднимается беспорядочная стрельба. По-видимому, гитлеровцы обнаружили исчезновение своего солдата. Старший лейтенант Шимчик докладывает нам:

— Мы точно вышли на намеченную огневую точку, полагая, что там должен быть дзот. Подобрались тихо. Услышали звуки губной гармошки, увидели трубу, торчащую из снега. Из нее тянулась тоненькая струйка дымка. Группа обеспечения обложила дзот с трех сторон. Группа захвата ворвалась в дзот. Среди бойцов была Зоя. Взяли пленного, мгновенно связали и вывели из блиндажа. Обе группы соединились и так же тихо ушли. Ветер, пурга заглушали наши шаги…

Пленный оказался разговорчивым. Все сведения, полученные от него, были очень ценными.

Я доложил о результатах вылазки разведчиков командующему. За участие в поиске Ферапонтову наградили медалью «За отвагу».

* * *

Пурга продолжала свирепствовать третьи сутки. Образовались снежные заносы. Весь передний край был в белой мгле. Бойцы не успевали убирать сугробы из траншей и ходов сообщения, откапывать блиндажи. Все дороги замело. Свободные от дежурства бойцы и командиры находились в блиндажах и без нужды никуда не выходили.

Я вышел из блиндажа подышать свежим воздухом. Ледяные вихри до боли остро ударили по лицу, колюче залепило глаза,

ветер мгновенно выстудил все тепло из полушубка. Стояла ночь. В снежном круговороте неясный силуэт часового… Надо было возвращаться в блиндаж готовить дивизию к наступлению.

Начальник штаба полковник Тарасов доложил ряд расчетов и планов. Командующий артиллерией дивизии полковник Добылев подсчитал потребности в боеприпасах. Начали отрабатывать план взаимодействия.

И в это время открылась дверь. С улицы повалил студеный пар, обволакивая лампочку, светившую желтым огнем под заиндевевшим потолком. Вошли заместитель командующего фронтом генерал-полковник В. И. Кузнецов и командарм генерал-лейтенант Г. П. Коротков.

Я доложил им обстановку и о ходе подготовки к наступлению.

Генерал Кузнецов внимательно посмотрел наши расчеты по потребностям в боеприпасах, бензине, автомашинах, и, как мне показалось, они ему не понравились.

— Все удовлетворить фронт не может.

— А как же быть, товарищ генерал, без боеприпасов? Противник еще очень силен. Для того чтобы прорвать его оборону, все это потребуется в большом количестве.

— Частично заявки удовлетворим.

На этом разговор был окончен. Я пригласил генералов попить горячего чайку. Они с удовольствием выпили по паре чашек и уехали.

* * *

По приказу командующего 1-й ударной армией дивизия вышла и заняла исходное положение для наступления в направлении на Речные Котцы. Боевой порядок в два эшелона: на правом фланге — 140-й и на левом — 232-й стрелковые полки. Во втором эшелоне 171-й стрелковый полк. Все командиры частей и я с оперативной группой перешли на свои наблюдательные пункты в готовности к переходу в наступление. Усилили наблюдение за действием противника. 108-ю разведывательную роту расположили рядом с НП.

Как-то поздним вечером, работая над картой, я невольно прислушался к разговору разведчиков за стенкой блиндажа.

На фронте подвиг может совершить каждый. Я уже рассказывал читателям о старшем лейтенанте Петре Шлюйкове — Герое Советского Союза, который в неравном бою лично уничтожил 28 гитлеровцев. Весь израненный, он не ушел с поля

боя.

— А что толковать, — сказал один разведчик, — у нас как в песне поется, героем становится любой.

— Значит, и ты можешь? — спросил второй.

— А что, я хуже других? Могу и я.

— Еще неизвестно, кто в наступлении отличится. Думаешь, тот, кто много говорит? Я знал Шлюйкова, он был тихий, а в бою фашистов не испугался. Вон накую храбрость показал!

— Любой не может стать героем, — откликнулся кто-то третий. — Ты пошел бы в тыл врага, как старшина Герасим Пятков? Да ты бы отказался.

— А вот и нет.

В разговор вмешался сержант Михалев:

— А по-моему, при выполнении задания все зависит от того, в какую обстановку попал. Если сразу не растеряешься и соберешься, то действовать будешь правильно. Тут уже все зависит от тебя самого, только помни три заповеди: о смелости, хитрости и внезапности. Помните, как нам говорил полковник Неминущий: «Надо ошеломить врага внезапностью и тут же действовать с молниеносной быстротой».

— Точно!

Вот так и стал я невольным свидетелем этого разговора, который, не скрою, мне понравился. Велики были заслуги этих отважных ребят…

Вскоре был получен приказ на наступление. Уже после войны я узнал, что, вернувшись с 24 часов 15 февраля в состав 2-го Прибалтийского фронта, 1-я ударная армия получила задачу, наступая на самостоятельном направлении, прорвать оборону противника южнее Старой Руссы, развивая успех во взаимодействии с войсками 54-й армии Ленинградского фронта, овладеть рубежом Порхов, Дедовичи. В дальнейшем основными силами продолжать наступление в направлении Острова, частью сил во взаимодействии с 22-й армией — на Новоржев с задачей разгромить островскую группировку противника и на 25-30-е сутки операции выйти на рубеж Остров, Красногорское. Начало операции планировалось на 29 февраля.

Однако немецкое командование, опасаясь все большего нависания 54-й армии над флангам и тылом старорусской группировки, вынуждено было в ночь на 18 февраля начать отвод соединений 10-го армейского корпуса из района Старой Руссы. Из штаба нашей армии поступил приказ перейти к активным действиям.

Мы решили немедля организовать и провести разведку боем усиленной разведывательной ротой. Саперы сделали проход в

минном поле, убрали проволочные заграждения.

Рота бесшумно прошла через полосу заграждений, сняла без единого выстрела вражеские секреты и ворвалась внезапно в опорный пункт. Гитлеровцы не ожидали такого нападения. Поднялась паника, большинство фашистов было пленено.

Взводы лейтенантов Артамонова и Новоселова выбивали уцелевших врагов из блиндажей, преградили им путь в тыл и захватили в плен около 100 солдат и офицеров. Как волна неудержимо катилась цепь наших разведчиков вперед, ко второй и третьей траншеям. Мы использовали панику у сил прикрытия врага, успешные действия разведчиков и ввели в бой усиленный батальон майора Бурмистрова. Он овладел опорным пунктом в глубине обороны фашистов. В результате первого часа боя в обороне противника образовалась брешь шириной около трех километров.

В нее вслед за батальоном Бурмистрова мы ввели два стрелковых полка, которые наступали в направлении поселка Волот с задачей отрезать пути отхода фашистским частям и перерезать железную дорогу, ведущую на Дно.

Я доложил по телефону о наметившемся успехе и о своем решении его развить командиру 14-го гвардейского корпуса генералу П. А. Степаненко. Но мне показалось из разговора с ним, что он выслушал мой доклад слишком спокойно, лишь сказал в ответ:

— Продолжайте наступать.

Я же предполагал, что он использует наш успех и в прорыв войдут не только части 182-й дивизии, но и 23-й гвардейской дивизии. Вся наша оперативная группа считала, что с выходом на железную дорогу можно перекрыть пути отхода старорусской группировке противника. Видимо, командир корпуса был другого мнения. Решил доложить командарму. Выслушав меня, генерал Коротков ответил:

— Продолжайте развивать успех, как наметили, а мы примем меры.

К 12 часам дня оба полка, миновав замерзшую речку Холынья, вышли к также закованной в лед реке Каменка. Гитлеровцы уже частично успели оправиться от нашего удара и попытались организовать сопротивление. Однако оно быстро было сломлено. Деревни Щетинкино, Заречье, Большие Гривы оказались в наших руках.

Командир 140-го стрелкового полка майор Родионов с радостью доложил:

— Уничтожили до роты пехоты, захватили десяток фашистов в плен, все они из 21-й пехотной дивизии. Трофеи: две

автомашины, четыре пулемета, около сотни автоматов и винтовок. Успешно продвигаюсь на Дротино.

Молодого командира полка очень радовали первые боевые успехи. И мы радовались за него и за 140-й полк.

Вслед за Родионовым докладывал командир 232-го стрелкового полка полковник Емельянцев.

— Батальон Бурмистрова протаранил организованную оборону врага и сбил до роты пехоты с высоты 69,0. Захватил 29 пленных из 21-й пехотной дивизии, 12 парных повозок с боеприпасами и одну кухню, 8 пулеметов, десятки автоматов и винтовок. Второй и третий батальоны продвигаются за первым батальоном в направлении Коростова в готовности вступить в бой.

Я оставил начальника штаба дивизии полковника С. П. Тарасова на старом КП, а сам с оперативной группой двинулся на санях ближе к частная первого эшелона.

Не доезжая километра до деревни Средние Гривы, мы увидели на опушке леса контратакующую вражескую цепь, растянувшуюся по фронту до полутора километров. Цепь двигалась к дороге. Шли фашисты без лыж, а снег был рыхлый, и гитлеровцы то и дело проваливались то по колено, а то и по пояс. Наших подразделений поблизости не было, их никто не обстреливал, и фашисты не стреляли. Надо было как можно скорее вызвать артиллерийский огонь и ввести резерв против контратакующих.

Старший лейтенант М. О. Альтгаузен по рации начал вызывать начальника штаба полковника Тарасова. Он долго не мог с ним связаться, в эфире раздавался треск и гул, доносились обрывки разговоров и музыки.

Наконец он услышал далекий отклик, голос, твердивший одну и ту же цифру:

— 101, 101, 101. — Это мой позывной.

И Альтгаузен, и все, стоявшие рядом, обрадовались.

— Передаю, — сказал старший лейтенант.

— Немедленно высылайте учебный батальон, саперную роту к деревне Средние Гривы. Заградительный артиллерийский огонь поставьте. — Я указал координаты.

Тарасов, помолчав, доложил, что он понял. Офицеры оперативной группы повеселели.

Вскоре мы увидели, что в боевых порядках врага начали густо рваться снаряды. Фашистская цепь залегла. Подоспел наш резерв. Завязался бой. Когда враг откатился в лес и мы проехали через дорогу, то увидели, что из трубы ближайшего блиндажа идет дым. Остановились. В блиндаже оказался один боец, оставленный

140-м полком для охраны трофейного оружия.

Я спросил:

— Что бы ты делал против атакующих фашистов? — И показал на лес, в который убегала фашистская цепь. Он спокойно ответил:

— Оборонялся бы до последнего патрона.

— Один?

— Один, но с поста не ушел бы, — твердо ответил боец.

Я увидел в бинокль, что на помощь учебному батальону по дороге спешила колонна саперной роты на машинах и санях. Как только саперы доехали до ложбинки, остановились. Бойцы быстро выскакивали из машин, принимали боевой порядок и двигались на врага. Артиллерия уже перенесла огонь вслед за бегущими фашистами, поддерживая наступающий учебный батальон.

Мы не стали дожидаться конца боя, распрощались с отважным часовым и двинулись вперед по дороге на Дратино. Рассеяв контратаковавшего противника, учебный батальон, саперная рота и 14-й противотанковый дивизион догнали нас и следовали за оперативной группой как мой резерв.

К исходу дня дивизия преодолела 18-километровую тактическую зону обороны, разгромила в ней подразделения врага и вышла на рубеж Морольница, Василевский Бор. К этому времени справа наш фланг уже прикрывала подошедшая 14-я стрелковая бригада. Слева пока соседа не было.

КП дивизии развернули в деревне Дратино, но прежде чем занять немецкие блиндажи, саперы тщательно их проверили и обезвредили от оставленных мин и фугасов.

В ночь выслали на главное направление два отряда преследования, которые были созданы нами заблаговременно из стрелковых подразделений на автомашинах, усилены танками и артиллерией, а частям первого эшелона дали возможность отдохнуть до утра.

В ночь на 18 февраля под давлением войск наступающей 1-й ударной армии фашисты оставили Старую Руссу. Город находился под гитлеровским игом с 9 августа 1941 года.

Гитлеровское командование принимало все меры для того, чтобы остановить успешное продвижение наших войск в ходе Старорусско-Новоржевской операции. Это остро почувствовали и мы. Чем дальше наступала дивизия на запад, тем более ожесточенно сопротивлялся враг. На нашем пути оборудовались опорные пункты, которые обороняли гарнизоны силою от роты до батальона. А во многих местах переходили в контратаки при поддержке артиллерии и танков.

Наступление задерживали многочисленные минные поля,

фугасы замедленного действия на дорогах, завалы в лесах, разрушенные мосты. Немудрено, что темп наступления спал. День и ночь работали саперы, которых придали поротно передовым отрядам преследования.

Отступая, фашисты люто свирепствовали. Организовали команды по угону скота в Германию и специальные группы факельщиков, которые безжалостно сжигали населенные пункты. Приказы гитлеровского командования изуверы исполняли четко, а если и оставляли отдельные дома, то они, как правило, были заминированы. Все эти команды поджигателей, кроме всего, занимались грабежами населения. Каждая машина, повозка гитлеровцев была загружена награбленным.

Наши воины с боями шли на запад по обезображенным воронками снарядов и мин, гусеницами танков и орудийных колес полям. От сел и деревень оставались лишь одни названия и печные трубы, а иные просто исчезли с лица земли, оставив под снегом лишь горький пепел.

Против гитлеровских палачей каждый полк первого эшелона высылал разведывательные группы на лыжах. Их задача состояла в том, чтобы вылавливать факельщиков, отрезать им пути угона скота, проникать как можно глубже в тыл врага и своими дерзкими действиями вносить в их ряды панику.

Вот и под вечер 18 февраля, когда я стоял на дороге, подошел командир взвода лейтенант Н. В. Артамонов с захваченными факельщиками.

— Вот, — показал он на пленных, — пришли сжигать деревню. Два дома сожгли. Тут мы их и накрыли.

После допроса пленных отправили в тыл…

182-я дивизия, выйдя на оперативный простор, вынуждена была так же, как и противник, действовать вдоль основных дорог. Густые леса, глубокая снежная целина и множество незамерзающих болот не позволяли лыжным отрядам вести параллельное преследование врага.

Весь день 19 февраля прошел в тяжелых боях. Противник несколько раз на различных участках переходил в контратаки. На рубеже Речные Котцы, Замошье встретили сплошную стену организованного артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Завязался кровопролитный бой. Всю ночь не смолкал орудийный гул, треск пулеметных очередей. И только к утру передовые отряды преследования прорвались в тыл врага.

Противник вынужден был оставить выгодный и заранее подготовленный оборонительный рубеж. При этом бросили орудия, обозы, лошадей.

Вечером оперативная группа подвела некоторые итоги. За два

дня боев дивизия продвинулась почти на 35 километров и освободила 85 населенных пунктов. Было захвачено шесть складов с боеприпасами и вещевым имуществом, два склада с продовольствием, один с бензином, 12 орудий различного калибра, 33 пулемета, автоматов и винтовок — более 400. В плен сдались 44 гитлеровца, убито 450 фашистов.

Успехи успехами, но обстановка требовала не снижать темпов наступления. Этого же требовал и командарм генерал Коротков, и комкор генерал Степаненко.

Должен сказать, что, когда мы обобщили полученные от разведчиков и из показаний пленных данные, стало ясно, что противник не уступал нам в численности, а на отдельных направлениях даже создавал превосходство в силах. А ведь нам на завтра предстояло прорвать сильно укрепленный рубеж Писково, Взгляды.

Для того чтобы взломать этот промежуточный оборонительный рубеж, мы решили ввести в бой второй эшелон — 171-й стрелковый полк. Мы усилили его танковой ротой, тремя батареями 1186-го истребительного противотанкового артиллерийского полка и поставили на главное направление Михалкове, Волот.

Командир полка подполковник М. И. Воронин выделил в передовой отряд преследования батальон майора Н. И. Микерова и придал ему танковую роту. На танки посадили десант роты автоматчиков полка, взвод саперов. Вместе с десантом была и противотанковая батарея.

Н. И. Микерова читатель уже знает. Не раз смотрел смерти в лицо, не раз водил в атаку своих людей этот опытный и храбрый командир. Ему как раз под силу была такая ответственная и сложная задача: пробиться в тыл врага.

Когда мы проводили передовые отряды, было еще темно. Где-то в движущемся небе тоскливо метались снежные облака. В разрывах их желтела луна, появились и более крупные чистые кусочки неба.

«Может быть, установится хорошая погода, облегчит нам наступление?» подумал я.

Хотя снег и перестал к утру, дороги за ночь замело.

Зашли в избу позавтракать. Начало быстро светать.

— Пора! — сказал я адъютанту старшему лейтенанту Курбатову.

Дорога через снежные заносы была трудной. Вскоре подъехали к роще у деревни Взгляды. На опушке горели костры, возле них грелись измученные женщины с детьми. Узнав, что фашисты изгнаны, они вышли из леса.

Мы остановились, подошли к ним. Женщины рассказали про жизнь в лесу, в землянках, рассказали, как переживали голод, холод. Другие — о жизни в деревне, где свирепствовал разбой и грабеж оккупантов.

Одна из женщин говорила со слезами:

— Моего мужа угнали гитлеровцы в Германию. Осталось пять сирот без куска хлеба.

Спустя некоторое время рота старшего лейтенанта Ф. Л. Маклакова из передового отряда успела перерезать дорогу, по которой отступали фашисты, отбила у них угнанных жителей и наворованное имущество, скот. В числе освобожденных был и муж плакавшей женщины — отец пятерых детей.

Рота автоматчиков из 171-го полка под командованием капитана Кондрашева десантом на танках вместе с батареей капитана Васильева ворвалась в деревню Березовка, окружила ее гарнизон — до роты пехоты. Разгорелся бой. Вскоре на помощь окруженным фашистам подошла пехота, усиленная танками и минометами. Гитлеровцы открыли ураганный огонь и контратаковали. Они попытались смять наших автоматчиков и соединиться с окруженными. Другие подразделения передового отряда немного запаздывали. Положение неожиданно обострилось. Я наблюдал в бинокль за этим боем и видел, что рукопашной не избежать. Наверное, уже прозвучала команда: «Приготовить гранаты!» Но вот в боевом порядке появилась наша рота танков. Атакующий враг сам оказался в огневом мешке: справа его контратаковала рота автоматчиков, слева — танки. Немецкая цепь залегла, а потом отошла в лес. Я облегченно вздохнул. Но радость моя была недолгой. Позвонил подполковник Воронин и доложил, что в этом жестоком бою погиб смертью храбрых офицер штаба дивизии капитан Иван Иванович Титов, который следовал с передовым отрядом преследования…

Когда мы въехали в освобожденную от врага Березовку, я приказал остановить машину. Навстречу шел хорошо мне знакомый пулеметчик Казаков. Подозвал его, попросил рассказать, как все произошло.

— Мы сидели на танке, холодно, прижимались друг к другу. Гусеницы забрасывали нас снегом. Танки неслись на большой скорости. Ехали темным лесом без дорог, переехали какой-то крутой овраг и въехали в населенный пункт. Было тихо. Никого на улицах не было. Однако рота развернулась в боевой порядок. Капитан Кондрашев подал команду: «Огонь!» Тогда фашисты стали выскакивать из окон. Но тут команда: «Противник с тыла!» Смотрю, появились немецкие солдаты с танками и минометами. С

ходу контратаковали с тыла, и мы оказались в окружении.

Наша батарея и танки открыли огонь по немецким танкам, но они шли прямо на нас.

Наше отделение залегло, развернулось за бугорком, мы приготовились к стрельбе. Отделенный кричит: «Огонь!» Я застрочил из пулемета. И тут же слышу, отделенный снова кричит:

— Казаков, точнее наводи пулемет!

Я ловил фашистов на мушку, водя стволом пулемета вправо и влево. Фашисты залегли.

Слышу, отделенный говорит:

— Молодец, Казаков!

А тут как раз и подоспели наши танки…

Между тем передовой отряд майора Микерова обошел с юго-запада узел сопротивления фашистов Взгляды, уничтожил до роты пехоты и два орудия в деревне Чумаково. Отсюда Микеров выслал усиленную танками стрелковую роту в направлении станции Волот. Рота прошла по бездорожью лесом незаметно для противника и вышла к МТС, перерезала железную и проселочную дороги, по которым угоняли и увозили в вагонах награбленное у населения имущество и скот. На проселке наши бойцы захватили большой обоз с боеприпасами, продовольствием и награбленным добром.

Оставшийся у нас в тылу узел сопротивления Взгляды и опорный пункт Михалкове первый батальон капитана М. П. Заворохина справа и слева обошел и одновременно с двух сторон атаковал. Противник поспешно отступил, бросив тяжелое оружие.

Итак, 171-й стрелковый полк разгромил противостоящего врага на промежуточном рубеже и успешно продвигался вдоль железной дороги к станции Морино.

Хуже обстояло дело на участке наступления 232-го стрелкового полка. Это я понял из доклада полковника Емельянцева.

— Полк отстал, фланги открыты, противник контратакует, особенно слева, с соседями связи нет.

Я решил с оперативной группой выехать на машинах в 232-й полк, чтобы на месте разобраться в обстановке, помочь принять правильное решение.

У проселочной дороги восточное населенного пункта Барыня, в лесу, расположился батальон майора Бурмистрова. Бойцы готовили шалаши, расчищали снег, стелили лапник, готовились к ночлегу. Некоторые уже отдыхали, другие охраняли расположение подразделения.

Отсюда мы поехали к деревне Барыня, где нас ожидал полковник Емельянцев, который доложил:

— Товарищ полковник! Батальон Чабоненко отбивает контратаки врага на западной окраине Барыни. Батальон Щеглова освободил деревню Никулино, подошел к болотам — два километра западнее Никулино. Перед ним отходят мелкие подразделения неприятеля.

Пешком мы прошли на окраину деревни к последнему домику. Впереди шел бой…

Оценив обстановку, решили батальон Бурмистрова поднять по тревоге и поставить такую задачу: продвинуться севернее Барыни лесом в направлении Гниловец навстречу батальону Щеглова, отрезать пути отхода противнику на запад. Вот так и бывает на войне: только что люди расположились на ночлег после тяжелого двухдневного боя, а тут вновь подъем. Но так требовала обстановка.

Батальонам Бурмистрова и Щеглова необходимо было соединиться в деревне Пулково. Полковник Добылев сосредоточил почти всю артиллерию дивизии для поддержки наступления 232-го полка.

К этому времени майор Зорько доложил о готовности разведывательной роты для ночных действий в тылу врага. Одеты бойцы в белые маскхалаты, подогнаны лыжи, исправны автоматы, в порядке и другое снаряжение. Подошли два партизана, которые прекрасно знали эту местность. Когда стемнело, рота ушла во вражеский тыл. Мы проводили ее и возвратились на КП. По дороге мы встретили на центральной улице большую группу гражданского населения, собравшуюся около амбара.

— В чем дело? Надо разобраться, — обратился я к полковнику Емельянцеву.

Оказалось, в амбаре сидели схваченные немецкие факельщики. Люди требовали от заместителя командира полка по политчасти майора С. Ф. Лаванюка сжечь факельщиков в этом же амбаре. Лаванюк удерживал их от самосуда. Я поднял руку.

— Что мне сказать вам, товарищи? О боли, которая в ваших душах?! О слезах, которые ослепили жен и матерей?! Нет, об этом говорить, когда мы гоним с нашей земли врага, не стоит. Мы сильнее, мы наступаем! Нам ли сейчас расправляться за зверства, грабежи и насилия с пленными! Мы бьем врага в открытом, честном бою. И тех, кто заслуживает наказания, предаем суду. Расходитесь, товарищи, по домам. Дел у вас теперь много, а мы сами разберемся по всем правилам советского закона.

Люди тихо разошлись. Я уехал на свой КП.

Батальоны приступили к выполнению поставленной задачи.

Пока шло все по нашим расчетам.

Утро 21 февраля пришло без грохота выстрелов. Фашисты были захвачены врасплох в Пулкове, а под деревней Барыня даже не поняли, что уже окружены…

Разгромив неприятеля на рубеже Волот, Пухово, части дивизии вышли к густому лесному массиву с болотами, замерзшими и незамерзшими. Серьезная естественная преграда на пути к крупному железнодорожному узлу — городу Дно! Лес протянулся с севера на юг на расстояние около 20 километров. На лыжи встали передовые батальоны и разведчики. Противник, надо полагать, надеялся, что нас задержат эти преграды. Лес в северной его части пересекала железная дорога, идущая из Старой Руссы на Дно, параллельных ей грунтовых дорог рядом не было. На южной опушке леса проходила единственная проселочная дорога, по которой с трудом могли двигаться машины, танки и орудия. Остальные просеки и звериные тропы годились только для пехоты. Все узкие перешейки и проходы между болотами были перехвачены неприятельскими заслонами. Надежд на быстрый прорыв было мало. Нам ничего не оставалось, как обойти лесной массив. В северной части леса, вдоль железной дороги эту задачу выполнял передовой отряд 140-го полка, который только что был введен в бой. Хорошо отдохнувшие бойцы шли на лыжах, а вслед за ними двигались основные силы полка.

171-й полк пришлось повернуть на юго-запад, в обход лесного массива в направлении Раманье, Рвы. Вперед был выслан сильный передовой отряд, усиленный двумя батареями противотанковых пушек, при поддержке танков.

По нашим расчетам, к утру 22 февраля передовые отряды должны были встретиться у населенного пункта Кривуха. Это в пяти километрах от Морино, западнее лесного массива. И, вступив в бой с ходу, силами двух полков прорвать рубеж обороны гитлеровцев Морино, Панкратово.

Правда, большое опасение у меня вызывал открытый левый фланг дивизии. К юго-западу от южной опушки леса, у деревни Чащица, двигалась какая-то колонна, но пока разведчики не возвратились, мы не смогли установить, чья она. Командир корпуса сообщил, что юго-восточнее Должино противник контратаковал нашего соседа. По нашим расчетам, можно было ожидать контратаку противника силою до полка по левому флангу дивизии. Мы вынуждены были не выводить 232-й полк во второй эшелон, а развернуть его в направлении Большие Гривы, тем самым надежно обеспечивая фланг.

К этому времени 108-я разведывательная рота вернулась из

глубокого тыла врага. Со своей задачей она справилась. Захватила несколько солдат и даже одного офицера штаба полка, документы, карты с обстановкой, прихватили с собой фотоаппараты и бинокли. Майор Зорько стал разбираться с документами, старший лейтенант Бейлин допрашивать пленных, а я вызвал к себе командира роты старшего лейтенанта Шимчика, чтобы выслушать его доклад.

— Нас провели лесом, глухой партизанской тропой. Противник не обнаружил роту. Мы обогнули с севера деревню Долгуши и незаметно подошли к расположению штаба полка. Услышали разговор на немецком языке. Остановились, выслали дозор. Он обнаружил патруль, охранявший штаб. Я провел роту оврагом, заросшим мелким кустарником, который тянулся к центру расположения блиндажей. Вот и блиндажи, хорошо замаскированные. Рядом ходит часовой. Согнулся, нос воткнул в воротник шинели, не видит ничего. Автомат перекинул через плечо. На овраг не обращает никакого внимания. Часового сняли бесшумно. Группа захвата подошла к блиндажам, лейтенант Самусенков распределил по три-четыре разведчика на блиндаж. Одновременно ворвались в блиндажи. В это время рота приняла боевой порядок на случай опасности.

Поднялась автоматная, пистолетная стрельба, раздались взрывы гранат. Гитлеровцы в панике выскакивали из блиндажей, разбегались в разные стороны. Некоторые офицеры вступали с разведчиками в рукопашную схватку. Над командным пунктом взвились ракеты. Фашисты вызывали помощь.

При вспышках ракет мы обнаружили на отшибе блиндаж, из которого стреляли из автоматов. Старшина Козлов с шестью разведчиками осторожно подползли, бросили внутрь гранаты. Стрельба прекратилась. Козлов выбил двери, в блиндаже оказался в живых лишь один офицер. Он не сопротивлялся. Его и прихватили. Потом быстро отошли километра на два по другой тропе лесом и только тогда услышали орудийную стрельбу. Мы вышли из леса на дорогу на окраине Контопцев, где и встретились с батальоном Щеглова.

Все полученные данные были очень кстати.

Допрос пленных и разбор документов подходил к концу. Мы сидели в небольшой крестьянской чистой и теплой избе на окраине деревушки. Вдруг в небе послышался гул мотора По-2. Мы бросились к окнам, видим: один, второй, третий круг сделал самолет над нами.

— Видимо, из штаба армии, — предположил майор Зорько.

— Надо встретить их, — приказал я.

Вскоре Зорько прислал связного, который доложил:

— Прибыл командарм.

Я не удивился. Не первый раз он приезжал и прилетал без всякого предупреждения. Я вышел навстречу генералу Короткову и командиру корпуса генералу Степаненко.

По дороге к КП генерал Коротков обратил внимание на подготовленный санный обоз. Рядом с ним стояли пленные. Одеты они были не по-зимнему.

— А как же вы их будете отправлять?

— На машинах, человек по двадцать пять.

Я доложил командиру об итогах разведки. Генерал остался доволен полученными разведывательными данными. Он сам когда-то был разведчиком, знал, как трудно их добывать.

Я пригласил генералов выпить чая. На столе уже кипел самовар. Ординарец красноармеец Горошков накрыл стол.

Генерал Коротков перед отлетом дал короткие и четкие дополнительные указания по подготовке штурма города Дно. Попрощался, и самолет поднялся в воздух.

Начальник штаба полковник Тарасов сообщил командирам полков необходимые им разведывательные данные о противнике, которые пришлись им очень кстати. Особенно умело воспользовался полученными разведывательными данными полковник Емельянцев. 232-й стрелковый полк нанес внезапный удар во фланг вражеской части. Фашисты были застигнуты врасплох.

По радио полковник Емельянцев доложил:

— Разгромлена колонна пехоты, следовавшая по дороге на Долгуши, численностью до батальона, захвачены пленные, три пушки, десять пулеметов, несколько повозок и машины. Полк свернул с Долгуши на дорогу к Панкратово.

Следом доложил подполковник Воронин:

— Передовой отряд капитана Заворохина рассеял до роты противника и овладел деревней Раманье. Не останавливаясь, двинулся по дороге на Рвы. Одновременно второй батальон капитана Лутовинова по бездорожью лесом выходит на Ледники и несколько отстает от передового отряда. 3-й батальон майора Микерова продвигается по дороге на Рвы во втором эшелоне полка.

Не прошло и часа, как Воронин снова доложил:

— При отходе передового отряда к деревне Рвы встречены сильным организованным орудийным и пулеметным огнем со стороны противника. Попытались при поддержке танков прорваться с ходу. Потеряли людей, два танка, по успеха не имели.

— Готовьтесь к повторной атаке, ждите меня, выезжаю. Наша

оперативная группа всегда была наготове. Не доезжая метров 300 до деревни Рвы, нас остановил патруль:

— Дальше ехать, товарищ полковник, на машине запрещено. Противник сильно обстреливает.

Подбежал начальник штаба полка майор А. П. Долгих. Мы с ним пошли на НП полка. В центре лесной полянки на небольшой возвышенности, хорошо замаскированной, стоял подполковник Воронин. Строгий, лицо суровое, словно высеченное из камня. Спокойно, коротко дает указания.

Увидев меня, подошел и доложил обстановку:

— Противник занимает оборону по реке Ровка. Позиции его расположены на высотах, на более выгодном рубеже по отношению к нам. Справа — лес, слева болото. Есть там дефиле, но поставлено достаточно огневых средств, к тому же находятся его резервы.

— Атаковать в лоб Рвы, да еще с ходу, было бы по меньшей мере неосмотрительно. Но медлить, терять людей и время тоже не следует.

Внимательно изучив ситуацию, я приказал Воронину оставить па направлении Рвы один батальон с противотанковой батареей для имитации атаки. Весь же полк с приданными средствами перебросить на рубеж высота 89,5 и лес, что южнее в одном километре от деревни Ледники. Оттуда во взаимодействии с 232-м полком нанести удар в направлении Карпово во фланг противнику навстречу 140-му полку, отрезая, таким образом, пути отхода противнику.

Максим Ильич Воронин оставил батальон М. П. Заворохина у Рвов, там же остался и его заместитель майор Ф. А. Ерастов. Взял с собой начальника штаба, офицеров и артиллеристов и вместе со мной уехал на новый наблюдательный пункт.

На новом НП ко мне подошел начальник связи М. А. Кривонос и доложил:

— Связь с полками и корпусом установлена.

Раз связь работает, то можно управлять частями в бою.

Перегруппировка на новый рубеж дивизии происходила днем, но все было сделано, чтобы это произошло скрытно от противника, чтобы ни малейшими признаками не обнаружить себя. Подразделения, техника шли лесом, оврагами, в стороне от дорог и, как только занимали исходное положение, сразу зарывались в снег. Орудия, минометы маскировались белым материалом, танки окрашивали в белый цвет.

Все усиленно готовились к бою.

Пока шла подготовка, я вместе с начальником политотдела пошел побеседовать в роту старшего лейтенанта А. В. Алешкина.

Там царило деловое оживление: бойцы получали гранаты, готовили автоматы, карабины. В траншее нас обступили, завязалась непринужденная беседа.

— Скоро наступление? — спросил молодой боец.

— Не за горами, — улыбнулся я.

— Ну все же, как скоро? — не унимался боец.

— Примерно через пару часов.

Настроение у личного состава было боевое, несмотря на все трудности перехода из одного района сосредоточения в другой.

Этому во многом способствовала интенсивная партийно-политическая работа, которая проводилась в дивизии с учетом специфики боевой деятельности частей и подразделений и составляла необходимый элемент подготовки и проведения каждого боя. Она воспитывала у бойцов стойкость, мужество, большую активность, высокий наступательный порыв. У нас практиковались ежедневно короткие совещания командиров рот с подчиненными. На них подводились итоги прошедшего дня и ставились задачи на следующий день. Как только представлялась возможность, проводились партийные и комсомольские собрания с конкретными повестками дня. Политработники постоянно следили, чтобы весточки с фронта отправлялись в госпитали раненым бойцам, а также писались благодарственные письма родственникам особо отличившихся бойцов. Политотдел дивизии выпускал печатные листовки, а политработники частей и подразделений — рукописные с пометкой «Прочитай а передай по цепи». Большое внимание уделялось выпуску боевых листков.

Вернувшись на НП, я прежде всего обратился к командующему артиллерией полковнику Добылеву:

— Иван Прокофьевич! Готова артиллерия?

— Через полчаса будет готова. Поддерживающие нас минометный и гвардейский минометный полки подготовили также все данные и готовы открыть огонь.

Ровно через полчаса команды «Огонь!» молниеносно разнеслись по проводам и эфиру на батареи. Пролетели секунды. Раздался орудийный гром.

Поднялись бойцы и дружно пошли в атаку. Они преодолели возвышенность и двинулись навстречу подразделениям 140-го полка. Вскоре мы увидели, как наступающие соединились на льду реки Полонки. Пути отхода гарнизону деревни Рвы были отрезаны. Фашисты оказались в кольце. Впереди два наших полка, сзади один.

Мы решили обратиться к окруженным частям противника с призывом сложить оружие. Составили текст обращения. Я доложил о нашей задумке командиру корпуса. Тот одобрил наш

план. Переводчик старший лейтенант Бейлин подошел к микрофону громкоговорящей установки:

— Внимание! Внимание! Внимание! Говорит русское радио! Прекратить стрельбу. Сложите оружие на дороге около перекрестка. Переходите смело к нам, никто вас не тронет, гарантируем жизнь всем солдатам и офицерам, отправим в тыл. Ваше сопротивление бессмысленно. Вы окружены. На раздумье двадцать минут.

Наступила тишина. Только где-то во вражеском тылу отдельные пулеметные очереди. Истекает срок ультиматума. Ответа нет. Полковник Добылев отдает распоряжение артиллерийским командирам:

— Провести трехминутный артиллерийско-минометный налет!

Ударили орудия и минометы. Когда они смолкли, снова наступила тишина. Бейлин повторяет текст ультиматума.

Но вот появились первые мелкие группки гитлеровцев с белыми флажками…

После капитуляции гитлеровского гарнизона в моем присутствии Бейлин допрашивал пленного офицера. Уронив на ладони голову, он с раздражением говорил:

— Вы не должны были и не готовились наступать на этом направлении! На реке Ровка, на участке Рвы, Ледники, Чащицы все подступы заминированы, орудия и пулеметы расставлены так, что ни один ваш танк не пройдет и ни один бы солдат не смог бы пройти. Мы занимали оборону на господствующих высотах и, надежно укрепившись, надеялись с неделю продержаться. Никому не пришла в голову мысль, что вы сделаете обход по болотам, лесам, глубоким оврагам…

На разборе итогов отгремевшего боя я еще раз напомнил командирам частей о том, что успех преследования противника зависит прежде всего от ведения непрерывной разведки, которая должна быть организована не только в своей полосе, но и в соседней. Должно быть налажено взаимодействие. Решение следует в этой ситуации принимать быстро. Промедление здесь, как говорят, смерти подобно.

Вот в начале боя подполковник Воронин сомневался в его успехе, но, убедившись в правильности принятого решения, активно ввел в бой свои батальоны, а это решило исход боя…

После разгрома неприятеля на рубеже Морино, Панкратово я поехал на новый командный пункт в поселок Михайловский.

В эти дни неожиданно наступила сильная оттепель. Вдоль дороги стояли брошенные автомашины, орудия, повозки с различным имуществом. Двигались медленно. Вскоре забуксовал

и наш «виллис». Я вылез из автомашины. Подошли бойцы, с шутками помогли вытолкнуть машину из грязи.

Мы подъехали к избе, на крылечке которой стояла хозяйка. Она встретила нас с доброй улыбкой:

— Пожалуйста, входите в горницу.

Вошли в горницу: чисто, тепло, на столе уже стоял горячий самовар. Сели за стол. После трех выпитых стаканов горячего чая усталость взяла свое. Забрался на теплую русскую печь и сладко заснул. Сколько спал, не знаю, но сквозь сон вдруг услышал:

— Товарищ полковник! Товарищ полковник! Я с трудом открыл глаза. Это меня зовут. Возле печки стоял старший лейтенант Курбатов.

— Вставайте! К вам настойчиво рвется священник по какому-то важному делу.

Я спросонок не сразу понял — зачем, по какому делу потребовался я попу. С 1925 года ведь неверующий. Слез с печи, и тут же ко мне шагнул в полном облачении, в ризе, с крестом на груди священник.

— Мне необходимо ваше разрешение на проведение служения по случаю освобождения псковской земли от нашествия фашистов.

Я, скажу честно, растерялся, не знал, как поступить.

— Через полчаса дам ответ.

Тут же посоветовался с начальником политотдела подполковником Хромовым. Он тоже не знал, как быть. Тогда позвонили члену Военного совета армии генералу Д. Е. Колесникову. Он подумал и сказал:

— На пользу делу — пусть служит, да только пусть добавит при службе, что город Холм тоже освобожден от немецко-фашистских оккупантов.

Вскоре раздался колокольный звон. Я вышел на крыльцо, давно такого перезвона не слышал. Вспомнил, как, бывало, мальчишкой на святки залезешь на колокольню и перезваниваешь в лад маленькими колоколами с большими.

По улицам пошли богомольцы.

После окончания молебна зашел ко мне начальник политотдела Степан Лаврентьевич Хромов и рассказал:

— Когда собрался народ, появился священник в тяжелой золотой ризе, махнул крестом, и все замерли. Он начал проповедь: «Мы беспощадны к врагу! Мы за святое дело, за освобождение! Так встанем, братья и сестры, все как один на защиту Родины!» Читая, он то повышал, то понижал голос до шепота. В заключение хор исполнил «Слава Красной Армии». Народ остался доволен службой…

За пять дней наступательных боев дивизия освободила 210 населенных пунктов и вышла на рубеж в девяти километрах восточнее города Дно.

Салют Родины

В круглой чугунной печурке тихо потрескивали дрова, от нее веяло теплом. На самодельном столике покачивается язычок коптилки. Передвижной наблюдательный пункт оперативной группы — машина «додж», на три четверти крытая фанерой, утепленная, поставленная на широкие полозья, подцеплена к трактору-вездеходу. Он медленно тянет ее по глубокому снегу за передовыми отрядами, которые идут параллельно отходящим подразделениям противника, а иногда обгоняют их, отрезают им пути отхода, но бывает, что и отстают от бегущих фашистов. Идут смело и решительно в темную ночь и неизвестность. Радисты то и дело запрашивают командиров передовых отрядов о достигнутых рубежах, о действиях противника. Мы в свою очередь наносим на карту полученные сведения.

— Завтра праздник — день Красной Армии, — вслух размышлял я. — Надо нам взять Дно! Вот это был бы подарок!

Добылев открыл дверцу и сердито сказал:

— Ну и погода! Задерживает наше наступление. Если так будет вьюжить и дальше, мы до утра не доберемся и до хуторов.

Я выглянул на улицу. Сильную оттепель сменил крепкий мороз, метель прямо гнала по голубоватому затвердевшему насту бесконечные ленты сухого колючего снега. Целые снежные перевалы вставали на пути главных сил дивизии. Они отстали от передовых отрядов.

— Они-то вовремя выйдут на указанный рубеж, а главные силы могут запоздать, — с тревогой сказал я.

— Пока, товарищ полковник, и передовые батальоны, и главные силы идут по графику, — откликнулся начальник оперативного отделения майор Пташенко. — Но я беспокоюсь за капитана Рождественского, уехал давно с боевым приказом в 140-й полк, по времени должен быть там, а его все еще нет.

— В такую погоду неудивительно сбиться с дороги, — предположил полковник Добылев.

— Вызывайте начальника штаба, полка майора Шишкова, — приказал Пташенко радисту.

Тот быстро связался со 140-м.

— Капитан Рождественский прибыл?

— Нет, — лаконично ответил по рации майор Шишков.

— Вышлите ему навстречу лыжников.

— Высылаю.

Минут через двадцать майор Шишков доложил:

— Прибыл Рождественский с боевым приказом. Поставленная

в приказе задача нам с командиром полка ясна…

140-му стрелковому полку предстояло изменить направление наступления, для чего продвинуться севернее деревни Коряково на деревню Суки и обойти Дно с юга.

Всю ночь 171-й и 232-й стрелковые полки дивизии преследовали отходящего врага и только перед рассветом были остановлены на рубеже Каменка, Общество Хуторов.

Первым доложил командир 171-го полка подполковник Воронин по рации:

— Вместе с 625-м артиллерийским полком вышли на рубеж Каменка, Бабино, где и были остановлены организованным огнем врага. Разведка установила, что в каждом опорном пункте обороняется до роты пехоты и до десятка танков и штурмовых орудий. Из глубины обороны их поддерживают до трех артиллерийских дивизионов. Готовим атаку. Подтягиваем орудия на передний край для сопровождения пехоты огнем прямой наводки, ставим минометы на огневые позиции.

Вслед за Ворониным доложил командир 140-го полка майор Родионов:

— Выполняя ваш приказ, продвигаюсь на Суки. Разгромил до роты пехоты неприятеля в опорном пункте Межник. Подхожу к высоте 78,7, что севернее четырех километров от села Выскодь.

Тем временем 232-й стрелковый полк вместе с приданным нам 239-м танковым полком подполковника И. П. Горячева, следуя во втором эшелоне дивизии, подошел головой колонны к деревне Заханье.

Итак, все части дивизии подошли к последнему рубежу обороны города и станции Дно. Фашистское командование рассчитывало здесь остановить наступление 182-й дивизии и 137-й бригады полковника С. С. Шульгина с 37-м танковым полком подполковника М. А. Шило, действующих во взаимодействии с частями 111-го корпуса 54-й армии, и не допустить в город и важный железнодорожный узел, где были собраны крупные запасы продовольствия, боеприпасов и военно-техническое имущество для немецкой группы войск «Север». Забегая вперед, должен сказать, что вывезти им ничего не удалось.

Командир корпуса приказал атаковать всеми имеющимися силами, а для этого ввести в бой второй эшелон — 232-й полк вместе с 239-м танковым.

К 11.00 части вышли на исходный рубеж атаки, артиллерия заняла огневые позиции. После короткого артиллерийского налета по опорным пунктам врага вперед пошла пехота с танками.

На правом фланге 171-го полка дела шли хорошо. Первый

батальон обошел с севера деревню Каменка и захватил Лужки, отрезав пути отхода врагу. Рота старшего лейтенанта Кузнецова ворвалась в траншеи, перебила в рукопашной схватке фашистов и двинулась навстречу роте старшего лейтенанта Сомова. Гитлеровцы оказались в кольце.

А вот на стыке 171-го и 232-го стрелковых полков складывалась сложная обстановка. Рота старшего лейтенанта Колонтая отбивала контратаку за контратакой и была оттеснена превосходящими силами противника.

Вот как об этом бое позже рассказал старший лейтенант Иван Трофимович Колонтай:

— Утром 23 февраля рота стремительным рывком преодолела открытое поле. Противник обнаружил нас и обрушил огонь со стороны деревни Погребцы. Трех бойцов ранило, один был убит. Я к ним немедленно направил санитаров.

Метель свирепствовала, и я опасался, как бы их не занесло.

Мы открыли залповый огонь. Гитлеровцы, не обращая внимания на потери, подползали все ближе и ближе к нам, стали забрасывать гранатами. Мы ответили тем же.

Вскоре гранатный бой стал затихать. В это время пришел к нам в роту командир батальона майор Бурмистров. Спросил, почему не наступаем. Я доложил, что в деревне Погребцы фашисты.

— Как так? — удивился Бурмистров. — Батальон Чабоненко занял Каменку. Не может быть, чтобы в Погребцах были немцы. Поднимайте роту в атаку.

Сам Бурмистров в цепи вместе с бойцами пошел в атаку. Гитлеровцы увидели цепь, открыли сильный огонь. Рота залегла, достигнув насыпи железной дороги. Тут комбат, очевидно, понял: без артиллерии из Погребцов не выбить противника. Попросил командира полка дать огонь по опорному пункту Погребцы. Вскоре орудия заработали. Рота проскочила железную дорогу и ворвалась в деревню. Бурмистров бежал среди бойцов.

— Давай! Давай! Вперед! Еще один рывок, и деревня вся наша, — подбадривал он бойцов.

В этот момент из-за угла дома ударила длинная автоматная очередь. Сергей Иванович Бурмистров схватился за грудь и упал. Я подбежал, склонился над ним и услышал:

— Вперед, ребята…

Это были последние слова майора Бурмистрова.

Мне позвонил командир 232-го полка полковник Емельянцев и доложил о гибели отважного командира батальона.

— Майор Бурмистров? Бурмистров! Не верю! Не верю! Не может быть! — почти закричал я в трубку, ударил кулаком по

столу так, что подскочили карандаши на карте, и отвернулся к стене. Какой-то кашляющий звук вырвался у меня из горла, но я взял себя в руки и хрипло спросил: — Кто принял батальон?

— Капитан Григорий Васильевич Бахаров…

В этом же бою погиб и младший лейтенант Виктор Дмитриевич Сидоренко.

Бурмистрова и Сидоренко похоронили неподалеку от деревни Каменка. Я приезжал проститься с ними.

У свежей могилы заместитель командира полка по политчасти С. Ф. Лаванюк сказал:

— Долг каждого отомстить врагу за Сергея Ивановича и Виктора Дмитриевича. Так поклянемся беспощадно бить врага, гнать его с русской земли.

Прогремел прощальный залп. Наступила минута молчания. О чем думал каждый в этот миг? О многом. И о тех, кто совсем недавно был рядом, а теперь уже больше никогда не увидишь их взглядов, улыбок, никогда не услышишь их голосов…

Тем временем нам удалось разгромить фашистов в опорных пунктах Каменка, Лужки, Бабино и Общество Хуторов. Гитлеровцы понесли большие потери, бросили на поле боя много различного оружия. В плен было взято 49 солдат и офицеров.

Но впереди противник удерживал еще два опорных пункта — Филипповну и Суки. Филипповна — крупный узел сопротивления — оборонялась пехотным батальоном, поддерживаемым огнем дальнобойной артиллерии.

Опорный пункт Суки оборонялся гарнизоном силою до роты и пятью танками.

Я с оперативной группой на машинах выехал к селу Филипповна на новый наблюдательный пункт. Пурга продолжала свирепствовать. Машины с трудом преодолевали заносы. Подъехали к избе.

Навстречу вышел полковник Емельянцев. Провел в дом. Отогревшись, тотчас приступили к делу. Разобрались в обстановке вначале по карте, а потом вышли на высотку, но с нее через снежную пелену плохо просматривались позиции врага.

Пока я с Емельянцевым разбирался в обстановке, на НП прибыл командир 171-го стрелкового полка, командиры артиллерийских 1186, 701, 110 и 239-го танкового полков.

Провели короткое совещание, на котором решили под прикрытием метели подтянуть на исходное положение дополнительные подразделения, поставить орудия сопровождения на прямую наводку, вывести танки ближе к передовой на огневые позиции, расставить минометы.

Главный удар спланировали нанести 232-м стрелковым и

239-м танковым полками юго-восточнее Филипповки в тесном взаимодействии со 171-м полком, наступающим с северо-востока при огневой поддержке 701-го гвардейского и 110-го минометного полков.

Перегруппировка частей и подразделений проводилась в трудных условиях мешал глубокий снег.

Как только наступающие части доложили о готовности к атаке, артиллерия открыла огонь по оборонительному узлу Филипповна. После артналета стрелки и пулеметчики пошли в атаку, окружив населенный пункт. Своевременно подоспели танки 239-го полка. Батальоны капитанов Чабоненко, Бахарова и майора Щеглова ворвались в Филипповку. Гитлеровский гарнизон был разгромлен. Дорога к городу Дно была свободной. 232-й полк, не останавливаясь, наступал на станцию Дно-3.

Опорный пункт Суки был захвачен подразделениями 140-го полка. В нем комендант штаба подготовил наблюдательный пункт командира дивизии.

С оперативной группой отправились туда. Проехали деревеньку Пустошь. Около крайней избы увидели местных жителей. Среди них стоял заместитель по политчасти командира 232-го полка майор С. Ф. Лаванюк и беседовал с собравшимися.

Я вышел из машины, поприветствовал их и поздравил с освобождением. Нельзя было не обратить внимания на их изнуренный вид. Худые, оборванные, они испытали на себе фашистскую оккупацию. Разговорившись, жители наперебой высказывали наболевшее…

— Грабили, мучили, насиловали, убивали, вешали, издевались, изверги…

Ко мне подошла женщина. Ее лицо было усеяно морщинами, а выяснилось, что женщине всего 32 года. Она рассказала обо всем, что с ней случилось.

— Изба, где я жила, была обыскана. Фашист доложил об этом своему офицеру. Тот приказал обыскать еще и двор… Вскоре солдат вернулся, неся поросенка. «Режь», — закричал он мне и направил на меня автомат.

Я не в силах была шелохнуться. Тогда солдат сам заколол поросенка штыком и потребовал, чтобы я его зажарила. Пришлось подчиниться.

— Все село перевернули, — продолжала рассказ другая женщина. — Что мы могли сделать с бандитами? А фашисты озверели. — Женщина разрыдалась.

— Горько ей, — произнес стоявший рядом старик. — Она из нашей деревни. Мужа ее и еще восьмерых сожгли, изверги.

Тяжела боль при виде всеобщего людского горя. Чем мы

могли утешить этих жителей? Разве только тем, что поклялись отомстить за все их беды…

Я доложил комкору генерал-майору Павлу Афиногеновичу Степаненко обстановку. К 14.00 23 февраля дивизия вплотную подошла к городу. 171-й полк ведет бой за станцию Дно-3, 232-й полк прорвался к МТС, 140-й — наступал в направлении Чертены, обходя город с юга.

— Готовьтесь к последнему штурму, Василий Митрофанович, — сказал комкор. Скоро буду у вас.

Я немедленно вызвал на командный пункт командиров полков и приданных частей. Собирались они, осунувшиеся, уставшие от бессонных ночей, с красными, воспаленными глазами. Однако настроение у всех было приподнятое. Усаживаясь, оживленно обменивались своими новостями.

Уточнил боевой приказ.

По данным разведки и из допроса пленных, известно, что фашистское командование полно решимости любой ценой удержать город Дно — мощный узел сопротивления, обеспечивающий материально-техническим снабжением группу армий «Север». Город обороняют два полка 8-й легкопехотной дивизии, отдельный саперный батальон, сборный полк численностью около полутора тысяч солдат и офицеров, два дивизиона 21-го артиллерийского полка.

В людях противник почти не уступает нам, но мы превосходим его в артиллерии и танках.

Сосед справа — 44-я гвардейская стрелковая дивизия ведет бои за населенный пункт Вишенка.

Сосед слева — 137-я стрелковая бригада с 37-м танковым полком.

Я коротко изложил задачи соседей и разграничительные линии с ними.

— Военный совет 1-й ударной армии возложил на воинов 182-й стрелковой дивизии и приданных частей задачу во взаимодействии с соседями освободить город. Это для нас с вами большая честь и доверие, и мы должны его оправдать! — сказал я.

Затем перешел к изложению своего замысла действий и боевых задач подчиненным, поддерживающим силам. Основной удар было решено нанести всеми силами и средствами дивизии ночью.

Командиру 171-го полка совместно с приданным 625-м артполком обойти станцию Дно-3 с севера, подавить отдельные очаги сопротивления, ворваться в город и стремительно наступать в направлении на центральную площадь, поддерживая тесное взаимодействие с соседями.

Командиру 232-го полка с приданным 239-м танковым полком уничтожить подразделения прикрытия на западной окраине города и безостановочно наступать к центру в направлении городской почты.

Командиру 140-го полка при поддержке 701-го гвардейского и 110-го минометного полков обойти с юга мукомольный завод и дом культуры, выйти к пригороду Чертены, замкнув кольцо окружения…

Начало атаки в два часа ночи.

Сверили часы и разъехались по своим частям. Оставалось мало времени для подготовки. Я вышел вместе с командирами на улицу. Погода нисколько не улучшилась. Стоял крепкий мороз, мела, стучала в заборы и ставни метелица. Окрестности в белой мгле. Неясным силуэтом слева чернел сосновый бор, скобкой прикрывавший город с тыла.

Нам было известно, что там находятся вражеские резервы, готовые контратаковать во фланг дивизии. Я представил, как сейчас перед фронтом обороны противника, на всю ширину дивизионной полосы наступления, в цепь уже рассредоточиваются подразделения полков. Вот здесь, на этих занесенных снегом полях, и должны начаться бои за город Дно.

Над деревней тускнел и угасал февральский день. Сумерки фиолетовыми тенями окутали дома, деревья и сугробы. Изредка впереди раздавались выстрелы. Все вроде буднично, по-фронтовому, но на самом деле все обстояло иначе.

На исходный рубеж выходили полки. По глубокому снежному покрову шли танки и орудия…

Занятый мыслями о предстоящем бое, я и не заметил, как подошел дивизионный инженер подполковник Н. М. Баталов.

— Дороги разминированы, — доложил он, — саперы пойдут со стрелковыми ротами, чтобы на ходу убирать с пути мины и проволочные заграждения.

— Хорошо, Николай Михайлович. А пока немного отдохните перед атакой.

Всем офицерам оперативного отделения штаба дивизии, свободным от работы, я тоже приказал отдохнуть. Сам же снова сел за карту… Тускло горела керосиновая лампа. Время от времени по телефону докладывали командиры частей. Так задумался, что и не заметил, как вошел в избу командарм генерал-лейтенант Геннадий Петрович Коротков.

Я доложил обстановку и свое решение. Командующий внимательно слушал, сверяя мой доклад по карте.

— Добро, — только и сказал он.

Командующий приехал в дивизию потому, что и сам тоже

очень волновался. Дивизия атаковала на главном направлении, от нас зависело — выполнит ли армия поставленную задачу.

Генерал Коротков информировал меня, что к этому времени 54-я армия Ленинградского фронта успешно преследует отходящего противника южнее города Пскова, на островском направлении. 288-ю и 44-ю дивизии 111-го стрелкового корпуса повернули на юго-запад с целью перехвата путей отхода врага. 137-я стрелковая бригада нашего 14-го гвардейского корпуса полковника Степана Степановича Шульгина, бывшего моего заместителя, подошла к городу.

Командующий несколько раз запрашивал по рации командира корпуса генерала Степаненко о местонахождении 23-й гвардейской стрелковой дивизии. Видимо, беспокоился за свой левый фланг.

Как мы и предполагали, наша ночная атака застала противника врасплох. Гитлеровцы не сумели организовать более или менее серьезного отпора. Наши подразделения прорвали первую линию обороны на окраине города. Вначале один батальон, а потом на разных направлениях все остальные ворвались в город Дно. Полки развернулись в боевые порядки побатальонно, батальоны — поротно. Бойцы продвигались в ночной темноте от одного дома к другому, выбивая оттуда врага. Иногда приходилось блокировать отдельные дома небольшими группами, а главные силы рот продолжали наступление вперед.

Должен сказать, что при подготовке к ночному бою в подразделениях были проведены специальные мероприятия, уменьшившие отрицательное влияние ночных условий. Это было сделано засветло и скрытно. Командиры на местности выбрали хорошо видимые на фоне неба ориентиры, наметили по кратчайшему расстоянию до конечного рубежа направления наступления с наименьшим количеством естественных препятствий. Были указаны азимуты движения и назначены направляющие подразделения, установлены световые сигналы для целеуказания и взаимного опознавания, проведены и другие мероприятия.

Командиры подразделений применяли различные виды маневра: бойцы пробирались по дворам, перелезали через заборы, обходили врага огородами, перекрывали улицы. В общем, делали все, чтобы зажать фашистов в клещи и не выпустить их на запад, чтобы сохранить город от полного разрушения. Несмотря на усилившееся сопротивление фашистов, дом за домом, квартал за кварталом мы освобождали город.

В три часа ночи мне начали поступать доклады.

Позвонил Воронин:

— Полк при поддержке 625-го артиллерийского полка успешно преодолевает оборону врага. Наступаем по направлению к центру.

Батальон Заварохина, во взаимодействии с артдивизионом Ерохина, уничтожил противника в первом и во втором кварталах города, ведет бой на площади. Рота Стародубцева, попав под губительный перекрестный огонь, залегла, но на помощь ей подоспела рота Смирнова, которая по дворам зашла в тыл гитлеровцам и забросала их гранатами.

Батальон Лутовинова и артдивизион Максимова в третьем квартале города также попали под сильный, организованный ружейно-пулеметный огонь. Оставив против фашистов одну стрелковую роту с батареей, батальон обошел квартал, ударил с тыла. Гитлеровцы подожгли один, затем другой дом. Пламя перебрасывается по крышам соседних строений. Так противник пытается прикрывать свой отход.

Полковник Емельянцев доложил:

— Полк, во взаимодействии с 239-м танковым полком при поддержке 1186-го истребительно-противотанкового артполка, вышел на центральную площадь и ведет бой.

В такой тревожной, критической ситуации навряд ли есть место для смеха. Но комические случаи бывают и в эти моменты. В разгар боя из-за угла дома выскочил без шапки, в распахнутом кителе с орденами немецкий офицер. Он бежал навстречу бойцам наступающей роты Сомова. Один из бойцов крикнул: «Хенде хох!» Офицер, увидев русских, заорал: «Гитлер капут! Гитлер капут!» Так они всегда кричали, попадая в плен. Впоследствии выяснилось, что офицер крепко уснул после вечерней гулянки и не слышал, как начался бой. Его батарея поспешно отошла, а офицера никто не разбудил. Так заспался пьяный вояка, что в плен попал…

Старший лейтенант Курбатов сиял трубку:

— Командир 140-го полка.

— Слушаю!

— Докладывает майор Родионов. Полк сломил упорное сопротивление врага, очистил от фашистов южную часть города, вышел на линию железной дороги и завязал бой за депо. Подтягиваю батареи Васильева и Краснова. А пока прошу оказать помощь артиллерийским огнем по депо.

Я приказал полковнику Добылеву поддержать 140-й полк артиллерией, а сам продолжал разговор с Родионовым:

— Владимир Иванович, воспользуйтесь артиллерийским налетом и совместно с 232-м полком атакуйте депо. Постарайтесь окружить в нем фашистов.

Дела наши пока шли успешно. Противник заметался, пытаясь вырваться из города. Этим воспользовались командиры подразделений. Бойцы быстро продвигались по улицам города, уничтожая огневые точки фашистов на чердаках и в подвалах.

О том, как проходил этот бой, вот что впоследствии вспоминал командир 140-го полка майор Владимир Иванович Родионов:

— Ночь была темной, вьюжной. По глубокому снегу, с оружием и боеприпасами бойцы с трудом продвигались вперед. Лошади, тащившие пушки, минометы, кухни, повозки, завязали в сугробах. Трудности эти были велики, но, с другой стороны, пурга помогала нам незаметно подойти к городу.

В три часа ночи в предместье города Чертены полковые разведчики захватили немецкий патруль, гревшийся около стога сена. Один из задержанных, ефрейтор, хорошо разбирался в карте и точно указал место расположения боевого охранения, огневых точек. Там же, в Чертенах, был расквартирован батальон, насчитывающий более 200 человек.

Батальон Турчина снял боевое охранение без единого выстрела. Вслед за ним оба батальона развернулись в боевые порядки и пошли в атаку. Гитлеровцы не ожидали ночной атаки и начали в панике отходить.

Вскоре в штабную машину вернулся начальник политотдела дивизии С. Л. Хромов. Уши шапки спущены, воротник полушубка поднят, но снег набился повсюду. Он побывал в 232-м и 140-м полках.

— Как там? Рассказывай.

— Все коммунисты и комсомольцы, да и беспартийные дерутся мужественно и стойко, показывают примеры подлинного бесстрашия.

Степан Лаврентьевич достал из полевой сумки блокнот, открыл его и привел несколько примеров.

Пулеметчик 232-го полка красноармеец Смычек из пулемета уничтожил до полутора десятков гитлеровцев, которые пытались контратаковать роту. Проявили исключительную храбрость коммунисты Васильев и Власов из 140-го полка. Они первыми бросились в атаку, захватили четырех растерявшихся фашистских солдат и одного офицера, от которого были получены цепные сведения о расположении вражеских войск.

— Первая стрелковая рота, — продолжал Хромов, — попала под сильный огонь. Бойцы залегли. Коммунисты Ковалев, Нестеров, Никифоров, а за ними еще с десяток бойцов пробрались дворами в тыл опорного пункта, забросали гитлеровцев гранатами. Фашисты бросились врассыпную. Красноармеец

Богданов из первой пулеметной роты заслонил собой командира роты старшего лейтенанта Кочановского и ценой своей жизни спас командира.

Храбро дрались и комсомольцы. Сержант Метелкин перед штурмом города Дно подал заявление о вступлении в партию. «Хочу брать город коммунистом», заявил он. В этом бою Метелкин проявил бесстрашие. Сам погиб, но расстрелял из автомата семерых фашистов.

— Надо, Степан Лаврентьевич, представить всех, кто проявил храбрость, мужество и бесстрашие, к наградам. Написать обстоятельно о них в дивизионной газете. Передайте весь материал редактору Холстинину, — попросил я. — Пусть все воины дивизии знают своих героев.

— Хорошо. Сейчас же зайду к редактору и поеду в 171-й полк, — ответил Хромов.

В полосе наступления этого полка еще ликвидировались отдельные очаги сопротивления врага.

В пять часов утра доложил Воронин:

— Задачу выполнил, но еще ведем бой в двух очагах. Вслед за Ворониным доложили Родионов и Емельянцев:

— Задачу выполнили! Город очищен от фашистов.

Поступили сведения и об успешных действиях наших соседей, участвовавших в освобождении города и железнодорожного узла Дно, — 288-й и 44-й стрелковых дивизий 111-го стрелкового корпуса 54-й армии Ленинградского фронта.

В 6.00 24 февраля я доложил о выполнении задачи сначала командиру нашего 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору П. А. Степаненко, а затем командующему 1-й ударной армией генерал-лейтенанту Геннадию Петровичу Короткову:

— Товарищ генерал! Задача, поставленная вами 182-й стрелковой дивизии, выполнена. Город Дно освобожден от фашистских захватчиков.

— Поздравляю вас, Василий Митрофанович, и весь личный состав дивизии. Желаю дальнейших успехов в боях. Вперед идем, комдив, на запад! Примите поздравления и от Дмитрия Емельяновича Колесникова! — тепло поздравил нас командующий.

Наступал рассвет. Бой утих. Догорали пожарища, дым еще расстилался по улицам.

«Вот освобожден еще один город, — думал я. — Сейчас он лежит в руинах, но пройдут годы и город вновь будет восстановлен, и по его новым проспектам и улицам будут ходить счастливые советские люди».

Задумавшись, я в не заметил, как к машине подошел мальчик лет двенадцати.

— Товарищ командир, разрешите спросить?

— Спрашивай, сынок!

— Возьмите меня в разведку!

— Ты еще маленький. В разведке нужны очень сильные и ловкие бойцы.

— Я быстро подрасту и научусь!

— У тебя родные есть?

— Нет. Маму и сестренку фашисты убили…

Вот так тогда каждому советскому человеку от мала до велика хотелось мстить гитлеровцам.

Невольно я вспомнил в ту минуту рассказ о том, как на глазах шестилетней девочки Веры Емельяновой фашисты убили в Присморжье мать и троих детей. На Украине в селе Баранье Поле тоже расстреляли мать троих детей… Сколько преступлений совершено немецко-фашистскими бандитами, сколько пролито невинной крови! Но уже близок час расплаты!

Полковник Тарасов доложил предварительные цифры захваченных трофеев. В городе Дно нам достались сорок два склада с вещевым имуществом, бензином, боеприпасами, запасными частями к военной технике, продовольствием. В продовольственных складах расфасованное масло, шоколад, мука, крупа, маринованные огурцы и помидоры, много мяса. Все это имущество и продовольствие принадлежало основной базе снабжения группы армий «Север»…

Вечером мы слушали по радио Приказ Верховного Главнокомандующего № 77 «…в ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение города Дно, представить к присвоению наименования Дновских…»

Среди десяти представленных соединений и частей была и 182-я стрелковая дивизия…

«…Сегодня, 24 февраля, в 21 час, — звучал торжественно голос Левитана, столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, овладевшим городом Дно, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий…»

За отличные боевые действия и отвагу в боях за город Дно около трехсот бойцов и командиров были удостоены государственных наград.

Вспоминается торжественный день 26 февраля 1944 года. Утро после буранных дней было ослепительно солнечным. Над свежими сугробами стояла голубоватая дымка от легкого

морозца.

Представленные к наградам воины были построены на опушке леса, за городом.

И хотя воины прибыли сюда после бессонных ночей уставшими, вид у всех бодрый, а настроение праздничное. Да это и понятно — победа окрыляла их!

Вскоре приехал заместитель командующего войсками фронта генерал-лейтенант Михаил Никанорович Герасимов. Он привез еще одно радостное сообщение: войска фронта освободили город Порхов. Поздравив с победой, генерал начал вручать награды. Среди награжденных были: начальник политотдела подполковник Степан Лаврентьевич Хромов, начальник штаба полковник Сергей Петрович Тарасов, командиры полков майор Владимир Иванович Родионов и подполковник Максим Ильич Воронин.

К генералу Герасимову были вызваны и наши снайперы. Первым подошел старший сержант Рыков из 232-го стрелкового полка. Это он скрытно пробрался на чердак одного из домов и гранатами забросал вражеский станковый пулемет, тем самым дал возможность бойцам своего батальона продолжать наступление. За ним вышла высокая девушка с большими темными глазами на смуглом лице, аккуратной толстой косой, спрятанной под ушанкой. Я посмотрел на девушку, подумал: надо же суметь спрятать под ушанкой такую косу. Еще во время боев на реке Ловать, помню, ко мне пришел начальник штаба 232-го полка майор Карпов и доложил о том, что некоторые прибывшие к нам девушки-снайперы просят разрешения оставить им косы. Назвал он тогда и фамилию этой девушки — Бушкова. Я подумал и ответил:

— Косы — это девичье украшение. Косы не помешают им бить врага, пусть носят.

Шесть девушек не срезали свои косы.

И вот одна из них подошла, замерла перед генералом, чуть смущенная. Бушкова уничтожила 16 фашистов. И теперь на груди ее засверкала медаль «За отвагу». В подразделениях продолжалось подведение итогов боев.

Вышел очередной номер дивизионной газеты «В бой за Родину!».

Редактор — капитан С. Н. Холстинин постарался сделать этот номер боевым и содержательным, рассказав о героях сражений.

Из газеты мы узнали интересные боевые эпизоды. Так, группа бойцов, ворвавшаяся в село Каменка, была контратакована фашистами численностью раза и три больше, но бойцы не растерялись. Пулеметчик Шугаев выкатил на открытую площадку пулемет и в упор расстреливал гитлеровцев. Враги попытались

забросать его гранатами. Шугаев продолжал вести огонь, а когда окончились патроны, подпустил к себе фашистов, схватился с ними врукопашную, уничтожил нескольких и погиб смертью героя.

Старший сержант Лавайкин из пулемета отбил шесть контратак, так и не отступив со своей огневой позиции…

Шла вперед 182-я дивизия. За период преследования врага ее воины освободили 239 населенных пунктов, четыре железнодорожные станции, три города, захватив 108 пленных, уничтожили 3469 фашистских солдат и офицеров.

В историю 182-й стрелковой дивизии была вписана еще одна славная страница.

С того времени прошло чуть более сорока лет, и вот Дновский городской Совет депутатов трудящихся принял решение о присвоении звания «Почетный гражданин города Дно» участникам освобождения города. Среди них были: Владимир Иванович Родионов, бывший командир 140-го Краснознаменного стрелкового полка, ныне генерал-лейтенант; Максим Ильич Воронин, бывший командир 171-го стрелкового полка; Александра Федоровна Иванова, бывшая связная, разведчица партизанского отряда «Дружный»; Татьяна Ивановна Ромашкина (Ленькова), бывшая разведчица, командир диверсионной группы отряда «Дружный». Это почетное звание было присвоено и мне.

На торжественном заседании первый секретарь райкома партии Г. П. Перлов вручил нам грамоты о присвоении знания «Почетный гражданин города Дно» и вместе с ними ключи от города.

За прошедшие сорок с лишком лет вырос и похорошел город. О разрушениях, нанесенных городу в годы войны, можно было узнать только по фотографиям и из рассказов очевидцев…

К реке Великая

После трудных переходов и тяжелых боев дивизия получила несколько дней передышки, которые использовала для отдыха и доукомплектования. Командующий 1-й ударной армией генерал-лейтенант Г. П. Коротков приказал быть в готовности к преследованию врага в направлении Дубровка, Вышегород. Стало ясно, что, выполняя ату задачу, дивизия участвовать в освобождении древнего русского города Пскова не будет. Армии предстояло наступать в направлении столицы Латвии — Риги. Но впереди был заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж — линия «Пантера». На него-то к концу февраля командованию группы армий «Север» и удалось отвести свои войска. Уже гораздо позднее я узнал, что это был первый и наиболее мощный оборонительный рубеж в системе рубежей, прикрывавших с востока центральные районы Прибалтики. Линия «Пантера» была северной частью «Восточного вала» и проходила от Псковского озера, восточнее Пскова, Острова, севернее и восточнее Пушкинских гор, западнее Поворжева, восточнее Опочки и Себежа. Противник длительное время укреплял линию «Пантера», состоящую из двух оборонительных полос и ряда отсечных позиций.

Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта генерал армии М. М. Попов после выхода нашей 1-й ударной армии на рубеж — справа — 15 км восточнее Острова, слева — 5 км севернее и 20 км восточнее Пушкинских гор — поставил ей задачу в интересах последующей наступательной операции выйти к реке Великая в районе излучины северо-западнее Пушкинских гор, форсировать ее и захватить плацдарм на левом берегу.

Подходы к реке Великая с северо-запада плохие: местность лесисто-болотистая, дорог мало, и те не во все времена года пригодны для передвижения боевой техники. А тут еще зима — метели, снегопады, сильные морозы, а с наступлением весны начнется распутица, все движение приостановится.

Тем временем наша 182-я стрелковая дивизия сменила части 23-й гвардейской дивизии, которая была передислоцирована на правый фланг армии. Все вопросы смены мы быстро решили с командиром дивизии полковником Андреем Марковичем Картавенко. Был он среднего роста, плотен, широк, с короткой сильной шеей, как влитой сидел на ном сшитый китель, сразу чувствовалось-бывший кавалерист. На такого командира можно было надеяться.

Вечером 26 февраля 182-я дивизия согласно приказу

двинулась в походных колоннах по двум проселочным дорогам в направлении населенных пунктов Основицы, Баровия, Дубровка, Вышегород.

Выслали на главном направлении вперед 108-ю отдельную разведывательную роту. Вместе с ней ушел начальник разведывательного отделения майор В. И. Зорько. Была установлена связь с местными партизанами. Они проинформировали нас об оперативной обстановке.

Для нас важно было знать заранее, где противник организует оборону на промежуточном рубеже. А если действительно он будет безостановочно отходить на реку Великую, то нам надо одновременно с ним переправиться через реку и захватить плацдарм.

Отходя, фашистские войска подрывали мосты, минировали пути. Нашим частям приходилось расчищать завалы, строить дороги в обход. Трудно было бойцам в этом переходе, но особенно трудно было саперному батальону капитана В. И. Гончарова. Они шли впереди, слева и справа от колонн, зачастую по пояс в снегу в поисках мин.

В полосе наступления дивизии разградительные и восстановительные работы на маршрутах наступления вели также подразделения 2-го армейского инженерного батальона майора Н. А. Стасюка.

Добрая слава о действиях минеров и саперов этой инженерной части 1-й ударной армии шла по всему Северо-Западному фронту. Мне было известно, что командарм Г. П. Коротков использовал батальон майора Н. А. Стасюка в основном для инженерного обеспечения действий частей и соединений первого эшелона армии как в ходе наступательных, так и оборонительных боев южнее Старой Руссы и Рамушево.

Особенно отличился этот батальон в ходе наступательной операции по ликвидации демянской группировки врага, когда в считанные часы во время артиллерийской подготовки атаки в районе деревни Цемена через реку Корповка саперы построили три двухколейных моста для прохода наших танков. Многие саперы получили за это государственные награды, а командир батальона Н. А. Стасюк был удостоен ордена Красного Знамени.

Все это время нас беспокоило отсутствие информации о противнике, мы не знали, где находятся его части, что он собирается предпринять. Поэтому я требовал от командиров полков соблюдать осторожность и поддерживать постоянную боеготовность частей.

Колонны не всегда шли проселочными дорогами, иногда приходилось двигаться по лесным тропам, а то и просто по

бездорожью.

Во второй половине дня 27 февраля дивизия остановилась на двухчасовой привал.

Наша оперативная группа расположилась в одном из пустых домов.

Вернулся майор Зорько и доложил:

— Захвачены пленные.

— Ведите. Допросим.

Молоденький лейтенант Новоселов, весь сияя, радостно доложил:

— Товарищ полковник, поймали в лесу одного офицера, а с ним фельдфебеля и рядового.

Я с удовольствием посмотрел на Новоселова: небольшого роста, широкие плечи, чистый, без морщинки, юношеский лоб, живые светло-карие глаза, нежный румянец заливает скулы; на вид ему лет двадцать, но какой же храбрец и умница!

Все пленные оказались из саперного батальона 5-й легкопехотной дивизии и выполняли задание по минированию дорог и подрыву мостов. Приказ они выполнили, но отойти к своим не успели.

О планах своего командования пленные мало знали.

Привал окончен. Снова идем вперед. К вечеру поднялась сильная пурга. Занесло дороги. Машины буксовали. Гужевой транспорт был не в состоянии обеспечить движение. Положение становилось критическим, но противника необходимо преследовать. На четвертые сутки прошли сто первый километр. Малые привалы сократили до восьми минут. За это время успевали лишь покурить. Большие привалы, на обед и ночлег, устраивали в населенных пунктах или в лесу.

Делали это таким образом: высланные квартирьеры встречали свои подразделения и разводили в назначенные места отдыха. В каждую избу размещали по 10–15 человек. Тесно, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Хозяева встречали солдат-освободителей с огромной радостью. Стелили на полу солому, грели воду, чтобы можно было помыться и побриться, а иногда угощали молоком и яичками, там, где удалось спасти от оккупантов скот и птицу.

Наша оперативная группа прибыла в большое село Вышегород. На окраине нас встретил боец из комендантской роты и повел в отведенную избу. На крыльце уже ожидал хозяин дома. Нечасто мне приходилось видеть такого здоровяка. он был чуть выше среднего роста, плечист и крепко сложен. Черная густая борода закрывала почти все лицо. Из-под густых бровей смело смотрели черные глаза.

Из разговора с ним я узнал, что он командовал небольшим партизанским отрядом и только что вернулся домой.

В избу ординарец принес ужин, установил лампочку с аккумулятором. Как только я сел за стол, хозяйка поставила горшок свежего молока. Честно признаться, давно не видел молока и с удовольствием стал пить с ломтиками черного хлеба.

Не успел еще и поужинать, как начали заходить офицеры штаба с докладами.

Зашел и начальник четвертого отделения Павел Матвеевич Матвеев, помялся и тихо сказал:

— Товарищ полковник! Подорвался на мине командир 201-го саперного батальона капитан Василий Иванович Гончаров.

Я похолодел. Погиб еще один замечательный человек, офицер с большим опытом.

— Пишите наградной лист. Посмертно, — только и мог я сказать Матвееву…

Всю ночь за окнами шумел лес. Непрерывно шел снег.

На рассвете накормили людей горячим завтраком и вновь вышли на свои маршруты.

К вечеру наши части догнали несколько мелких подразделений противника, силой от взвода до роты. С ходу сбили вражеский заслон на реке Милье, захватили несколько человек в плен. Они подтвердили, что главные силы гитлеровцев уходят за реку Великую.

В ночь опять выслали передовые отряды от 232-го и 140-го полков, усилив их танками и батареями противотанковых орудий. Задача прежняя: не ввязываясь в бой с вражескими подразделениями прикрытия, обойти противника и выйти на железную дорогу Остров-Пушкинские горы.

Ночь такая же, как и вчера: метель и снег.

Главные силы решили поднять на два часа раньше, из расчета до рассвета выйти на рубеж Орлы, Лаптево и одновременно с передовыми отрядами нанести удар по врагу с фронта и тыла.

На рассвете подошли к железной дороге. По другую ее сторону стоит лес. Из-за него одна за другой взмыли в воздух зеленые ракеты. За моей спиной раздался грохот, и на вражескую сторону полетели десятки снарядов и мин, туда, куда полетели ракеты. Эти целеуказания были поданы командиром передового отряда 232-го стрелкового полка капитаном Чабоненко.

— Вот этого я и ждал, — сказал Добылев. — Все идет по плану.

Вскоре мы увидели, как побатарейно развертывались и выходили на огневые позиции артиллерийские полки Смунеева и Овсянникова. Они сумели вовремя открыть огонь по врагу. Под

прикрытием артиллерийского огня вышли танки, а за ними бежали на лыжах бойцы батальона Чабоненко. В то же время развернулся 140-й полк. Противник был зажат в тиски: с одной стороны передовые отряды, с другой — главные силы стрелковых частей. С каждой минутой кольцо окружения сжималось. Командиры фашистского заслона вначале не могли разобраться в создавшейся ситуации и не открывали огня.

— Наш маневр удался, — сказал Добылев, снял папаху и вытер пот со лба.

Вся эта маленькая по масштабу и по времени операция обошлась без потерь. Батальоны выходили к реке Великая.

Первых пленных привели к нам на наблюдательный пункт. Старший лейтенант Бейлин приступил к допросу унтер-офицера.

— Вы знали, что мы начнем наступать ночью?

— Нет. Мы должны были здесь, на этом рубеже, продержаться двое суток, пока не отойдут главные силы за реку Великую, а потом отойти сами. Наша рота располагалась в лесу южнее Подосья. Еще не рассвело, когда мы подумали, что идет подразделение сменить нашу роту, после чего мы должны были уйти во второй эшелон. А это оказались ваши солдаты. Мы не успели открыть огня.

Я оставил разведчиков продолжать допрос и разбираться с захваченными документами, а сам отправился на новый НП, который готовили на высоте 96,7, восточнее деревни Лобаны. По дороге догнал капитана Т. С. Чабоненко, который ехал на лошади. Увидев меня, он соскочил с кони и доложил:

— Батальон разгромил до двух рот пехоты и одну минометную батарею. Остатки фашистского прикрытия бегут к Великой. Потерь у нас почти нет.

— Рад за вас и ваших бойцов, разделавшихся, как подобает, с врагом. Вам и вашим бойцам объявляю благодарность. Особо отличившихся представьте к наградам…

Тем временем разведгруппа донесла, что Григоркины высоты на правом берегу Великой заняты противником и ей не удалось проникнуть в глубь обороны врага.

К утру 1 марта основные силы дивизии подошли к Григоркиным высотам и здесь встретили сильное сопротивление противника. Эти высоты прикрывали основной оборонительный рубеж на левом берегу реки Великая. На Григоркиных высотах противник укрепился, хорошо организовал огневую систему. Позиции были выгодные, и враг мог успешно обороняться.

Было ясно, что без соответствующей подготовки пытаться взять высоты с ходу было неразумно. Я решил начать атаку во второй половине дня. За это время подойдут танки, расставим

батареи на огневые позиции, проведем рекогносцировку, организуем взаимодействие стрелковых подразделений с танками и артиллерией.

Свое решение доложил командующему. Он согласился с ним и приказал подтянуть 23-ю гвардейскую стрелковую дивизию, поставить ее рядом со 182-й. 23-й гвардейской дивизии поставили задачу прорвать оборону на участке Танцы, Григоркино, а 182-й дивизии — на рубеже Ожидково, Середкино, Слепня и выйти на реку Великая. Начало атаки намечалось на 16.00 1 марта.

После получения приказа командующего я провел рекогносцировку, отдал приказ на наступление командирам полков с высоты 81,6, где уже был подготовлен НП.

Все три стрелковых полка наступали в первом эшелоне.

Как только командиры ушли, я сел на чурбачок, прильнул к окулярам стереотрубы и не отрываясь изучал оборону врага. Рассматривая позиции противника, я думал о том, все ли мы сделали, чтобы успешно осуществить прорыв. Если у фашистов стоят пушки, танки и штурмовые орудия на первой позиции, то они не будут полностью подавлены нашей артиллерией и атака может сорваться. Надо выдвинуть на прямую наводку 1186-й истребительный противотанковый полк и 14-й истребительно-артиллерийский дивизион. И как только огневые точки противника будут обнаружены, так сразу будем их подавлять.

В назначенное время ударила наша артиллерия. Как только прозвучал последний залп, бойцы 182-й дивизии пошли в атаку. Впереди мчались танки, взметая снег и оставляя за собой густые шлейфы дыма.

Л то и дело подносил к глазам бинокль, подходил к стереотрубе, волновался. Даже невооруженным глазом было видно, как растекаются по возвышенности фигурки бойцов: то скроются, то покажутся в заснеженных кустах. Вот уже ворвались в первую траншею, пошли дальше.

Возле меня собрались офицеры оперативной группы. Все молчали, продолжая наблюдать за атакой. Только майор Пташенко, пришедший позже других, беседовал в сторонне с полковником Добылевым. Говорил он вполголоса, но некоторые слова произносил так, что их слышали все.

— Я полагаю, что артиллерия противника не подавлена за третьей траншеей. Вот-вот оживет и ударит по нашим танкам.

Добылев молчал, видимо переживая. И вот танки подошли к третьей траншее, а за ними безостановочно двигалась пехота. Все сразу облегченно вздохнули, особенно полковник Добылев, ведь он больше всех переживал за своих артиллеристов. Офицеры

прильнули к окулярам стереотруб, подняли бинокли, пытаясь рассмотреть, что происходит там, в глубине обороны противника.

Из-за реки послышались выстрелы дальнобойной артиллерии врага. Все пристально смотрели на вершины Григоркиных высот. Каждый думал: «Когда же там покажутся наши?»

И вот на вершине появились цепи полков Емельянцева и майора Родионова.

Не встречая сильного сопротивления и видя отходящих гитлеровцев, пехота шла бодро, не отставая от танков. Молодцы!

До конца дня не смолкал гул орудий, треск пулеметных очередей. Только к вечеру все стихло. От командиров полков стали поступать доклады: 232-й полк вышел на рубеж высота 83,0, Ожидково; 140-й — Позолотино, высота 82,6; 171-й Середкина Слепня. Уцелевшие гитлеровцы поспешно отошли за реку Великая.

Все получилось по плану. Задача дня была выполнена. Должен сказать, что командарм правильно оценил поступавшие к нему доклады и не стал требовать немедленной атаки. Дал возможность командирам дивизий подготовить ее. Вот и результат.

Как только на следующий день рассвело, я, Добылев и Курбатов прошли бывший передний край обороны противника. Перебрались через минное поле, проволочные заграждения и траншеи. Слева и справа от вас тянулось ровное поле, покрытое грязным снегом, колеями от колес и гусениц, изрытое снарядами, минами…

Теперь нам не хватало для дальнейшего наступления плацдармов на левом берегу Великой. Мы начали тщательно готовиться к наступлению. В первую очередь провели партийные и комсомольские собрания. На них подвели итоги проведенных боев, отметили образцовые действия многих воинов, анализировали допущенные промахи и поставили дальнейшие задачи. Получали пополнение, распределяли его по ротам и батареям. Тут же приступали к его обучению.

В то же время готовили исходные рубежи для наступления, строили дополнительные наблюдательные и командные пункты, артиллерийские позиции, углубляли траншеи и ходы сообщения.

Перед наступлением надо было выявить передний край противника, глубину его обороны, огневые позиции, опорные пункты, изучить систему огня, минные поля. Для этого следовало организовать разведывательный поиск и захватить «языка». Одну из групп, самую сильную и опытную, выделенную в поиск от 108-й разведроты, составил взвод лейтенанта Новоселова. Придали ему отделение саперов во главе со старшим сержантом Жорой

Исаеляном. Этот разведчик прославился храбростью и находчивостью еще под Старой Руссой. За это он был награжден орденом Славы III степени первым на Северо-Западном фронте.

В ночь на 4 марта разведчики переправились по льду реки Великой, вышли на берег, не обнаружив себя. Я и Зорько находились на передовом НП, с тревогой ждали их возвращения. Разведчики шли по заранее намеченному пути. Впереди двигалась группа саперов. Они убрали колючую проволоку, разминировали проход, прошли незамеченными передний край, несмотря на то что враг освещал его ракетами, прочесывал из пулеметов. При подходе к дзоту разведчики услышали русскую речь.

Новоселов шепотом спросил Исаеляна:

— Неужели сбились и вышли к своим?

— Может быть. Ночь темная, местность незнакомая, — ответил Жора.

— А может быть, опять появились перед нами власовцы? Они же попадались на Ловати. Надо быть осторожнее.

Поползли к дзоту. В темноте увидели силуэт часового, шагающего по протоптанной в снегу тропе.

«Кто он, свой или чужой?» — подумал про себя каждый.

— Разберемся потом, а сейчас надо взять его живым, — также шепотом предложил лейтенант Новоселов.

Двое бойцов ловко свалили часового, не дали ему крикнуть. Тот особенно не сопротивлялся и по-русски произнес:

— Сдаюсь!

Оказался он латышом. До 1940 года проживал вблизи границы с СССР.

Население здесь, как и в любой пограничной полосе, смешанное. Латыши говорили на русском языке, русские на латышском.

Пленный был из первого латышского полка 15-й пехотной дивизии войск СС.

Он рассказал, что большинство латышей не хотят воевать против Красной Армии. Многие латыши поджидают удобный момент, чтобы сдаться в плен. Но младшие командиры и офицеры строго следят за ними. Приходится идти в бой под дулом пистолета офицера.

Захват «языка» позволил нам выяснить, какие части находятся перед нами, какими силами они располагают и как построена вражеская оборона. Следовало уточнить еще лишь отдельные детали.

Теперь наша очередная задача состояла в том, чтобы сбросить остатки войск противника с правого берега реки Великой и на

рубеже Ожидково, Позолотино, Должино захватить плацдарм на левом берегу реки для обеспечения общего наступления.

Хотя предстояла и небольшая по масштабам операция, но подготовка к ней шла так же, как к большому наступлению. Начали с рекогносцировки с удобного места в первой траншее.

Река Великая, шириной от 100 до 150 метров, была закована льдом толщиной 40–50 сантиметров. Автомашины, орудия с тягачами, пушки на конной тяге лед, пожалуй, выдержит, а для танков и самоходок придется усиливать поверхность льда настилом.

Перед передним краем тянется проволочное заграждение и минное поле, покрытое снегом. Метрах в трехстах за первой траншеей просматривается вторая. А в глубине, как докладывали разведчики и сообщили местные жители, строившие ранее оборонительные сооружения на этом рубеже, была еще одна линия траншей третья. И все это прикрывалось сотней орудий и шестиствольных минометов, танками и самоходками. Глубина главной полосы обороны составляла 4–6 км, а второй, проходившей в 8-12 км западнее переднего края, — 2–3 км. Общая глубина оборонительного рубежа достигала 10–15 км.

Рекогносцировку на первой точке заканчивали, и я решил еще раз осмотреть в стереотрубу оборону противника. В это время фашистская пуля просвистела над моей головой, зацепив фуражку.

— Вот вам работа вражеских снайперов, — криво улыбнулся я, а сам чувствовал себя не очень-то хорошо. Ведь всего какие-то сантиметры отделяли меня от смерти.

Перешли на НП командира роты старшего лейтенанта И. К. Бурмистрова, который располагался неподалеку. Бурмистров провел нас по траншее в небольшой блиндаж, который, как и примыкающие к нему траншеи, был хорошо замаскирован, буквально сливался с местностью, поросшей кустарником. Из блиндажа прекрасный обзор, видно, как в первой траншее мелькают стальные каски гитлеровцев.

Здесь мы уточнили еще ряд вопросов и закончили рекогносцировку. Командиры полков пошли продолжать свою работу с комбатами.

По возвращении на НП мне доложили, что убита снайпер Галина Галанина неподалеку от того блиндажа, где гитлеровец прострелил мне фуражку. Видимо, вражеский снайпер все выжидал появления новой цели.

У Галаниной на счету было 44 фашиста. Она стреляла почти без промаха. И вот теперь погибла сама…

* * *

Рано утром 4 марта перед началом атаки позвонил генерал Коротков:

— Ну как, у вас все готово?

— Все. Но противник насторожен, ожидает наше наступление, наблюдатели докладывают о движении в траншеях.

— Я вам помогу армейской артиллерией. Но вы должны, Шатилов, во что бы то ни стало выполнить задачу.

— Все ясно, товарищ командующий! Будем стараться!

Чувствовалось, что командарм тоже волновался несмотря на то, что эта операция по очистке от противника правого берега реки имела лишь тактическое значение.

Подразделения уже находились в первой траншее в готовности для атаки. В 9.00 в небо взвилась серия красных ракет. Тишина раскололась от грома артиллерийской канонады. На обоих берегах Великой взвилась фонтаном земля, смешанная со снегом, поплыли клубы дыма, которые закрыли от наблюдения передний край врага.

Вслед за огневым валом двинулись вперед стрелковые подразделения, которые захватили первую траншею врага.

Когда дым рассеялся, с наблюдательного пункта стало видно, как бойцы уже стремительно бежали от первой траншеи ко второй. Гитлеровцы пока не могли остановить наступающих.

Поступил доклад от командира 232-го стрелкового полка, действующего на правом фланге дивизии. Его батальоны сбили противника с высоты 93,4 у западной окраины населенного пункта Ожидково, вышли на берег реки Великая.

140-й полк, используя успех двух полков, наступающих на флангах, отбросил фашистские подразделения с рубежа Позолотино, Должино и также вышел на берег реки.

Вечером я доложил командиру корпуса и командарму о выполнении поставленной задачи.

Ночью успешный поиск провела разведывательная группа старшего сержанта Струкова. Разведчики захватили в плен офицера 1-го пехотного полка. В ходе допроса выяснилось, что фашистское командование готовит сильный контрудар с целью вернуть утраченные позиции. Гитлеровцы произвели частичную перегруппировку частей 15-й пехотной дивизии войск СС и подтянули 76-ю пехотную дивизию ближе к фронту. Получив эту информацию, мы предупредили командиров полков о готовящихся контратаках, приказали им всем находиться на своих НП, усилить наблюдение за действиями противника. Полковнику Добылеву было приказано подготовить неподвижный

и подвижный заградительный огонь. Кроме того, мы решили с рассветом нанести несколько огневых налетов по вражеской обороне.

Густой дым закрыл передний край противника от наблюдения с НП, но, по докладам наблюдателей из первой траншеи, расчеты наши оправдались. Огневые налеты были нанесены по частям противника, изготовившегося к атаке. Наши артиллеристы сорвали время наступления врага.

Прошло около четырех часов, и только тогда вражеская артиллерия открыла сосредоточенный огонь, а в воздухе появилась авиация противника.

Я и Добылев стояли рядом в одном окопе перед стереотрубами и наблюдали. Оба с тревогой ожидали фашистские танки. И вот в туманной дымке показались боевые машины, за которыми, прижимаясь к броне, бежала пехота. Наши артиллеристы поставили НЗО, а затем ПЗО.

Стало ясно, что основные усилия противник сосредоточивает на флангах дивизии с целью отрезать наш первый эшелон от второго, а затем восстановить утраченные позиции.

Полковник Добылев перераспределил артиллерию так, что она смогла вести огонь одновременно по двум направлениям.

Несмотря на наш сильный заградительный артиллерийско-минометный огонь, упорное сопротивление подразделений, противнику удалось ворваться в первую, вторую, а местами в третью траншею. То здесь, то там завязывались рукопашные схватки.

Фашистское командование для развития успеха ввело в бой свои ближайшие резервы. Обстановка накалялась. Кругом рвались снаряды и гранаты, трещали пулеметы, строчили автоматы, щелкали винтовочные выстрелы.

С НП стало трудно разобраться в обстановке. Я приказал перебросить 14-й истребительный противотанковый дивизион на помощь 232-му полку. Командиру дивизиона поставил задачу — остановить танки врага.

Позвонил командир 171-го полка и доложил, что у него на правом фланге, в селе Середкина Слепня, под натиском превосходящих сил врага первый батальон вынужден был отойти на восточную окраину.

Я постарался объяснить Воронину сложившуюся ситуацию:

— Максим Ильич! Противник усилил натиск на флангах дивизии. На вашем направлении он стремится прорвать нашу оборону и выйти навстречу своей группе, прорывающейся с другого фланга. Для этого и построили свои боевые порядки так: при поддержке сильного артогня впереди идут танки и

самоходные орудия, за ними пехота. Сил у него, по-видимому, достаточно. Но мы должны во что бы то ни стало продержаться. На подходе танки 37-го танкового полка, пушки 1186 ИПТАП и подразделения второго эшелона. Комбату Заворохину передайте, что его поддержим всей артиллерией дивизии. Готовые атаку с танками. Задача: обрубить вражеский клин и восстановить положение. Вам ясно?

— Ясно! Приступаю к подготовке контратаки.

Вскоре предназначенные для контратаки силы сосредоточились в исходном положении.

Командир 171-го стрелкового полка Воронин ознакомил командиров батальонов резерва непосредственно на местности с обстановкой, поставил задачи и увязал взаимодействие с танками и артиллерией.

Тем временем противник проводил один артиллерийский налет за другим, бомбежку за бомбежкой по позициям, обороняемым батальоном Заворохина. Однако подразделение не отступило ни на шаг.

Пороховой дым серым облаком затянул долину между высоткой, на которой был развернут наш передовой НП, и селом Середкина Слепня. Сквозь просветы в дыму в стереотрубу было видно, что батальон, а с ним и приданные подразделения держатся.

«Молодец капитан Заворохин», — подумал я.

Я знал, что незадолго до этого комбату попало от командира полка за оставление села Середкина Слепня, а вот сейчас он сдерживает превосходящие силы противника.

В 16.00 взвилась вверх серия зеленых ракет. Это был сигнал на открытие артиллерийского огня.

Когда артиллерия перенесла огонь в глубь боевых порядков врага, вперед пошли наши танки, за ними стрелка и пулеметчики.

Все ближе и ближе наши войска подходили к берегам реки Великая. Впереди батальоны капитанов Заворохина, Лутовинова и танки подполковника Шило. На правом фланге поднялась цепь подразделений батальона майора Микерова.

Фашисты были зажаты с трех сторон и несли большие потери от нашего флангового и перекрестного огня.

Враг начал отходить, но на пути он напоролся на роту автоматчиков, которую мы недавно сформировали из партизан. Рота нанесла большие потери противнику.

Командир 15-й пехотной дивизии войск СС, видя создавшуюся совершенно безвыходную обстановку, быстро, на машинах, перебросил из тыла свой резерв, но не успел развернуть его в боевые порядки. Перед ним появился батальон Микерова, а

следом и батальон Заворохина. В итоге гитлеровцы приняли бой па невыгодной для них позиции.

Рота старшего лейтенанта Стародубцева на лыжах, незаметно для противника, прошла через рощу и нанесла удар во фланг вражеского резерва. Гитлеровцы заметались: им, очевидно, показалось, что они попали в окружение. Соседняя рота лейтенанта Лекомцева атаковала батарею врага, которая еще не успела расставить орудия на огневых позициях. Атака была внезапной и стремительной. Гитлеровцы в панике разбежались, бросив орудия. Несколько солдат сдались в плен.

Одновременно рота старшего лейтенанта Алешкина завязала рукопашный бой с эсэсовцами, которые не выдержали натиска наших бойцов. Спасая свою шкуру, они побросали оружие и бросились наутек.

В итоге боя фашистские атаки были отбиты. Все попытки врага, наступая с флангов, соединиться в центре и окружить первый эшелон дивизии, не увенчались успехом, хотя враг использовал авиацию, артиллерию, танки.

Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, огонь стал понемногу затихать. По-видимому, гитлеровское командование исчерпало свои резервы и, по данным разведчиков и опросу пленных, не собиралось больше атаковать.

Наступила ночь. Стрельба с обеих сторон прекратилась. Люди устали до предела. Каждому хотелось присесть и отдохнуть, поесть. Офицеры оперативной группы также с утра ничего не ели. Весь день повар красноармеец Блинник сидел на НП с термосом, чтобы покормить нас, но не было времени даже перекусить. Только теперь мы могла взять ложки в руки и приняться за завтрак, обед и ужин.

В это время прибежал лейтенант Самусенков.

— Товарищ полковник! Немцы перешли в атаку на нашу высоту, — доложил он.

Я выскочил из блиндажа, за мной Добылев, Пташенко и все другие офицеры оперативной группы. На ходу расстегиваю кобуру, достаю пистолет. Совсем близко в белых маскхалатах цепь противника. Без стрельбы, тихо гитлеровцы идут в направлении нашего НП.

Лейтенант Самусенков с ходу развернул взвод автоматчиков в цепь, и они, ведя огонь на ходу, двинулись навстречу врагу. Гитлеровцы залегли, открыли ответный огонь. Через некоторое время из-за нашей высоты показалась цепь батальона Ермолова из 140-го полка, которого мы вызвали по рации. Противник, видя, что внезапной атаки не получилось, поспешно отошел на исходные позиции. Утром мы собрали около сотни автоматов и

винтовок, шесть пулеметов, восемь двенадцатикратных биноклей. На поле боя остался 31 раненый фашист, в том числе один офицер. Были и у нас потери. Тяжело ранило комбата Степана Дмитриевича Ермолова. Утром разведчикам удалось взять пленного. Он показал, что нашими снайперами убит командир 15-й пехотной дивизии войск СС. На боевом дежурстве в это время находились Зина Наумичева и Нина Гусева. Кто из них поразил гитлеровца, сказать трудно.

Дивизия выполнила поставленную задачу. Отбросила противника за реку Великая. Теперь передний край проходил по ее берегу.

Противник активности не проявлял. Мы дали возможность людям отдохнуть, привести себя в порядок, помыться в бане. Вместо валенок личному составу выдали сапоги: хотя ночи еще стояли холодные, днем солнце пригревало, сыро становилось на солнцепеке, на дорогах и в траншеях.

Получили пополнение, распределили его по ротам, батареям. Люди занимались боевой подготовкой и отдыхали после 20 дней боев и переходов от Ловати до Великой.

Атаки яростные те…

Во второй половине марта на нашем фронте развернулась активная подготовка к наступательной операции. Войска выходили на исходные рубежи, создавались ударные группировки. Артиллерия занимала огневые позиции, танки сосредоточивались на главном направлении, строились новые наблюдательные пункты для оперативных групп. Офицеры проводили тщательную рекогносцировку переднего края противника.

Командующий фронтом генерал армии М. М. Попов объезжал один за другим корпуса и дивизии. Беседовал с офицерами, расспрашивал о противнике, о состоянии наших войск, давал советы и указания. С ним мы делились буквально всем. Очень энергичный, всегда подтянутый, доброжелательный, М. М. Попов любил и уважал подчиненных.

Главные события происходили в то время на других участках советско-германского фронта, но и на Северо-Западном тоже усердно готовились к наступлению.

Задачу нашего фронта генерал армии Попов видел в том, чтобы прорвать сильно укрепленный рубеж обороны врага на берегу реки Великая и, не давая противнику передышки, разгромить ближайшие его резервы, наступая в направлении Карсава, Резекне.

Войск и боевой техники для проведения этой операции было явно недостаточно. Плохо было с боеприпасами. К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда общей обстановке на фронтах выделить в распоряжение нашего фронта необходимые силы и средства, особенно танковые соединения. Все свои резервы и технику Ставка направляла на главные направления. Генерал армии Попов об этом знал и надеялся имеющимися силами добиться успеха.

Открывая заседание Военного совета фронта, на которое были приглашены командующие армиями, командиры корпусов и дивизий, командующие артиллерией, генерал армии Попов предупредил, что операция предстоит очень сложная. Левый берег реки Великая сильно укреплен. Враг готовил линию «Пантера» тщательно. Построены дзоты, бункера соединены глубокими траншеями и ходами сообщения. Все оборонительные сооружения тщательно замаскированы. Ни одного дерева не было срублено. Немецкие солдаты настроены драться весьма воинственно…

Докладывали командиры дивизий по порядку расположения

своих соединений слева направо. Мне пришлось докладывать вторым. Начал с изложения характера обороны противника.

— На первой позиции путем тщательного наблюдения разведки, а также по сообщениям пленных, в полосе наступления обнаружено 18 бункеров, связанных между собой траншеями полного профиля с пулеметными площадками.

Попов прервал мой доклад и обратился к командующему армией:

— Почему об этих бункерах неизвестно мне?

— Требуется уточнение. Там очень много естественных холмов, и их можно принять за замаскированные бункера.

— А ваше мнение? — обратился ко мне Попов.

— Я докладываю о проверенных фактах.

Попов приказал командующему артиллерией фронта генерал-лейтенанту П. Н. Ничкову:

— Петр Никитич! Завтра уточните и доложите!

Меня этот разговор не испугал, а наоборот, обрадовал. Появилась надежда получить дополнительные орудия для разрушения бункеров.

Во время перерыва меня вызвал к себе член Военного совета фронта генерал-лейтенант Н. А. Булганин.

— Садитесь, — предложил он, указывая на место рядом с собой. На столе лежала его рабочая карта.

— Нанесите на мою карту все оборонительные сооружения противника, расположенные в вашей полосе наступления.

Я быстро выполнил его приказ.

Затем Н. А. Булганин задал еще несколько вопросов, касающихся обороны неприятеля, и отпустил меня.

На другой день еще до рассвета в дивизию стали съезжаться артиллеристы. Последним прибыл генерал-лейтенант П. Н. Ничков.

Все поднялись со мной на наблюдательный пункт, откуда хорошо просматривался передний край противника. Были подготовлены технические средства наблюдения. В это же время приехал командующий армией генерал Коротков. Начальство прильнуло к приборам, рассматривая передний край врага и отыскивая бункера. Я комментировал. Однако кто соглашался, что видит бункера, кто считал, что перед нами просто холмики. Петр Никитич Ничков слушал, но выводов не делал. После того как все высказались, он произнес:

— Начнем, пожалуй!

Полковник Добылев подал команду командиру батареи: «Огонь!» 85-мм пушка произвела четыре выстрела по одному из холмов, но лишь высоко вверх взметнулись комья земли.

— Убедились? — спросил меня командующий артиллерией.

— Никак нет.

— Продолжаем! — сказал Ничков.

152-мм пушка-гаубица выпустила пять снарядов. От последнего выстрела холм разбило, и показался бревенчатый угол. В бинокль было отчетливо видно, что это бункер.

В дивизию было решено дать дополнительно артиллерию.

После этого случая мы стали задавать себе вопросы: а что, если окажутся такие же бункера на второй и третьей позициях? Надо заранее, до наступления, обнаружить их. А как? Для этого необходимо заслать разведчиков в тыл врага. Да не обычных разведчиков, а знающих немецкий язык, обученных работе на рации, умеющих прыгать с парашютом.

Майор Зорько рекомендовал двух разведчиков: старшину Козлова, опытного, смелого, физически крепкого. Второй был младший сержант Паршиков.

Перед тем как забросить разведчиков в тыл врага, я долго беседовал с ними и убедился, что кандидатуры подходящие.

Накануне вылета Козлов и Паршиков переоделись в немецкую форму. Самолет По, — 2 с разведчиками вылетел с аэродрома в одном строю с ночными бомбардировщиками — в целях маскировки.

В два часа ночи прошли передний край противника с заглушенными моторами. Послышался грохот от разрывов авиабомб. Фашисты не стреляли. Видно, боялись себя обнаружить. По-2 отделился от общего строя и ушел в район озер Стречно. Через несколько минут разведчики радировали:

— Благополучно приземлились.

— Все? — спросил Зорько.

— Все, — последовал ответ.

Наступили томительные часы ожидания. Фронтовикам известно, как они мучительны.

— Вот так же мы и тогда переживали, когда забрасывали в тыл врага разведчика Герасима Пяткова, — начал вспоминать Зорько.

— А как это было? — спросил подполковник Хромов.

— Передний край обороны, — рассказал Зорько, — проходил севернее деревни Редцы и упирался в Ловать. Перед ним было сплошное минное поле, а впереди проволочное заграждение. Лесные массивы затрудняли проведение разведки наблюдением. Сведения о противнике были, но они нуждались в уточнении. Гитлеровское командование то и дело подбрасывало подкрепления, часто сменяло части и даже соединения.

В тыл врага направили Герасима Пяткова. Перед ним

поставили необычную задачу: пересечь линию фронта под видом перебежчика, войти в доверие к немцам и, пользуясь этим, разведать их оборону.

Пятков перешел к гитлеровцам и заявил, что добровольно сдается. Его допрашивали, уточняли, выясняли и наконец пригласили за стоя. На столе стояла тарелка с большим куском сала, рядом лежали хлеб, вилка и нож.

— Посмотрим, кто он? — произнес офицер по-немецки. Пятков понял проверяют. Взял кусок сала, с жадностью начал рвать его своими крепкими зубами. Гитлеровец не выдержал:

— Швайн! — брезгливо прошипел он.

Герасим хорошо владел немецким языком, все понял, но сдержался. Немцы оставили его пока у себя.

Пятков ваял да и сшил на досуге сапоги командиру 56-го егерского полка. Начальству они понравились, и командир полка решил оставить Пяткова в помощь своему ординарцу. Герасим мог свободно передвигаться по всей линии обороны. Рыбачил с фельдфебелем. Ухой они угощали командира полка. Тот был доволен. А когда сведения были собраны и похищены секретные документы полка, Пятков с фельдфебелем пришли к обрыву, где обычно удили рыбу. Забросили удочки. Рыба начала клевать. Фельдфебель, вытягивая леску, наклонился над водой, и в этот момент Герасим, ударил его по затылку. Немец упал в воду.

Пятков через заросли пробрался к переднему краю вашей обороны, где его регулярно ожидали наши бойцы. За мужество и отвагу, за ценные сведения государство наградило старшину Герасима Петровича Пяткова орденом Ленина.

Козлов и Паршиков с рассветом приступили к выполнению задания. Вначале обнаружили траншею полного профиля на высоте Чертова Гора, которая тянулась к высоте 77,8 с открытыми пулеметными площадками, с дзотами и бункерами, не занятыми личным составом. Через 400 метров — вторая траншея. Попадались и здесь бункера без гарнизона. В одном из них, в лесу, остались ночевать. Отсюда установили наблюдение за дорогой Ануфриево — Гнилуха. По дороге шло оживленное движение к фронту и с фронта. Эти сведения немедленно передавались по рации к нам в штаб.

Выполнив задание, оба разведчика благополучно вернулись. Похудевшие, небритые, усталые, они пришли на наш наблюдательный пункт. Поев и выпив по несколько кружек чая, они стали докладывать. В основном говорил старшина Козлов, а Паршиков иногда вставлял в рассказ два-три слова. Надо сказать, что собранные разведчиками сведения о противнике, да еще перед наступлением, были для нас весьма важны.

22 марта мы получили боевой приказ: 182-я дивизия форсирует реку Великая и наступает в направлении высоты 63,8, Стержнево с ближайшей задачей уничтожить противостоящего противника и выйти на рубеж Глыжно, Чертова Гора.

На следующее утро были собраны командиры частей дивизии и приданных средств в расположении роты старшего лейтенанта Лекомцева. С его НП хорошо просматривался передний край противника. До первой траншеи было метров 150. По вечерам оттуда была слышна речь на латышском и немецком языках. Я не раз приходил в роту Лекомцева и хорошо изучил местность и расположение неприятельских позиций, во многие командиры были на этом наблюдательном пункте первый раз. Я расположил их в порядке справа налево, как будут расположены части на исходном рубеже для атаки. Сам встал в середине. Рядом со мной старший лейтенант Лекомцев.

Приступили к рекогносцировке. Прямо перед нами за рекой лежала роща, мы ее называли — Круглая. В центре ее — высота с сосновым лесом, вытянувшаяся в нашу сторону. Было что-то в ней похожее на кинжал. Высоту мы так и назвали Кинжал. Оборона главной полосы строилась по принципу опорных пунктов, расположенных на командных высотах, и в населенных пунктах, подготовленных к круговой обороне. Оборонительные позиции были оборудованы сооружениями полевого типа с отдельными элементами долговременной обороны.

Первая траншея проходит по берегу реки. На отдельных высотах, примыкающих к берегу, расположилось боевое охранение. Перед первой линией траншей проволочное заграждение и минное поле. Вся полоса обороны неприятеля изрезана траншеями и ходами сообщения. Поверхность земли покрыта холмиками, под которыми скрыты дзоты и бункера. Но нас особенно беспокоила высота Кинжал.

Вторая позиция проходила перед дорогой Ануфриево — Гнилуха, ее с НП не видно было. Просматривались только отдельные участки. Пленные рассказывали, а наши разведчики подтверждают, что она сильно укреплена. В полосе наступления дивизии находится стык между латышским и немецкими полками. Вторые эшелоны противника расположены за дорогой и в лесу. Гитлеровцы размещены в теплых землянках и могут быть введены в бой сразу же после прорыва первой позиции. Где находится дивизионный резерв — пока неизвестно.

После тщательного изучения обороны противника я поставил задачи подчиненным:

— 232-й стрелковый полк майора В. И. Лейпунова наступает в направлении Должино, Овечкино. Задача — овладеть рубежом

Уткино, Волково и выйти на рубеж Белякове, Овечкино.

Лейпунов, новый командир полка, заменил Емельянцева. Этот 32-летний, среднего роста, плотно слитой из мускулов офицер был смел в бою, решителен. В любой самой сложной обстановке мог принять наиболее разумное решение. Командовал ротой, батальоном, был заместителем командира полка. Имел хорошую военную подготовку.

Не было у меня никаких претензий и к полковнику Емельянцеву. Это тоже был отличный командир полка.

Связавшись вскоре с кадровиками, я узнал, что Емельянцева назначили командиром 63-го гвардейского полка 33-й стрелковой дивизии. И там он показал себя только с положительной стороны. 63-й стрелковый полк прорывал оборону врага на реке Одер и наступал к Берлину, одним из первых ворвался в столицу фашистской Германии.

Но вернемся к событиям на реке Великая.

Я поставил задачу командиру 171-го полка подполковнику Воронину:

— Ваше направление наступления — высота 96,0. Ближайшая задача — захватить Чертову Гору. В последующем наступать на Малые Погребы…

После отдачи устного боевого приказа мы приступили к проигрыванию предполагаемых действий противника. Я поставил вопрос перед командирами:

— Как, товарищи, по-вашему, поведет себя противник на высоте Кинжал, когда мы выйдем на рубеж Глажино, Симушково?

— Безусловно, контратакует во фланг дивизии, в первую очередь моего полка, — уверенно сказал командир 232-го полка майор В. И. Лейпунов.

— Нет, — возразил ему подполковник Воронин, — будет удерживать этот узел сопротивления до последнего патрона. Сосредоточит огонь по флангам и тылам наступающих.

— Может быть и первый, и второй вариант, — подчеркнул я. — В лоб мы взять высоту Кинжал сразу не смогли бы, она прекрасно связана огнем с высотой Чертова Гора. Если брать, то надо брать обе высоты одновременно. Надо исключить лишние потери. Начнем обходить опорные пункты одновременно с двух сторон, а Чертову Гору держать под сосредоточенным артиллерийско-минометным огнем. Тогда противник наверняка перейдет к обороне. А если попытается контратаковать, то нам с ним будет легче справиться.

Потом мы еще раз детально отработали задачи полков, вопросы взаимодействия пехоты с артиллерией, ввода второго эшелона дивизии. Рассмотрели все, что касалось управления и

связи. Установили время разминирования, проделывания проходов в проволочных заграждениях. Наметили сигналы: зеленая ракета — атака, белая — прекратить огонь и обозначить себя, красная — вызов огня.

Кроме того, присутствовавший здесь же инженер 14-го гвардейского стрелкового корпуса подполковник А. Г. Егоров сообщил о том, что подразделения 2-го армейского инженерного батальона майора Н. А. Стасюка в ночь перед наступлением проделают во льду реки Великая майну (свободное ото льда пространство) для наводки паромной переправы под грузы до 30 т и в ходе наступления будут обеспечивать переправу войск через реки, вести разградительные работы. Корпусной инженер сообщил также, что он и майор Н. А. Стасюк уже произвели рекогносцировку реки, определили места переправ и подъездные пути, что саперы готовы к выполнению задания.

О мастерстве саперов 2-го армейского инженерного батальона я хорошо знал по предыдущим боям и был доволен, что командарм Г. П. Коротков направил в полосу действия дивизии подразделения майора Стасюка.

И в этот раз, получив задание без шума убрать на реке лед в тех местах, где намечались паромные переправы, командир 2-го армейского инженерного батальона майор Стасюк предложил ночью, накануне дня наступления, распилить лед поперечной пилой, а затем пропустить отрезанные куски вниз по течению под сплошной лед. Так и было сделано. Задание было выполнено успешно и без демаскирующих взрывы звуков. Этот способ в данной обстановке был единственно правильным.

В этом мы убедились, когда узнали, что произошло в полосе наступления соседней 22-й армии. Там поступили иначе — подрывали лед. В результате образовалась ледяная смесь, которую было невозможно за короткое время ни пропустить под лед, ни выбрать на поверхность. В установленные сроки оборудовать паромную переправу соседям не удалось, и наступление было сорвано.

Впоследствии я узнал, что за проявленные находчивость, мужество и отвагу в боях на реке Великая майор Н. А. Стасюк был награжден орденом Отечественной войеы I степени, а за умелую организацию боевых действий инженерных подразделений и личную отвагу в боях за освобождение Прибалтики — орденом Александра Невского.

После получения необходимых указаний офицеры поспешили каждый в свою часть.

«Лейпунову будет трудновато, — сказал я командующему артиллерией. — Самое важное направление у него. От успеха 232-

го полка будет зависеть выполнение задачи дивизией. Полковник Добылев, надо держать под сосредоточенным огнем высоту Кинжал и одновременно Чертову Гору…»

Косматое холодное солнце садилось в лес. Я поехал на свой НП. Обзор оттуда был хорошим: до второй и третьей траншей — видно почти все, а чтобы увидеть дальше, надо было взбираться на дерево, оттуда видна полностью первая позиция — три траншеи и вторая — две траншеи противника. На площадке, оборудованной па дереве, круглосуточно дежурят офицеры штаба дивизии и обо всем замеченном докладывают мне или полковнику Тарасову. Да и я, и начальник штаба время от времени поднимались туда.

Подготовка к наступлению между тем шла полным ходом. 24 марта части стали занимать исходное положение для атаки. Передвигались только ночью, со всеми мерами предосторожности. Первой заняла позицию артиллерия. В следующую ночь пехота. На дорогах подразделения встречали офицеры штаба, направляя на намеченные им позиции.

В ночь на 26 марта бойцы нашей 182-й и соседа справа 208-й дивизии 14-го гвардейского корпуса незаметно для врага перебрались по подтаивающему льду реки под обрывистый правый берег на участке Глыжина, Кузовиха. Левее готовились к атаке части 26-й дивизии 22-й армии.

В 7 часов 10 минут 26 марта грянула наша артиллерия, которая вела огонь в течение 80 минут. В 8 часов 30 минут вверх взмывают зеленые ракеты. По заранее подготовленным 8-метровым лестницам бойцы взбираются на обрывистый берег и атакуют врага. Стрелки, несмотря на сопротивление врага, преодолели первую траншею, безостановочно продвигались вперед. Переправившиеся танки быстро догнали цепь наступающих.

Огневой вал артиллерии по сигналу командиров наступающих полков переместился в глубь противника.

К 11 часам первая и вторая позиции врага были прорваны.

Вторые эшелоны полков очищали захваченные траншеи, дзоты от оставшихся там солдат противника. Выбиваясь из сил, артиллеристы тянули орудия, стараясь не отставать от пехоты. Связисты наладили связь.

Я перешел на левый берег, где уже оборудовали новый НП дивизии. Привели пленного офицера из 39-го пехотного полка 15-й пехотной дивизии войск СС. Я спросил:

— Какая задача была поставлена вам?

— Мы должны были удержать узел сопротивления до подхода резервов. Они должны были перейти в контратаку, но опоздали.

Все данные, приведенные в донесениях разведчиков старшины Козлова и младшего сержанта Паршикова, подтвердились. Бункера, дзоты на высотах Кинжал и Чертова Гора представляли собой маленькие, хорошо оснащенные крепости с взаимоперекрывающей системой огня. И конечно, лобовая атака этих опорных пунктов могла привести к большим потерям. Лейпупов тогда приказал батальонам обходить высоту Кинжал. Гитлеровцы, засевшие на высоте, не проявили при этом особого беспокойства. Никаких попыток выйти из окружения с их стороны не было. Думается, что они надеялись на подход тактических резервов.

Но время шло, а ожидаемая подмога не приходила. Теперь окруженным подразделениям противника ничего не оставалось делать, кроме как искать разрывы между наступающими подразделениями, через которые можно было бы пробиться на запад. Но найти эти разрывы в наших боевых порядках мало кому из них удалось, большая часть фашистов на высоте Кинжал была уничтожена, а часть взята в плен.

Батальоны 232-го полка после этого подтянулись на линию подразделений соседних полков.

Одним словом, на первых порах результаты наступления превзошли наши ожидания. Войска сумели выполнить задачу дня примерно к 14 часам. Вместе с соседями полностью овладели 1, 2 и 3-й позициями главной полосы обороны врага. Тем самым были созданы благоприятные условия для ввода наших оперативных резервов, но они в это время не были введены — находились на слишком большом расстоянии от первого эшелона. Да и сделать это было непросто. Весна буйствовала. Развезло все дороги, проходимость резко снизилась.

Однако вернусь к событиям 26 марта. Около 14 часов в воздухе появилась авиация противника, которая нанесла бомбовый удар по нашим боевым порядкам. Ударила немецкая артиллерия. При поддержке десяти танков фашисты перешли в контратаку, но мы ее отбили, как и все последующие.

В ночь на 27 марта противник сумел подтянуть резервы из глубины к захваченному нами плацдарму. Скрытно вышли они на исходный рубеж для контратаки. С рассветом шквал артиллерийского огня обрушился на наши боевые порядки, в воздухе повисли вражеские самолеты. Должен сказать, что спокойной жизни у фашистских летчиков не было благодаря зенитчикам 42-й дивизии. Вместе с пехотой форсировали реку ее зенитно-пулеметные подразделения, а батареи МЗА сразу же после захвата нами 1-й траншеи. Уже 26 марта зенитчики отразили три крупных налета гитлеровской авиации, сбили два

вражеских бомбардировщика. После сильного авиационного и артиллерийского нападения противник перешел в контратаку, которую удалось отразить. Но контратаки следовали одна за другой, по всему фронту плацдарма. Отбивать их становилось все труднее, хотя на плацдарм уже переправили 1186-й истребительно-противотанковый полк, подразделения 239-го и 37-го танковых полков. Но этих сил для успешного продолжения наступления было недостаточно.

Командующий армией не мог оказать нам помощь танками, артиллерией. Неважно обстояло дело с боеприпасами. Наше продвижение было приостановлено, а кое-где мы были оттеснены противником.

Доклады из частей поступали тревожные.

— Мой левый фланг под сильным давлением противника оставил рощу Круглую и высоту, — доложил командир 232-го полка майор Лейпунов.

— Отбиваю контратаки одну за другой. Прошу оказать помощь артиллерийским огнем, — просил командир 140-го полка майор Родионов.

И я решил ввести в бой вторые эшелоны: 14-й отдельный противотанковый дивизион развернулся на участке 232-го полка. Вся дивизионная артиллерия обрушила сосредоточенный огонь по главной контратакующей группировке врага. Гитлеровские подразделения залегли. Наши вторые эшелоны — подразделения 171-го полка — пошли в атаку.

Мне с НП была хорошо видна картина боя. Несмотря на то что противник создал на этом участке большое превосходство в живой силе и технике, упорно, шаг за шагом, шли вперед наши воины. Вскоре высота и роща были отбиты. При этом захватили несколько человек в плен. Все они принадлежали к 7-й роте 40-го пехотного полка. Один из них, офицер, рассказал:

— Ночью подняли по тревоге третий батальон 40-го пехотного полка, с ходу па рассвете бросили в бой. Мы, офицеры, не успели сориентироваться на местности, не ознакомились с обстановкой, действовали вслепую и сразу же попали под сильный огонь артиллерии и минометов. В моей роте в живых остались только те, кто успел сдаться в плен, в том числе и я.

Итак, в течение 27–30 марта на плацдарме завязались кровопролитные бои.

Части 182-й и 208-й стрелковых дивизий при поддержке 239-го и 37-го танковых и 1186-го истребительно-противотанкового полков и авиации пытались расширить плацдарм, а противник, не считаясь с большими потерями, старался ликвидировать наш плацдарм и вновь выйти к берегам реки Великой.

Ожесточенные бои подходили к концу. Мы не смогли полностью выполнить поставленные задачи, армия не имела сил для развития успеха, но и противник не смог восстановить положение. Через некоторое время обе стороны перешли к обороне на всем участке. Когда в штабе армии подвели итоги, то оказалось, что плацдарм, захваченный нашими двумя дивизиями и соседней 26-й, составляет 10 км по фронту и 2–4 км в глубину.

Уже после войны я узнал о том, что в это время Ставка решила развить достигнутый нашей армией успех тактический в оперативный. Для создания ударной группировки генерал М. М. Попов решил усилить 1-ю ударную армию, переподчинив из 3-й ударной армии два корпусных управления и шесть дивизий, а также артиллерийской дивизией, танковой бригадой и двумя самоходно-артиллерийскими полками. На плацдарм он решил перебросить и 10-ю гвардейскую армию.

Немецкое командование в свою очередь решило для ликвидации плацдарма бросить в бой свои оперативные резервы. 28 марта резервы обеих сторон начали выдвижение к плацдарму. Но если гитлеровские войска двигались по шоссе Псков Пустошки, то 10-я гвардейская армия, с востока огибая Новоржев, совершала 140-километровый марш.

К концу марта наступила распутица. Дороги, пригодные для маневра и продвижения войск, развезло. Только на отдельных участках грунтовые дороги были пригодны для марша. Было ясно, что резервы врага подойдут быстрее, чем соединения 10-й гвардейской армии. Тогда, оценив обстановку, генерал Попов приказал войскам нашей армии закрепиться на достигнутых рубежах в готовности к отражению контрудара врага.

Утром 31 марта противник провел сильную артиллерийскую подготовку, нанес удары авиацией, а затем нанес сильный контрудар. В этот день мы отбили пять вражеских контратак. Понеся большие потери, враг перешел к блокаде плацдарма.

В первых числах апреля резервы нашего фронта наконец-то сосредоточились на плацдарме. 7 апреля началась наша полуторачасовая артиллерийская подготовка. Видимо, противнику было известно, что изготовившиеся к атаке части находятся в плотных боевых порядках, и он нанес несколько сильных артиллерийских и авиационных ударов по плацдарму, причинив нам серьезные потери. Недостаток боеприпасов не позволил нашей артиллерии подавить основные огневые точки врага. Под сильным огнем гитлеровцев стрелковые подразделения лишь на отдельных участках вклинились в оборону врага на 2–3 км и не смогли развить успех ни в первый день наступления, ни в последующие… К 14 апреля бои затихли,

а 18 апреля Ставка Верховного Главнокомандования дала указания о прекращении наступления…

После тяжелых боев за плацдарм на левом берегу реки Великая мы занялись подготовкой в инженерном отношении прочной и устойчивой обороны. Необходимо было и доукомплектовать части — в дивизии насчитывалось всего 2800 человек. Стоял очень остро вопрос о замене и ремонте неисправного оружия и боевой техники.

К этому времени ваша дивизия накопила уже немалый боевой опыт и надежно закрепилась на плацдарме, организовав мощную систему огня, приняв необходимые меры обеспечения. Вскоре я получил распоряжение сдать 182-ю стрелковую дивизию генерал-майору А. Ю. Калнину и принять 150-ю стрелковую дивизию. Трудно описать мое состояние, когда пришло время прощаться с боевыми товарищами. Двадцать месяцев мне пришлось командовать 182-й стрелковой дивизией, с ней я испытал и горечь неудач и радость побед на трудном пути от Старой Руссы до реки Великая. И вот настал день прощания. Ко мне в блиндаж собрались начальник штаба Сергей Петрович Тарасов, командующий артиллерией Иван Прокофьевич Добылев и другие однополчане. На прощание пожали мы крепко руки, обнялись, поклялись друг другу быть всегда верными нашей закаленной в боях дружбе…

С тяжелым сердцем уехал я принимать 150-ю стрелковую дивизию 3-й ударной армии нашего фронта.

Не знал я еще, что со 150-й дивизией пройду с боями 2640 километров от реки Великая до Берлина, стану участником штурма рейхстага и водружения Знамени Победы над ним.

Но тогда, 25 апреля 1944 года, до Берлина было так далеко…

notes

Примечания

1

Гальдер Ф. Военный дневник. Перевод с немецкого. М., 1971, т. 3, кн. 1, с. 166, 170.